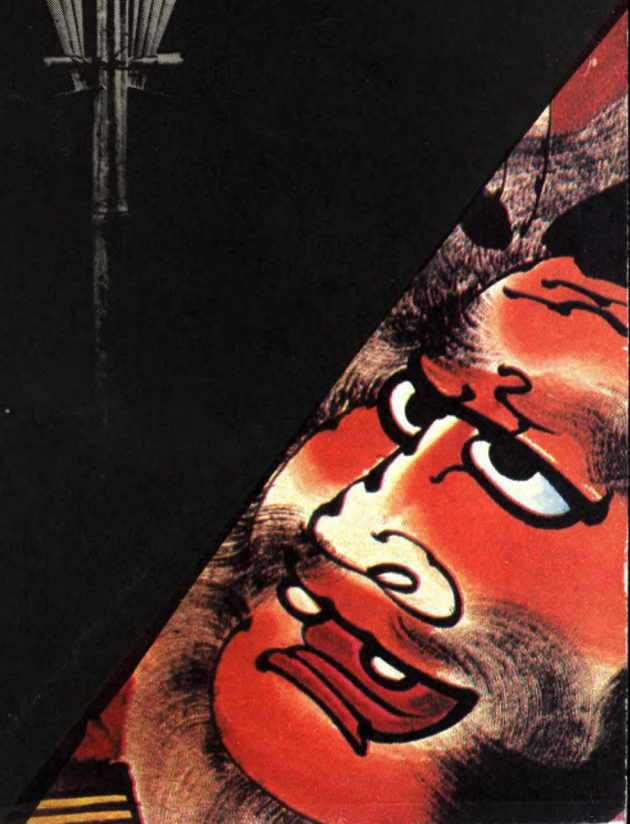
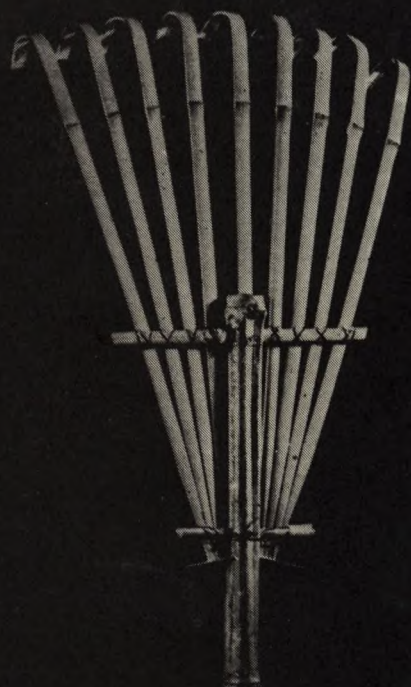

С.Б.Маркарян · Э.В.Молодякова

ПРАЗДНИКИ В ЯПОНИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

С.Б.Маркарьян · Э.В.Молодякова

ПРАЗДНИКИ В ЯПОНИИ

Обычаи, обряды,
социальные функции

Москва
«НАУКА»

Главная редакция восточной литературы
1990

ББК 63.5(5Я)
М26

Ответственный редактор
С. А. АРУТЮНОВ

Рецензенты
Л. Л. ГРОМКОВСКАЯ, Г. Б. НАВЛИЦКАЯ

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
АН СССР*

Маркарян С. Б., Молодякова Э. В.
М26 Праздники в Японии: обычаи, обряды, социальные функции. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990.— 248 с.: ил.
ISBN 5-02-016623-5

Авторы исследуют праздник как историческое явление, а его эволюцию, формирование социальных функций и атрибутики — как составную часть национальной культуры Японии. Рассматривается происхождение, понятие и содержание праздничного действия, развитие его по нескольким важнейшим линиям — земледельческая обрядность, обожествление природы, культ предков, праздники и государство. Особое внимание уделяется проблеме праздника как фактора социализации общества на разных этапах его развития. Дано описание наиболее популярных и массовых традиционных праздников.

М 0505000000-037
013(02)-90 30-89

ББК 63.5(5Я)

Научное издание

**Маркарян Седя Багдасаровна,
Молодякова Эльгена Васильевна**

**Праздники в Японии:
обычаи, обряды, социальные функции**

Редактор В. С. Свиткова. Младший редактор Н. В. Беришвили.
Художник С. С. Верховский. Художественный редактор Б. Л. Резни-
ков. Технический редактор В. П. Стуковнина. Корректор П. С. Шим.

ИБ № 16306

Сдано в набор 26.10.88. Подписано к печати 06.04.89. Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая.
Усл. п. л. 15,5+1,0 п. л. вкладка на мелованной бумаге. Усл. кр.-отт.
16,75. Уч.-изд. л. 18,39. Тираж 30 000 экз. Изд. № 6697. Зак. № 765.
Цена 1 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы 103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21
3-я типография издательства «Наука». 107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

ISBN 5-02-016623-5

© Главная редакция
восточной литературы
издательства «Наука», 1990

ВВЕДЕНИЕ

Праздник — неотъемлемая часть жизни человека. Ему издавна было присуще желание отмечать то или иное событие личной, семейной или общественной жизни определенными ритуалами или церемониями. Праздник — это многогранное общественное явление. Отражая жизнь отдельного человека и общества в целом, он способствует формированию духовного склада человека и становится социально-культурной ценностью общества. Другими словами, праздник — это сплав многих сторон духовной жизни народа.

В истории праздников в известной мере отражаются политические и социально-экономические особенности развития общества, а также интересы и стремления отдельных классов и слоев этого общества в ту или иную эпоху. Изучение многовековой истории праздников свидетельствует о том, что, выполняя социальные функции, они в значительной степени носили классовый характер. Одновременно праздник всегда объединял людей, помогал им преодолевать чувство одиночества, изолированности, отчуждения, в известном смысле он сплачивал разные слои народа. Именно эту сторону праздника умело использовали господствующие классы.

Трудно, пожалуй, найти страну, где было бы так много праздников, как в Японии. Если перелистать страницы японского календаря, то увидишь, что на каждый его день приходится какое-нибудь торжество: или общенациональный фестиваль, или местный городской праздник, или земледельческий ритуал, или праздник какого-то храма, или просто ярмарка.

Этот аспект жизни японского народа освещался в нашей стране русскими и советскими учеными в трудах, посвященных истории и культуре Японии: Д. Позднеевым, Н. И. Конрадом, А. Е. Глускиной, С. А. Арутюновым, Г. Е. Светловым, М. В. Крюковым, Р. Ш. Джарылгасиновой, Г. Б. Навлицкой и др. Однако специальных монографий, раскрывающих весь комплекс проблем, связанных с ролью и местом праздников в жизни японского общества, не было. Данная работа представляет собой первую попытку заполнить этот пробел.

При выборе структуры работы авторы исходили из необходимости показать эволюцию праздника как составной части традиционной культуры, выявить происхождение, понятие, содержание, атрибутику и социальные функции праздничных действий японцев. Поскольку праздники исторически непосредственным образом связаны с календарной обрядностью, авторы сочли целесообразным дать читателю представление о традиционном японском календаре.

В работе праздники сгруппированы по их содержанию и функциям, которые они выполняют в обществе. Новогодний праздничный комплекс у японцев, как и у других народов Дальнего Востока, является одним из основных праздников, поэтому ему уделена целая глава. Отдельная глава посвящена земледельческим обрядам японцев, одним из самых древних и давших начало многим другим праздничным действиям. Заслуживает особого внимания, по мнению авторов, и специальное рассмотрение культа природы, свойственного японцам и нашедшего отражение в сезонных праздничных ритуалах. Из большой группы праздников, в той или иной степени посвященных детям, были выбраны наиболее популярные и те, которые выполняют функцию социализации, т. е. приобщения детей и подростков к жизни общества. Большое место в японских праздниках занимают фестивали, связанные с отдельными эпизодами истории страны. Эти праздники, как правило, локальные, но некоторые из них имеют общенациональное значение. Поэтому и они нашли отражение в работе. Говоря о японских праздниках, нельзя обойти молчанием нерабочие дни японского календаря. В них проявились, с одной стороны, демократические завоевания японского народа, а с другой — целенаправленная социальная политика правящих кругов.

Авторы сочли своим долгом дать краткое описание источников и литературы о праздниках японцев, отдавая тем самым дань уважения тем, кто занимался изучением этой проблемы.

Настоящая работа не претендует на исчерпывающее раскрытие такой сложной и многогранной темы, как праздники в Японии, но авторы надеются, что она сможет в какой-то степени осветить этот важный аспект духовной жизни японцев и позволит лучше понять нашего дальневосточного соседа.

Глава 1

ПРАЗДНИК — ЭЛЕМЕНТ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ЯПОНЦЕВ

Социокультурное значение праздников

В духовной жизни японцев, как и народов других стран, большое место занимают праздники с их многообразием обычаев, обрядов, церемоний и ритуалов. Праздники сочетают в себе все, что накоплено в культуре народа, отражают историческую жизнь определенной общественно-экономической формации и в известной мере формируют духовный мир нации. Праздник — это не просто торжество, красочное карнавальное шествие, танцы, песни и повод повеселиться, а сама история и культура народа, с его богатыми традициями. Важную роль в праздниках играют социально-психологические факторы, религиозные обычаи и обряды, нормы взаимоотношений между людьми, фольк-

лор. Отражая важнейшие социальные связи поколений, их представление о мире, праздник сохраняется как этнокультурная традиция. Весь обрядово-праздничный комплекс составляет значительную часть современной этнической культуры народа.

Праздник — явление всеобщее и постоянное. «Праздник — первичная и неуничтожимая категория человеческой культуры. Он может оскудеть и даже выродиться, но он не может исчезнуть вовсе», — писал автор классических трудов по теории культуры М. М. Бахтин [6, с. 300].

Но, несмотря на общечеловеческий принцип, праздник носит, как уже говорилось, социально-классовый характер, обладает определенной идейной направленностью, отражая тенденции борьбы добра и зла, культурный антагонизм классового общества. Для большинства людей праздник является возможностью уйти от забот повседневной жизни, своеобразной коллективной психологической разрядкой. По образному выражению М. М. Бахтина, «это — временный выход в утопический мир» [6, с. 300]. В то же время праздник несет и большую идеологическую нагрузку, и многообразные социальные функции, которые тесно связаны друг с другом. Именно во время праздника особенно активно проявляется культурная инициация и социализация личности, поскольку с детского возраста открывается возможность участвовать в коллективных действиях.

Праздник выступает как средство объединения людей, возобновления определенных общественных связей, выполняя коммуникативно-интегративную функцию. Без праздника, очевидно, человек почувствовал бы себя отчужденным, одиноким, изолированным от общества. Праздник — явление коллективное, он организует большие массы людей самых различных возрастов, разных профессий и социальных слоев общества, создает «как бы единое народное целое» [6, с. 276].

Во время праздника люди принимают участие в различных обрядах, шествиях, соревнованиях. В это время двери домов открыты для гостей — родственников, знакомых и даже незнакомых людей. В праздник люди позволяют себе определенные излишества в еде, одежде, украшении жилища и улиц. Более того, создать в праздничные дни небудничную атмосферу считается долгом каждого. Все поздравляют друг друга, желая всех благ, обмениваются подарками, шутят и веселятся. Праздник зачастую бывает лишен всякого практицизма и утилитарности. При этом во время праздника осуществляется связь не только живущих поколений, но и существовавших на протяжении всей истории народа.

В празднике отражается и ценностная ориентация человека в мире, в котором он живет. Эта ценностно-ориентационная функция праздника, несущая политико-идеологическую нагрузку, очень важна для социализации общества. Она отражает изменения социокультурных ценностей общества. Поэтому праздник является одним из орудий воспитания молодежи в духе на-

циональных традиций. В антагонистическом обществе господствующие круги всегда стремятся использовать этническую общность народа, народно-праздничную систему образов, чтобы навянуть ему свои узкоклассовые интересы, выдавая их за общенациональные. В частности, эти круги способствуют распространению и укоренению праздников, которые служат укреплению их позиций, и выступают против тех, которые могут поколебать существующий социальный порядок.

Праздники, обычаи и обряды, с ними связанные, выполняют также и большую познавательную-созидательную функцию. Праздник служит мощным импульсом для развития разного рода художественного творчества, поскольку он привлекает людей к активному участию в оформлении праздника, к изготовлению специальной утвари и костюмов, созданию музыки, песен и танцев, чтобы сделать его пышным и красочным. Праздник содействует познанию истории и культуры страны, развивает художественный вкус, любовь к природе, способствует воспитанию подрастающего поколения в духе уважения истории страны и ее традиций, ведет к сплочению каждой семьи, отдельных коллективов, всей нации.

Эти факторы весьма умело используются правящими кругами Японии для пропаганды идей «японского духа», «исключительности японской нации», т. е. японского национализма. В настоящее время, как и в прошлом, проведение традиционных праздников поддерживается целенаправленной политикой правительства. Это осуществляется, в частности, через широкие пропагандистские кампании и непосредственное участие городских властей, представителей правительственных кругов в проведении различных фестивалей и праздников, что, по их мнению, демонстрирует единство власти и народа.

Официальная пропаганда, используя древние традиции, пытается возрождать и духовные «ценности» националистического прошлого, навязывать массам свое толкование древних преданий, отражающих дух народа и поэтому близких каждому японцу.

Ярким примером подобных манипуляций с народными верованиями может служить возрождение празднования Дня основания империи, а также шумные пропагандистские кампании в день рождения здравствующего императора. Все это направлено на то, чтобы использовать старое оружие националистической идеологии в новых условиях.

Против этого активно выступают демократические силы страны, одновременно добиваясь права проводить праздники, отмечаемые пролетариатом всего мира. Так, в результате упорной борьбы японские трудящиеся завоевали право открыто и широко отмечать, например, праздник 1 Мая, который занял достойное место среди японских праздников.

Праздник выполняет еще одну очень важную функцию, стимулирую в известной мере развитие производства. Непременное

обновление жилья и одежды, предпраздничная уборка, избавление от старых вещей и покупка новых, заготовка специальных продуктов, а также приобретение подарков, что японцы делают в огромных количествах,— эти глубоко укоренившиеся в жизни народа обычаи, сопровождающие праздники, весь этот всплеск потребления являются мощным импульсом для расширения производства многих видов продукции. Кроме того, нужно специально подготовить праздничные декорации, атрибуты, украшения, художественно оформить место проведения торжеств и т. п. Для изготовления всего этого требуется занять много людей не только в кустарных и ремесленных производствах, но и в самых современных отраслях промышленности.

С проведением праздников связаны большие перемещения населения по стране, охватывающие миллионы людей. Это поездки на родину во время таких событий, как Новый год или День поминовения усопших (Бон, или Обон), встречи с родственниками, друзьями, посещение массой туристов наиболее популярных локальных праздников, например в городах Осака, Киото или Саппоро, поездки в наиболее живописные места, чтобы полюбоваться цветущей сакурой или багряными листьями клена, например в г. Никко или на о-ве Миядзима. Такие перемещения людей служат стимулом к развитию торговли, транспорта, гостиничного хозяйства, туризма, являясь таким образом важным источником дохода для большой армии работников сферы услуг.

Праздник в известной мере представляет собой связующее звено между духовной и материальной культурой общества. Многие праздничные атрибуты становятся со временем предметами повседневного обихода. Праздничные зрелища, представления, мероприятия часто переходят в будничную жизнь и художественную традицию народа. Например, классические японские театральные жанры *Но* и *Кёгэн* вышли из религиозных обрядов. Одновременно можно проследить и обратную связь. Так, ритуал высадки рисовой рассады — не что иное, как обычный трудовой процесс, но обрамленный торжественной обрядностью.

Праздник — одна из наиболее устойчивых форм духовной культуры, где, как правило, традиция превалирует над инновацией, поскольку в нем отражаются не только мифологическое сознание народа, древний культ и ритуал, но и характер общественного уклада, семейно-бытовых отношений, мораль, психология.

Для Японии вообще характерно сосуществование, взаимопроникновение традиционных устоев и новых обычаев и обрядов, т. е. устоев, опирающихся на многолетний (а иногда и вековой) опыт, и новых направлений, вызванных к жизни изменившимися условиями существования. Даже в наиболее подвижной сфере развития общества — экономике, показавшей «чудеса» модернизации и выведшей современную Японию на второе место в капи-

талистическом мире, иногда новое тесно переплетается со старым, подчас создавая прочный фундамент поступательного движения.

Особенно большую роль играют традиции в культурной жизни страны. Именно в этой области в наибольшей степени наблюдается бережное отношение к традиционным формам. Быстро воспринимая новые веяния культуры, в Японии в то же время не отказываются от прежних, часто веками проверенных традиций, а усваивают новое, опираясь на эти традиции. Наблюдается диалектическое взаимодействие старого и нового, традиций и инноваций, что ведет к созданию новой традиции, отражая саморазвитие культуры.

«Важная особенность японского художественного сознания — способность быстро усваивать новые идеи, приспосабливать их к своим условиям и конкретным нуждам, органически соединять с идеями традиционными. На протяжении всей истории японской культуры не было крутых переломов течения художественного процесса, и даже важные качественные изменения принимали форму постепенного преобразования традиционных представлений и художественных форм в новые. Это было связано с общим замедленным темпом исторического развития средневековой Японии и таким типом функционирования художественных идей, когда новое не опровергало и не отвергало уже существовавшее, но начинало жить одновременно с ним, постепенно „размывая“ прежние представления, вытесняя их на периферию художественного сознания в виде омертвевших канонических схем» [57, с. 210].

Традиция воплощает в себе историческую и этническую память нации, и бережное отношение к этой памяти — путь к сохранению культурного наследия, что имеет немаловажное значение в современных условиях все более убыстряющегося развития инноваций. Более того, в период быстрого проникновения новых веяний наблюдается подъем национального самосознания, интереса к сохранению культурного наследия.

Одним из ярких проявлений бережного отношения японцев к традиционной культуре является повсеместное сохранение и культивирование национальных праздников, этого важного элемента этнического своеобразия нации. Праздник является живым механизмом передачи культурных традиций из поколения в поколение. Он обеспечивает необходимую адаптацию духовных ценностей, культурных традиций к современности. Изучая праздник, можно понять, что в данный момент преобладает в культуре — сохранение старых традиций или стремление к обновлению и как общество относится к своим основным ценностям.

На протяжении всей истории Японии праздники всегда опирались на традиции, но при этом они меняли свои формы, приспосабливаясь к условиям времени. Например, когда синтоистские верования подвергались буддийскому влиянию, возник

синкретизм буддизма и синтоизма, что привело к изменению обрядовой стороны праздников. Синтез этих двух религий породил культурно-религиозную традицию страны, в соответствии с которой появляется на свет, живет и уходит из жизни каждый японец. И хотя большинство японцев считает в настоящее время себя атеистами, в своей повседневной жизни они соблюдают эти традиционные обычаи.

По мере социально-экономического развития общества в некоторых местных обычаях и обрядах кое-какие традиционные черты изменились или совсем исчезли. Особенно это касается городов; в глухих сельских районах, в частности на севере и северо-востоке Японии, старые традиции пока еще сильны. Но и здесь подчас меняется восприятие традиционных праздников, особенно молодым поколением. Они рассматриваются уже скорее как культурные, фольклорные и семейные мероприятия. Нередко культовый в своем происхождении праздник превращается в народное гулянье или фестиваль, в котором принимают участие специально приезжающие с этой целью туристы из разных концов страны и даже из-за границы. Примером может служить праздник Гион в г. Киото¹, который начал отмечаться в связи с прекращением эпидемии чумы, и праздник Танабата (Седьмой вечер, или Праздник звезд), который восходит к китайской сказке о звездах Альтаир и Вега (Волопас и Ткачиха) в г. Сэндае.

Таким образом, праздник всегда был готов измениться, чтобы идти в ногу со временем. В одних случаях возникал синтез традиций и инноваций, в других имело место их мирное сосуществование, в третьих — обряд терял свое исконное содержание, а на первый план выходила игра, развлечение, соревнование.

Устойчивость существования праздника, его постоянство «связаны прежде всего с тем, что, концентрируя из поколения в поколение культурную активность людей, обрастая обрядами, развлечениями, декорациями, создавая атмосферу радости и подъема, прерывая обыденный ритм труда и забот, праздник отвечает столь многим коллективным и индивидуальным запросам, что потребность в его проведении оказывается более устойчивой, чем первоначальная идея, ценность или совокупность ценностей, вызвавшие его к жизни» [27, с. 86].

Любопытно, что и современность с ее урбанизацией, бешеным темпом жизни несколько не потеснила празднества. В наши дни жители Токио, одного из современнейших городов мира, едут на метро или автомашинах в парки Уэно или Мэйдзи полюбоваться цветущей сакурой перед пагодой или храмом, как это делали паломники в предшествующие времена. Никого не удивляют удары барабана, возвещающие о какой-либо процессии в тот момент, когда люди едут на работу в набитой битком электричке через центр города.

¹ Гион — название квартала города.

Происхождение японских праздников

С давних пор как в густонаселенных городах, так и в отдаленных районах, как в больших известных храмах, так и в маленьких, деревенских проводится множество самого разного рода торжеств, фестивалей, ярмарок.

История изучения праздников показывает, что они всегда были тесно связаны с условиями жизни людей, со способами добывания основных средств их существования, с формированием и развитием мировосприятия и верований. Праздник — это судьба народная, самым тесным образом связанная с землей-кормилицей и космическим началом. Это излюбленное народное развлечение продолжает жить благодаря сохраняющейся ценности труда для человека.

Самыми древними праздниками этнографы считают обряды, связанные с культом животных, уходящие корнями к временам, когда складывались тотемические представления и вера в то, что магическими действиями человек может воздействовать на окружающую действительность, на природные и сверхъестественные силы, от которых, как он полагал, зависела его судьба.

К наиболее древним принадлежат также обряды, связанные с изменением природного цикла, переходом от одного времени года к другому, т. е. с циклом вращения Земли вокруг Солнца. И прежде всего это обряды, связанные с земледельческим трудом. Они возникли еще в глубокой древности, когда результаты труда земледельца полностью зависели от погодных условий и различных случайностей. А ведь от получения хорошего урожая зависело не только благополучие, но и само существование людей. Поэтому древней религией японцев и стали магические обряды, призванные обеспечить богатый урожай. Некоторые японские ученые, например известный историк Иэнага Сабуро, рассматривают сложившуюся еще в первобытном обществе систему земледельческих обрядов и празднеств как национальную религию [40, с. 34].

Эта религия основывалась на ритмически сменяющихся друг друга циклах выращивания и сбора урожая риса, породив весенние и осенние сельские праздники тосигои-но мацури и ниннаме-но мацури в честь бога-покровителя деревни (*тиндзю*). Она послужила прототипом *синто* (путь богов), ставшего национальной религией японцев. Согласно синто, природный объект персонифицировался как святой или как обожествленный, а природные явления приписывались деятельности богов.

Синто, как и многие другие религии, укоренился в жизни народа в значительной степени в результате того, что вобрал в себя все богатство праздников и обрядов трудового календаря. В свою очередь большое число японских календарных обычаев и обрядов берет начало в синтоизме. Возможно, это связано с тем, что отношение японской религии к миру как к конечной

реальности содержит зерно двух различных направлений веры и поклонения: одно обращено к природе как загадочному источнику всей жизни и щедрому дарителю изобилия; другое — к сонму предков, присутствие которых продолжает ощущаться в этом материальном мире» [59, с. 14]. Видимо, поэтому многие японские календарные праздники проводились и проводятся в наши дни главным образом на базе синтоистских храмов-святилищ.

В VI в. в Японию проник буддизм. Он не был воспринят древними японцами как абсолютно чуждый их религиозным верованиям. Наоборот, буддизм дополнил местные культы рядом этических понятий, которые в них отсутствовали. На основе этого и возник синто-буддийский синкретизм (подробнее см. [74, с. 40—47]). Материальным воплощением подобного явления было создание по всей стране синто-буддийских храмов, например храмов Хатимана, синтоистского бога войны. Его прототипом служит обожествленный легендарный император Японии Одзин. Хатиман был первым синтоистским богом, который изображался в обличье буддийского монаха. В свою очередь бодхисатвы представлены в синтоистских одеяниях и их иконография значительно отличалась от традиционно-буддийской. В синтоистских святилищах, например в храме Уцукусима (преф. Хиросима, XI в.), поклонялись одной из самых популярных бодхисатв — одиннадцатиликой Каннон [132, с. 121, 127, 158]. Это китайско-корейско-японская форма санскритского Авалоки-тешвары — божества милосердия и сострадания в буддийском пантеоне.

Синто-буддийский синкретизм весьма наглядно проявился в календарных обычаях и обрядах японцев. По сей день из года в год отмечаются весенние и осенние синтоистские праздники, в основе которых лежит земледельческий труд. Но и такие, казалось бы, чисто буддийские ритуальные церемонии, как проводящиеся во время Хиган (Дни весеннего и осеннего равноденствий) или Обон, впитали в себя элементы синтоизма. Иэнага Сабуро отмечает, что «церемония праздника Обон, когда, как считается, души предков выходят из могил и возвращаются домой, совершенно не поддается объяснению с точки зрения догматов буддизма, отрицающего бессмертие души. Это явно обряд национальной религии, облаченный в буддийские одежды» [40, с. 39].

Но все-таки основная масса традиционных праздников, привлекающая много активных участников, — синтоистские. Буддийских же праздников намного меньше, и активная роль принадлежит в них скорее священнослужителям, чем участникам. Кроме того, определенное влияние на празднично-обрядовую традицию японцев оказало конфуцианство. Это относится прежде всего к его основному компоненту — культу предков.

Как мы уже говорили, японские календарные обряды и обычаи — это главным образом праздники старого сельскохозяйст-

венного календаря. Они отразили все многообразие трудовой деятельности японцев, связанной с земледелием, фенологические и экологические знания людей. Иными словами, это совокупность сведений о периодически сменяющих друг друга природных явлениях, их влиянии на вегетацию земледельческих культур, урожай и вообще на жизнь человека.

В глубокой древности японцы возделывали корнеплоды, а в V в. до н. э. перешли к рисосеянию. Поэтому почти все древние японские праздники связаны с производством риса. Они приходятся на время обработки земли, высадки рассады, сбора урожая и т. п. и идут от того времени, когда существовал обычай молиться богам или их благодарить, писал основатель японской этнографической науки Янагида Кунио [135, с. 268].

В земледельческих праздниках проявляется система ценностей крестьянской общины. Они отражают значение плодородия земли или рождения ребенка и одновременно показывают место, которое занимают в жизни данного общества семья, община, поколение, группа и пр.

Поводом для возникновения обрядов служили также избавление от стихийных бедствий — наводнений, засух, тайфунов; изгнание птиц и вредных насекомых с полей; спасение людей от болезней с помощью магического предмета (сжигание или бросание в реку фигурок с изображением человека); «общение» с предками. Последний обряд означал воссоединение многих поколений, в том числе мифических, и создание единой исторической общности.

Таким образом, в основе календарных обычаев и обрядов японцев лежат три главных момента — земледельческие работы, поклонение обожествленным силам природы и культ предков. Однако все эти обряды в своей основе нацелены на получение щедрого урожая. Что же касается обряда «общения» с предками, то здесь речь также идет о необходимости «умилостивить» души предков, чтобы они помогли получить и сберечь урожай.

С возникновением новых видов деятельности (например, шелководства), изменением технологии сельскохозяйственного производства и т. п. появлялись новые сельскохозяйственные обряды. Но все эти обряды так или иначе были пронизаны религиозным духом, корни которого лежат в пантеистском прошлом.

Помимо основной массы календарных периодических праздников в жизни любого народа, в том числе и японцев, есть праздники, в основе которых лежат определенные события, например победа в войне, рождение наследника престола или его бракосочетание, начало какого-нибудь крупного предприятия — основание города, строительство храма и т. п. К праздникам относятся также такие традиционные ритуалы, как ловля рыбы с помощью бакланов или созерцание массового цветения вишни весной, ирисов летом и хризантем осенью.

Традиционные праздники в Японии имеют многовековую историю. Например, праздник Аой (аой — название цветка) возник в ознаменование прекращения наводнения в районе Киото в VI в., Гион — в IX в., Тэндзин (посмертное имя Сугавара Мигидзанэ — поэта, ученого, каллиграфа, жившего в IX в.) празднуется по поводу окончания засухи с X в., а обряды, связанные с охотой и крестьянским трудом, восходят к еще более глубокой древности.

Праздники возникали в разных слоях японского общества. Одни — при дворе (Аой, Гион, Бон), другие — среди воинского сословия (Сэннин гёрэцу — Процессия тысячи лиц; возник в XVII в.); некоторые были созданы торговцами и ремесленниками (Ябуири — отпускной день для прислуги и подмастерьев). Но большинство праздников, как уже говорилось, связано все же с сельскохозяйственными работами. Однако по мере своего развития праздник выходил за рамки того социального слоя, где он возник; постепенно происходило взаимодействие и взаимопроникновение культурных ценностей различных общностей и создавалась общенациональная традиция праздников — плод усилий всего японского общества.

Таким образом, «в широком историческом аспекте распространение праздника сочеталось в прошлом с изменением характера основных занятий населения, с переходом от кочевого образа жизни к оседлому, от охоты и пастушества к земледелию, наконец, с переходом от деревенской жизни к городской» [27, с. 63].

По ареалам проведения праздники можно разделить на общенациональные и местные. Примером первых служат Новый год, День поминовения, Праздник звезд, Праздник мальчиков, Праздник девочек. Местные праздники включают такие грандиозные, известные всей стране, как Гион в Киото, Сэннин гёрэцу в Никко или Тэндзин в Осака, а также праздники, посвященные какому-то «своему» божеству или событию, о которых знают лишь жители данной деревни или небольшого города либо только прихожане маленького храма.

Японские этнографы делят праздники по временам года, т. е. на весенние, летние, осенние и зимние, особо выделяя праздник Нового года (см., например, [124, с. 127—145; 126]). «Сезонность» — соотнесенность жизни людей с природным циклом — является одним из ведущих эстетических принципов и в других областях культуры (вспомним традиционное «сезонное» деление японских поэтических сборников).

В то же время представляется интересным сгруппировать праздники исходя из их происхождения и содержания, а также выяснить их социальные корни, установить связь между тем или иным праздником и определенным типом общественной организации, классом, слоем; показать, как в празднике отражается структура, функционирование и изменение определенной человеческой общности, выявить социальные функции праздников.

Понятие и содержание мацури

По-японски календарный праздник называется *мацури*. Это слово переводится также как «почитание», «поклонение», «служба», «культ», поскольку в старину им обозначались все действия (подношение даров, в том числе съедобных, танцы, музыка и т. п.), связанные с умиротворением *ками*. Камн — это души умерших предков, духи земли, различные стихии. Камн могут быть мифологический герой, великий правитель или мудрец, камень или дерево, животное или насекомое, лесное эхо, небесный гром. Все камн почитаются как божества.

Первоначально мацури посвящались *удзигами* — богам-покровителям данной семейно-родовой или племенной общности. Такие мацури отмечались в местных храмах. Каждый храм имел для своего удзигами праздничный день. Иногда такие праздники назывались *сато мацури*, или деревенские праздники синтоистского культа. Эти ежегодные торжества в синтоистских храмах даже сегодня одно из самых радостных событий года во многих городах и деревнях. Таким образом, мацури вначале был связан лишь с синтоистским культом и был строгим религиозным обрядом. А с VII в., по мере взаимопроникновения синтоизма и буддизма, слово мацури получило более широкое применение. В настоящее время его можно употребить и по отношению ко всякого рода праздникам, не только религиозным по происхождению.

Его трансформация в определенного рода празднество произошла в конце XVI в., когда мацури стали выходить за рамки храмов, на городские улицы, превратившись, по мнению Янагида Кунно, из мацури в *сайрэй* [128 с. 33, 52]. Сайрэй, так же как и мацури, переводится на русский язык как «празднество», «религиозная церемония». Но японский ученый вкладывает в слово «сайрэй» несколько другое содержание, трактуя его просто как праздник или развлечение, в отличие от мацури, в котором он в большей степени усматривает религиозный аспект.

Именно превращение мацури в сайрэй Янагида Кунно рассматривает как важнейшую перемену в японских календарных празднествах. Он связывает ее с тем, что с развитием городской культуры в мацури стало принимать участие большее число зрителей, не всегда разделявших религиозные убеждения. Для них мацури — просто красочное зрелище. И если раньше простой народ был лишь зрителем на храмовых праздниках, то теперь он становится их активным участником.

С выходом праздника за стены храмов появляются и обычаи устройства торжественных уличных процессий со священными паланкинами, платформами-колесницами, с танцами и песнями. Эта парадная сторона праздников в XVIII—XIX вв. постепенно становится преобладающей. Немецкий писатель и путешественник Эрнест Гессе-Вартег отметил эту особенность, когда посетил Японию в конце XIX в. Несмотря на то что в

календаре японских праздников преобладали религиозные, подавляющая масса населения, по наблюдениям Гессе-Вартега, не интересовалась их происхождением. «С него (японца.— Авт.) довольно и того,— пишет он,— что наступает мацури и можно воспользоваться случаем повеселиться, провести весь день на улице, нарядиться в лучший костюм и пображничать с родными и знакомыми» [13, с. 188]. Это же отмечает и русская путешественница Е. И. Булгакова, побывавшая в стране в те же годы. По ее свидетельству, религиозный характер праздника не ощущался даже в самом храме, а на улицах это было просто «веселье и ликование» людей, отдохнувших от забот и тягот повседневной жизни [7, с. 141].

Таким образом, мацури — это прямое противопоставление будничной жизни, веселое времяпрепровождение. Так же воспринимается праздник и другими народами, в частности европейскими. М. Бахтин писал: «Общим знаменателем всех карнавальных черт различных праздников является существенное отношение этих праздников к веселому времени» [6, с. 238].

Особенно бурно процесс ухода от религиозной первоосновы праздника стал ощущаться во второй половине XX в., когда, по словам японского этнографа Макита Сигэру, произошла еще одна «большая перемена» в японской праздничной обрядности. Теперь не только среди зрителей, но и устроителей и участников мацури постепенно растет число неверующих. И для них мацури просто забава, игра (асоби) [112, с. 108].

Наблюдение Макита Сигэру в целом верно, но к нему необходимо сделать некоторые уточнения. Домашние и деревенские общинные обряды и праздники, такие, как Новый год, высадка рисовой рассады и т. д., служили как психологической потребности умиловивления духов, создания надежд на благополучный год, хороший урожай и пр., так и социальной потребности сплочения, эмоционального единения соответствующей ячейки общества — малой семьи, большой семьи, патронимии, сельской соседской общины.

Эти функции сходили на нет с утратой социальной значимости соответствующих ячеек, таких, как сельская община или патронимия, но семейное, родственное, соседско-квартальное и тому подобное значение некоторые из обрядов и праздников сохраняют и по сей день. В наибольшей степени такое значение, связанное прежде всего с семейно-родственными узами, не зависящими ни от социального слоя, ни от профессиональной ориентации, сохраняется за двумя праздничными комплексами: зимним — Новый год и летним — Обон, и именно к этим дням большинство японцев старается приурочить свой отпуск.

Пышные праздники, вышедшие на улицу в позднее средневековье, также выполняли свою определенную социальную функцию. Они служили задачам возвеличивания феодального государства, внушения идей незыблемости существующих порядков. После революции Мэйдзи эти праздники внешне остались теми

же, но идейная нагрузка их изменилась. Теперь официальная пропаганда через праздники стремилась воспитать в рядовом японце приверженность к синто как патриотической, националистической надрелигии, а через синто с его культом императора, ставшим центральным,— преданность императорской власти и ее политическому курсу. В период Тайсё (1912—1925) и первые годы Сёва (1926—1988) храмовые праздники и в сельских местностях, и в городах пользовались особой популярностью и были очень многочисленны. Сельские общины и различные организации горожан оказывали очень большое содействие храмам в проведении мацури.

После поражения Японии во второй мировой войне в психологии и идеологической ориентации народных масс произошли серьезные изменения. И авторитет синто, и привлекательность всех традиционалистских ценностей значительно упали. В конце 50-х — начале 60-х годов многим казалось, что и традиционная религиозность, и приверженность старым обрядам, праздникам и прочим необычным формам поведения не только идут на убыль из года в год, но и что этот процесс необратим и будет развиваться далее.

Однако в 70-х годах и особенно в 80-х ситуация изменилась. Религиозность современного японского общества, как ее ни измерять, по-прежнему невысока. На прямой вопрос о том, верят ли они в какое-либо божество или высший сверхъестественный разум, положительно отвечает менее $\frac{1}{3}$ японцев, более $\frac{2}{3}$ отвечают отрицательно. В то же время если в 60-е годы процент верующих медленно, но неуклонно падал, то в 80-е годы это падение не только прекратилось, но и начался обратный, пусть очень медленный, исчисляемый долями процента в год, но все же несомненный прирост [98, с. 227]. Еще более явно стало возрастать число людей, лично себя считающих неверующими, но все же позитивно относящихся к идее религиозности. Так, если верующих христиан в Японии менее 2% населения, то людей, положительно оценивающих идейную направленность христианства,— около 12%. Примерно такое же соотношение, но с гораздо более высокими абсолютными значениями, наблюдается и во взглядах на синто и буддизм.

Хотя нельзя считать, что интерес к традиционной обрядности и к праздникам прямо и непосредственно коррелирует с религиозностью, но и здесь прослеживаются тенденции роста. В 50-е и 60-е годы наблюдалось сильное падение интереса к традиционным праздникам, особенно локальным, присущим маленьким городкам и деревням, не игравшим роли туристических аттракционов и зрелищ для посторонних. Праздничный инвентарь был заброшен и приходил в негодность, исполнять обряды не было особой охоты. Даже в Токио, по свидетельству одной из японских газет, в эти годы мацури практически «умерли», они оставались только в воспоминаниях людей старшего поколения [149, 04.05.1985].

В 70-е и особенно в 80-е годы положение меняется. Сейчас и горожане и сельчане охотно кооперируются для возобновления традиционных праздников, в складчину идут на значительные затраты для обновления старого и покупки дорогостоящего нового обрядового инвентаря. И что самое главное, наиболее активную роль в оживлении празднично-обрядовой деятельности начинает играть молодежь. 20—30-летние молодые люди рассматривают участие в традиционных праздниках как способ отдохнуть, восстановить личные контакты, ощутить принадлежность к определенной общности, т. е. обрести то, что было утрачено в 60-е годы в период высоких темпов экономического роста.

Вряд ли можно однозначно оценить этот возобновившийся рост интереса к традиционной обрядности. С одной стороны, в нем могут проявляться настроения возрождающегося национализма, идеи исключительности и необычности японского национального духа. С другой стороны, в нем же можно усматривать и черты растущего протеста против прогрессирующей космополитизации и американизации японского повседневного образа жизни. Так или иначе, возрождение многих традиционных, еще недавно полузабытых и заброшенных обрядов и праздников — несомненная реальность современной Японии. По свидетельству журнала «Fagming Jарап», именно различные локальные праздники, чаще всего сельскохозяйственные, являются в последние годы притягательной силой для посещения горожанами родных деревенских мест [146, 1987, № 2, с. 38].

Праздники проводятся по определенной принятой форме, которая должна была якобы приблизить людей к их богам. Причем специфическая форма каждого праздника зависела от того, что люди хотели просить у богов. То есть в праздниках отражался один из способов, которым человек пытался обеспечить свое существование. Традиционный праздник состоял, как правило, из трех основных компонентов: приветствие божества, общение с ним и его проводы. Хотя отдельные исключения и имели место, но они не меняли общей картины. И несмотря на то что из мацури практически ушло религиозное содержание, такая форма их проведения остается и по сей день.

Эта троичная структура характерна для японских воззрений на божественные силы. Они представляются обычно разлитыми в природе. Храмы, священные изображения, фетиши и т. д. не являются местом постоянного пребывания божества; это лишь место, куда божество может временно снизойти благодаря обрядам его призывания и на время осуществления обрядов поклонения.

Для встречи божества делаются определенные приготовления. Приводят в порядок храм, подметают улицы, а место, предназначенное для божества, огораживают священной соломенной веревкой *симэнава*. В храме, на алтаре или на священном месте устанавливают ритуальную пищу и другие подноше-

ния божеству. Компонентами ритуальной пищи являются дары природы: рыба, моллюски, водоросли, овощи или фрукты. Эта пища готовится специальными людьми на «очистительном» огне с соблюдением определенных церемоний. Обычай подношения богам пищи основывается на вере, что боги являются живыми существами и могут пригодиться человеку.

Знаком, что к приему божества все готово, служат белые флаги с написанными на них названиями храмов или именами самого божества (иногда это просто куски белой бумаги, привязанные к вершине длинного шеста), ветви сосны и бамбука, устанавливаемые перед жилым домом или учреждением, как во время новогоднего праздника; яркое украшение улиц, как во время Танабата. Активные участники праздника проходят ритуальное очищение (*мидзугори*) — омовение в холодной воде, независимо от времени года. О начале праздника возвещает барабанный бой, который не прекращается зачастую на всем его протяжении.

Так называемое общение с божеством это и есть сам праздник во всем его многообразии, кульминация праздничной фазы. Это может быть и многочасовое молчание в темноте, и шумные безудержные танцы, песни и молитвы, и веселые пирушки. Существует поверье, что ритуальная трапеза вместе с божеством повышает питательность пищи и придает большую силу всем, кто в ней участвует. Неотъемлемым атрибутом такой обрядности является употребление *сакэ*. Обязательной составной частью традиционных календарных праздников служат разнообразные театрализованные представления, музыка, танцы, хороводы, игры, шествия. В одних праздниках ключевым моментом является ритуальная церемония внутри храма, в других — уличное шествие. Каждый праздник заканчивается проводами божества. Это может быть или церемониальный огонь, или ритуальные танцы, или просто уборка храма. В некоторых случаях, когда божество «не хочет уходить», его «выпровожают» обнаженными мечами.

В стародавние времена праздничные церемонии в храмах совершались в ночное время. Это было связано с тем, что древние японцы полагали, будто новый день начинается после вечерней трапезы. Поэтому и сама территория храма, и прилегающие к ней улицы ярко освещались фонарями и факелами. Это не только придавало пышность праздничным церемониям, но и подчеркивало некую мистичность и романтичность совершаемых действий. Ночные обряды по этой же причине были вообще широко распространены в синтоистской службе. И по сей день во время мацури сохраняются такие обряды, как окомори — ночной молебен в храме до рассвета или оцуя — ночное бдение по умершему.

В настоящее время основная часть праздника приходится на дневное время с тем, чтобы в нем могло принять участие как можно больше народу, в том числе дети.

Элементы и атрибуты праздников

В многочисленных праздничных обычаях и обрядах, ритуалах и церемониях представлены практически все элементы человеческой культуры. Это песни, стихи, музыка, молитвы, пляски, пантомима, декламация, предсказания, гадания, заклинания, шествия, игры, соревнования, искусство пиротехники. Это и праздничные декорации, убранство городов, деревень и храмов, магические действия, традиционные жертвоприношения и подарки, праздничная и обрядовая пища и другие самые разнообразные мероприятия. Рассмотрим некоторые из них.

Одним из древних способов празднования в Японии, как и в других странах, являются процессии и праздничные шествия. Во время шествий по улицам проносят священные паланкины — *микоси*, по форме напоминающие храм. Они сделаны из цветного картона и бумаги. Их размеры и вес варьируются в зависимости от значимости храма. Считается, что на время шествий сюда переселяется дух божества храма. Микоси украшены моделями ворот синтоистских святилищ — *тори*, колокольчиками и шелковыми шнурами. Наверху помещается изображение птицы-феникс. Паланкины устанавливаются на брусках; их несут на плечах мужчины в ритуальной одежде — коротких белых штанах и коротких куртках (*хаппи*), иногда просто в набедренных повязках; лбы их повязаны куском материи, свернутым жгутом — *хатимаки*². Иногда к микоси по бокам прикрепляют канаты, для того чтобы удерживать их в равновесии. Шествие сопровождается ударами барабанов — *тайко*, которые как бы повторяют топот ног носильщиков, а также криками «вассэй» («раз-два взяли!»).

Во время процессии создается впечатление, что микоси плывут над людским морем. Они то поднимаются, то опускаются, то раскачиваются из стороны в сторону и, кажется, вот-вот перевернутся, а восседающая наверху птица-феникс — вспорхнет и улетит. Обычно такие процессии проходят по определенному, заранее установленному маршруту. В назначенном месте носильщики останавливаются и ставят микоси на деревянную тележку, чтобы передохнуть. Носильщиков ожидают женщины в праздничных кимоно, которые приготовили для них *бэнто* — завтрак в специальной, изящно сделанной коробочке, наполненной различными деликатесами: рисовыми колбасками, кусочками рыбы, моллюсками, крабами, морскими водорослями, маринованными овощами. Пока носильщики паланкинов подкрепляются, все участники праздника весело и шумно покупают у торгов-

² Хатимаки — наголовная повязка под шлем японского самурая. Она имела не только практическое значение, но носила и сакральный характер, означая готовность к переходу от обыденности к священности. В настоящее время это полотенце, которое используется рабочими и крестьянами в повседневной работе, чтобы пот не капал на глаза.

цев что-нибудь съестное, а также разнообразные сувениры на память о празднике.

Для многих взрослых участников праздника шествие с микоси связано с воспоминаниями детства. Ведь дети обычно принимают в них самое активное участие. Большинство из них одеты в яркие разноцветные праздничные костюмы, похожие на одежду взрослых носильщиков микоси. Они веселятся, таская свои маленькие детские паланкины.

Детские микоси высотой до одного метра выглядят очень живописно. В их декоре присутствуют три цвета — красный, черный, желтый. Нижняя часть микоси напоминает коробку, в которую продеты две перекладины. Сама коробка позолочена, и с четырех сторон на ней нарисованы черные круги, в центре которых помещено украшение в виде золотой бляшки. Высота коробки — 25—30 см. На ней устанавливается макет храма. По периметру коробка украшена оградой с четырьмя торнями. Крыша макета храма по величине больше основания, углы ее загнуты наружу, вся она покрыта богатой резьбой и украшена золотыми бляшками. Наверху, как и на больших микоси, восседает птица-феникс. С середины крыши на четыре стороны спускаются *симэнава*, каждая сплетенная из трех веревок — красного и белого цвета. На конце симэнава висят по два медных колокольчика. С острого верха крыши, где восседает птица, свисают еще четыре колокольчика. Один день аренды такого детского микоси стоил в 1985 г. 30 тыс. иен (1 долл. = 238 иен), и отдельно взималась плата за перевозку.

С не меньшим удовольствием несут микоси и взрослые носильщики. Это, конечно, в основном молодежь, которая не прочь найти еще один повод повеселиться. По словам Нисидзава Масакадзу, 27-летнего жителя района Канда в Токио, он и его друзья «видят в мацури не религиозное действо, как это было раньше, а рассматривают его как веселое представление» [149, 04.05.1985].

В 50—60-е годы, когда праздники не пользовались такой популярностью, даже в районе Канда, славящемся своими праздниками, было трудно найти желающих нести микоси и местные синтоистские храмы приглашали в качестве носильщиков людей из других районов, хотя это было нарушением традиции проведения локальных праздников в синтоистских храмах. Теперь от желающих нет отбоя.

После окончания шествия микоси водворяют в главное святилище, которое, как правило, является владельцем микоси. Иногда паланкины принадлежат различным объединениям или организациям горожан и сельских жителей. Например, в Токио в собственности храмов и других организаций насчитывалось в 1984 г. более 1 тыс. паланкинов, в том числе 50 в районе Фукагава, 29 — в Канда и 17 в Акасака, т. е. в районах, где проводятся наиболее значительные городские праздники.

Микоси приобретаются также у специализированных компа-

ний. По свидетельству владельца одной из таких фирм («Миямото микоси»), в 50-е и 60-е годы микоси десятками пылились на складах. Теперь же, когда интерес к мацури возобновился, чему в немалой степени содействовало внимание к местным праздникам со стороны телевидения, дела «Миямото микоси» вновь пошли в гору. Ежегодно фирма производит до 30 новых паланкинов и примерно 70 штук ремонтирует или реставрирует. Фирма не только изготавливает микоси, но и сдает их в аренду, что приносит ей большой доход, особенно в период с мая по сентябрь. Для этой цели у нее имеется 20 паланкинов. В 1984 г. в компанию поступило более 100 заявок на аренду. За последние годы этот вид деятельности фирмы особенно усилился [149, 04.05.1985].

Другим частым атрибутом многих празднеств являются платформы-колесницы, называемые *даси*, процессии которых — центральная часть многих праздников. В зависимости от содержания мацури даси бывают в виде коробок или колесниц, на верху которых установлены большие барабаны. Они богато украшены резьбой, парчой, цветами, мечами и разными атрибутами, имеющими магическое значение. На этих платформах-колесницах расставлены фигуры легендарных героев японской истории, реальных, а порой и мифологических животных. На них же размещаются и музыканты. Иногда основным декором даси служат украшенные растениями и цветами ритуальные макеты гор, с которыми как раз и связывают возникновение самих даси. Они ведут свое происхождение от так называемых симэси-но яма (макеты гор), которые в VII в. ставились в императорском дворце во время Дайдзэ — обряда, посвященного уборке урожая.

В то время существовал обычай строить временные храмы для совершения обряда подношения богам вновь выращенного риса. Перед каждым таким храмом воздвигались симэси-но яма. Они сооружались из земли, наверху устанавливались сосна или другое священное дерево. Над ними подвешивались изображения солнца и луны. Симэси-но яма — своеобразный знак для богов — ками, чтобы они знали, куда прийти. В эпоху Хэйан (794—1185) симэси-но яма стали устанавливать на платформы-колесницы для того, чтобы они казались наряднее [131, с. 111—112].

От числа даси и богатства их декора зависит пышность и красота любого праздника. Возраст некоторых колесниц насчитывает сотни лет, и они являются замечательными произведениями различных видов искусств. Здесь можно видеть образцы ткачества, крашения, вышивания, работ по металлу, дереву, лаку. Колесницы иногда бывают с двухэтажный дом. Некоторые из них тянут канатами, другие толкают. Каждую колесницу сопровождает свита — группа мужчин, одетых в старинные костюмы. Чтобы не нарушать традиционную картину праздника, даже фотографы облачаются в старинные одежды. После его

окончания даси разбирают и хранят в специальных помещениях до следующего праздника. В настоящее время такие платформы-колесницы изготавливаются и заводским способом.

Обязательной частью традиционных праздников являются разнообразные театрализованные представления, музыка, танцы, соревнования, гадания и пр. Музыка и танец сопутствовали религиозным праздникам с древнейших времен, о чем повествуют мифы. Театрализованные представления при храмах ведут свое начало с VII—VIII вв.; их устраивали во время религиозных праздников с целью привлечения верующих [18, с. 7—13].

Одним из наиболее древних представлений такого рода являются синтоистские мистерии *кагура*, которые в модифицированном виде сохранились и в современной Японии. «Представления *кагура*,— пишет советский японовед А. Е. Глушкина,— выросшие на почве крестьянских земледельческих обрядовых представлений, превратились в пышные церемонии религиозного порядка, где исполнителями являются жрецы, изображающие богов, а содержанием представлений— мифы. В основе своей *кагура* повторяют магические земледельческие пляски крестьян, но уже на ином уровне и в ином качестве» [14, с. 120].

Древнее название *кагура* — *камиасоби*, что означает «игры богов». *Камиасоби* восходят к древнему магическому ритуалу солнечного культа, а само название появилось потому, что, согласно одному из самых популярных японских мифов, первый танец был исполнен богами. Вот как это произошло. Богиня Амэ-но Удзумэ для того, чтобы выманить спрятавшуюся в пещеру богиню солнца Аматаэрасу, исполнила темпераментный танец, сопровождавшийся выкриками всех присутствовавших. Место для танца было разукрашено, вокруг зажгли много костров и факелов. На площадке поставили перевернутый вверх дном огромный чан, на котором танцевала богиня. Удары ее ног по чану напоминали удары по барабану. Пляска была неистовой, казалось, что в танцовщицу вселился бес. Войдя в экстаз, она начала сбрасывать с себя одежды. Ее состояние передалось присутствующим, которые разразились громким хохотом, что привлекло внимание богини Аматаэрасу и она выглянула из пещеры [35, с. 7].

В настоящее время в понятие «*кагура*» входит множество танцев и пантомим. Все они носят сакральный характер синтоистских ритуалов. Отсюда, естественно, их связь в первую очередь с земледельческими обрядами, единственная цель которых — получение обильного урожая. Кроме того, *кагура* — это и представления с мифологическими сюжетами, героями которых являются божества. Такие *кагура* исполняют, например, монахи-отшельники (*ямабуси*) в преф. Акита.

Очень популярными являются *кагура* в зимние месяцы после снятия урожая. Поэтому 11-й месяц даже носил название *кагура-дзуки* (месяц *кагура*). Одним из таких представлений явля-

ется такатиho-кагура в преф. Миядзаки, проводимый в ноябре месяце. Для организации представления пологом огораживается площадка примерно в 4 кв. м, куда имеют доступ только его участники. На крыше дома рядом с этой площадкой укрепляется белое перо — знак, что здесь происходит представление. В сумерках торжественная процессия танцоров направляется к площадке. Ее сопровождают музыканты, играющие на барабанах и флейтах. Считалось, что с помощью музыки происходит очищение места, где будет представление.

Кагура продолжают всю ночь. Одними из главных их участников являются демоны, исполняющие дикую пляску. На лицах исполнителей маски. Выступления персонажей кагура в масках — это традиция, которая, очевидно, восходит к временам проведения древних земледельческих обрядов. Широкое использование масок и необычных костюмов — своеобразная черта праздничной жизни разных народов.

Маска представляет собой сложный элемент традиционной культуры. По словам М. М. Бахтина, «в маске воплощено игровое начало жизни, в основе ее лежат совсем особые взаимоотношения действительности и образа, характерные для древнейших обрядово-зрелищных форм» [6, с. 46—47]. Маски, используемые во время кагура, окрашены в разные цвета, имеющие символическое значение. Так, черный цвет обозначал добродетель, красный — радость и героизм, зеленый — счастье и пр. Сочетание цветов отражало определенную психологическую характеристику персонажа [32, с. 208]. Замкнутое пространство сцены, красочные маски, отблески огня, падающие на исполнителей в темноте, их неутомимые прыжки, вращения и акробатические трюки создают поистине впечатляющую картину таинства [124, с. 144—145]. Кагура — очень распространенный элемент самых разнообразных празднеств.

Разновидностью кагура являются танцы *дэнгаку* (пляски на полях). Полагают, что они возникли из веселого, шутливового, неприязнательного действия, предваряющего высадку рисовой рассады. В старину для их исполнения в храмы и дома аристократов специально приглашали крестьян из соседних деревень, а затем их заменили придворные певцы и танцоры. Сейчас это неотъемлемая часть всех земледельческих обрядов.

Всевозможные представления на японских праздниках сопровождаются игрой на музыкальных инструментах, как японского, так и иностранного происхождения. Прежде всего это группа ударных инструментов, куда входят разнообразные барабаны и бронзовые гонги. Удары барабана, как правило, задают темп проведения праздника. А удары гонга отделяют одну музыкальную фразу от другой. Большую роль во время торжественных церемоний играют и духовые инструменты типа флейты, флажолета или гобоя; их делают из бамбука, что придает им своеобразное звучание. Наиболее распространена флейта — *фуэ*, почитаемая как священный инструмент. Согласно

преданию, впервые ее сделала уже упоминавшаяся богиня Амэ-но Удзумэ. Звучание флейты напоминает пение птиц.

Праздничное действо — это подчас веселая и вольная, но глубоко осмысленная игра. В народно-праздничных образах и представлениях можно проследить «как бы сжатую универсалистическую формулу жизни и исторического процесса: счастье-несчастье, возвышение-падение, приобретение-утрата, увенчание-развенчание. В играх как бы разыгрывалась вся жизнь в миниатюре (переведенная на язык условных символов), притом разыгрывалась без рампы» [6, с. 255]. Во время праздничных игр человек как бы освобождался от условностей повседневной жизни и с головой окунался в праздничную условность. Игра в старину была не просто развлечением или бытовым явлением, как, например, игра в кости (*сугороку*). Она тогда имела определенную мирозерцательную основу, которая возвышала ее над «ничегонеделанием». Ее отголоском являются сохранившиеся до наших дней различные игры-соревнования во время праздничных шествий колесниц или микоси, или запуска бумажных змеев, или перетягивания каната, где все подчинено единой цели — выявить победителя, но сделать это в веселой, непринужденной атмосфере. То же относится и к разного рода гаданиям-предсказаниям.

Важным атрибутом праздников являются ритуальные подношения. В стародавние времена они носили форму пожертвований богам, священнослужителям и тем, кто принимал участие в праздниках. Подарки были различными в зависимости от положения человека в обществе и его доходов и, как правило, регламентировались традициями, а иногда и законодательством. Подношение подарков распространено и сейчас.

Немаловажную роль во время праздника играла обрядовая пища, выполнявшая магическую функцию и строго приуроченная к определенным датам и обрядам семейного цикла. Эта праздничная обрядовая пища, являясь частью материальной культуры, была тесно связана с духовной культурой. Подчас ее биологическая функция — удовлетворение чувства голода и жажды — отступала на задний план, а главным становилось ее символическое, знаковое содержание. Праздничная трапеза, объединяя людей в кругу семьи, родственников, соседей, односельчан, выполняла функцию социализации. В настоящее время ослабела или почти утратилась религиозная символика такой ритуальной пищи и усилилась ее развлекательно-игровая функция.

В ходе исторического развития такие элементы японской культуры, как календарные обряды и праздники, обновляются и нередко проявляются в своеобразной и неожиданной форме. Как в старину, так и в наши дни они постоянно вплетают в себя чужеродные элементы — целый ряд поверий, ритуалов, обрядов, церемоний, имеющих отношение к культурам других народов, особенно соседних.

Большое влияние на обряды и праздники древней Японии оказала китайская культура. Японская аристократия позаимствовала много китайских праздников, которые затем органично вошли в быт народа. До сих пор такие пришедшие из Китая праздники, как Новый год, День мальчиков, Праздник звезд, пользуются огромной популярностью в стране и воспринимаются уже как японские. Действующими лицами японских праздничных представлений вот уже более тысячелетия являются китайские легендарные персонажи — львы и драконы. Выход льва (*сиси*), например, как правило, открывал представление. По древним верованиям буддизма махаяны лев считался защитником и стражем веры. Обычно на празднике он появлялся в сопровождении двух укротителей — *сисико* и исполнял традиционный танец *сисимаи* (танец льва). В танце отражается характер льва. С одной стороны, спокойствие и уверенность в собственных силах царя зверей (что передается движением лепестков пиона), а с другой — необузданный нрав в случае опасности (что изображается посредством движений, напоминающих порхание бабочки) [32, с. 210, 214].

Некоторые японские обычаи включают в себя одновременно элементы трех культур — японской, китайской и индийской. Например, на второй день Нового года вечером под подушку кладут бумажку с изображением сидящих в лодке «семи богов удачи» (*ситифукудзин*), которые взяты из пантеона китайских, японских и индийских богов.

Японцы охотно используют и предметы материальной культуры других народов. Например, передвижные платформы-колесницы украшают не только чисто японскими предметами, но и фламандскими гобеленами XVI в. с фигурами древних тевтонских рыцарей и прекрасных дам, китайским и персидским шелком, а среди музыкальных инструментов можно встретить китайские и индийские струнные инструменты типа цитры или лютни. Это необычное на первый взгляд явление, видимо, можно объяснить желанием устроителей придать фестивальным шествиям большую пышность и красочность.

В наши дни в традиционные праздники часто вставляются различные элементы американских шоу. Например, древнейший праздник Танабата в г. Хирацука (преф. Канагава) проводится на современный лад — с «мисс Танабата», оркестром полиции или американских войск, конкурсом фотографов и другими атрибутами шоу. На празднике Тэндзин в г. Осака подчас фестивальное шествие сопровождает военные оркестры.

В настоящее время в Японии получило широкое распространение празднование Рождества с его неизменными спутниками — ёлкой, Дедом Морозом, свечами и прочими атрибутами. А во время снежного фестиваля в г. Саппоро (о-в Хоккайдо) на площадях города возводятся из льда не только японские постройки, но и известные архитектурные памятники европейской и других культур.

Традиционные японские праздники вовлекают в свою орбиту массу людей всех возрастов, от детей до стариков. Традиции, складывавшиеся веками, общественное мнение очень много значат в глазах японца. Практически никто не рискует порвать с принятыми нормами, более того, даже не ощущает в этом какой-либо потребности, хотя иногда может и считать, что та или иная традиция устарела. Это связано, очевидно, с тем, что традиция представляет собой культуру народа во всем ее многообразии, включая обычаи, верования, праздники, связанные с семьей, культом предков, а также отношение к религии, уважение к храму, к любой святыне. «Для японца, в особенности живущего в сельской местности, свой храм, его ритуалы, его ежегодные красочные праздники стали необходимой частью жизни, которой следовали его отцы и деды, и которой следует он сам, не прилагая к этому никаких умственных усилий, а просто поступая так, как заведено, как поступают все — родственники и соседи», — пишут известные специалисты в области японской духовной жизни С. А. Арутюнов и Г. Е. Светлов [5, с. 15].

Японцы с удовольствием участвуют в праздниках, в их подготовке и проведении. Как правило, имеются желающие нести тяжелые микоси, толкать даси или зажигать праздничные костры во время праздника Бон. Все относятся весьма добросовестно к своим обязанностям во время праздников. Уборка и украшение храмов и улиц выполняются участниками фестивалей с большим энтузиазмом. То же относится и к хранению и сборке праздничных колесниц. Уход за ними возлагается на группы из 60—70 семей. Строительство же самих колесниц осуществляется за счет пожертвований и бесплатного труда энтузиастов. Следует отметить, что подготовка и проведение праздников требуют не только больших физических, но и финансовых затрат.

Многие праздники проходят с активным участием детей. Родители охотно поощряют это и с удовольствием наблюдают, как одетые в костюмы взрослых носильщиков микоси мальчики несут свои паланкины. Умельцы передают свое мастерство в пении и танцах подрастающему поколению.

Во время праздника царит особая атмосфера, по выражению М. Бахтина, «праздничная погода», когда праздник неотделим «от жизни тела, земли, природы, космоса» [6, с. 301]. Важной особенностью традиционного праздника является то, что его начало не санкционируется приказом или разрешением свыше. Возвещают о нем удары барабана, звуки колокола и т. п., и все чувствуют себя хозяевами праздника.

По традиции все участники японских праздников делятся на «активных», т. е. тех, кто принимает непосредственное участие в их подготовке и проведении — несут микоси, стоят на колесницах, танцуют, поют и т. д., и зрителей («пассивных»), которые толпами стоят вдоль улиц, ожидая, пока пронесут микоси или прокатят колесницу. Но и те и другие «кажутся временно

ненормальными». «Многие из них надевают экстравагантные костюмы, раскрашивают свои лица или надевают маски, прыгают, изгибаются и выкрикивают какие-то звуки, т. е. делают все то, за что в любое другое время надо было бы привлечь их к ответственности за нарушение общественного порядка. Но атмосфера праздника такова, что и зрители и участники, все одинаково вовлечены в праздничное веселье» [129, с. 98]. Другими словами, происходит как бы полное освобождение человека от «жизненной серьезности». В Японии существует даже особое понятие — *омацури саваги* (праздничный шум). Но это не просто шум, он несет на себе и определенную магическую нагрузку, то особое воодушевление, которое нельзя увидеть в обычные дни.

Японцам, как известно, в повседневной жизни присущи сдержанность, самоконтроль, умение сохранять спокойствие. «Но стоит переступить определенный порог, отметку, температуру, как наступает взрыв, происходит неожиданное превращение нимба спокойного утреннего света в угрожающую корону неистового пламени. Это может случиться во время работы, игры, в спорте, в любви» [59, с. 70]. То же полностью относится и к праздникам.

Атмосфера праздника пронизывает все вокруг. Это касается и настроения, и одежды людей, и украшения домов и улиц, и торговли. И мало что изменилось в праздничной атмосфере за сто с лишним лет. В середине XIX в. французский дипломат Э. Гюмбер писал: «Город Иеддо (Токио.— *Авт.*) и его окрестности, казалось, плавали в какой-то упонительной праздничной атмосфере радости и веселья... Самые улицы образовали ряд длинных цветущих аллей, перевитых соломенными гирляндами и увешанных большими разноцветными фонарями. Везде толпа, везде шум, движение и радостные крики, паяцы, маски, пенье, музыка, и повсюду проникающий запах того ароматического дерева, которым пропитаны все вещи, привозимые к нам из Японии» [22, с. 353].

Такая же картина предстала и перед посетившими Японию в конце XIX — начале XX в. путешественниками. Вот что пишет, например, Е. И. Булгакова: «По улицам передвигаются при помощи быков торжественные колесницы, на которых танцовщики и певцы изображают различные сцены из истории и мифологии... На колеснице изображается фигура громадного размера какого-нибудь бога. Если на пути встречается препятствие, телеграфная проволока, например, то певцы и певицы, музыканты и музыкантши соскакивают вниз, а туловище гигантского бога перегибается и шествие благополучно следует дальше... В роще вокруг храма — веселье и неумное торжество... Около лавок со всевозможными лакомствами публике предлагают самые разнообразные развлечения: тут укротитель зверей выводит на бой двух кенгуру; там белые мыши выделяют свои разнообразные фокусы. К большому восторгу детей

появляется „рокуро-роби“, человеческое существо, которое может вытягивать свою шею на несколько футов вышины; не меньшее восхищение вызывает танцор, который становится на руки и ухмыляется своею искусственной рожей, помещенной между жестикулирующими вместо рук ногами. Внимание иностранца больше привлекает следующий фокус: появляется человек, который при помощи своего веера может из своего платья, из головы и носа любого зрителя извлечь струю воды; она так же быстро исчезает, как появляется, по одному мановению веера...» [7, с. 141—143].

Общую картину, описанную Е. И. Булгаковой, можно встретить практически на любом празднике и сегодня. Разве что об устранении препятствий на пути колесниц думают теперь не сами участники шествия, а муниципальные власти, заранее планируя маршруты праздничных процессий и снимая, где это необходимо, линии электропередач. В ряде случаев сейчас перекрывается движение во время шествий, на пути следования колесниц стоят специальные регулировщики, к месту шествия вызывают иногда и пожарные команды, чтобы быть готовыми к любым неожиданностям.

Еще одно интересное наблюдение, имеющее самое прямое отношение к жизни сегодняшней Японии в праздничные дни, сделала Е. И. Булганова. Речь идет об использовании праздников торговцами для привлечения внимания к своим фирмам. С этой целью они не скупились на пожертвования для оформления праздников. «Нередко все торжество совершается на средства какого-нибудь богатого купца, и в таком случае на колеснице крупными буквами написано имя жертвователя» [7, с. 141].

Сейчас же дух коммерции на традиционных праздниках стал поистине вездесущим. Речь, конечно, идет не только о бесчисленных лотках уличных торговцев, выстраивающихся на подступах к храмам, или о возможности заработать на продаже ритуальных кукол, съестного, или о специальных ярмарках, которые устраиваются по поводу того или иного торжества для продажи традиционных праздничных атрибутов. Все это сопровождало праздникам с давних пор. Дело в том, что праздники очень широко используются в рекламных целях. Например, во время праздника Тэндзин в г. Осака праздничные лодки украшаются рекламой популярного пива и других продуктов. Во время фестиваля Гион в Киото традиционные украшения улиц — фонари служат также и рекламой разнообразных товаров. В этих же целях используются и специфические украшения во время праздника Танабата в г. Сэндай и т. д.

Праздники и японские календари

Календарь — система счета времени, одно из величайших достижений человеческой культуры — вносит определенный по-

рядок и в сферу празднований. Этот порядок строится на том, что празднику отводятся определенные отрезки времени и закрепляется соответствующая периодичность: годовая, месячная или недельная. Например, праздник, связанный с культом луны, отмечается два раза в месяц во время новолуния и полнолуния. Обрядовые действия посева или сбора урожая — по разу в год. Помимо праздников, связанных с природой, годовую цикличность имеют и даты, как, например, победа народа в войне или избавление от стихийных бедствий.

Календарные, периодические праздники уже много веков являются основными в жизни людей. Поэтому знание календаря дает возможность глубже понять их многообразие и характер.

В Японии существуют различные календарные системы. Кроме общеизвестных, таких, как лунный, лунно-солнечный или григорианский календари, в стране существовали и имеют хождение до сих пор свои системы летосчисления. По одной из них отсчет времени ведется от года вступления на престол мифического императора Дзимму и начинается с 660 г. до н. э. Для отождествления года, указанного по этой системе, с годом нашей эры надо отнять 660. До 40-х годов XX в. она еще была в ходу.

Другая система — нэнго отсчитывает время по годам правления императоров. Она была введена с середины VII в. Причем при одном и том же императоре годы правления нередко переименовывались несколько раз и отсчет начинался сначала. Это делалось по причине каких-нибудь неблагоприятных обстоятельств. После революции 1868 г. был установлен порядок, по которому годам правления каждого императора давалось только одно название. Система нэнго широко распространена в стране и сейчас. Практически во всех официальных изданиях годы указаны по этой системе, а рядом проставлены годы по европейскому летосчислению. Например, 1986 г. в японских изданиях обозначается как 61 год эры Сёва (сё — «свет», «ясность», ва — «мир», «гармония»).

В Японии существует также деление японской истории и культуры по периодам, охватывающим значительные временные отрезки. Часто они совпадают с правлением определенной династии. Например, период Токугава (Токугава дзидай) исчисляется по годам правления династии сёгунов Токугава (1603—1867). Он же называется нередко Эдо дзидай — по названию г. Эдо (ныне Токио), бывшего в этот период столицей. По названию г. Хэйан (ныне г. Киото) 794—1192 гг. именуются Хэйанским периодом (Хэйан дзидай).

До введения в Японии с января 1873 г. григорианского календаря летосчисление в стране проводилось по лунно-солнечному календарю, как и в других странах Восточной Азии. Известно, что в разные эпохи были созданы три типа календарей: лунные (основанные на фазах луны), целью которых было со-

гласование суток и лунного месяца; солнечные (на основе движения солнца), в которых пытались связать сутки и год; лунно-солнечные, в которых сочетались все три единицы времени.

Лунный календарь зародился еще у древних охотников и собирателей в эпоху палеолита. Он был основан на приблизительной связи лунного цикла с менструальным. Год строился на сроках беременности основного вида промыслового зверя — от гона до отела. Поэтому в то время год насчитывал около 270 дней, т. е. 9—10 лун, а зимнее время практически выпадало.

Когда же люди перешли к земледелию, появился солнечный календарь для определения сроков посевов и жатвы, которые были связаны со сменой времен года и видимым движением солнца [77, с. 15].

Время введения лунно-солнечного календаря в стране в точности неизвестно. Некоторые относят его к III в., другие — к VII. Но достоверно известно, что взят он у китайцев и корейцев. С введением этого календаря первый день нового года, т. е. первый день первой луны передвинулся со дня полнолуния на день новолуния. Календарь было принято называть циклическим, так как он состоял из повторяющегося 60-летнего цикла. Это была хронологическая система, основанная на астрономических циклах движения планет — Солнца, Земли, Луны, Юпитера и Сатурна.

Древние китайцы приняли за основу цикла время двух оборотов Сатурна вокруг Солнца, равное 60 годам. За это время Юпитер совершает пять оборотов. Согласно китайской натурфилософии, цифра 5 символизировала пять элементов природы. Это дерево (по-японски *ки*), огонь (*хи*), земля (*цутти*), металл (*канэ*) и вода (*мидзу*). Каждый из этих элементов нес в себе единство противоположностей — *инь-ян*. Поэтому любой элемент имел положительные и отрицательные качества. Например, вода. Она необходима для произрастания сельскохозяйственных культур и существования всего живого, но она же могла нанести большие разрушения во время наводнений. Этим элементам соответствовали цветовые обозначения: синий или зеленый (по-японски эти понятия передаются одним иероглифом), красный, желтый, белый, черный, которые применялись при обозначении планет и времен года (стихий). Соотношение элементов природы, стихий, цвета выглядит следующим образом [88, с. 81]:

Элементы природы	Стихии	Цвет	Планеты
Дерево	весна	зеленый или синий	Юпитер
Огонь	лето	красный	Марс
Земля	конец лета	желтый	Сатурн
Металл	осень	белый	Венера
Вода	зима	черный	Меркурий

Каждый элемент в свою очередь подразделяется на два: старший брат (*э*) и младший брат (*то*). Получается 10 так на-

зываемых небесных стволов — тэнкан (где *тэн* — небо, а *кан* — ствол) или дзиккан (где *дзи* — десять). Вот эти стволы:

Киноэ — старший брат дерева;
Киното — младший брат дерева;
Хиноэ — старший брат огня;
Хиното — младший брат огня;
Цутиноэ — старший брат земли;
Цутиного — младший брат земли;
Каноэ — старший брат металла;
Каното — младший брат металла;
Мидзуноэ — старший брат воды;
Мидзуното — младший брат воды.

Кроме небесных стволов имеется еще 12 земных ветвей, которые называются ти-си (где *ти* — земля, а *си* — ветвь) или *дзюни-си* (где *дзюни* означает двенадцать). Эти 12 ветвей соответствуют 12 знакам зодиака с названиями животных:

Нэ — мышь (крыса);	Тацу — дракон;	Сару — обезьяна;
Уси — бык (корова);	Ми — змея;	Тори — курица (петух);
Тора — тигр;	Ума — лошадь;	Ину — собака;
У — заяц;	Хицудзи — овца	И — свинья (кабан).

Существует множество легенд, объясняющих историю появления этих знаков зодиака. Одна из них гласит, что однажды Будда призвал к себе всех животных. На его зов прибежало лишь 12. Первой оказалась крыса, которая была столь хитра, что, проскакав большую часть пути на спине у быка, под конец соскочила с него и предстала перед Буддой раньше всех. Остальные животные пришли в вышеперечисленной последовательности. И Будда каждому из них подарил по одному году.

Для обозначения годов в 60-летнем цикле используется сочетание двух иероглифов — одного из 10 небесных стволов и другого из 12 знаков зодиака. Например, Киноэ нэ — год крысы и старшего брата дерева. В 60-летнем цикле 10 небесных стволов повторяются шесть раз, знаки зодиака или названия животных — пять раз, но сочетания их не повторяются на протяжении всех этих 60 лет. Началом цикла является год, когда совпадает первый ствол и первая ветвь. Это всегда год крысы.

По этому календарю новый год начинался с того новолуния, которое предшествовало нахождению Солнца в знаке греческого зодиака Рыбы (долгота 330°). Обычно начало лунного года попадало между 2 февраля и началом марта. Лунный год состоял из 12 лунных месяцев и 354 или 355 дней и носил название «обыкновенный» — *хэйнэн*. Поскольку в нем число дней на 11 меньше, чем в солнечном, то начало каждого третьего года уже не может совпасть с зодиакальным знаком Рыбы; и тогда добавляется так называемый интеркалярный месяц — *уруцуки*, а год имеет 383 или 384 дня и называется «полный» — *уру-*

доси, или *дзюннэн*. Месяцы лунного календаря состоят из 29 или 30 дней, первые называются *сёноцуки* — «малые», вторые — *дайноцуки* — «большие». Дополнительный месяц носит номер предыдущего месяца, например *уру сангацу* — «дополнительный третий месяц» [70, с. 1167—1169].

В Японии каждый месяц кроме своего порядкового номера имел еще несколько названий. Как правило, эти названия соответствовали природному или земледельческому циклу или обрядам и обычаям данного месяца:

1-й месяц — <i>сёгацу</i>	муцуки — дружелюбный месяц; сингёку-но тоси — год новой яшмы; сигацу — новый месяц, сорёгацу — месяц первой зелени;
2-й месяц — <i>нигацу</i>	кисараги — месяц обновления платья; тюсюн — середина весны;
3-й месяц — <i>сангацу</i>	яёи — месяц пробуждения природы;
4-й месяц — <i>сигацу</i>	удзуки — месяц цветения кустарника <i>унохана</i> или <i>уцуги</i> (дейции зубчатой);
5-й месяц — <i>гогацу</i>	сацуки — месяц ранних посевов; тюка — середина лета;
6-й месяц — <i>рокугацу</i>	минадзуки — месяц без воды;
7-й месяц — <i>ситигацу</i>	фумидзуки — месяц письма;
8-й месяц — <i>хатигацу</i>	хадзуки — месяц листьев; цукимидзуки — месяц любования луной; тюсю — середина осени;
9-й месяц — <i>кугацу</i>	нагацуки — долгий месяц; кикудзуки — месяц хризантем;
10-й месяц — <i>дзюгацу</i>	каннадзуки — месяц без богов;
11-й месяц — <i>дзюнтигацу</i>	симоцуки — месяц инея; тютю — середина зимы; кагурадзуки — месяц кагура;
12-й месяц — <i>дзюнигацу</i>	сивасу — месяц последний.

Большинство названий вышеперечисленных месяцев говорят сами за себя. Что же касается 1-го месяца, то наименование «дружелюбный» он приобрел потому, что во время новогодних празднеств по традиции люди желали друг другу благополучия и успехов, царило общее веселье и хорошее настроение и все были склонны прощать взаимные обиды. Название «год новой яшмы» употреблялось в поэзии, так как это словосочетание было, по японским понятиям, очень красивым. Кроме того, в Японии яшмовые подвески (*магатама*) считались наряду с зеркалом (*кагами*) и мечом (*катана*) символом императорской власти и были предметами особого поклонения. Магатама олицетворяли также и плодородие. Кроме названий, указанных выше, для первого месяца имелось еще много других, в большинство из них входило слово «весна». Например, *риссюн* — начало весны, *сингацу* — новый месяц, *мосюн* — первый весенний месяц, *сёхару гацу* — месяц начала весны, *синсюн* — новая весна. Обычай называть Новый год синсюн сохранился и по сей день. Все же остальные названия остались в прошлом.

Название 2-го месяца означало сезонную перемену одежды, 10-го — объяснялось тем, что, согласно мифологии, в этот месяц все боги, покинув подвластные им города и селения, собира-

ются в храме Идзумо, чтобы определить, что им делать в следующем году.

Как и другие народы Восточной Азии, японцы делили сельскохозяйственный год на четыре больших сезона: весна (*хару*), лето (*нацу*), осень (*аки*) и зима (*фую*). Эти большие сезоны, в свою очередь, делились на шесть малых, по 15 дней в каждом, и носили названия *кисэцу* или *сэки*. Таким образом, получалось 24 сезона. Малый сезон, в свою очередь, состоял из трех более мелких — ко, в каждом из которых было по пять дней. Всего было 72 ко. Это деление еще более подробно детализировало погодные приметы и земледельческий календарь [116, с. 702—704].

Деление года на 24 сезона делалось по солнечному циклу и поэтому не всегда совпадало с лунными месяцами. В частности, дни равноденствия и солнцестояния приходились на середину сезонов. Перечислим эти сезоны [137, 1970, № 4, с. 53]:

Японское название	Название на русском языке	Срок по григорианскому календарю
Весна:		
Риссюн	Начало весны	с 4 февраля
Усуи	Дождевая вода	с 18 февраля
Кэйтицу	Пробуждение насекомых	с 6 марта
Сюмбун	Весеннее равноденствие	с 21 марта
Сэймэй	Ясная погода	с 5 апреля
Кокуу	Дождь злаковых	с 21 апреля
Лето:		
Рикка	Начало лета	с 6 мая
Сёман	Малая полнота	с 21 мая
Босю	Колосья и семена	с 5 июня
Гэдзи	Летнее солнцестояние	с 21 июня
Сёсё	Малая жара	с 7 июля
Тайсё	Большая жара	с 24 июля
Осень:		
Риссю	Начало осени	с 8 августа
Сёсё	Конец зноя	с 23 августа
Хакуро	Белая роса	с 7 сентября
Сюбун	Осеннее равноденствие	с 23 сентября
Канро	Холодная роса	с 8 октября
Соко	Выпадение инея	с 23 октября
Зима:		
Ритто	Начало зимы	с 8 ноября
Сёсэцу	Малый снег	с 23 ноября
Тайсэцу	Большой снег	с 8 декабря
Тодзи	Зимнее солнцестояние	с 22 декабря
Сёкан	Малый холод	с 6 января
Дайкан	Большой холод	с 20 января

Месяц делился на три части, по 10 дней в каждой, которые назывались соответственно *ками-но тока*, *нака-но тока* и *симо-но тока*, или *дзёдзюн*, *тюдзюн* и *гэдзюн* — верхняя, средняя и

нижняя десятидневка. Имелись также специальные названия для первого и последнего дней месяца — *цуйтати* (или *цукита-та* — начало месяца) и *мисока* (или *цугомори* — конец месяца); последний день года носил название *омисока*, где приставка «о» к слову «мисока» означает «большой». Эти названия бытуют и по сей день.

В японском календаре 60 циклических знаков использовались не только по отношению к годам, но и к дням. Поэтому в старой классической литературе дни недели обозначались названиями животных. Например, у драматурга XVII в. Тикамацу Мондзаэмона читаем: «Вспомните, вспомните: когда в последний раз мы клали рядом наши подушки? В позапрошлом году, во второй день Кабана, девятого месяца...» [83, с. 299]. В одном месяце бывало два или три дня под названием одного и того же животного. Поэтому в вышеприведенном тексте стоит «второй день Кабана».

Кроме того, согласно лунному календарю, с первого дня первого месяца сменяли друг друга шестидневки — *рокуё*. Каждый день такой недели имел свое название и характеристику: счастливый или несчастливый. Вот эти дни: *сэнсё*, что означает победу и потому день считался благоприятным; *томобики* — тащить друга, неблагоприятный; *сэмбу* — поражение, неблагоприятный; *буцумэцу* — смерть Будды, плохой день; *тайан* — великий покой, очень хороший день; *сякку* — красный рот, несчастливый. В старину японцы в своей жизни строго учитывали символику этих дней. Хотя большинство японцев в настоящее время и не верит всерьез в эти приметы, но все же для бракосочетания выбирают лишь благоприятные дни. Более того, в день *буцумэцу* даже закрыты все места, где проводятся свадебные церемонии.

Дни семидневной недели названы по пяти элементам природы, луны и солнца. Иначе говоря, понедельник носит название дня луны (*гэцуёби*, где *гэцу* — луна, *ёби* — день), вторник — огня (*каёби*), среда — воды (*суйёби*), четверг — дерева (*мокуёби*), пятница — металла (*кинъёби*), суббота — земли (*доёби*) и воскресенье — солнца (*нитиёби*).

Дни, в свою очередь, подразделялись на 12 равных интервалов — *токи*, которые состояли из двух обычных часов. Один час поэтому равнялся половине токи (*хантоки*), и в каждом токи был *сёхантоки* (первая половина токи) и *сэйхантоки* (вторая половина токи). Каждая такая половина состояла из восьми частей, которые назывались *коку*; коку делились на 15 *фун* (минут), а каждый фун на 60 *бё* (секунд). Каждому токи соответствовал свой знак зодиака. Таким образом, с полуночи до двух часов был час крысы, с двух до четырех — час быка и т. п. «Заранее намечен час отъезда, счастливый час змеи» [83, с. 38].

Еще по одной системе время исчислялось ударами в барабан или колокол в буддийских храмах. Таким образом о времени извещали население. Число ударов было условным: от де-

вяти до четырех. Они по нисходящей повторялись дважды в сутки, первый раз начиная с полночи, каждые два часа, и второй раз начиная с полдня. Получалось, что часу крысы и часу лошади соответствовало по девяти ударов колокола, часу быка и овцы — по восьми и т. д. [70, с. 1173].

Григорианский календарь был введен сначала в официальных учреждениях, а затем вошел и в повседневную жизнь населения. Традиционные праздники, отмечавшиеся, например, в 3-й день 3-го месяца или в 5-й день 5-го месяца, начали праздновать соответственно 3 марта и 5 мая. И теперь, поскольку начало года сместилось на месяц-полтора и стало отмечаться раньше, чем по лунному календарю, многие сезонные праздники перестали совпадать с реальными сроками проведения сельскохозяйственных работ и получили некоторое другое осмысление.

Вместе с тем при проведении земледельческих работ крестьяне продолжали следовать традиционному сельскохозяйственному календарю. Сельскохозяйственный год в Японии начинался 1 октября. В конце XIX — начале XX в. крестьяне продолжали жить по лунному календарю и в своей повседневной трудовой жизни исходили из вышеперечисленных 24 сезонов, названия которых подчас давали наиболее яркую характеристику сельскохозяйственных периодов.

В Японии существует традиция выпуска разнообразных красочных календарей — больших и маленьких, перекидных и одним листом. Часто эти календари являются произведениями полиграфического искусства. Их тематика разнообразна, и подчас они имеют большое познавательное значение. Имеются календари на сюжеты пьес театров *Но* и *Кабуки*; календари с изображением гравюр и картин известных художников; памятников архитектуры и парковых ансамблей; традиционного японского костюма и национальных праздников; предметов народного творчества разных районов страны; специальные календари для детей. Всесилие рекламы сказалось и на сюжетах японских календарей. В последнее время появилось много календарей, сюжеты которых носят чисто развлекательный характер, они рассчитаны главным образом на западного потребителя. В большинстве календарей, которые выпускаются для внутреннего пользования, летосчисление приводится не только по григорианскому, но и по лунному календарю. Отмечаются также «счастливые» и «несчастливые» дни.

Источники и литература о японских праздниках

Календарные обычаи и обряды японцев широко отражены в различных письменных источниках, фольклоре, художественной литературе, скульптуре, живописи, графике.

Наиболее ранними письменными свидетельствами об обрядах и обычаях древних японцев являются «Свод законов „Тайхорё“» (702—718), «Кодзики» («Записи о делах древности», составлены в 712 г.), «Нихонги», или «Нихон сёки» («Записи Японии», или «Летописи Японии», закончены к 702 г.), «Фудоки» («Естественногеографические описания провинций», VIII—X вв.), «Энги сики» («Церемонии годов правления Энги», 927 г.).

«Свод законов „Тайхорё“» — единственное дошедшее до нас собрание основных законов, существовавших в Японии до 702 г. Он составлен из 30 свитков-разделов. Среди них имеются законы, отдельные статьи которых непосредственно относятся к календарным обычаям и обрядам. Например, ст. 18 закона XVIII, озаглавленная «Правила этикета», регламентировала поведение чиновников разных рангов в первый день Нового года. Она предписывала проведение соответствующих церемоний. Ст. 19 закона XVIII, названная «Праздник рисовых полей» (сайдэн, или та-но мацури), «обязывала весной, в день праздника собирать деревенских стариков и устраивать церемонию угощения их сакэ» (инсюрёй). По мнению составителей сборника, это морально очищает людей, говорит об уважении к старшим и заботе о престарелых. Рисовое вино и закуска, согласно статье, предоставлялись из казенного фонда. В законе XXX «Разные законоположения» в ст. 40 перечислены праздники, которые должны были непременно отмечаться подданными. «Тайхорё» полностью переведен на русский язык.

«Кодзики», по преданию, составлены придворным О-но Ясумаро со слов некоего Хизэда-но Арэ. Это столько же исторический источник, сколько и литературный памятник. «Кодзики» — многогранное произведение, к которому обращаются исследователи разных сторон жизни древней Японии. Памятник состоит из трех книг и охватывает историю страны от «сотворения мира» до 628 г. Он является также собранием древнейших мифов. На русский язык переведены отдельные фрагменты памятника.

Источник «Нихонги» объединяет 30 книг и доводит повествование до 697 г. Он составлен по типу китайских летописей на материалах местных документов и корейских хроник, в частности «Пэкчё понги» («Основных записок о Пэкчё»). По сравнению с «Кодзики» «Нихонги» — сочинение более светское. Оно послужило образцом для последующих летописей, например, таких, как «Нихон коки» («Последующие Нихонги»). Во всех этих памятниках встречаются упоминания о различных обычаях и обрядах древних японцев. Например, о Днях весеннего и осеннего равноденствия, празднике Бон.

В 713 г. губернаторам провинций было предписано составить естественногеографическое описание вверенных им земель — «Фудоки». Эта работа растянулась до 945 г. Она представляет большой интерес, так как в описаниях нашли отражение мифы, предания, легенды, сведения о населенных пунктах, храмах,

рельефе, флоре, фауне, плодородии полей, обычаях и разного рода событиях. К нашему времени сохранились полностью описания лишь одной провинции — Идзумо и отдельные фрагменты о некоторых других провинциях. Все сохранившиеся «Фудоки» переведены на русский язык. В «Древних фудоки» во фрагменте описания провинции Бунгô мы находим сюжеты о сельскохозяйственных обрядах того времени, поучительные рассказы о том, как бережно надо относиться к основному продукту питания японцев — рису. Почитание риса повлекло за собой формирование богатой сельскохозяйственной обрядности [25, с. 125, 126].

В «Энги сики» наибольшую ценность для этнографических исследований представляют обращения к синтоистским божествам — *норито*. Так называли возникшие еще в глубокой древности различные заклинания, в первую очередь от бед, связанные с верой в магическую силу слова [53, с. 87]. В них содержатся и разнообразные сведения о культурной и хозяйственной жизни древних японцев, в том числе и о земледельческих обрядах. Часть *норито* впервые была введена в научный оборот первым этнографом-японоведом Н. А. Невским, который, в частности, перевел на русский язык «Молитвословие в Праздник Бога Ветра, что в Цатута», «Молитвословие Великого Очищения». Из них мы узнаем, что Праздник Бога ветра, преследовавший цель избавления от непогоды во время созревания злаков, совершался два раза в год: в 4-м и 7-м месяцах по лунному календарю, а древнее поэтическое название Японии было «Страна тучных колосьев» [10, с. 17—30]. В «Энги сики» также регламентируются мельчайшие детали проведения народных праздников и обрядов, упоминаются новые празднества, возникшие в процессе наложения буддизма на народные верования.

Большой этнографический материал о жизни и обрядах древних японцев содержится в песнях, сказках, поговорках, а также в произведениях японской классической средневековой литературы. В этой связи важное значение имеет литературный памятник VIII в. «Манъёсю» («Собрание мириад листьев»), исследованный и переведенный на русский язык А. Е. Глускиной. «Манъёсю» является не только памятником японской поэзии, но и жизни японского народа в древности. «„Манъёсю“ — энциклопедия древней японской культуры и жизни — материальной и духовной», — писал акад. Н. И. Конрад. В «Манъёсю» можно встретить многочисленные упоминания и описания разнообразных календарных обычаев и обрядов, а также праздников того времени. Так, неоднократно встречаются стихи, посвященные Новому году, Танабата, праздникам любования красотой природы в разные времена года. В стихах и предисловиях к ним содержатся описания жанровых праздничных сценок.

О том, какое место в жизни японцев в период Хэйан занимали календарные праздники, говорится в следующих выдаю-

щихся произведениях японской классической литературы: в романе Мурасаки Сикибу «Повесть о Гэндзи» («Гэндзи моногатари») (конец X — начало XI в.), в дневниках Сэй Сёнагон (конец X в.) «Записки у изголовья» («Макура-но соси»), в «Дневнике путешествия из Тоса» («Тоса никки»), Ки-но Цураюки (865?—946 гг.), которые полностью или частично имеются в русском переводе.

Календарные обычаи и обряды XII—XIV вв. частично отражены в таких литературных памятниках, как «Повесть о доме „Тайра“» («Хэйкэ моногатари»), а также «Записках от скуки» («Цурэдзурэгуса»), написанных Кэнко-хоси (1283—1350).

Богатый материал для изучения обычаев и обрядов в эпоху Гэнроку (1688—1704), а по сути в последней четверти XVII и первой четверти XVIII в., дают нам произведения трех великих мастеров японской литературы — Сайкаку, Басё, Тикамацу. Ихара Сайкаку (1642—1693), зоркий и ироничный наблюдатель, вводит нас в жизнь различных слоев японского общества того времени. Много путешествовавший по стране, хорошо знавший нравы, обычаи, предания, легенды и сказания разных районов Японии, Сайкаку в своих новеллах создал подлинную картину быта японцев, в том числе народных праздников. В частности, из его новелл можно узнать, как проводился Новый год, как украшались жилища, что и как покупали на предновогодних базарах, как отмечали праздники Танабата и Бон. Поэт-лирик Мацуо Басё многие строки своих стихотворений посвятил воспеванию сезонных явлений природы, соединив их с глубочайшими философскими раздумьями. Тикамацу Мондзаёмон (1653—1724), которого современники называли «богом среди драматургов», изображая жизнь горожан того времени, показал, что неотъемлемую ее часть составляют обычаи и обряды.

Описание в японской классической литературе XIX—XX вв., а также и в современной народных обрядов и обычаев — это отражение традиционной культуры, выражение национального своеобразия и самосознания японцев. Об этом ярко свидетельствуют повести Акутагава Рюноске, Кавабата Ясунари, Танидзакис Дзюнъитиро и многих других.

Народные обычаи и обряды японцев нашли отражение и в путевых заметках и очерках русских и западноевропейских путешественников, писателей, дипломатов, исследователей, живших в Японии или посещавших ее с середины XIX в., после «открытия страны» для иностранцев. Французский дипломат Эмэ Гюмбер, например, в книге «Живописная Япония» подробно рассказывает о подготовке и встрече Нового года в 1864 г. Его книга содержит богатый, достоверный этнографический материал. Немецкий писатель и путешественник Э. Гессе-Вартег в книге «Япония и японцы» описывает жизнь и нравы конца прошлого и начала нынешнего века, уделяя значительное место рассказу о праздниках. В частности, он наблюдал праздник Бон в г. Киото, сезонные праздники любования цветами и сделал

интересные выводы о месте и значении праздников в жизни японцев. Своеобразное отношение японцев к природе, и в частности к цветам, подметил и известный английский писатель Р. Киплинг. Эти же черты японцев отмечал и немецкий искусствовед Карл Гегеман.

И в наши дни в книгах и статьях советских и зарубежных журналистов, дипломатов и писателей можно найти богатый материал и интересные выводы, касающиеся традиционных праздников, фестивалей, зрелищ.

Календарные праздники японцев оставили большой след в произведениях традиционной японской живописи и работах современных художников. К этой теме обращались такие известные художники, как Харунобу (1725—1770), Киёнага (1752—1815), Хиросигэ (1797—1858) и др. Традиции изображения праздничных церемоний и обрядов продолжали Хокусай (1760—1849), Кунисада (1786—1864), Тоёкуни (1769—1825).

Советские ученые-востоковеды, изучающие проблемы японской национальной культуры, неоднократно в своих работах касались различных аспектов обрядово-праздничного комплекса. Эти вопросы изучали С. А. Арутюнов, А. Е. Глускина, Р. Ш. Джарылгасинова, Н. И. Конрад, М. В. Крюков, В. А. Пронников, Г. Е. Светлов, Н. И. Фельдман.

Однако в русском и советском японоведении специальных работ, посвященных календарным обычаям и обрядам японцев, нет. Фундаментально освещен лишь новогодний цикл празднеств в недавно вышедшем исследовании, подготовленном сотрудниками Института этнографии АН СССР «Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год».

В самой Японии эта область духовной жизни народа привлекает большое внимание. Основы изучения календарных праздников заложил крупнейший японский этнограф Янагида Кунио (1875—1962), который в течение ряда лет руководил Японским этнографическим обществом (Нихон миндзоку гаккай), основанным им в 1935 г. Под его руководством группа японских этнографов подготовила и издала в 1951 г. «Этнографический словарь», являющийся важным пособием для изучения календарных обычаев и обрядов. В 1956 г. вышла его монография «Японские праздники», а в 1957 г. — «Японские обычаи и обряды в эпоху Мэйдзи» на английском языке, где целый раздел посвящен праздникам, отмечавшимся в период Мэйдзи.

Большой вклад в изучение японских обычаев и обрядов внес Хигути Киёюки (род. в 1909 г.), профессор университета Кокугакуин, председатель Общества по изучению японских обрядов и обычаев (Нихон фудзокуси гаккай). Ему принадлежит монографическое исследование «Праздники и японцы», в котором прослеживается история основных календарных праздников японцев.

Много внимания японским праздникам, как общенациональным, так и локальным, уделено в работах Мияо Сигэо (род. в

1902 г.), специалиста по проблемам народного искусства и обычаев. Интересный материал о японских календарных праздниках содержится и в книге Хага Хидэо (род. в 1921 г.) «Японские праздники», являющегося членом Японского этнографического общества. Подробные описания наиболее известных локальных праздников по отдельным регионам и префектурам даны в многотомной серии «Японские праздники», изданной в начале 80-х годов. Книги снабжены большим количеством иллюстраций и комментариями ведущих японских этнографов.

Большой фактический материал, касающийся земледельческих обычаев и обрядов, содержат этнографические обследования, проведенные в 1954—1966 гг. в различных районах Японии. Эти обследования проводились по инициативе Японского комитета по охране культурных ценностей (Бункадзай хогонинкай).

Важное место среди литературы по изучению японских обычаев и обрядов занимают всякого рода энциклопедии, словари, справочники, в которых содержится материал о происхождении, истории развития и атрибутике каждого праздника. Например, справочник «Календарные праздники», составленный Нисицунои Масаёси; «Справочник народных обычаев и материальной культуры Японии» Хафури Миясидзу; «Календарные праздники Японии» Сиода Кацу. Уникальными материалами для изучения праздников являются издания местных обществ по охране культурных ценностей, содержащие этнографические описания отдельных элементов праздников.

お正月

Глава 2

НОВОГОДНИЙ ПРАЗДНИЧНЫЙ КОМПЛЕКС

Понятие Нового года

В Японии, как и в других странах Восточной Азии, новогодние празднества занимают важнейшее место среди календарных обычаев и обрядов и по времени охватывают практически весь зимний сезон. С ними самым тесным образом связано и много других праздников начала года как истока нового жизненного и трудового цикла, а также благополучия. Поэтому большинство обрядов и обычаев в это время связаны с надеждами людей обеспечить себе счастливый, удачный год. Для крестьян это означает заложить основы хорошего урожая; для торговцев — прибыльного ведения дел; для служащих — повышение в должности; для студентов — успешную сдачу экзаменов; и для всех — счастье в жизни.

В новогодние празднества входят земледельческие обряды,

разнообразные снежные фестивали, праздники, связанные с отражением культа природы (любование первым цветущим в году деревом — сливой), и другие, как дошедшие до нас из глубины веков, так и вполне современные. И заканчивается этот комплекс, как и весь зимний сезон, праздником пробуждения природы — Сэцубуном, означающим конец зимы и приход весны.

Комплекс новогодних торжеств в настоящее время несколько растянут во времени в связи с переходом от лунного календаря к солнечному. Раньше он начинался дней на 20 или на полтора месяца позже, т. е. либо совпадал с началом весны, либо был ее предшественником. Новый год был, пожалуй, единственным праздником, который земледельцы в конце XIX в. начали отмечать по григорианскому календарю.

Со стародавних времен Новый год в Японии является поводом для разнообразных и сложных обрядов и церемоний. Это праздник праздников. По значению его можно сравнить с рождением на Западе. Даже в период Мэйдзи, когда особо почитались церемонии, связанные с императорской династией, Новый год относился к категории «трех главных праздников» (*«сандайсэцу»*) наряду с Днем основания империи и Днем рождения императора.

По-японски Новый год называется *«сэгацу»*. В буквальном переводе это означает «истинный месяц», а по смыслу — «первый месяц» или «начало года». Это понятие китайское, означающее, что все начинается с первого месяца. Сэгацу воспринималось японцами неоднозначно. Когда вся жизнь была связана с земледельческим трудом, словом «сэгацу» обозначали приход нового сельскохозяйственного цикла для каждой данной культуры. Соответственно были сэгацу «картофельные» и «рисовые». В то же время у рыболовов это понятие отсутствовало, так как лов рыбы длился круглый год. «Картофельный» сэгацу по лунному календарю совпадал с полнолунием 15-го числа 8-го месяца. Когда же стали возделывать рис, то словом «сэгацу» стали обозначать нынешний январь — первый месяц после уборки риса. Японский ученый, известный специалист по национальным обычаям Хигути Кёёюки в этой связи высказал предположение, что именно наличие двух сэгацу делало японских древних императоров «долгожителями». Ведь согласно японским хроникам, они жили якобы по 180 лет [126, с. 24].

Понятие «сэгацу» распространялось не только на календарные даты, но и на начало какого-нибудь дела. При этом подразумевалось, что предыдущий деловой цикл окончился успешно и был отмечен соответствующим торжеством. Отсюда, видимо, родилась японская поговорка «сэгацу и мацури вместе пришли» (*«сэгацу то мацури га иссё-ни кита»*).

Имеется в японском языке и специальное название для первого дня Нового года — *«гандзицу»* — «день начала». Это тоже китайское понятие, означающее «возрождение» или «отправле-

ние в новый путь», его можно выразить также словами «если сбился с дороги, то лучше начать сначала» [126, с. 25]. Отголоском этого понятия первого дня Нового года является ходкая фраза современных японцев: «Если потерял дорогу в горах, лучше вернуться к подножию».

Китайский лунный календарь принес еще одно понятие для обозначения Нового года и соответственно первого дня Нового года — «осёгацу» («большой Новый год»). По времени он совпадал с появлением новой луны в первом месяце нового года и не имел отношения к древним японским сёгацу. Более того, по старому японскому календарю первым днем первого месяца считался не день новой луны, а день полнолуния. Хага Хидэо считает, что древние японцы предпочитали проводить свои праздники в ясные лунные ночи, а не в темноте, когда на небе лишь нарождается узкая полоска серпа луны [124, с. 127—128]. После появления осёгацу день полнолуния получил название «косёгацу» или «малый новый год».

Утро первого дня нового года тоже имеет свое собственное название — «гантан», или «гантё» (первый иероглиф этого сочетания — ган означает «начало», «исток», второй — тан или тё — «утро»). На поздравительных открытках и по сей день пишут год, месяц и слово гантан. Последнее по отношению к другим месяцам не употребляется.

Кроме «большого» и «малого» в Японии существуют и другие «Новые года». Например, есть так называемый Новый год 7-го числа (*нанока сёгацу*). Согласно древним китайским верованиям, каждому дню недели соответствует какое-либо живое существо. Первому дню — курица, второму — собака, третьему — кабан, четвертому — овца, пятому — корова, шестому — лошадь, а человеку остается 7-й день. Этот день носит название «дзиндзицу» («день человека»), и, кстати сказать, в старину он был одним из наиболее популярных традиционных праздников, а в период позднего феодализма стал нерабочим днем.

«Малый Новый год», в свою очередь, имеет различные названия в зависимости от района страны. Так, на Кюсю он называется «Новый год полнолуния» («моти сёгацу», или «моти тоси», где моти означает «полнолуние», а тоси — «год»); в провинции Ното (название дано по старому районированию) — «молодой Новый год» («вакасёгацу»); в Хидэ (тоже по старому районированию) — «Новый год номер 2» («ни бан сёгацу»); на севере Сайтама — «цветочный Новый год» («хана сёгацу»), поскольку, как уже говорилось, новый год совпадал с началом весны; в районе Киото—Осака его называли «женский Новый год» («дзё сёгацу»). Это название объясняют тем, что в Новый год у женщины много хлопот и она не прочь его отсрочить.

Имеется также «Новый год 20-го числа» («хацука сёгацу»), который означает, что все торжества уже закончились. В районе Киото—Осака его называют «Новым годом костей» («хонэ сёгацу»). Дело в том, что на Новый год в этой местности в ри-

туальную пищу входила рыба желтохвост. Кости от нее 20-го числа клали в барду сакэ, добавляли съедобный лопух и редьку, варили и ели. Эта рыба является символом благополучия и удачной карьеры. В преф. Исигава «Новый год 20-го числа» называют «нищенский Новый год» («кодзики сёгацу»); в районе Киото — «толокняный Новый год» («хаттай сёгацу»); в районе Тюоку — «злаковый Новый год» («муги сёгацу») или «Новый год тороро» («тороро сёгацу», тороро — это подливка из тертого мяса с приправами). Все эти названия связаны с тем, что к 20-му числу, последнему дню общения с духом бога, все деликатесы уже съедались и оставалась только простая пища. Точно так же об окончании новогодних торжеств говорят и названия «Нового года 20-го числа» в районе Тохоку — «данго сёгацу» или «маюдама каки». Эти последние названия связаны с тем, что 20-го числа пора съесть новогодние украшения, сделанные из риса, — *данго* и *маюдама*.

Вот уже примерно 100 лет новогодние празднества в Японии немыслимы без Рождества. Ежегодное празднование Рождества началось с основанием в 1876 г. первой в Японии христианской (католической) школы для японских девочек. Обычай обмениваться рождественскими подарками появился с 1877 г., когда крупнейший в то время универмаг в Токио «Марудзэн» закупил первую партию таких подарков. А первые открытки с пожеланиями веселого Рождества и счастливого Нового года были привезены из-за границы в 1888 г. Однако вся рождественская обрядность в полном объеме прижилась в Японии только с начала века.

По свидетельству Янагида Кунио, несмотря на то что в XIX в. в стране было некоторое число христиан, празднование Рождества как такового было занесено в страну иностранцами и распространилось поначалу среди торговцев, больше всего общавшихся с иностранцами. Религиозный аспект был очень слаб, весь ритуал воспринимался скорее как развлечение [135, с. 266].

Другой современный известный исследователь истории и культуры Японии Ф. Маранин связывает укоренение празднования Рождества среди японцев с их конфуцианским мировоззрением и синтоистскими верованиями. «Почему японцы с таким энтузиазмом приняли рождество? Не только из-за его торговых возможностей, не только потому, что это необходимо было сделать, чтобы не отставать от заокеанских соседей, а потому что это как бы конфуцианское событие со всеми его церемониальными аспектами: ритуалами и музыкой, подарками, обменом письмами и открытками, пожеланиями всего наилучшего, визитами, детьми и бабушками, семейной радостью и процветанием страны. К тому же оказывается, что фигура доброго дядюшки Санта Клауса с его приветливой улыбкой и мешком, полным интересных вещей, очень удачно вписывается в компанию других улыбающихся, приносящих дары, благосклонных мифологи-

ческих героев японского пантеона и японской народной религии» [59, с. 17].

Однако этот праздник, по существу своему все же чуждый японцам в своей религиозной основе, прижился на японской почве в основном благодаря широким рекламным мероприятиям заинтересованных в этом коммерческих предприятий. Сегодня Рождество, ставшее уже японской национальной традицией, абсолютно лишено каких-либо религиозных мотивов и воспринимается населением лишь как развлечение, которое сопровождается прогулками по центральным улицам и посещением различных увеселительных заведений. С появлением в жизни японцев Рождества комплекс новогодних торжеств стал начинаться на неделю раньше.

Предновогодние базары

Предпраздничная суэта начинается с предновогодних базаров. Такие базары прошлых веков, устраиваемые для покупки необходимых украшений, одежды и пищи в праздничные дни, а также для веселого времяпрепровождения, встают перед нашими глазами, в частности, с бессмертных листов гравюр мастеров *укиё-э* (жанровой живописи, букв. «образы проходящего мира»), возникшей в середине XVII в., и страниц новелл Ихара Сайкаку.

На предновогодние ярмарки в крупных городах (Токио, Осака, Киото) стекалось огромное количество народа и привозилось множество разнообразных товаров. Одну из таких ярмарок XVII в. так живо описал Ихара Сайкаку, что создается впечатление, будто бы ты сам попал на нее. «Чего здесь только нет. Нарядно изукрашенные ракетки для игры в волан, позолоченные и посеребренные молоточки для Гиттё (детской игры в мяч.— *Авт.*) и еще много разных дорогих безделиц... Сколько рыбы привозят по утрам на рыбный рынок в районе Фуна-тё! Впору предположить, что ее не ловят, а выращивают как овощи... К зеленым лавкам... подходят навьюченные редькой лошади. Редька столько, что кажется, будто пришло в движение целое поле... В лавках... темно от обилия диких гусей и уток, словно сюда с неба упали тучи. Пестреют разноцветными тканями киotosкой окраски лавки на улице Хонтё» [39, с. 210—211].

Но не для всех ярмарки были радостными и веселыми. Многие толкала сюда горькая нужда. Стремясь найти деньги для встречи Нового года по установившейся традиции, бедняки несли продавать на специально устраиваемые ежегодные торги в конце года даже самые необходимые для них предметы. «Вещи, поступившие на торги в последний день года, свидетельствовали о горькой нужде их владельцев»,— писал Ихара Сайкаку. Кто-то принес на продажу полотняное новогоднее кимоно для девочки лет двенадцати, другой продавал москитную сетку

для комнаты, третий — свиток вощенной бумаги, исписанный каллиграфическим текстом, четвертый — половинку макрели [39, с. 198—199].

Первыми предновогодними ярмарками являются так называемые базары птиц (*тори-но ити*), существующие с середины XVIII в. Они устраиваются начиная с ноября на базе храмов Отори дзиндзя (Святылища птиц), которых особенно много в районе Канто. Главный из них находится в Токио в районе Дайто. Своим названием они обязаны легенде о том, что душа одного из умерших синтоистских божеств вылетела в виде белой птицы. Ярмарки при этих храмах проводятся в день птицы по лунному календарю. Поэтому в зависимости от года их число колеблется от двух до трех. Год, когда на ноябрь выпадает три «птичьих» дня, расценивается как неблагоприятный (считают, что в такие годы обычно бывает много пожаров или случается неурожай), и поэтому в храм стекается особенно много паломников, что весьма выгодно для него. Но это, увы, не помогает; например, в ноябре 1980 г. было три птичьих дня и храм Отори дзиндзя посетило около 1 млн. человек, но урожай риса в этот год был очень плохим.

Среди новогодних аксессуаров на этих ярмарках наибольшей популярностью пользуются такие талисманы на счастье, как грабли (*кумадэ*, досл. «медвежья лапа»). Считается, что подобно тому, как человек сгребает граблями зерновые во время сельскохозяйственных работ, так он будет «загрывать» и счастье. Грабли сделаны из бамбука и представляют по форме букву «Т» с еще одной поперечной планкой меньшего размера, от которой веером расходятся тонкие пластинки с загнутыми концами. Размеры кумадэ колеблются от полутора метров до 10 см. Иногда они украшены очень богато. В их орнамент входят различные символы благополучия и долголетия: золотые монеты, фигурки семи богов удачи, журавлики и т. д. В зависимости от украшений цена их может быть от 2 до 700 тыс. иен. Кумадэ как талисман счастья держат дома или на работе [110, с. 251; 123, с. 36, 37].

В наши дни особую популярность сохраняют и такие предновогодние ярмарки, как «ярмарка года» (*тоси-но ити*) в Токио, или, как ее еще называют, «ярмарка всякой всячины» (*нания-кая ури*) в районе Асакуса вблизи храма Каннон, а также рынок в районе Сэтагая (*Сэтагая боро-ити*, боро — по-японски «хлам», ити — «базар»), где продавалось старье. Обе ярмарки ведут свою историю с эпохи Эдо и проводятся в течение нескольких дней во второй половине декабря; первая 17—19, вторая — 15—16 декабря.

Ярмарка в Асакуса 60-х годов прошлого века очень подробно описана Э. Гюмбером в книге «Живописная Япония» [22, с. 326—332]. По мнению Гюмбера, эта ярмарка служит чем-то вроде всеобщей выставки японского населения, его вкусов, промышленности и развлечений [22, с. 326]. На этой ярмарке пред-

лагалось все: и товары, и увеселения. Заботливые хозяйки могли приобрести здесь соленья и сушеные овощи, маринованную рыбу, имбирь, разные приправы и сакэ всех сортов. И конечно же, ни одна хозяйка не пройдет мимо лангустов, которые являлись непременным атрибутом украшения новогоднего алтаря. Еще двумя веками раньше Ихара Сайкаку писал: «В предновогодние дни во всех рыбных лавках лангусты идут нарасхват, и достать их так же трудно, как какую-нибудь заморскую диковину» [39, с. 147]. Не обходят покупатели вниманием и мандарины дай-дай (сорт кислого мандарина), символизирующие благополучие и процветание.

На ярмарке можно обновить домашнюю утварь: купить маленькие бочонки с ручками для ношения припасов, ритуальные ведра для омовения в первый день Нового года, приспособления для провеивания риса, изделия из фарфора и глины. Ряды с домашней утварью сменяются лавками, где продается специальная бумага для написания новогодних поздравлений, тушь и кисти, свитки, гравюры, маски львов, драконов и различных других мифических чудовищ. Поистине впечатляет мир детской игрушки. Здесь и детская посуда, и мебель, и глиняные фигурки различных домашних животных. Из рядов, где торгуют всякой живностью, раздается лай собак, мяуканье кошек, клекот голубей, крики фазанов. С ними перекликаются зазывающие на свои аттракционы акробаты, фокусники, дрессировщики. И каждый посетитель ярмарки, конечно же, не преминет отведать национальные кушанья, приготовленные тут же, на ярмарке, в переносных кухнях. Традиция таких кухонь восходит к далекому прошлому страны.

И в наши дни на этой ярмарке можно купить все традиционные товары, необходимые во время Нового года, а также массу ненужных вещей, которые приобретаются лишь потому, что все охвачено в эти дни азартом покупок.

Особый колорит ярмарке придают в наши дни *хагоита* — ракетки для новогодней игры в волан. Они появились на ярмарке еще в начале 20-х годов прошлого века. Постепенно рос их ассортимент, и сегодня он насчитывает более 50 видов. Обратная сторона ракеток украшена сценами из пьес театра Кабуки или портретами его актеров, и сотни таких хагоита, выставленных в несколько рядов, создают впечатление мозаичного красочного панно. Благодаря этому ярмарку сейчас нередко называют хагоита-ити [123, с. 33; 148, 15.12.1984]. Подобные ярмарки устраиваются и в других районах Токио, например 23—24 декабря в районе Минато, 25—26 декабря вблизи храма Кирикава в районе Тиёда. А всего их насчитывается в городе шесть [115, с. 287].

Колорит старой ярмарки доносит до нас боро-ити в районе Сэтагая. Она повторяется и в январе в те же дни. Боро-ити насчитывает 400-летнюю историю. Тогда здесь торговали жители 20 деревень, расположенных на территории нынешнего райо-

на Сэтагая. Они продавали на ярмарке ненужные вещи, чтобы на вырученные деньги закупить все необходимое для встречи Нового года. Эта ярмарка получила название «веселой» благодаря царившему на ней оживлению. С конца XIX в. боро-ити несколько видоизменила свое назначение. Здесь стали продаваться товары не столько для Нового года, сколько для земледелия, например саженцы и рассада; иногда эту ярмарку даже называли «выставка-продажа саженцев» [115, с. 285].

Популярность ярмарки очень возросла в последние годы. Сейчас ее торговые ряды тянутся примерно на километр. Около 700 лавок тесно прижаты одна к другой [123, с. 87]. В них можно купить все необходимые повседневные товары. Но и по-прежнему то там, то здесь навалены груды всякого старья, так что свое название «боро-ити» она все еще оправдывает.

Крупнейшей предновогодней ярмаркой наших дней является также ярмарка в г. Одавара в Центральной Японии. Этот город известен как место исторической битвы 1590 г., практически завершившей создание централизованного государства в Японии; он был одной из 53 станций на почтовом тракте между Токио и Осака—Токайдо. Как и на базарах прошлых веков, на этой ярмарке можно приобрести не только необходимые для Нового года товары, но и «купить» пожелания, надежды, мечты, судьбу. Японцы всех возрастов очень охотно приобретают здесь *дарума*, *хамаюми* и *такара-бунэ*.

Дарума — это игрушка, изображающая божество буддийского пантеона (жрец Дхарма), пришедшее в Японию из Индии через Китай и Корею. Она сделана из дерева или папье-маше. По форме напоминает яйцо, имеет только голову и туловище; на хмуром лице выделяются огромные белые глазницы. Размеры игрушки различны — от голубиноного яичка до огромного арбуза. И цена соответствующая — от 300 до 38 тыс. иен. Напоминает хорошо знакомую нам игрушку — неваляшку. О том, почему дарума имеет такую форму, рассказывает легенда. Дело в том, что дарума в течение девяти лет предавался медитации, сидя лицом к стене. Когда же он захотел встать, то оказалось, что ноги у него отсохли. Считается, что дарума приносит удачу, вселяя в человека, его приобретшего, уверенность и решимость — такие же качества проявило божество во время медитации. Он также символ стойкости: ведь как бы вы его ни наклоняли, все равно он поднимется. Кроме того, дарума может помочь исполнению желаний.

Игрушка окрашена обычно в красный цвет, но вместо глаз, как мы уже говорили, оставляют белые пятна. Купив дарума, его счастливый обладатель загадывает желание и рисует один глаз, второй глаз подрисовывается в случае исполнения желания. Если же оно не сбудется, то дарума выбрасывают или сжигают в первый день следующего года на кострах во дворах некоторых храмов. Эта игрушка очень близка сердцу японца, ее покупают не только перед Новым годом, но и много позже,

например в марте. Существуют специальные оптовые ярмарки по продаже дарума. Наиболее известные находятся около Токио, в г. Такасаки, где, например, в 1982 г. было продано 1300 тыс. штук, и в г. Кавагоэ. Отсюда их рассылают на обычные ярмарки, в том числе и в Одавара.

Хамаюми — затупленные стрелы с белым оперением, которые должны уберечь дом от бед и злых духов. Каждый стремится купить хамаюми, потому что их выпускают в год только 500 тыс. штук.

Такара-бунэ — корабли с рисом и другими сокровищами и с восседающими на палубе семью богами удачи, а также картинки с их изображением. Каждый из них символизировал что-нибудь положительное в человеческом характере. Дайкоку олицетворял удачливость, Эбису — искренность, Бэнтэн — дружелюбие, Бисямонтэн — достоинство, Дзюродзин — долголетие, Хотэй — великодушие, Фукурокудзю — благожелательность. Такие кораблики размером до 18 см стоили в 1984 г. 700 иен, а отдельные фигурки богов удачи величиной 2—3 см — 250 иен. Одни покупают такого рода атрибуты Нового года, смеясь и веселясь от души, другие — отдавая дань традиции, третьи — искренне веря, что эта покупка поможет им в трудную минуту.

На ярмарке в г. Одавара в 1982 г. собственный корреспондент газеты «Правда» в Японии Ю. Вдовин сделал интересные наблюдения: пожилая японка в кимоно очень долго и придирчиво выбирала дарума, пробуя на вес, наклоняя набок, высматривая, быстро ли он поднимается и т. п. На вопрос веселого продавца — уж не дочку ли она собирается выдать замуж? — серьезно отвечала: «Хочу попросить дарума, чтобы жить стало легче в будущем году». Японец, купивший сразу двух дарума, пояснил, что одного он поставит в конторе, а другого подарит сослуживцам в надежде, что в наступающем году фирма не прогорит. Другая женщина, зажав в руке пучок хамаюми, убеждала мужа купить еще и самого большого дарума. На его возражение, что у них уже есть один, она отвечала: «Пусть будут два, лишь бы ты не потерял работу. Помни о детях. Может быть, новый год и будет лучше старого, как обещают газеты, но заручиться поддержкой богов нелишне» [138, 02.01.1982]. И такие разговоры можно слышать повсюду.

В современной Японии одновременно с традиционными японскими ярмарками происходят и рождественские распродажи. Они привлекательны тем, что по сравнительно низким ценам здесь можно купить разнообразные товары, да еще и в красивом обрамлении новогодней мишуры. Особенно они привлекательны для детей, которых завораживает мир новогодней сказки. И как дань традиции, повсюду в качестве украшений в витринах и в упаковке новогоднего товара можно видеть эмблему наступающего Нового года — изображение соответствующего животного.

Таким образом, все звенья современной торговли, начиная от огромных фешенебельных универмагов и кончая мелкими лавочками, объединенных в кварталы торговых рядов, по-прежнему навязывают обывателю свои «неповторимые» товары. Теперь в дело включена мощная индустрия рекламы, этого «смазочного масла» японской экономики. На ее службе — все средства коммерческой массовой информации. Телевидение, радио, декоративное оформление витрин, современные зазывалы, использующие как арсенал старых средств «зазывания», так и современную технику в виде мегафонов и микрофонов, — все нацелено на привлечение потребителя.

Этому способствует также существующая в настоящее время система заработной платы, при которой дважды в год — накануне Нового года и праздника Бон — рабочим и служащим, как правило, выплачиваются премиальные, так называемые «бонусы», составляющие обычно внушительную сумму порядка двух- или трехмесячных окладов.

Заботы на исходе года

На исходе года в городах и деревнях все от мала до велика спешат сделать необходимые приготовления к Новому году. А ведь сделать надо немало: убрать жилище, купить новую одежду и домашнюю утварь, приобрести заранее продукты для новогодних блюд, подготовить подарки для родственников, близких друзей и нужных людей, запастись украшениями для каждого дома и другими ритуальными предметами. И только тогда можно сказать, что и каждый человек, и каждая вещь готовы к этому знаменательному событию. Эта традиция восходит к далекому прошлому. «И в городе все спешат... Здесь пекут рисовые лепешки, там метелками из бамбуковых листьев обметают копоть со стен. Звенит серебро и золото на чашках весов: перед концом года каждый торопится с обменом...

Среди уличного шума раздается:

— Меняю молитвенные таблички!..

— Дрова продаю!

— Кая!

— Очищенные каштаны!..

— Раки камакурские!..

Продавцы игрушечных луков вынесли на улицу свой товар. Снуют, „сбиваются с ног“ прохожие в новых таби и сандалиях на кожаной подошве...

Да, и в старину так было, и теперь: если человек обзавелся хозяйством, то конец года для него — хлопотливое время — так повествует о предновогодней суете большой знаток городской жизни XVII в. Ихара Сайтаку [37, с. 65—66].

Уборка дома в последние дни уходящего года имела не только бытовое назначение, но в значительной степени несла

магическую нагрузку. Ведь на Новый год, как и на любой другой праздник, о чем говорилось выше, дом должно посетить божество, в данном случае божество года *тосигами*. Кроме того, всегда считалось, что удача не склонна появляться в грязном, неприбранном доме.

Обычай производить генеральную уборку жилища (*сусухараи*, *сусухаки*, букв. «очистку от саж и копоти») — очень древний. Название этой уборки восходит к тем временам, когда очаг в доме был открытым и в комнатах быстро накапливалось много копоти. А в предпраздничные дни все мыли, чистили, скоблили. «Во всех кварталах столицы жители оканчивали праздничные приготовления к новому году, — писал Э. Гюмбер, — Они вымыли и вычистили внутренность домов и поставили вверх дном все свое небольшое хозяйство. Тротуары были завалены циновками, ширмами, столами, бронзовой и фарфоровой посудой, которую хозяева спешили убирать по местам...» [22, с. 349—350]. В современных условиях вряд ли можно увидеть на улицах такие сценки, но в домах традиция сусухаран сохраняется.

Новый год — один из немногих праздников, во время которых тщательно украшаются дома, как внутри, так и снаружи, специальным набором атрибутов. Главным среди них, пожалуй, является *кадомацу* (букв. «сосна у входа» или «сосна у ворот»). Это украшение имеет ритуальный смысл и служит признаком того, что дом готов к приему божества. Устанавливается оно с 28 декабря и убирается обычно 7 января. Одни ученые относят этот обычай к IX в., другие — к XII в.

Название «кадомацу» появилось потому, что непременным компонентом новогоднего украшения является сосна, будь то большое дерево или просто веточка. Все зависит от достатка дома. Вечнозеленая сосна символизирует силу, твердость, стойкость, долголетие, здоровье, радостную и счастливую жизнь. Издавна из смолы сосны делали настойку, так называемую *мацудзакэ* (сакэ из сосны), которая применялась как лекарство для снижения кровяного давления.

В старину чаще всего деревце сосны устанавливали у ворот или посередине двора. В эпоху Муромати (1392—1573) это всегда было только одно деревце. В эпоху Эдо их стало два. В крестьянских домах сосну ставили на площадке для сушки риса, которая находилась на месте, где обычно стоят ворота. В домах горожан деревца помещали по обе стороны входа, как делается и сейчас. Такой обычай, очевидно, связан с поверьем, что эти два дерева — символ японской божественной супружеской пары — Идзанаги и Идзанами, которые породили Японские острова и пантеон синтоистских богов.

Другой обязательной составной частью кадомацу является бамбук — символ стойкости, противостояния невзгодам жизни, а также стремительного процветания, ведь бамбук растет очень быстро (за ночь он может удлиниться на 12 см), а его даже тонкие побеги при сильном ветре не ломаются, а только гнутся.

Стоящие по обе стороны входа сосна и бамбук соединяются соломенным жгутом — симэнава, который, согласно народным поверьям, ограждает от злых духов и несчастий. Обычно его делают из соломы только что убранного риса, и поэтому он сохраняет еще запах рисовых полей. Именно появление симэнава означает, что дом очищен от скверны и надежно защищен от «дурного глаза». Происхождение симэнава связано с уже упоминавшимся древним мифом о выманивании из пещеры богини Аматэрасу, которая спряталась туда, устав от безобразий своего брата Сусаноо, и погрузила мир в темноту. Когда, услышав звуки веселья, любопытная богиня глянула из пещеры, чтобы узнать, что же происходит, ее тут же вытащили, а вход моментально закрыли соломенным жгутом. С тех пор симэнава символизирует границу священной территории, будь то синтоистский храм, дом, дерево, камень, скала. В деревнях раньше обычно огораживали симэнава весь дом. В городах этого сделать было нельзя, так как дома стоят очень тесно. Поэтому ограждали только вход [126, с. 26—28; 110, с. 324, 325, 334, 335].

В состав кадомацу могут входить также папоротник, означающий чистоту и плодородие, водоросли — счастье, мандарины дай-дай — благополучие и долголетие для всей семьи, креветка или рак — долголетие, веточка цветущей сливы или персика — стойкость, поскольку они расцветают в самое суровое время года, а также красоту. Все эти компоненты порознь или вместе соединяются с симэнава в единую композицию.

Традиция выставлять кадомацу очень живуча в японском народе. О ней слогали стихи поэты еще в XII в., о ней писал автор «Записок от скуки» Кэнко-хоси в XIV в., много страниц посвятил ей Ихара Сайкаку. Очень живо изобразил кадомацу Э. Гюмбер: «Перед дверьми некоторых домов, по обеим сторонам входа, воткнуты были сосновые или бамбуковые деревья, с верхушками, связанными между собою гирляндами из рисовой соломы, обвешанными красными лесными ягодами и апельсинами и перевитыми длинными лентами из золотой и серебряной бумаги. По стенам, по галереям и по крышам домов висели веревки с длинной соломенной бахромой с маленькими сосновыми ветками и листьями папоротника. Этого рода украшения виднелись повсюду, на лавочках, на тории, на городских воротах...» [22, с. 350].

В деревнях, конечно, все это было скромнее, но тем не менее запоминалось людям на всю жизнь. Катаяма Сэн, основатель Коммунистической партии Японии, вспоминал в конце жизни в своих мемуарах: «К празднованию Нового года крестьяне начинали готовиться задолго. Помню, как дядя брал меня в горы за папоротником сида, за ветками сакаки и сосны и за небольшими сосновыми деревьями. Эти сосенки ставили у входа деревенских домов в виде новогоднего украшения» [42а, с. 66—67].

И в наше время кадомацу в новогодние дни можно видеть повсюду. Это «небольшие ворота из трех бамбуковых палочек, к которым привязывают ветки сосны. В домах победнее перед входом просто прикрепляют сосновые ветки. Ну а те, кто побогаче, выставляют „кадомацу“, состоящее из карликовой сосны, ростка бамбука и маленького цветущего деревца сливы или персика» [136, 1984, № 12, с. 48]. Как и раньше, это делается в надежде, что в дом придет счастье и благополучие, а беды обойдут его стороной.

В оформлении интерьера в квартирах или домах также много специфического, новогоднего. В частности, в качестве украшений используются любимые кушанья японцев *моти* — рисовые лепешки и *данго* — рисовые колобки, приготовленные в виде клецек. Для этого берут клейкий рис, распаривают его в горячей воде, а затем, пока он еще не остыл, толкут в ступе, превращая в вязкую, тестообразную массу. Из нее можно приготовить лепешки самой разнообразной формы. Моти всегда играли важную роль в новогодней обрядности. С древних времен такие лепешки различной формы использовались в качестве подношений богам, императору и всем, кто стоит выше дарящего на иерархической лестнице.

С давних пор существовал обычай украшать внутреннюю часть жилища букетами из ивовых или бамбуковых веток с подвешенными на них или насаженными моти в форме цветов, рыб, различных фруктов, коконов и зерен. Эти украшения носят названия *мотибана* (цветы моти) или *маюдама* (драгоценные коконы) в зависимости от формы [104, с. 546]. Мотибана раскрашены в желтый, зеленый, розовый цвет, что символизирует приход весны. Ветки устанавливаются на видном месте или свешиваются с потолка у входа. В домах, где по традиции сохраняются семейные синтоистские алтари (*камидана*), букеты с маюдама или мотибана часто ставят и около них. Все это делается для того, чтобы божество Нового года — тосигами, «входя в дом», тут же вспомнило бы о своей «обязанности» позаботиться о гостеприимных хозяевах в наступающем году. В старину это означало обеспечить им хороший урожай. Ведь рисовые лепешки в виде цветов изображают цветение риса, что должно было обернуться богатым урожаем. Сейчас же обязанности тосигами значительно расширились, ибо раздвинулись рамки и производственной деятельности людей, и их желаний.

Моти снимали с веток 15 января, в дни «малого Нового года», обжаривали их и съедали с кашей из *адзуки* (красных бобов). Моти — пища высококалорийная, и поэтому считалось, что она придает человеку особые силы. Согласно поверью, каждый член семьи должен съесть столько мотибана или маюдама, сколько ему исполнилось лет в наступившем году [126, с. 48; 124, с. 2—3].

В ряде префектур для создания подобных букетов использовали данго. Обычно на каждую веточку насаживали по 12 ко-

лобков, которые соответствовали 12 месяцам. Таким образом, каждый колобок «отвечал» за благополучие в своем месяце. Поскольку данго на прутиках имитировали цветы, то, по мнению советских исследователей С. А. Арутюнова и Р. Ш. Джарылгасиновой, родилась поговорка «хана ёри данго» («лучше данго, чем цветы»), иногда переводимая на русский язык как «соловья баснями не кормят», но имеющая, возможно, и другой смысл, связанный с продуцирующей магией данго в новогоднем обряде [42, с. 246].

Еще одним украшением из моти являются *кагами-моти* (зеркальные моти), названные так потому, что они круглые и гладкие, как старинные японские металлические зеркала. Широкое распространение они получили в период Муромати, когда в жилищах начали устраивать *токонома* (ниши в стене с приподнятым полом) — красный угол японского дома. Украшение *токонома* — одна из главных забот хозяев. В Новый год его украшают главным образом *кагами-моти*. Считается, что они являются как вместилищем человеческой души (поскольку зеркало отражает образ человека), так и воплощением божественного духа (так как зеркало — одна из трех священных регалий японцев).

Из *кагами-моти* создаются различные композиции, чаще всего пирамиды, перевязанные *симэнава*. Считается, что, чем больше число моти, тем сердечнее поздравление и вероятнее исполнение пожеланий. В композицию входят также сушеные хурма, краб, морской язык и т. п. *Кагами-моти* — одна из разновидностей новогодних подношений божеству (*о-сонаэ*), имеющих сакральный смысл. Их магическая функция заключается в обеспечении долголетия, счастья и процветания тем, кто сделал такие подношения. Их кладут на мешки с семенным рисом, чтобы обеспечить хороший урожай, помещают на крыльце дома, на кухне, в ванной, раскладывают на столах в комнатах, на рабочих местах, в мастерских и т. д. [110, с. 325]. У японцев, живущих в Северной Японии, среди подношений богам кроме *симэнава* и *кагами-моти* нередко можно видеть на домашнем алтаре и *киригами*. Это вырезанная из бумаги картинка корабля сокориц — *такара-бунэ* с семью богами удачи на борту и с иероглифом счастья над ними. Обычно такие картинки вырезались кем-нибудь из членов семьи, так как считалось, что их магическое свойство будет сильнее, если сделать их своими руками.

До сих пор большое место в новогоднем убранстве домов отводится разного рода *симэкадзари* — украшениям, непременной деталью которых является *симэнава*. Поэтому они имеют магический охранный смысл. К соломенному жгуту подвешивают или вплетают в него полоски бумаги, пучки соломы, мандарины, сушеные овощи, фрукты, рыбу, каракатицу, водоросли и т. п. [110, с. 324]. Все эти вещи несут определенную магическую нагрузку.

Под Новый год люди не только убирают жилища и украшают их, но и приводят в порядок себя и свою одежду. Этот обычай также уходит в далекое прошлое. Когда-то считалось, что с божеством надо встречаться после того, как ты принял *фуру* (японская ванна) и надел праздничное *кимоно*. Поэтому перед Новым годом все, кто в состоянии, покупают себе новую одежду, кто же победнее — приводит в порядок старую. Речь идет прежде всего о национальной японской одежде — кимоно. Именно на Новый год в современной Японии можно видеть множество детей, женщин и мужчин, облаченных в красочную праздничную одежду, которая очень редко мелькает теперь в будние дни.

Предметом предновогодних забот является также приобретение подарков для членов семьи, родственников и знакомых, а также написание поздравительных открыток тем из них, с кем расстояние не позволяет встретиться на праздник. Традиция преподнесения подарков в дни Нового года — очень давняя. О ней упоминается еще в древних японских хрониках. Существует особое понятие «*о-сэйбо*» — подарки в конце года, которыми вышестоящие одаривают нижестоящих. В старину феодалы, например, давали своим вассалам даже праздничные кимоно, а сейчас это, как правило, мелкие сувениры. Имеется еще одно название для подарков к Новому году — «*тосидама*» (сокровища года).

В старину подношение подарков в Новый год носило сакральный характер. Считалось, что с подарком в дом войдет «дух» Нового года. Поэтому в качестве тосидама в некоторых районах Японии преподносили ритуальные моти. В XVII—XVIII вв. в качестве тосидама дарили веера. Поэтому в последний день года повсюду можно было слышать голоса торговцев: «Покупайте веера» [116, с. 460; 126, с. 33—34]. Эту традицию застал Гюмбер в 60-х годах прошлого века. По его свидетельству, обычно дарили три или четыре веера, помещенные в лакированный ящик, который был перевязан шелковым шнурком [22, с. 293]. Был также обычай дарить полотенца. Иногда в него заворачивали какой-нибудь подарок. Бывало и так, что этот подарок в полотенце преподносили на веере.

Как свидетельствуют советские этнографы Р. Ш. Джарылгашинова и М. В. Крюков, родители часто в качестве тосидама дарили раньше детям монетку любого достоинства, положенную в специальную бумагу, сложенную конвертиком. Позднее это был просто пустой конвертик. Подарок стал чисто символическим пожеланием богатства и благополучия детям [42, с. 157]. Очень часто новогодними подарками служили вещи, сделанные своими руками.

Сейчас же японцы, люди весьма практичные, делают подарки, имеющие, как правило, функциональное назначение. Этому во многом помогает вездесущая реклама, которая расхваливает все подряд. «Так, например, вам могут подарить на Новый год

коробочку с мылом, пачку белого или розового сахара, несколько консервных банок, бутылку подсолнечного масла, комплект зимнего белья, полдюжины носков, набор кухонной утвари и многое, многое другое, и все это в великолепной упаковке. Декоративный бант и каллиграфически написанные имена того, кто дарит, и того, кому дарят, играют немаловажную роль, придавая самой прозаичной вещи торжественный вид» [8, с. 30].

В предновогодние дни почта работает с большой нагрузкой, рассылаются миллионы новогодних поздравительных открыток — *нэнгадзё*. На них, как правило, изображен символ наступающего года — один из 12 знаков восточного зодиака. Кроме того, сюжетами новогодних открыток бывают храмы, замки и другие исторические достопримечательности, зимние и весенние пейзажи. Хотя на большинстве открыток в настоящее время поздравительный текст отпечатан типографским способом (одновременно с поздравлениями к Рождеству), многие из японцев дополнительно пишут собственные поздравительные слова на старый манер — кисточкой и тушью. Это служит знаком особого уважения к тому, кому предназначено послание.

В Японии существует давняя традиция создания новогодних открыток в технике гравюры, так называемой гравюры малых форм. Это, например, карточки *суримоно* (букв. «что-то нарисованное»): Суримоно создаются также по поводу свадеб, юбилеев и прочих торжеств. Отпечатаны они обычно на плотной хорошей бумаге или на *васи* (японская бумага, сделанная ручным способом), присыпаны перламутром, золотым и серебряным порошком. В этом жанре работали известные японские графики XVIII—XIX вв. Сюнман, Хокусаи, Хоккэй и др. [91, с. 10]. И в наши дни известные профессиональные мастера гравюры Сайто, Китаока, Уэно (см. [48]) плодотворно работают над созданием новогодних открыток. Поздравления на суримоно посылаются в специальных конвертах. В выставках-конкурсах новогодних открыток, которые проводятся в конце года, наряду с профессионалами принимают участие художники-любители и дети. Создание новогодних открыток — один из любимых видов детского творчества.

Используя давнюю традицию рассылки новогодних поздравлений, министерство связи стало проводить с начала 50-х годов лотереи с новогодними открытками. Каждая из них имеет свой номер. В середине января публикуются таблицы с выигрышными номерами. В виде главных премий в 50-е годы предлагалась шерстяная одежда и детские перчатки, в 60-е годы — швейные машины и велосипеды, а в 80-е — электропечи и фотокамеры-полярOID, что резко увеличило продажу новогодних открыток.

Вечером последнего дня старого года вся семья по традиции собирается вместе, чтобы совершить последнюю в году трапезу, проводить старый год. В этот вечер принято есть *соба* — длинную тонкую лапшу из гречишной муки, что символизирует возможность сохранения благополучия в доме так же долго,

как тянется соба. По этой же причине считается, что тот, кто ест соба, проживет долго. В старину у торговцев омисока был самым хлопотливым днем, и не оставалось времени, чтобы самим сделать соба, и они покупали ее в специальных лавках.

В некоторых местах в последний вечер старого года в синтоистских храмах совершаются специальные церемонии — праздник огня. Например, в известном храме Ицукусима на о-ве Миядзима такой праздник представляет собой весьма красочное зрелище. Поздно вечером из храма выходят два священнослужителя; они идут рядом, скрестив верхушки зажженных факелов. Эти факелы достигают примерно метровой высоты и сделаны из завернутых в лыко и обвязанных соломенными веревками дощечек. От факелов зажигают огромный костер во дворе храма. Все участники церемонии зажигают от этого костра свои маленькие факелы. Молодежь и особенно детвора прыгают через костер, выхватывают из него поленья и носятся с ними по площадке перед храмом. Затем зажигают огромные факелы размером с телеграфный столб. Их берут на плечи несколько десятков человек. Они весело бегают с ними по близлежащим улицам, и их стайками окружают дети со своими маленькими факелами. Создается впечатление, что огонь повсюду. Потом горящие столбы ставят вертикально, и вокруг них организуют что-то вроде хоровода. Так завершается омисока.

Но для многих суета предстоящего праздника омрачается необходимостью возвращения долгов. В Японии бытует традиция в конце года выплачивать долги. Этот обычай подметил и Э. Гюмбер: «30 число последнего месяца есть роковое число срочных платежей. Хозяева ремесленных заведений, лавочники, семейные люди, вообще все, занимающиеся денежными делами, спешат свести счета и окончить свои дела, чтобы, по общепринятому в Японии правилу, долги не перешли неуплаченными на новый год» [22, с. 351]. Кто сумеет соблюсти данный обычай и освободиться от долгов, тот радостно готовится к Новому году. Для других же долги иногда становятся неразрешимой проблемой. Ихара Сайкаку писал: «Сегодня — последний день выплаты накопившихся за год долгов. Так стоит ли удивляться, что людям сейчас не до проповеди...» [39, с. 206].

И в современной Японии, которая так гордится (и часто заслуженно) своими успехами, немало людей, которым тоже не до «проповедей». У них нет возможности не только выплатить долги, им даже негде ночевать, и в новогоднюю ночь, «дождавшись окончания работы метро, усталые и отрешенные от жизни, „лишние“ люди расстилали на каменном полу станции куски картона, закручивались в газеты и, став похожими на египетские мумии, засыпали до утра» [138, 02.01.1982]. И таким людям, конечно, не до праздника. Это одно из проявлений классовой сущности общества. Ведь именно во время праздника особенно ярко выявляется подлинное положение человека в обществе, наиболее наглядно выступают его успехи и неудачи, отра-

жая социальную несправедливость буржуазного общества. Обездоленность, нарушение привычных социальных связей наиболее остро ощущаются также в период торжеств. Страдают не только те, которые оказались волею судеб вне общества, но и не имеющие возможности соблюсти все необходимые праздничные традиции.

Например, в середине 70-х годов группа молодежи, приехавшая из деревни на заработки в Токио, не могла вернуться к своим семьям в дни Нового года, как это было принято, так как не имела для этого денежных средств. Вырванные из привычных социальных условий, эти люди чувствовали себя в праздничные дни особенно одинокими и неприкаянными в большом городе. Преодолеть душевный надлом в дни праздника помогли им члены местной партийной организации КПЯ. Они сумели создать приехавшим ощущение теплой домашней обстановки, вернув им чувство принадлежности к определенному коллективу и оказав помощь в соблюдении всех новогодних ритуалов.

108 ударов колокола

О приходе Нового года вот уже более тысячи лет возвещают 108 ударов колоколов (*дзёя-но канэ*), доносящихся в полночь из храмов. Согласно буддийским верованиям, человека обременяют 108 забот. Считается, что последний удар колокола означает, что неприятности остались в прошлом, а в новом году всех ждет новая и, конечно, счастливая жизнь. Услышав этот колокольный звон, каждый японец чувствует, что действительно наступил Новый год.

Согласно поверью, счастье придет наверняка, если встретить восход солнца в первый день Нового года. Поэтому многие, прослушав удары колокола, тут же ложатся спать, чтобы хоть немного отдохнуть перед рассветом и насыщенным разными церемониями гандзицу. Раньше, когда Япония была одноэтажной, восход солнца можно было легко увидеть из собственного сада. Однако и тогда многие ходили к морю или в горы и ждали появления первого луча солнца, чтобы совершить синтоистский ритуал *касивадэ* (хлопать в ладоши перед собой). Сейчас в крупных городах не так-то просто увидеть рассвет, но люди по старинке все же встают затемно, а молодежь подчас заранее отправляется в горы, чтобы повеселиться и заодно отдать дань традиции.

С наступлением Нового года начинается паломничество в храмы — первое в новом году (*хацумодэ*, или *хацумаири*). *Хацумодэ* так же, как и *дзёя-но канэ*, передается по телевидению. Одни предпочитают посещать такие известные в стране святыща, как Исэ или Мэйдзи. Другие идут в местные, близлежащие храмы, как синтоистские, так и буддийские. «Это ночное

шествие,— писал Г. Е. Светлов, наблюдавший его,— представляет собой весьма впечатляющее зрелище. Люди движутся сплошным потоком по слабо освещенным аллеям, ведущим к центру храмового комплекса. Перед его главным строением временно сооружается невысокий барьер, пространство между ним и храмом покрывается большими полотнищами белой материи. Сюда устремляется толпа. Уже несколько часов спустя после начала хацумодэ белые полотнища оказываются покрытыми толстым слоем монет, которые бросают участники церемонии. Среди них можно увидеть и бумажные купюры, подчас крупного достоинства. Пробившись поближе к барьеру и бросив — чаще всего через головы стоящих впереди — горсть монет, человек дважды хлопает в ладоши, чтобы привлечь внимание божества, и на несколько секунд замирает в молитвенной позе со сложенными ладонями и закрытыми глазами. Изложив свои просьбы божеству, участник хацумодэ направляется к одному из многочисленных киосков, в которых продаются разного рода амулеты — *эта* (деревянные таблички, на которых верующие пишут обращение к божеству.— *Авт.*), *омикудзи* (бумажные полоски с предсказаниями судьбы — *Авт.*) и т. п. Никто не уходит с пустыми руками, и деньги рекой текут в карманы служителей культа» [97, с. 241].

В некоторых местных храмах в эту новогоднюю ночь проводятся свои специфические новогодние обряды. Например, в храме Омива (преф. Нара) совершается церемония очищения огнем. Суть ее состоит в том, что присутствующие в храме получают от священнослужителей небольшие факелы (это может быть просто кусок зажженной веревки), которые они несут домой, чтобы зажечь первый огонь в Новом году. На этом огне готовят новогоднюю еду. Считается, что исполнение такой церемонии сделает год благоприятным.

Вернувшись домой, люди приступают к совершению различных праздничных ритуалов. Еще в конце прошлого века широко бытовал обряд *вакамидзу* (букв. «молодая вода»). Воду из реки, колодца или родника приносили в дом, соблюдая определенный церемониал и произнося специальные заклинания, например, «фуку куму, току куму, ёродзу но такара има дзо кумитору» («черпаем счастье, черпаем добродетель, заберем сейчас все богатство») [110, с. 326]. Специальное деревянное ведро для этой воды и черпак с длинной ручкой украшались симэкадзари. Считалось, что эта вода имеет целебные свойства, поэтому ею умывались все члены семьи, из нее готовили специальный новогодний чай — «чай счастья» (*фукутя*), который приправляли маринованной сливой (*умэбоси*), черными бобами и пр., и особую новогоднюю еду *одзони* — похлебку из бобов с овощами, грибами, кусочками рыбы, креветок или цыпленка с добавлением моти.

Вот как вспоминает проведение этого ритуала во времена своего детства Катаяма Сэн. «В первый день вся наша семья

вставала еще до рассвета. Прадед с величественным видом отправлялся зачерпнуть „молодой водицы“. Мы с братом сопровождали его. По старинному календарю каждый Новый год устанавливалось *акэгата* (букв. „рассвет“, в данном случае — „счастливое направление для выполнения первой работы в новом году“.— Авт.), и идти за „молодой водицей“ следовало именно в этом направлении. „Молодую водицу“ использовали в первый день нового года для всяких надобностей: для умывания, для чая и т. д. ...В кухне, служившей одновременно столовой, устанавливали большой стол (сампо), покрытый двумя ветками папоротника, поверх расстилали белую бумагу и ставили угощение: вяленую хурму, каштаны, японские кислые мандарины (дай-дай), морскую капусту, вареные сладкие черные бобы. Все рассаживались вокруг сампо, пили чай, получали фрукты, и в это время впервые обменивались новогодними приветствиями. В заключение ели одзони» [42а, с. 67].

И в наше время этот обычай, хотя и в несколько трансформированном виде, сохраняется в ряде мест. В Киото, например, с трех часов утра желающие приходят за «молодой водой» в храм Хюга дзиндзя. У источника, который находится перед главным зданием храма, проводится церемония доставания вакамидзу, которая называется «*вакамидзусай*» («праздник молодой воды»).

Умывшись и облачившись в новые или обновленные одежды, члены семьи усаживаются за первую в новом году трапезу. Перед завтраком полагается выпить *о-тосо*, или *тосо* — церемониальный напиток. В некоторых районах страны полагалось до этого съесть ритуальные моти. Слово «тосо» означает «разрушение злых чар (то) и подъем человеческого духа (со)». Этот напиток изготавливался из сакэ, настоянного на различных растениях: багрянике стручковом, или коричном дереве, красных бобах, кикё (бледно-зеленое растение высотой в 70 см с крупными темно-синими цветами шириной до 8 см) и пр. Набор растений составлялся по рецепту китайской медицины. Кусочки растений клали в красный шелковый мешочек, который в последний день года в час кабана (с 10 до 12 часов вечера) погружали в колодец, а затем в день Нового года в час тигра (4—6 часов утра) вытаскивали и опускали в сакэ. О-тосо, который по традиции пьют в наши дни, покупают в магазине.

В древности тосо использовали как лекарство. Обычай пить тосо в первый день Нового года как ритуальный напиток появился в Японии в эпоху Хэйан, а с периода Эдо его начали употреблять только в Новый год. Сначала эта церемония совершалась при дворе, затем широко распространилась и среди простого народа. Согласно поверьям, вкусивший о-тосо в Новый год будет всегда здоров. Таким образом, о-тосо имел как практическое (лекарственное), так и магическое значение.

Обычно тосо преподносит хозяин дома каждому члену семьи, начиная с самого младшего. При этом он кланяется и произно-

сит слова поздравления с Новым годом. Поскольку сейчас этот напиток пьют и дети и женщины, то для приготовления тосо используют сладкое сакэ (*мирин*) [115, с. 6; 126, с. 30].

Отведав о-тосо, семья приступает к первому завтраку в новом году, который по традиции начинается с супа одзони. Независимо от имущественного положения семьи, обязательный набор кушаний такого завтрака одинаков у всех. Разница состоит лишь в том, что чем богаче семья, тем обильнее порции и разнообразнее деликатесы.

Вот как описывает такой завтрак известный советский этнограф С. А. Арутюнов: «В этот праздник после рисовой водки и супа „одзони“ гостям подается „дзюдзумэ“ — набор блюд в четырех, наставляемых один на другой судках — ящичках „дзюбако“. В верхнем ящичке находятся „кутитори“ — закуски для аппетита, во втором — „якимоно“ — жареные блюда, в третьем — „нимоно“ — вареные блюда и в четвертом — „суномоно“ — кислые закуски и маринады (с уксусом). В „кутитори“ помимо овощных закусок входит много рыбных: свежая селедочная икра, нарезанная кусочками и политая соусом; сушеные сардины, слегка прокаленные на сковороде и смоченные густым сиропообразным соусом из вареной смеси сахара и „сёю“, и др. В „суномоно“ входят свежие овощи, вымоченные в уксусе, и небольшие рыбки разных пород, слабо маринованные. Икра рыбы „тай“ идет на вареные блюда: она слегка проваривается в „даси“ (бульоне. — *Авт.*) вместе с овощами — горошком в стручках или цветной капустой» [4, с. 137].

Среди новогодних блюд большой популярностью пользуются мелко нашинкованная белая редька и красная морковь в маринаде — *намасу*. Издавна в стране белый и красный цвета считались священными. Вареные сладкие черные соевые бобы (*кумамэ*), символизирующие здоровье и силу, пюре из бобов, сладкого картофеля и каштанов (*кинтон*), очищенные сушеные каштаны (*катигури* — «каштаны победы»), фарш из рыбы (*камабако*), маринованная маленькая рыбка кохада, засахаренные кусочки морской капусты (*комбу*) — символ счастья и, конечно же, селедочная икра (*кадзу-но ко*) — пожелание многодетности.

Новогодний стол каждого японца не обходится без моти, которые являются не только ритуальной, но и любимой едой. В моти добавляются сахар, и получается излюбленное лакомство японцев. В ряде районов страны наряду с моти популярностью пользуется *таро* (разновидность картофеля), который, так же как и моти, используется и в качестве подношения богам.

Все необходимые для Нового года кушанья готовятся 30 и 31 декабря и хранятся в черных или красных лакированных ящичках. Такой обычай существовал с древности, он освобождал женщину в праздничные дни от ее повседневных домашних обязанностей. Сейчас в Японии с 31 декабря по 3 января за-

крыты все магазины, так что хозяйки свободны от хождения за покупками.

В первый день Нового года повсюду царит праздничная оживленная дружественная атмосфера. Со всех сторон слышатся слова поздравления, обращенные к знакомым и к незнакомым людям. Во второй половине первого дня Нового года люди отправляются с визитами к родственникам (с некоторыми из которых встречаются только в этот день), к друзьям, сослуживцам и тем, кто оказал семье какие-либо услуги в прошедшем году. Иногда такой визит сводится к оставлению своей визитной карточки на подносе, специально для этого выставленном.

По установившейся традиции младшие служащие государственных учреждений и частных компаний поздравляют вышестоящих по званию и положению работников, совсем так, как это предписывалось еще кодексом «Тайхорё». Статья 18 «Правила этикета» закона XVIII данного кодекса вменяла в обязанности чиновникам поздравлять вышестоящих начальников в первый день Нового года [76, с. 42].

Новый год, как и всякий праздник, наполнен различными играми и развлечениями. До сих пор, например, широко распространена игра *утагарута* (карты со стихами). Это оригинальная игра на знание древней японской поэзии. В ней используется сборник ста стихотворений великих поэтов, живших во второй половине VII — первой половине XIII в. Они были отобраны поэтом Садаэ Фудзивара (XIII в.). Сборник носит название «Хякунин иссю» (букв. «По одному от ста человек»). Он очень популярен и в настоящее время. В утагарута каждое стихотворение делится на две части и располагается на двух красочно оформленных картах. Есть несколько способов игры. В одном случае ведущий держит в руках карты, на которых написаны начальные строки стихотворений. Карты со второй половиной стихов рассыпаны на столе или *татами* (циновка из рисовой соломы, которой устилается пол в японских домах) перед играющими. Как только ведущий начинает читать текст, они должны как можно быстрее отыскать его продолжение. Знатоки игры находят стихотворение уже по первым словам. Победителем считается тот, кто быстрее всех соберет наибольшее количество карт.

В другом случае играющие разбиваются на группы. Каждая получает по 25 карт со второй половиной стихов. На этот раз члены групп стараются избавиться от имеющихся у них карт. Если одна группа недостаточно быстро находит необходимую карту, то любые другие игроки могут ее забрать и вместо этого дать две свои. Проигрывает тот, кто остается с лишними картами. Имеется еще более сложный способ игры с козырями. Утагарута — игра веселая, шумная, но требует больших знаний, хорошей памяти и, конечно, практики. Наиболее популярна она среди женщин [126, с. 36; 37; 11, с. 153—155].

В Новый год нередко также играют в *сугороку* — игру в кости с передвижными фишками. Эта настольная игра представляет собой доску, на которой изображен маршрут с указанием препятствий и знаков, облегчающих их преодоление. Бросая кости, играющий передвигает фишку по клеточкам поля согласно числу очков. Выигрывает тот, кто быстрее достигнет самой верхней или самой нижней клетки поля в соответствии с рисунком. Игра имеет давнюю и запутанную историю. Считается, что она пришла с континента еще в VI в. В то время это была весьма азартная игра, и поэтому ее неоднократно запрещали, о чем упоминалось еще в «Нихон сёки». Ею увлекались герои «Гэндзи моногатари», «Макура-но соси», о ней слагались песни, помещенные в «Манъёсю». И все это, несмотря на запреты. С течением времени игра теряет свою азартность и, постепенно приобретая познавательный характер, превращается в игру для детей. Считают, что это превращение произошло примерно в период Эдо. Появляются сугороку на разные темы. Так, были сугороку, играя в которые можно было выучить 53 станции Токайдо или получить сведения о различных других почтовых трактах. Встречаются сугороку, дающие знания по сельскому хозяйству, например о сельскохозяйственных орудиях или земледельческих культурах [116, с. 340; 110, с. 295].

В Новый год юноши любят, как и прежде, запускать бумажных змеев. История создания бумажных змеев уходит в далекое прошлое. Еще во II веке до н. э. в Китае их использовали для разведывательных операций во время войн. В Японии они применялись не только для разведки, но и для объявления о начале и об окончании войны. Во время военных действий их набрасывали на замковые башни противника и, цепляясь за них, поднимались на крышу и проникали внутрь.

С периода Эдо бумажные змеи нашли и мирное применение. Их использовали, в частности, в качестве лесов при ремонте крыши храма Каннон в районе Асакуса в Токио: храм был слишком высок и имеющиеся лестницы не доставали до его верха. Торговцы запускали змеев для рекламы своих товаров. Для детей самураев запуск змеев был любимым видом спорта. В праздничной обрядности змеи начали использоваться примерно с середины XVI в.

В старину бумажных змеев называли сироси, что является дословным переводом. Но в народе бытовало название тако (осьминог) или ика (каракатица), поскольку змеи по форме напоминали этих морских животных. И до сих пор в районе Канто бумажных змеев называют тако, а в районе Осака—Киото — ика. Постепенно первое название стало более распространенным. Обряд запуска бумажного змея настолько глубоко вошел в жизнь японцев, что они придумали для обозначения этого понятия свой собственный иероглиф, который читается «тако», и запуск бумажных змеев получил название «тако-агэ» (агэру — поднимать).

Змеи сейчас делаются различной формы (круглые, многогранные, треугольные и т. п.) и размеров, с разнообразными украшениями. В частности, на бумаге, наклеенной на бамбуковую раму, наносятся красочные изображения различных героев. Весьма популярны бумажные змеи, сделанные в районе Цугару (Северная Япония); их раскраска — ручной работы. Они называются «цугару-дако». Интересны также магодзи-дако, названные по имени их создателя. Еще в начале века мастер Такэути из местечка Магодзи (г. Мэйдзи на о-ве Кюсю) делал для своих близких бумажных змеев, по форме и раскраске напоминающих цикад¹. Они полюбились жителям города, и их производство стало семейным ремеслом. Сейчас три человека делают в год до 2 тыс. магодзи-дако.

До сих пор популярными являются соревнования воздушных змеев, в которых участвуют как дети, так и взрослые. В воздухе разыгрываются настоящие баталии, возможно являющиеся отзвуком былой военной славы бумажных змеев. Во время состязаний каждый старается, чтобы воздушный змей соперника как можно быстрее опустился на землю. Для этого или запутывают стропы своего змея с соседним и тянут его вниз, или же прикрепляют к веревкам своего змея какие-нибудь острые предметы (например, битое стекло) и пытаются с их помощью перерезать стропы змея противника [116, с. 392; 126, с. 40—41].

В то время как мальчики заняты бумажными змеями, девочки играют в волан (*ханэцуки*). Эта игра напоминает известный нам бадминтон, так как в ней используются ракетки и разноцветные воланы с оперением. Участники ханэцуки, встав в круг, отбивают волан, стараясь его не уронить. Если это не удастся, то проигравшему в виде наказания могут измазать лицо чернилами или осыпать пудрой. Это очень шумная и веселая забава.

О происхождении ханэцуки существует несколько версий. По одной из них, дошедшей из Китая, волан ассоциировался с москитом и удар ракеткой по волану в Новом году означал, что летом москитов не будет. По другой версии, эта игра появилась потому, что в Новый год много едят и надо потом немного поразмяться, чтобы целый год быть здоровым и сильным. Таким образом, прослеживается функциональная и магическая нагрузка в этой игре: обеспечение хорошего урожая, поскольку не будет вредных насекомых, и здоровья людей.

Ракетки для игры ханэцуки когда-то были очень простыми, но с периода Эдо появились богато декорированные *хагоита*, которые использовали для украшения интерьера, в качестве дорогого подарка и т. д. Обычный размер используемой во время игры ракетки — 50 см, а сувенирные бывают от 18 до

¹ Цикада — весьма любимое в стране насекомое. Существует даже ритуал слушания «пения» цикад.

200 см. Эти ракетки прекрасно описаны в книге «Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии»: «Трапецевидной формы ракетка и ее ручка вырезались из одного куска светлого дерева; та сторона, которой подбрасывали маленький шарик, только расписывалась, а на обратной стороне из разноцветных шелковых тканей и бумаги, из окрашенных нитей и шнурков, из изящных бумажных цветов, папье-маше и картона создавались поясные портреты и целые картины» [42, с. 142—143].

Истари существует поверье, что сон, увиденный в первую ночь в новом году, т. е. на 2 января, может предопределить судьбу человека на весь год. Он называется *хацуюмэ* — первый сон. Есть еще несколько ночей, сон во время которых также называют *хацуюмэ*. Это последняя ночь старого года, ночь со 2 на 3 января и ночь в праздник Сэцубун. Считается, что если в ночь на 2 января приснится человеку гора Фудзи, сокол или баклажан, то ему будет сопутствовать удача. Существует даже поговорка «первое — фудзи, второе — сокол, третье — баклажан» («ити фудзи, ни така, сан насуби»).

Происхождение ее точно неизвестно. Имеется несколько версий, большинство из которых связано с посещением сёгуном Токугава Иэясу (основателем третьего сёгуната в истории Японии) провинции Суруга. Однажды, гласит одна из версий, прибыв в Суруга, Иэясу удивился, что баклажаны здесь такие дорогие. Поскольку «дорогой» и «высокий» по-японски обозначаются одним и тем же словом «такай», то поговорка звучала следующим образом: «Наиболее высокая гора в Японии — Фудзи, на втором месте — гора Аситака (в название которой входит слово „сокол“ — така), на третьем месте — баклажаны». По другой версии, по прибытии в Суруга Токугава Иэясу был поражен обилием баклажанов на равнине Такано (и здесь в название входит слово «сокол») на фоне величавой горы Фудзи. По третьей, это просто три достопримечательности провинции Суруга [102, с. 24].

Счастливым приметой считается увидеть во сне восход солнца или попутешествовать по морю. Обычно никто не хочет видеть во сне змею, но в новогоднюю ночь змея означает получение богатства точно так же, как сон о мече или ножах; лунный свет сулит удачу и даже славу; землетрясение говорит о возможной перемене местожительства; а снег — непременно о счастье; лед во сне означает женитьбу или замужество. В эту ночь лучше не видеть во сне дождь, потому что он «прольет» на вас неприятности. Но больше всего хотят увидеть такара-бунэ. На картинке с изображением корабля с семьей богами удачи по обоим сторонам рисунка написан стих-перевертыш: «Как приятен звук лодки, качающейся на волнах, когда вы проснулись после глубокого сна!» Эти слова надо было повторить трижды перед сном, как заклинание, чтобы приснился один из счастливых снов, а картинку или игрушечный кораблик положить под подушку.

Обряды сёгацу

В старину на Новый год люди отдыхали три дня и только на четвертый приступали к работе. Однако уже и в те времена некоторые нарушали этот обычай, считая, что чем раньше начнешь трудиться, тем больше получишь дохода (своеобразный вариант русской пословицы: «Кто рано встает, тому бог подает»). В наш деловой век уже почти все начинают работать со второго дня Нового года, тем более что официальный нерабочий день — только 1 января. Но когда бы люди ни приступили работать, 4-го ли, 5-го ли или позже, все равно новогодние дни, новогоднее настроение чувствуется, как правило, в течение одной-двух недель. Продолжаются новогодние вечеринки, игры в волан и запуск змеев, поздравления, обмен подарками, сохраняются новогодние украшения жилищ, еще не съедена ритуальная пища. Этот период называется *мацу-но ути* или *симэ-но ути*, что означает «пока стоят сосны» или «пока висят симэнава». В одних местах он длится с 1 по 7 января, в других, например в районе Осака—Киото, до 15 января, а в некоторых и еще дольше. Эти дни и сегодня наполнены различными новогодними ритуалами, празднествами, соревнованиями, храмовой обрядностью.

Все, что делается начиная со 2 января, называется *котохадзимэ* — впервые сделанное. Это относится практически ко всему: к первой песне, первому танцу, первому письму, первому сочиненному стихотворению. Согласно поверьям, если в первые дни Нового года что-то сделаешь хорошо, то и весь год будет удачным. Эта традиция жива до сих пор.

В Японии существует интересный обычай отправлять на продажу так называемые первые товары (*хацуни*) и начинать торговлю (*хацуури*) в наступившем году на второй день Нового года. Товары везут в магазины или на рынки на различных видах транспорта. «Делается это торжественно, автомобили украшены бантами, шарами, цветами и большими плакатами с названием фирмы. Над трамваями, автобусами, поездами выются государственные флажки, а у таксистов на радиаторе машины как символ счастья прикреплена небольшая симэнава [8, с. 305, 307]. Торговцы тоже одеты по-праздничному. По случаю Нового года хацуни иногда продаются по повышенным ценам, что ни у кого не вызывает удивления, хотя в мировой торговой практике таких примеров нет. Поскольку торговцы хотят продать побольше, то они предлагают в этот день наиболее качественные товары, которые готовят заблаговременно, а покупатели довольны тем, что могут их приобрести. И те и другие, как считает Хигути Кнёюки, в определенной мере остаются в выгоде [126, с. 44]. Но это, конечно, может быть выгодно только тем, у кого есть свободные деньги.

2 января по традиции покупатели совершают первую покупку — *хацубаи*. В ряде районов обычно покупают трепангов,

по форме напоминающих мешки с рисом, в других — мешочки с солью, что является счастливой приметой благополучного года.

В XVII в. возник обычай поклоняться богам удачи и торговли. «В первый день Нового года, чуть забрезжит рассвет, улицы оглашаются выкриками торговцев картинками с изображением бога Дайкоку, сидящего на мешке с сокровищами: „Покупайте мешки со счастьем, не проходите мимо своего счастья!“ На рассвете второго дня раздаются голоса: „Эбису, кому Эбису!“ А на третье утро Нового года торгуют картинками, изображающими бога сокровищ Бисямона: „Кто еще не купил Бисямона, подходите скорее!“ Так три утра подряд зазывают покупателей продавцы богов счастья», — писал Ихара Сайкаку [39, с. 186].

Наибольшей популярностью пользуется бог Эбису, в прошлом покровитель рыбаков и торговцев, а ныне всех бизнесменов. Он изображается в виде тучного человека, держащего в руках рыболовные принадлежности и большого окуня. Во многих лавках и домах на почетных местах, в частности в токонома, ставятся фигурки Эбису.

Праздник Эбису отмечается дважды в году — в начале года и в конце. В зависимости от района второй раз он проводится 20 октября или 20 декабря. В конце года ритуал предусматривает вынесение благодарности Эбису за удачный год. Точно так же как и в январе, в эти дни выставляют статуэтки бога, приглашают гостей. Богу преподносят ритуальную еду, а для друзей устраивают веселые вечеринки. Этому второму празднику предшествует специальная ярмарка Бэттара-ити (в Токио бывает 19 октября). Она проводится с периода Эдо. В ночь на 19 октября по обеим сторонам улиц, ведущих к храму Такарада в районе Одэмма, появляется много лавочек. Здесь покупают все к празднику, в том числе соленую редьку — *бэттара-дзукэ*, название которой и дало имя ярмарке.

Со времен Эдо в этот день проводилась распродажа оставшихся товаров по сниженным ценам: в настоящее время она продолжается в течение всей недели, но уже никто не связывает ее с благодарностью богу Эбису, а все считают, что торговцы хотят сбыть неходовой товар или продать побольше, пользуясь низкими ценами, на чем и заработать. Таким образом, первоначальный смысл праздника утерян [131, с. 110].

В деревнях издревле существовал обычай на второй или четвертый день выполнять первую работу в году — *сигото хадзимэ*. Катаяма Сэн вспоминает: «В первый день нового года происходили различные церемонии. До сих пор отчетливо помню, что все эти обряды совершались как что-то священное, вокруг господствовала атмосфера торжественности, какой-то обновленности... мы отправлялись с прадедом на „первую порубку“... Срубив деревья нескольких пород: сосну, дуб, китайскую черную сосну, маки (широколистное вечнозеленое дерево.— Авт.) или

каштан... несли их домой... Работу начинали на четвертый день нового года. В этот день глава крестьянской семьи шел с мотыгой на свое поле и делал один-два удара в землю. Окончив этот обряд, он снова продолжал праздновать. Некоторые крестьяне в первый раз в новом году торжественно выезжали в поле с плугом, который тянули быки» [42а, с. 67, 68].

В ряде мест крестьяне все еще совершают церемонию первой работы в году — идут в лес за первой вязанкой дров, берут мотыги и лопаты для рыхления земли, а плотники — тесла, и символически все приступают к работе, вознося богам молитвы с просьбой обеспечить им успешный год.

Дети 2 января упражняются в каллиграфии (*какидзомэ* — начало письма), они старательно выводят иероглифы тушью: если в этот день они напишут их красиво, то значит и потом их почерк будет очень хорошим. В городах обычно эти образцы каллиграфии относят в школы, в деревнях по старинке сжигают в определенный день. Совершается также первая уборка жилища в новом году — *хакидзомэ*. Это делается либо 2, либо 4 января.

Важным мероприятием новогодних празднеств всегда считалось приготовление каши из семи трав (*нанагуса каю*) 7 января. Этот обычай пришел из Китая в середине VIII в. Кашу ели на седьмой день нового года, который считался «разгрузочным». Она была не только легкой, но и целебной пищей. Ведь во время праздника люди обычно обильно едят и мало двигаются. Кроме того, на празднике, как правило, едят заранее приготовленную еду. В старину, когда не было холодильников, для сохранения праздничных блюд в них клали много соли или сахара, так что кушанья были очень тяжелы для желудка, поэтому нужен был разгрузочный день. В древности, когда действовал лунный календарь, *нанагуса каю* готовили из дикорастущих трав. Но впоследствии некоторые из них стали заменять корнеплодами, число же компонентов — семь — оставалось неизменным, что, несомненно, связано с магией цифр. Обычно в набор трав входят: петрушка (*сэри*), пастушья сумка (*надзуна*), мокричник (*хакобэра*), глухая крапива (*хотокэ-но дза*), репа (*судзуна*), редька (*судзисиро*), сушеница (*гогё*).

В перечисленных растениях много железа и белка, например в мокричнике содержание белка достигает 27%. А такие травы, как сушеница и глухая крапива, хорошо влияют на регулирование кровяного давления. Репа и редька благоприятствуют пищеварению. Короче говоря, *нанагуса каю* — это народное средство от разных болезней.

С этой же целебной целью 15 января принято есть кашу из бобов адзуки (*адзуки гаю*), богатых витамином В. Кроме того, по старому поверью, у отведавшего такой каши в наступившем году не будет никаких несчастий и его не коснется влияние злых сил. Адзуки гаю делают из мелких красных бобов и риса. Их долго варят в большом количестве воды, пока масса не загусте-

ет. В ряде районов по старой традиции ее готовят мужчины.

Оригинальной новогодней обрядностью, с которой связывают успехи в делах или в учебе, является ритуал обмена деревянными птичками в храмах Тэндзин. Птички должны обязательно относиться к отряду восточных снегирей — усо, и вся церемония носит название «усо-гаэ» (гаэ — обмен). По-японски слово «усо» означает также и «ложь». Поэтому ритуал имеет и второй смысл — обменять ложь на правду.

Наиболее популярен этот праздник в храме Тэндзин в г. Камэйдо (пригород Токио). Те, кто хочет добиться удачи, например студенты, приходят в храм и приносят вырезанных из дерева и раскрашенных птичек (как правило, полученных в храме в прошлом году). Птичку держат на рукаве и ходят перед храмом. Проходя мимо друг друга, каждый пытается схватить чужую птичку и отдать свою. Считается, что среди птичек, раздаваемых храмом, есть одна из чистого золота, и каждый, конечно, хочет заполучить именно ее. И кто знает, может, вера в золотую птичку и поддерживает интерес к этой игре. Примечательно, что в период Токугава эта церемония была запрещена, так как она проводилась ночью и способствовала процветанию воровства. Но, несмотря на это, традиция жива до сих пор. Праздник раньше проводился 7-го числа первого месяца, а сейчас в зависимости от района либо 7 января, либо 24—25 января [149, 19.01.1985].

Обычным завершением многочисленных новогодних торжеств являются праздники, связанные с сакральным смыслом огня. Огонь — это стихия, которой приписывают очищающее свойство. Как мы уже говорили, праздники большей частью завершаются проводами божества. На Новый год тосигами, как правило, провожают ритуальным огнем. Этот обряд проводится в разных местах страны не одновременно и часто называется по-разному. В Восточной Японии это — Тондоэки или Дондоэки, в Западной — Сагитё, в преф. Ниигата — Сай-но ками. Традиция эта весьма древняя, о ней упоминалось еще в письменных источниках эпохи Хэйан. Обычно во время праздника разводят костер, в котором сжигают все новогодние украшения и пекут лепешки. Согласно поверьям, лепешки, приготовленные на этом огне, обладают целебными свойствами и изгоняют злых духов.

В празднике Сай-но ками в Ниигата самое активное участие принимают дети, которые собирают и приносят к храму новогодние украшения. На месте, где будут провожать божество, из сосновых веток и старой рисовой соломы строят что-то вроде шалаша, верхушку которого перевязывают симэнава, и в нее вставляют белый веер с изображением ярко-красного восходящего солнца. Вокруг шалаша складывают новогодние украшения. Вечером 15 января все это сооружение поджигают. Взметнувшееся пламя и появившийся дым означают, что божество возвращается на небо, где оно будет находиться до следующего года.

Праздник Сагите раньше проходил так же, как и Сай-ноками, в ночь полнолуния. Но в настоящее время он стал весенним праздником, который проводится в конце февраля (в преф. Фукуи) и даже в марте (в преф. Сига). Его особенностью в храме бога Хатиман в г. Оми (преф. Сига) является наличие красочных тележек. Их украшают бамбуковыми шестами, обвитыми красными и голубыми бумажными лентами. В декоре используются непременно и знаки зодиака. Шествие тележек, которые толкают мужчины в женских нарядах с раскрашенными лицами и празднично одетые дети, направляется к храму. Кульминацией праздника является сжигание тележек ночью. Вокруг огромного костра веселится молодежь [111, с. 11, 43]. В г. Сэндай (преф. Мияги) особой популярностью пользуется Дондоэки, называемый там Дондонъяки, проводимый 15 января. Он называется так потому, что во время веселых плясок вокруг костра дети кричат «дондон», отбивая такт бамбуковыми шестами.

Одним из зрелищных мероприятий первых дней нового года является демонстрация мастерства пожарников — *дэдзомэсики*. Пожарники всегда были очень нужными людьми в Японии. Ведь страна по существу вплоть до конца второй мировой войны была почти сплошь деревянной. А способ обогрева японских жилищ — *хибати* (жаровня с углями) и *котацу* (вделанная в пол жаровня) — весьма способствовал возникновению пожаров. В середине XVIII в. пожарное дело становится профессией, и с этих пор появился обычай проводить смотр пожарных команд, на котором они демонстрировали свое искусство. Обычно эти парады проходили на площади перед императорским дворцом. С 1965 г. их стали устраивать в каком-нибудь парке столицы. Это очень красочное, захватывающее, поистине цирковое зрелище. И как напоминание об истории, рядом с современными атрибутами развешаются вымпелы пожарных команд прошлых веков. Пожарные одеты в традиционные темно-синие куртки. Они проделывают виртуозные номера наверху высоченных бамбуковых лестниц: делают стойку, повисают вниз головой, пролезают между перекладинами и т. д. Этот традиционный праздник столичных пожарников постепенно начинает распространяться в другие города и селения.

Снежные праздники

Неловторимое своеобразие новогодним торжествам придают снежные праздники (*юки мацури*). Часть из них несет ритуальную нагрузку, имеющую отношение к урожаю, так как обильный снег обещает богатый урожай. Отсюда и слово «снежный» в названии праздников. Большинство снежных праздников связано с отправлением культа бога воды (*мидзугами*), иногда они даже называются мидзугами-сай (праздники Бога воды). Элементами этих праздников часто являются песни и представления

торион, что означает изгнание птиц или насекомых, охрану полей для сохранения урожая. Ведь от разного рода вредителей и по сей день погибает до трети урожая. Не случайно, что песни торион можно услышать и сегодня в сельской местности. Поскольку в свое время «изгнание» осуществлялось с помощью зажженных факелов, то в этой обрядности упоминается и Бог огня. Некоторые юки мацури носят чисто развлекательный характер.

Типичным примером первого типа снежных праздников является юки мацури, проводимый в местечке Ниино (уезд Симоина, преф. Нагано). Эта местность вообще богата старинными исконно японскими традициями. Снежный фестиваль в Ниино, отмечаемый с XIII в., непосредственно связан с дэнгаку мацури, который проводится для ублажения бога плодородия, о чем мы расскажем в следующей главе. Он отмечается 15 января, и если к этому дню выпадает мало снега, то за ним ходят высоко в горы. Кроме того, предварительно проводят различные церемонии очищения, подготавливают микоси и факелы.

В день праздника процессия с микоси отправляется в главный храм Идзу. Она идет по снежному полю так, чтобы солнце светило в спину. В руках у мужчин — колотушки, у мальчиков — барабаны, но они безмолвствуют. В роще главного храма микоси встречаются с факелами. Главный факел, который устанавливается во дворе храма, достигает девяти метров в высоту. После встречи микоси начинается исполнение танцев — дэнгаку-одори. Эти сельские пляски весьма разнообразны и сопровождаются большим шумовым оформлением. Танцы бога Хатимана и маленьких лошадок, воробья и льва, лошадей и быков, веселое представление кузнецов, удары барабанов, пение флейт — все это создает подлинно праздничное настроение. Среди множества неразборчивых выкриков отчетливо слышны возгласы «Большой снег! Большой снег!».

Одной из составных частей праздника является исполнение специальных песен полей — та-асоби-но ута. Эти песни поют вокруг большого факела. Кульминационным считается тот момент, когда в полночь зажигается большой факел, в отблесках которого, согласно поверью, появляются боги. Эта обрядность несет на себе печать весеннего пробуждения природы после зимнего безмолвия [113, с. 116—117].

Описание снежного праздника в одной из горных деревень преф. Нигата можно прочитать в повести Кавабата Ясунари (1899—1972) «Снежная страна»:

«Четырнадцатого февраля — „Торией“ — „Изгнание птиц с полей“, ежегодный детский праздник в этом снежном краю. За десять дней до него собираются все деревенские дети, обутые в сапожки из рисовой соломы, и утаптывают снег в поле. Потом вырезают из него большие кирпичи, примерно в два сяку (1 сяку=30,3 см.—*Авт.*) шириной и высотой. Из них строят снежный храм. Каждая сторона храма — около трех кэн

(1 кэн=1,81 м.— *Авт.*), высота — больше одного дзё (1 дзё — 3,03 м.— *Авт.*). Четырнадцатого февраля вечером перед храмом зажигают костер, сложенный из собранных со всей деревни симэ. В этой деревне Новый год празднуют первого февраля, так что до четырнадцатого украшения еще сохраняются. Затем дети поднимаются на крышу храма и, толкаясь и озорничая, поют песню „Ториой“. Потом все идут в храм, зажигают свечи и проводят там всю ночь. А пятнадцатого, ранним утром, еще раз исполняют на крыше храма песню „Ториой“» [41, с. 235].

Крестьянская детвора до сих пор любит такие праздники, несмотря на появление других многочисленных развлечений. Корреспондент одного из сельскохозяйственных журналов наблюдал торион в г. Мацунояма в преф. Ниигата. Там в ночь на 14 января 1985 г. мальчики группами человек по десять обходят дома жителей городка. Они идут цепочкой друг за другом, утопая в снегу. Фонарей не берут, так как на белом снегу хорошо видны следы и не страшно. Подходя к дому, дети громко извещают о своем прибытии специальной песенкой. Из дома выходят взрослые и дарят детям заранее припасенные мешки с мандаринами и сладостями. Этот вечер дети ждут с нетерпением. [144, с. 64]. Аналогичный праздник, но под названием Хацуума (Первый день лошади) можно наблюдать 15 января в деревне Тока преф. Тояма.

К снежным праздникам относится и обряд постройки снежных хижин — *камакура*. Он характерен для Северной Японии и ведет свое происхождение от новогоднего обычая в местечке Хороха (уезд Хирака, преф. Акита) строить снежные пещеры. В них собиралось много народу, чтобы провести там ночь накануне «несчастливого» дня во избежание несчастья.

История появления названия обряда *камакура* неизвестна. Существует несколько различных вариантов его происхождения. Во-первых, этимологию этого слова связывают со словом «пещера» на языке айну — коренного населения Японских островов. Во-вторых, оно часто встречается в детской песенке об изгнании птиц, которую исполняют во время этого праздника. В-третьих, слово «камакура» широко используется в народной традиции вообще с тех пор, когда г. Камакура был столицей государства (1185—1382). Кстати сказать, одна из обрядностей изгнания птиц с полей с помощью огня (торион-сагитё) в г. Акита носит также название «камакура» [115, с. 39].

Наиболее известным является праздник Камакура в г. Экотэ (преф. Акита), который проводится 15—17 февраля. Раньше он отмечался в середине января в ночь полнолуния, в некоторых местах эта дата сохраняется и поныне. Но в г. Экотэ день праздника был перенесен, по всей видимости, из-за недостатка снега в этом районе в январе.

Камакура — праздник детский. Из снега или льда строятся хижины, вмещающие 3—4 или 7—8 человек. Раньше их конструкция имитировала старинные японские постройки на севере

страны. Это были сложенные из снежных брикетов четырехугольные строения, крыша которых напоминала ставни. После войны появился новый тип построек — шарообразных, похожих на эскимосские иглú. В одной из стен делается круглое отверстие для входа, которое обычно завешивается темно-синей занавеской. У входа висит маленький колокольчик. В противоположной от входа стене вырубается алтарь, на который кладут подношения Богу воды. Когда-то это делалось с целью избежать засухи и имело религиозную окраску. В настоящее время это лишь развлечение для детей.

В середине снежной хижины устанавливается жаровня, и, несмотря на то, что нет двери, внутри достаточно тепло. Пол, как в обычном японском доме, устлан татами. И здесь соблюдается обычай снимать обувь (в данном случае соломенные сапожки) перед входом в помещение. Раньше хижина освещалась свечами, сейчас — электрическими лампочками. Дети играют, поют песни, едят сладости и фрукты, даже пьют легкое саке, угощают гостей из соседних хижин, сами ходят в гости. Когда приходят взрослые, то, по обычаю, они что-нибудь приносят хозяевам хижин — хотя бы мелкую монету. Как правило, детвора проводит в этих хижинах всю праздничную ночь.

Описанная картина — типична для данного праздника. Во всех туристских путеводителях по северным районам страны, а также в альбомах или популярных изданиях, посвященных традиционным японским праздникам, помещают фотографию именно такой камакура. Через полукруглый вход видно освещенное помещение, где на невысоком помосте вокруг огня сидят детишки, одетые в хлопковые *хаори* (накидка японского покроя, принадлежность парадного костюма).

Как правило, такие камакура строятся с помощью взрослых, во всяком случае при их консультации. Когда же их делают дети своими руками, то они выглядят намного проще. Например, в деревне Хироками (преф. Ниигата) ребята строят из снега четырехугольник и сверху прикрывают его доской (по типу того, как наши дети строят снежные крепости). Когда же выпадает очень много снега и образуются сугробы, то они просто вырывают в них пещеры [144, 1979, № 1, с. 64].

В день праздника Камакура на базарах продаются специально приготовленные рыбные и овощные блюда, а также игрушечные маленькие собачки (*инукко*), которых дети кладут на алтарь в своих снежных хижинах. Эти игрушки делают из теста, замешенного на рисовой муке. По поверью, собачки обладают способностью отгонять злых духов и сохранять здоровье детей. В некоторых местах, например в городке Юдзава около г. Камакура, эти собачки вместе с фигурками журавликов или рыбок считаются талисманами от воров. Здесь 15—17 февраля проводится даже специальный праздник *Инуко* мацури.

Праздник в г. Ёкотэ приобрел большую популярность в наше время благодаря широкой пропаганде его по радио и теле-

видению. В это время года Ёкотэ много зарабатывает на туризме, так как на праздник съезжается свыше 100 тыс. человек, и с каждым годом их становится все больше. Говорят, что некоторые приезжают на праздник ежегодно в течение многих лет. Их привлекает редкая в наше время возможность ощутить спокойную, размеренную атмосферу зимнего периода [105, с. 13—14].

Современным вариантом праздника Камакура являются снежные фестивали, которые отмечаются во многих префектурах Северной Японии. Например, в середине февраля в окрестностях г. Ёкотэ почти во всех городках и селениях вдоль течения р. Асахигава устраиваются выставки самых разнообразных снежных скульптур. Прообразом таких скульптур можно считать огромных «снежных баб», изображенных еще на гравюрах XIX в. [63]. 9—13 февраля празднуется Юкидоро мацури (фестиваль снежных фонарей). Около замка Хироаки (преф. Аомори) устанавливаются не только хижины, но и скульптуры, а также примерно 300 фонарей, в которые вместо стекол вставляют картинки на исторические темы. Когда фонари зажигают, то эти картинки как бы оживают. В г. Синдзюкуиси (преф. Иватэ) в первой половине февраля устраивается десятидневный снежный фестиваль на крупнейшей в стране молочной ферме Коиваи. Он проводится с 1968 г. и собирает до 200 тыс. человек [149, 09.02.1985].

Во время некоторых юки мацури строятся не маленькие хижины для детей, а огромные дворцы и замки, синтоистские храмы, скульптуры, сцены из снега и льда, на которых проходят представления. Для таких грандиозных сооружений требуется, естественно, много «строительного» материала, и таким образом город заодно очищают от снега. По этому поводу нередко звучит поговорка «иссэки ниттё» (букв. «одним камнем — двух птиц», в русском варианте — «убить двух зайцев сразу»).

Впервые такой праздник состоялся 18 февраля 1950 г. в г. Саппоро на о-ве Хоккайдо. Теперь он проводится обычно в течение пяти дней, как правило, в начале февраля. Это самый известный фестиваль префектуры и крупнейший из юки мацури в стране. Своим возникновением он обязан случаю. В 1950 г. учащиеся средней школы второй ступени, решив поразвлечься в скучное зимнее время, соорудили в парке Одори шесть снежных фигур высотой от трех до пяти метров. Скульптуры привлекли внимание более 50 тыс. зрителей. Затея всем понравилась, и постепенно родилась традиция. А сейчас уже многие считают, что этот праздник существовал с незапамятных времен — так прочно он вошел в жизнь народа.

В настоящее время в дни этого праздника сооружаются целые архитектурные ансамбли, превращающие город в фантастическую страну. Сначала тематика скульптур и строений была чисто японской: синтоистские храмы, их стражи, замки, величественные статуи Будды, легендарные герои, драконы и пр.

Последние лет десять сюжеты стали носить интернациональный характер. На полуторакилометровой улице Одори коэн наряду с традиционными японскими святилищами выстраиваются и индийские храмы, и мавзолеи, и европейские дворцы. И вместо 50 тыс. зрителей ими теперь любуются ежегодно около 2 млн. посетителей. Строения располагаются на площадках шириной до 105 м. Высота сооружений в последние годы ограничивается в целях безопасности при ликвидации построек после окончания праздника. Раньше их делали из снега и обливали водой, сейчас, как правило, сооружают из блоков льда. Их устанавливают друг на друга, а потом уже скульпторы и архитекторы, подчас и непрофессионалы, обрабатывают блоки. Лед привозят пожарные и войска самообороны.

Праздник начинается с вознесения молитв перед ледяным синтоистским храмом, т. е. соблюдается древний ритуал. Затем начинается пышное, красочное зрелище. Проводятся различные конкурсы: исполнителей на барабанах, на старинных и современных музыкальных инструментах, конькобежные и лыжные соревнования, парад старинных костюмов и современных мод, идут различные театрализованные представления.

Фестиваль приносит городу большие доходы. Гостиницы, рестораны и закусочные, аттракционы и различные туры, по образному выражению одного из журналистов, являются мощной инъекцией в зимнюю экономику г. Саппоро. Непременные участники этого фестиваля — эскимосы [149, 26.01.1985]. Снежные фестивали, типа проводимых в г. Саппоро, уже не являются мажори в строгом значении этого слова, а превратились в торгово-туристические развлекательные мероприятия.

Такого рода праздники с постройкой дворцов, но более скромные, проходят и в других местах, например в преф. Ниигата в г. Токамати (во вторую субботу и воскресенье февраля) и в г. Муйка (10—11 февраля). В г. Муйка, в частности, сильны еще старые традиции, когда строили помещения из снега, где проводили «несчастливый день», жарили моти и ели их; били в деревянную колотушку и ходили по улицам с песнями, в которых говорилось об изгнании с полей вредных насекомых и птиц. Таким образом, и этот праздник, по существу, связан с надеждами на хороший урожай [113, с. 151; 115, с. 31; 118, с. 858].

Пробуждение природы — Сэцубун

Завершением новогодних празднеств является один из интереснейших и древнейших обрядов зимнего сезона — Сэцубун. Это слово означает «водораздел сезонов», и им обозначается день накануне прихода нового сезона. Понятие «сэцубун» пришло в Японию с введением древнего китайского летосчисления и относилось к четырем дням в году — канунам наступления весны (риссюн), лета (рикка), осени (риссю) и зимы (ритто). Но постепенно все большее значение придавалось кануну прихода

весны, так как она ассоциировалась с пробуждением природы, началом года и сельскохозяйственных работ. Поэтому Сэцубун рассматривался как канун Нового года, хотя и не совпадал с началом календарного года. Таким образом, у японцев может быть три предновогодних вечера — по солнечному и лунному календарям и сэцубун.

По солнечному календарю Сэцубун приходится на первую декаду февраля (обычно празднуется 3 или 4 февраля); по лунному календарю он бывал и в 12-м, и в 1-м месяцах. В некоторых сельских районах Сэцубун все еще отмечается по лунному календарю, и здесь он более популярен, чем канун Нового года по солнечному календарю, возможно, благодаря его сакральной обрядности.

Появление обряда Сэцубун связывается с одним из важнейших понятий китайской философии — инь-ян. Это два противоположных взаимодействующих начала, лежащие в основе мироздания: света и тьмы, положительного и отрицательного, активного и пассивного, юга и севера, женского и мужского и т. п. Считалось, что на стыке сезонов эти начала противостоят друг другу, что вызывает опасность появления разного рода несчастий. Отсюда необходимость недопущения активизации злых сил и рождение своеобразной обрядности изгнания демонов. Последняя имеет несколько названий — *они-яраи*, *они-хараи*, *цуина*, *ониоисики*, но суть их одна: прогнать злых духов и обеспечить себе благополучие.

Сэцубун как праздник начал отмечаться с эпохи Хэйан, первоначально среди аристократии, а затем и других сословий. С эпохи Токугава, т. е. с XVII в., он вошел в жизнь каждой семьи и одновременно начал широко отмечаться в наиболее известных храмах, превратившись в своего рода торжественное зрелище.

Сэцубун широко освещен в таких произведениях средневековья, как «Гэндзи моногатари» Мурасаки Сикибу, «Адзума кагами» («Зерцало Адзума» — хроника правительства раннего периода Камакура, 1180—1260 гг.), «Тююки» («Записки правого (второго) министра Фудзивара Мунэтада», начало XII в.) и «Макура-но соси» Сэй Сёнагон [116, с. 357].

В обрядность Сэцубун входит изгнание злых духов с помощью амулетов и разбрасывания бобов. В таком виде она дошла до нас со времен Муромати [118, с. 427]. Амулет, как правило, представляет собой ветку вечнозеленого кустарника османтус с колючими листьями и с сильным запахом цветов. На ветку османтуса насажена высушенная голова рыбы иваси. Во время Сэцубун амулет кладут у входа в дом. С периода Хэйан существовала легенда, что в этот вечер злой дух Кагухана появлялся в городе, ловил и поедал девушек и детей. Но Кагухана не любил запахов сушеной иваси и османтуса и старался обходить те места, где был этот запах. Если же он хотел отбросить со своей дороги эти сильнопахнущие предметы, то

натякался на колючки османтуса и тоже не мог проникнуть в дом. В некоторых местах в качестве амулетов используют обладающие сильным запахом чеснок, лук или шерсть [116, с. 357]. Очевидно, обычай использовать сильнопахнущие предметы как обереги японцы позаимствовали у айнов.

Разбрасывание бобов (*мамэмаки*, или *мамэути*) связано с другой легендой. Согласно легенде времен императора Уда (888—896), во время его царствования в городе появился злой дух, сошедший с горы Курама. Чтобы изгнать его, семеро ученых монахов возносили молитвы в течение 7749 дней, а затем откупились от него бобами: пришли к пещере, где он обитал, и бросили ему 3 коку и 3 то бобов² [115, с. 30]. Существует еще одна версия возникновения обычая разбрасывания бобов. В стародавние времена в Японии свирепствовала эпидемия, которая унесла много жизней. Считали, что в распространении болезни повинны черти. И поэтому в канун Сэцубун в них бросали поджаренные соевые бобы.

Разбрасывание бобов — наиболее важная часть обряда. Бобы жарят на огне, который, как уже говорилось, считается очищающей стихией. В домах бобы разбрасывают не только у входа, но и в комнатах, особенно в темных углах, где якобы и могут находиться черти. Обычно этот почетный обряд выполняет хозяин дома. Во время разбрасывания бобов приговаривают: «Они ва сото — фуку ва ути» («Черти — вон, счастье — в дом!»). Эта присказка, вероятно, вошла в обиход с периода Токугава. Потом бобы собирают и едят в качестве ритуальной пищи, чтобы отвести всяческие болезни. Считается, что надо съесть столько бобов, сколько тебе лет, и еще один для того, чтобы в наступившем году ты был здоров и удачлив в делах. С эпохи Хэйан существовал также обычай заворачивать бобы (по числу лет плюс один) в бумагу и ночью класть сверток на перекресток дорог, чтобы кто-нибудь на него наступил [131, с. 124]. В этом случае все несчастья прошлых лет покинут человека. Такой обряд описан в «Мунэнага сюки», дневнике военачальника и кронпринца Мунэнага, жившего в XIV в.

Для изгнания беса, вселившегося в самого человека, использовали в старину обряд *цуина*: нюхали атрастилис, сильнопахнущую траву, или ели моти, замешенные на этой траве. Данный обряд описан в «Сики-моногатари», литературном памятнике эпохи Камакура.

В сельской местности в этот день изгоняют не только злых духов, но и вредных насекомых и змей, для чего во дворах жгут ветки деревьев. Считается, что треск горящих веток отпугивает всякую нечисть. С давних пор праздник заканчивается вечеринками.

Обряд изгнания бед проводится во всех храмах, синтоистских и буддийских. В первых он называется сэцубун-сай, или

² Коку и то — меры ёмкости. 1 коку=180,4 л; 1 то=0,1 коку.

цуина-стики, во вторых — сюсё-э. Во время ритуального обряда разбрасывания бобов перед храмами собираются толпы народа. После совершения религиозного обряда из храма с шумом выбегают мужчины в костюмах демонов и смешиваются с толпой. Несколько позже появляются переодетые монахи, которые гонят демонов по улицам, а затем возвращаются в храм, после чего начинается церемония разбрасывания жареных бобов.

Обряд совершает специально избранный для этой цели «человек года» (*тоси-отоко*). Впервые о «человеке года» и его функциях в этой обрядности упоминается в «Имагава Дайсю-си», записках полководца и поэта Имагава (1325—1420). Это обычно наиболее влиятельные, уважаемые люди: депутаты, популярные артисты, писатели, борцы сумо и т. п. Сейчас совершение обряда доверяют даже женщинам. Праздник приносит выгоду и храмам, где собирается много народа, и тоси-отоко, способствуя их популярности. Таких тоси-отоко может быть 100 и более человек, как, например, во время этого праздника в г. Тага (преф. Сига). Тоси-отоко в синих национальных одеждах с гербами на спине, красных шапочках типа беретов стоят полукругом во дворе храма, отгороженные от толпы симэнава, в руках у них деревянные коробочки, наполненные завернутыми в белую бумагу бобами. Кидая жареные бобы в толпу, они кричат: «Они ва сото, фуку ва ути». На лицах людей, которых собирается во дворе храма не одна сотня, можно прочесть целую гамму чувств. Это и радостное оживление, и насмешка, и надежда, и искренняя вера, и полное презрение ко всему происходящему [112, с. 165]. В некоторых храмах, например Хорюдзи и Кофукудзи в г. Нара, Хэйан в г. Киото, Нагата в г. Кобэ и др., устраиваются представления, сюжетом которых является изгнание демонов богами.

Увидеть этот же обряд можно на гравюре Хокусая «Изгнание дьявола». Огромный мужчина в одежде самурая XII—XVI вв. энергично бросает бобы в дьявола, который в страхе убегает. Дьявол, обросший шерстью, изображен с рогами, огромными когтями; он весь сжался и торопится удрать. В верхней части гравюры изображены атрибуты Нового года — пучки соломы и листья папоротника [47, с. 85].

Современные фотографы зафиксировали своеобразное проведение этого праздника в 1958 г., когда было завершено строительство токийской телевизионной башни высотой 333 м. На скоростных лифтах тоси-отоко поднялись на застекленную смотровую площадку, откуда они бросали в толпу, собравшуюся у подножия башни, «священные» бобы. Трудно сказать, долетели ли эти бобы до тех, кто жаждал с их помощью обрести удачу, но хозяева башни и участники мамэмаки свои доходы получили.

И в наши дни значительная часть японских семей исполняет отдельные элементы обрядности Сэцубун, в особенности мамэмаки, хотя ему уже не уделяется такое внимание, как в эпоху Токугава, когда он был одним из важнейших праздников года.

豊年

Глава 3

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ОБРЯДЫ ЯПОНЦЕВ

Истоки земледельческих обрядов

Значительное место среди календарных праздников у любого народа занимают праздники старого сельскохозяйственного календаря с древней и богатой обрядностью. Большинство из них намного старше любой официальной религии мира, будь то ислам, буддизм или христианство. Земледельческие праздники связаны с приспособлением человека к окружающей среде, с его трудовой деятельностью.

Сельскохозяйственные обряды неотделимы от природного цикла, бытового уклада народа, его культуры. Они насыщены разнообразными эмоционально-развлекательными компонентами, обрядово-игровыми действиями, различными спортивными и трудовыми соревнованиями.

Поскольку эти праздники возникали в процессе трудовой

деятельности людей, то они, естественно, отражали их опыт по освоению окружающей среды и этнопсихологический уклад жизни. «Не случайно все старые календарные праздники концентрируют богатейшие рациональные фенологические и экологические знания людей. Народная мудрость давала рациональные хозяйственные ориентиры на будущее, помогая человеку согласовать свой труд с погодными условиями и окружающей средой. По своей сути крестьянский календарь — это свод сведений о ежегодно повторяющихся атмосферных и природных изменениях и их влиянии на урожай злаков, овощей, плодов, приплод скота, на поведение птиц и зверей» [84, с. 93].

В истории любого народа земледельческие обряды связаны с производством основной сельскохозяйственной культуры. В Японии это рис. Именно из практики его возделывания и возникло все богатство крестьянских обычаев, обрядов, различных мифов, которые во многом роднят японцев с народами стран Восточной и Юго-Восточной Азии.

По японской мифологии, отраженной в «Кодзики», возникновение сельскохозяйственного производства связывается с богиней плодородия Охогэцу-химэ. Эта богиня была убита богом Сусаноо, и из ее головы выполз шелковичный червь, из глаз посыпались рисовые зерна, из ушей — просо, из носа — красные бобы, из живота — пшеница и соевые бобы.

По другой легенде, рис в Японию принес журавль. Аналогичные мифы существуют и в странах Восточной и Юго-Восточной Азии. В Китае, например, считали, что рис принесла собака, а в Юго-Восточной Азии — какая-то птица.

В преф. Иватэ рассказывают третью версию о том, как рис попал в Японию. Согласно мифу, рис японцам доставило божество Инари-сама (букв. «божество, приносящее рис»). Оно спрятало несколько зерен в тростниковом стебле и заткнуло отверстие бумагой. Используя этот стебель в перевернутом виде как посох, Инари-сама вернулось из далеких странствий в Японию. Возможно, именно поэтому в Японии перед началом полевых работ было принято ставить на рисовых полях в перевернутом виде стебель тростника. И только после высадки рисовой рассады на поля, когда уже становится ясным, что все растения прижились, тростник можно было спокойно перевернуть корнем вниз.

Рис в Японии играл столь большую роль, что даже одушевлялся. Многие древние крестьянские обряды проникнуты верой в то, что у риса есть душа, причем легко ранимая. Поэтому она требовала к себе очень внимательного отношения. Об этой душе надо было заботиться, чтобы она не покинула рис. И не было ничего хуже, как проявить к ней неуважение.

В «Древних фудоки» в разделе о провинции Бунго содержится два практически одинаковых рассказа о том, как обидели душу риса и к чему это привело. Те районы, о которых идет речь, всегда славилась своими обширными плодородными зем-

лями, где собирали богатый урожай. Благодаря обильным урожаям крестьяне разбогатели, начали пить сакэ и развлекаться. Однажды они захотели пострелять из лука. А в качестве мишени поставили рисовые лепешки моти, поскольку риса у них было много. Оскорбленный моти — дух риса не выдержал такого святотатства, превратился в белую птицу и улетел. В тот же год все жители этого края погибли, а их заброшенные поля пришли в запустение. Когда же люди снова набрели на эти места и попытались возделывать рисовые поля, рассада засохла. Так душа риса наказала людей за небрежное отношение к своему основному продукту питания [25, с. 123, 125, 126].

Много легенд связано в Японии не только с душой риса, но и с божествами рисовых полей. Они, согласно мифологии, спускаются с гор, превращаясь из божеств гор в божества полей, и появляются на полях лишь весной после того, как рис начинает расти.

Обилие легенд о рисе объясняется тем, что в старину благополучие всего населения непосредственно зависело от урожая риса. Рис использовался для уплаты налогов, выплаты жалованья, в качестве залога и т. п. [87, с. 156].

В эпоху Токугава размеры земельной собственности определялись не площадью, а количеством собранного с нее риса. Если говорили, например, что какой-либо район имеет 1 млн. коку, то это означало, что здесь может прокормиться 1 млн. человек. Вплоть до 1940 г. при оплате труда плотников, штукатуров и ряда других рабочих исходили из цены на рис. Он был жизненно необходим всем.

Именно за получение риса боролись трудящиеся во время первых массовых выступлений в 1918 г., которые вошли в историю Японии под названием «рисовые бунты».

Рис всегда был не только повседневной едой, но и магическим атрибутом большинства обрядов и праздников. Он использовался и для приготовления ритуальной пищи, и для праздничных украшений жилищ. Наряду с моти традиционным обрядовым блюдом из риса является *сэкихан*. Это клейкий рис, который варят на пару вместе с адзуки, придающим ему красноватый цвет. Раньше для приготовления такого блюда выращивали специальный сорт красного риса. И сейчас его возделывают в ряде мест Японии, в частности на священном рисовом поле при храме Хоман на о-ве Танэгасима (преф. Кагосима). Теперь этот красный рис предназначается только для ритуального подношения богам.

С изменением технологии возделывания полей, с приходом на них разнообразной техники, меняется характер труда крестьянина и исчезают многие земледельческие обряды и обычаи, некоторые из них теряют свое религиозное обличье. Уходит постепенно в прошлое сакральный характер многих традиционных блюд из риса. Большинство крестьянских семей уже не готовят сами моти и сэкихан, а покупают их в готовом виде в магази-

нах. Но все же сельскохозяйственные обряды продолжают жить.

Рисоводческие обряды весьма разнообразны как по форме, так и по содержанию и варьируются по регионам. К ним относятся, в частности, *таути* — полевые работы, связанные с выращиванием риса; *та-асоби* — полевые игры; *тауэ-синдзи* — магическая посадка риса; *тауэ-одори* — танцы, связанные с высадкой рисовой рассады; *тауэ мацури* — праздники высадки рассады риса; *таути-одори* — танцы полевых работ; *окта мацури* — праздник на священном поле; *харукува мацури* — праздник весеннего рыхления; *дэнгаку мацури* — праздник сельских плясок. Все эти действия проводятся с целью получения хорошего урожая.

Во время таких обрядов в одних случаях имитируется весь процесс возделывания риса или какая-то его часть. В других случаях — это подлинные сельскохозяйственные работы с магической целью на «священных» участках земли в храмах или на крестьянских полях.

В японской литературе вышеупомянутые обряды не дифференцируются между собой, очевидно, из-за внешнего сходства, явившегося результатом их многовекового сосуществования. Советский японовед А. Е. Глускина, исследуя данную проблему, пришла к выводу, что различные названия свидетельствуют о разных явлениях, не совпадающих по хронологическим рамкам. По ее мнению, наиболее древней обрядностью можно считать *та-асоби*, изображающие весь комплекс выращивания риса. Затем появились обряды, представляющие отдельные виды земледельческих работ, например *таути*, или *тауэ*. Но с течением времени эти названия были перенесены на весь процесс сельскохозяйственных работ. Наблюдалось также появление разных названий для одних и тех же обрядов. Например, обряд посадки риса в одних местностях назывался *тауэ-синдзи*, в других — *тауэ-мацури*, в третьих — *тауэ-одори* [14, с. 229].

Магия рисоводческой обрядности

С магией рисоводческой обрядности прямо или косвенно связано очень много праздников в дни новогоднего полнолуния, особенно это относится к 15-му дню Нового года. Для крестьян среди всех новогодних церемоний особое значение имеют действия, связанные с будущим урожаем. Причем если новогодние празднества и большинство связанных с ними традиций все же стоят особняком от сезонных праздников, то рисоводческие обряды японцев пронизывают все сезоны, т. е. проводятся в течение года в соответствии со стадиями возделывания риса.

Эта обрядность сугубо символическая и представляет собой церемониальные подношения богам, гадания, простейшие действия, напоминающие высадку рисовой рассады, пышные, красочные праздничные представления и шествия. Ее цель — выразить

благодарность за хороший урожай в прошлом году и вознести молитву о благополучии в наступившем. Такие праздники устраиваются не только в январе, но и в последующие месяцы.

В глубокой древности в Японии существовал обычай в 3-й день 1-го месяца по лунному календарю (т. е. примерно в начале февраля) возносить молитвы богу Дайкоку о хорошем урожае. Молились все, начиная с императора. В этот день использовались священные талисманы — *тамахабаки*, особые метелки из сосны или из мэтогигуса (лиственный кустарник высотой около 1 м, цветет осенью белыми цветами). Такими метелками, обвешанными пятицветными стеклянными бусинками, очищали предметы, применяемые в шелководстве.

В г. Нара в императорском дарохранилище Сёсоин при храме Тодайдзи¹ сохранилась метелка из мэтогигуса, которой пользовался сам император. На кончиках некоторых веток до сих пор нанизаны стеклянные разноцветные бусинки; рукоять метелки обернута лиловой кожей, обмотанной золотой ниткой, а в некоторых местах — белой веревкой с разными бусинками. Такие тамахабаки дарили людям с пожеланием хорошего урожая. В этот же день император совершал ритуальную вспашку поля украшенной серебром и золотом мотыгой или разукрашенным плугом (карасуки). Два таких плуга тоже имеются в музее. Судя по надписи на ручке, они относятся к 758 г.

Обряды, имитирующие действие высадки рисовой рассады, можно встретить у многих народов Юго-Восточной Азии, выращивающих рис. Особенностью Японии является церемония высадки рассады риса в снег. Во время этого обряда совершаются действия, воспроизводящие пересадку рисовой рассады на поля. В качестве рисовой рассады во время этой символической церемонии используются пучки соломы или сосновых иголок.

Такой обряд распространен главным образом в горных районах страны, где нередко в середине января можно увидеть фигуру крестьянина в соломенных шляпе и дождевике: утопая в снегу, он выполняет церемониальный обряд посадки риса рано утром в день новогоднего полнолуния. В это же время дома и хозяйственные постройки украшаются маюдама. Они символизируют метелки риса, полные зерен. Этот ритуал, по мнению Хага Хидэо, подчеркивает тот факт, что усилиями японского крестьянина южная культура выращивается и в северных районах [124, с. 130—131].

В январе тосигами делают подношения в виде рисовых лепешек. Их кладут на поднос на семейном алтаре, а также выносят на поля, где в это время можно встретить ветки растений, приносящих удачу, — сосны, каштана или бамбука с прикрепленными к ним бумажками-заклинаниями, подобными нуса, используемой во время синтоистских церемоний. Нуса представляет собой палку с прикрепленными к ней лоскутами бумаги или

¹ Один из главных храмов г. Нара, где находится самая большая статуя Будды; построен в 745 г.

ткани. Она служила для совершения обряда очищения (*о-ха-раи*). Чтобы «очиститься», люди гладили этими лоскутками свое тело, а затем выбрасывали их в реку или море. Нуса входит в набор предметов для ритуального подношения богам.

Конкретным примером рисоводческой магии может служить обрядность в деревне Сакураигава (уезд Инасики, преф. Ибараки). Здесь мацури проводятся еще до замачивания семян, в первых числах 2-го месяца по лунному календарю. Они представляют собой моления о хорошем урожае, которые возносятся в храме в каждой деревне.

Кроме того, священные действия совершаются в самой деревне. Обычно жители объединяются в группы примерно по семь дворов и выбирают главную семью группы (*хонкэ*). В ее доме будут проводить магический обряд. Для этого во дворе устанавливаются два шеста высотой выше восьми метров с именами богов местного храма. В доме сооружается специальный алтарь. У входа висит симэнава и стоят ветки бамбука и сакаки. На крышу дома водружают *сандавара* — круглую соломенную крышку, которая используется для закрывания мешков с рисом. На сандавара ставят что-то вроде маленького алтаря для специальных подношений богу. Такими подношениями могут служить куски бумаги, одежда, веревка и пр. Раньше туда клали еще и рыболовные сети. Установление сандавара — это знак божеству, что оно может посетить дом. А люди на крышу уже подниматься не могут, так как это место подготовлено для бога.

В ритуал этого мацури входит церемония передачи ящичка в форме храма, где символически обитает дух божества, от хозяина главной семьи данного года хозяину главной семьи будущего года. Ширина такого ящичка обычно 21—24 см, высота — 42—45 см. Внутри него находится записка с именем хозяина главной семьи этого года. Сверху ящичек покрывают рогожей из соломы только что снятого риса и семь раз обвязывают его веревкой, что является ритуальным действием, связанным с магией цифр. Церемония передачи ящичка проводится с соблюдением строго установленных правил. На этой церемонии присутствуют представители от всех семей деревни.

Эти интересные данные были собраны в середине 60-х годов комитетом по охране культурных ценностей [122, с. 11].

Во время праздничных представлений исполняются пантомимы, изображающие обработку поля, подготовку семян, высадку рисовой рассады, изгнание птиц, прополку, уборку урожая. Иногда участницы пантомим — девушки-танцовщицы исполняют ритуальные танцы во дворах домов, но чаще всего подобные представления можно наблюдать на специальных площадках при храмах.

Например, ежегодно в ночь на 11 февраля на территории храма Китано (район Итабаси, Токио) выделяется площадка в пять квадратных метров, обнесенная священной веревкой —

симэнава, закрепленной по четырем углам площадки на бамбуковых стволах. Вечером десять мужчин в белых одеждах вступают на эту импровизированную сцену. Двое главных участников представления изображают весь процесс выращивания риса — от подготовки рассады до сбора урожая. На голове одного из танцоров надета маска быка, другие выходят в костюмах льва и лошади. Затем появляется божество полей, известное под именем Енабо. Вся церемония сопровождается пением и заканчивается, когда божество покидает священное место [124, с. 132].

Практически по такой же схеме проходит 13 февраля Праздник полевых игр в храме Сува в районе Асакуса. Его особенностью является то, что для проведения праздника отводится специальная площадка, изображающая поле, на одной стороне которого выставлено пугало, на другой — бамбуковые шесты с насаженными на них данго, в середине площадки находится барабан, вокруг которого и совершаются все праздничные действия: пляски, игры и пр.

До периода Мэйдзи подобные обряды проводились во всех районах страны. С конца 20-х годов нашего века отдельные пляски и представления начинают демонстрироваться также и на специальных этнографических вечерах (подробнее см. [114, с. 231—233]).

Продолжают привлекать зрителя праздники сельских плясок с молением о хорошем урожае, проводимые при храмах. Например, 3 февраля в преф. Анти в г. Хораи при храме Хораидзи устраивается Дэнгаку мацури. Главными героями этого праздника являются демоны, «обитающие» в ближайших горах. Их роль исполняют мужчины в красных, черных и синих костюмах. Во время танцев они звонят в колокол, подносят сакэ и рисовые колобки Богу плодородия. На празднике исполняется 10—12 вариантов этих танцев.

Другой характерной деталью земледельческих праздников являются процессии, очевидно, связанные с выходом крестьян в поле для проведения работ. В настоящее время это пышные торжественные шествия с микоси, колесницами и другими разнообразными атрибутами.

Примерами таких шествий могут служить процессии во время праздников молябы о хорошем урожае — Эмбури в г. Хатинохэ (преф. Аомори) и Хибусэ в г. Мидзусава (преф. Иватэ). Во время Эмбури, который проходит 17—20 февраля, жители деревни танцуют, поднимаясь на гору Тёя под аккомпанемент барабанов, флейт и других музыкальных инструментов. Кроме того, во время шествия его участники изображают весь процесс выращивания риса — от посадки до уборки. Название праздника происходит от несколько измененного слова «эбури» (грабли), у которых вместо зубьев — доска с зазубринами [115, с. 40; 149, 09.02.1985].

Праздник Хибусэ имеет 300-летнюю историю и отмечается

22 февраля с целью получить хороший урожай и предотвратить пожары (отсюда его название «хибусэ», что означает «предотвращение огня»). Жители близлежащих районов приобретают в святилище амулеты, а затем начинается парад колесниц (некоторые из которых имеют форму барабана) и костюмированное шествие. Юноши и девушки в старинных одеждах находятся на разных колесницах. Праздник привлекает много зрителей, он считается одним из наиболее популярных в стране [115, с. 42—43].

В феврале проводится и Праздник первого дня лошади второго месяца — Хацуума, посвященный божеству Инари. Он отмечается в различных храмах по всей стране. Возникновение праздника относят к началу VIII в. и связывают с появлением божества риса в пров. Ямасиро (ныне район г. Киото) как раз в первый день лошади второго месяца. Его своеобразием является обилие изображений лисиц, выставленных вокруг храмов и вдоль дорожек, ведущих к ним.

Лисица на этом празднике появилась, согласно легенде, описанной Ивадоо Тамоцу, следующим образом. На горе Фунаока севернее императорского дворца в г. Киото обитало семейство лисиц с пятью детенышами. Видя, как божество Инари помогает крестьянам получать богатый урожай и оказывает им покровительство в повседневной жизни, лисицы тоже захотели стать полезными людям. Они отправились в храм и обратились к божеству с просьбой сделать их своими слугами на земле. Они так усердно молились, что священный алтарь вдруг с шумом сдвинулся со своего места и появилось божество Инари. Оно вышло просить лисиц и сделало их своими верными помощниками. С тех пор в храмах Инари повсюду продаются амулеты с изображением лисиц, которые держат во рту круглый драгоценный камень и ключ. Первый символизирует «камень желания», дарующий неограниченное богатство. Второй открывает путь к обильному урожаю [29, с. 32—33].

Храмы божества Инари очень многочисленны. Помимо таких известных, как Фусими в Киото, Тамацукури в Осака или Тоёкава в преф. Анти, маленькие кумирни Инари встречаются повсюду в сельской местности. В старину крестьянские семьи строили такие небольшие молебни даже на своих землях. Во время праздника тории (и перед огромными храмами, и перед маленькими кумирнями) украшают флагами с начертанным на них именем божества. Внутри святилища перед алтарем возжигают благовония и ставят подношения божеству — бобовое печенье, жаренное в масле из семян репы, рис, сваренный с красными бобами, и разные сладости. Особое значение в этом ритуале имеет подношение *абурагэ* — жареного соевого творога и *гаммодоки* — жареного соевого творога, начиненного овощами. Первое преподносят, когда божество просит о помощи, второе — в знак благодарности. А перед изображениями лисиц, стоящих по обе стороны алтаря, на деревянных подносах раскладывают

ся только абурагэ. Считается, что для священных лисиц это самое большое лакомство.

Во время праздника стоит страшный шум, бьют барабаны, слышны звуки деревянных колотушек, металлических колокольчиков и гонгов, а также голоса, читающие молитвы. На барабанах в храме играют в основном дети, сменяя друг друга. Они так стараются, так воодушевляются, что иногда создается впечатление, что это именно они, а не лисицы или божество Инари должны обеспечить хороший урожай.

Большую группу праздников с ритуальным молением о плодородии, о богатом урожае составляют мацури с эротическим культом, характерным для многих народов. Во время этих праздников исполняются танцы, имитирующие половой акт, а в атрибутике используются изображения женского и мужского половых органов, символизирующие магическую силу. Как известно, суть части магических действий состоит в том, чтобы на подобное влиять подобным. Когда первобытный человек понял, что половой акт является причиной зарождения жизни, то это стало ассоциироваться у него с плодородием земли. Поэтому половые органы превратились в фетиш, в символ плодородия, и их изображения стали использовать во время проведения магических земледельческих обрядов.

15 марта храм Огата в г. Инуяма (преф. Анти) собирает толпы народа для проведения Праздника ожидания большого урожая — Химэ-но мия хонэн мацури. Всех привлекает колесница, на которой установлено сооружение в виде раковины. Она то открывается, то закрывается, символизируя женский детородный орган. Внутри раковины находится очаровательная девушка, которая бросает в толпу рисовые лепешки. Все это означает плодородие и материнство. В этот же день в соседнем г. Омаки в храме Тагата также проводится праздник плодородия, но его эмблемой является фаллос, изображенный на флагах, которые несут в храм [105, с. 136—138; 149, 09.03.1985].

На подобном празднике в г. Хигасиидзу (преф. Сидзуока) 6—7 июня проводятся игры, во время которых молодые мужчины преследуют девушек. На мужчинах маски лешего — *тэнгу*, окрашенные в красные и голубые цвета. В руках у них деревянные палки, имитирующие фаллос.

Очевидцем аналогичной обрядности в одном из святилищ в гористом районе токийской столичной префектуры был Г.Е. Светлов. Вот что он пишет: «На площадку перед храмом вышла небольшая процессия... Танец начался. Сначала львы-барабанщики лишь ритмично двигались в такт звукам свирелей... Вдруг со стороны храмовых ворот появился еще один человек. Лицо у него было закрыто мужской маской, на затылке была прикреплена женская, а в руках он держал красную палку, имитировавшую фаллос. Человек начал бешено кружиться среди танцующих. Он то размахивал палкой, то подскакивал к девушкам, имитируя движения полового акта, то с дикими

криками бросался на зрителей. Ритм танца ускорялся, львы-барабанщики тоже начали носиться среди девушек, производя весьма неприличные телодвижения; чувствовалось, что танцующие пришли в экстаз. Человек с двумя масками исчез так же внезапно, как и появился. Вслед за ним ушли музыканты и танцоры» [5, с. 26—27].

В Японии до сих пор сохранились синтоистские святилища, где существует фаллический культ и где можно приобрести амулеты в форме мужского полового органа.

Еще одно своеобразное моление о хорошем урожае можно видеть на празднике Синкодзи в г. Ямато (преф. Ниигата). Вечером 3 марта толпа полуодетых юношей собирается около водопада, находящегося недалеко от храма. Несмотря на холодную погоду, они достают из воды кусочки льда, засовывают их за пазуху и весело бегут наперегонки к храму, чтобы первыми дотронуться до статуи Будды и произнести молитву.

Все такого рода церемонии интересны тем, что, имея религиозную основу, они практически превратились в обычные зрелища. Именно из этих обрядов берут свое начало классические японские театральные представления Но и Кёгэн.

Нередко к рисоводческой обрядности имеют отношения разного рода предсказания в форме игр-соревнований, результат которых должен показать, хороший или скудный ожидается урожай, каковы будут цены и т. п. Например, 15 февраля в г. Омагари (преф. Акита) вечером по улицам проносят длинный тяжелый канат и затем начинается состязание между двумя командами, которые условно называются верхней и нижней. Отсюда название церемонии — *цунахики*, что означает «тянуть веревку». Считается, что если победит верхняя команда, то цены на рис будут высокими, если нижняя — то наоборот. Обряд *цунахики* характерен для многих земледельческих праздников [110, с. 131].

Такого же рода соревнование проводится 20 июня в буддийском храме Курама в г. Киото. Это церемония резки бамбука — *такэкириэ* — во дворе храмового комплекса. Обряд существует с XVI в. Участники праздника — монахи делятся, как и во время *цунахики*, на две команды: восточную и западную. Каждая имеет по два больших ствола бамбука. У одной команды они с корнями и означают женское начало, у другой — без корней и символизируют начало мужское. По знаку распорядителя по четыре человека от каждой команды вместе с *годзу* — чудовищем в виде человека с бычьей головой — с громкими воплями бросаются рубить бамбуковые стволы на три части и затем торопятся внести их в храм. Кто быстрее это сделает, тот и победит и у того будет хороший урожай [118, с. 274—275; 148, 15.07.1985].

Для определения судьбы урожая года используют и гадания, одним из наиболее популярных является гадание на жидкой каше. Кашу готовят из бобов адзуки (три части) и риса (пять частей). В котел опускают 53 бамбуковые палочки, кото-

рые во время варки заполняются кашей. В полночь 14 января палочки расщепляют и смотрят, как в них располагаются зерна бобов и риса. Эта обрядность привела к возникновению мацури под названием «цуцукаю», или «кудакаю» («каша с трубочками»). Такие праздники проводятся, например, в храме Хираока в г. Хираока (преф. Осака) или в святилище Ава в г. Татэяма (преф. Тиба). Результаты «обследования трубочек» объявляются утром 15 января, после чего кашу съедают. Гадание на каше восходит к эпохе Хэйан. Тогда кашу варили из семи компонентов: кроме адзуки и риса туда входили коровий горох, просо, каштаны, ростки бамбука и ямс китайский [124, с. 133—134; 115, с. 17].

Божество полей и девушки саотомэ

Следующий комплекс земледельческих обрядов связан с выращиванием рисовой рассады и подготовкой полей к сельскохозяйственным работам. Это весеннее время, когда повсюду в сельской местности можно видеть клетки блестящих, как зеркало, залитых водой рисовых полей и крестьян, обрабатывающих землю и выращивающих рис в рассадниках.

Весна всегда была важным временем в жизни японца. Завершив новогодние празднества и немного передохнув от своего нелегкого труда, земледелец должен был приступать снова к земледельческим работам. На протяжении 1-й, 2-й и 3-й луны крестьяне высаживали различные овощи — баклажаны, помидоры, красный перец, огурцы, турнепс, а также картофель, батат, бобы, таро и пр., удобряли почву, делали различные изделия из соломы, ремонтировали дамбы, приводили в порядок поля, а главное, проращивали рисовую рассаду из семян, вели борьбу с насекомыми-вредителями. Поэтому практически все основные обычаи и обряды весеннего сезона отражали в той или иной степени заботы крестьян о выращивании богатого урожая.

Этот обрядово-праздничный комплекс продолжается в течение всего весеннего периода и захватывает середину летнего. Дело в том, что в прежние времена в зависимости от района страны рис высаживали в 5—7-м месяцах. Сейчас в связи с достижениями научно-технического прогресса — выведением новых раннеспелых сортов риса и изменением технологии его возделывания — высадка рисовой рассады перенесена на более ранние сроки. Это привело к несовпадению дат выполнения обрядов с действительностью. Поэтому в некоторых районах даты праздников были приведены в соответствие с реальностью.

Например, тауэ мацури в местечке Катори (преф. Тиба) раньше отмечался 5-го или 6-го числа 5-го месяца, после чего высаживали рассаду на поля. Но с течением времени получилось так, что ритуальная церемония стала совершаться уже после действительной высадки, и этот мацури фактически поте-

рял свой смысл. Поэтому дата его проведения была перенесена на 5 или 6 апреля [124, с. 135].

Другим примером переноса времени проведения праздника в целях его сохранения является изменение даты совершения обряда моления о дожде в святилище Ябута в преф. Миэ с летнего периода на весенний. В прошлом его устраивали, когда жара становилась невыносимой, а дожди все не шли. Но точной даты его проведения не было, и постепенно праздник стал отмирать. В начале века для того, чтобы сохранить традицию, для него была установлена точная дата — 20 апреля, т. е. его проводили задолго до наступления жары. Характерной деталью этого обряда является уникальный танец под названием «*какко-одори*», которому праздник и обязан в значительной степени своим существованием. Какко-одори исполняют молодые мужчины в своеобразных головных уборах: на голове при помощи лент, проходящих под и над подбородком, укрепляется круглая подставка с невысокими бортами; в нее вставлены длинные яркие перья из хвоста золотистого горного фазана и двухметровые очень тонкие бамбуковые прутья, усыпанные гроздьями искусственных цветов. Танец проходит в бешеном темпе, и лепестки этих цветов, олицетворяющих дух весны, кружатся вместе с танцующими.

Как мы уже говорили, подготовка рисовой рассады и ее высадка на поля были важнейшим занятием японцев-земледельцев. Нужно было отобрать лучшее зерно и замочить его, расчистить оросительные каналы, подготовить рассадное поле и посеять на нем зерно, вспахать, пробороновать, разровнять и затопить основное поле.

Подготовка и высадка рисовой рассады — исключительно трудоемкий процесс. Вот как описывает американский ученый А. Грэд, наблюдавший этот процесс в середине сороковых годов, только первый этап возделывания риса — замачивание семян в воде и выращивание их на грядке: «Рис замачивают в кадках, прудах и реках. Во избежание брожения кадки наполняют прохладной водой и меняют ее каждый день. В случае если замачивание производится в пруду или реке, семена риса помещают в специальный сосуд, укрепленный на глубине примерно 30 см от поверхности, причем с таким расчетом, чтобы он не прилегал вплотную ко дну... Следующий этап — выращивание семян на грядках... Землю нужно тщательно разрыхлить и внести в нее соответствующие удобрения. В некоторых случаях перед посадкой семян грядки осушают, но иногда семена помещают на грядки, покрытые слоем воды толщиной в 2—3 см. Через два-три дня после посадки семян воду с грядок спускают, но позднее, когда появляются побеги, их снова затопляют...» [21, с. 131—132].

В настоящее время в связи с внедрением в процесс высадки рассады сельскохозяйственных машин изменилась в известной мере и технология производства рисовой рассады, но от этого

она не стала менее трудоемкой. Вот в чем состояла подготовка рассады в начале 80-х годов в г. Фудзисиро (уезд Китасома, преф. Ибараки). В феврале—марте почву с рисовых полей переносят в рассадник, отбирая, конечно, самую хорошую землю. Причем это надо сделать в соответствующее время, чтобы степень влажности земли была оптимальной. Затем ее просеивают через сито, добавляют дезинфицирующие средства и оставляют в таком виде на несколько дней без доступа воздуха.

Пока готовится земля, обрабатываются семена риса. Прежде всего отбирают самые хорошие. Это делается при помощи веялки или воды, в том числе подсоленной. Затем семена дезинфицируют, погружают в воду, чтобы ускорить прорастание. Время посева в рассадник — приблизительно за три недели до предполагаемой высадки рассады на поля. Обычно в г. Фудзисиро это делается в начале апреля, так как высадка в районе идет, как правило, в конце апреля — начале мая.

Для того чтобы семена риса равномерно расположились в земле, нужно достаточное количество воды. Семена закрывают землей и помещают в специальную электроустановку для проращивания, которое обычно происходит через двое суток при температуре $+36+37^{\circ}\text{C}$. Затем ростки переносят в пленочную теплицу, где поддерживается температура примерно $+25^{\circ}\text{C}$ днем и $+17^{\circ}\text{C}$ ночью. Полив обязателен. Примерно через три недели появляются два-три листочка. Рассада готова [146, 1983, № 5, с. 48].

Однако это лишь незначительные трудности по сравнению с процессом высадки рассады на поля (*тауэ*). Еще совсем недавно на него и на уборку риса уходило более половины рабочего времени, необходимого для выращивания этой культуры. Тауэ требовала максимального напряжения сил крестьянской семьи. На это время вводилось табу на ряд домашних работ, в частности на стирку. Вставали до рассвета, работу начинали до завтрака. Ложились рано, с наступлением темноты. Особенно тяжелая работа падала на плечи невестки (если она была в доме), которая вставала раньше всех, готовила завтрак, а вечером *о-фуру* — ванну для всех работников семейства, прибирала за ними и ложилась позже всех.

Сроки проведения тауэ составляли 4—10 дней в зависимости от наличия рабочих рук в доме. От сжатых сроков тауэ зависела одновременность созревания колосьев, а стало быть, и жатва. Поэтому во время высадки рассады больше, чем в предрассадных работах, действовала система взаимопомощи. Но она была такой, что обычно ставила главные семьи (*хонкэ*) в более выгодное положение, чем боковые (*бункэ*). Наиболее часто объединялись для совместного проведения тауэ по два или пять дворов. Объединение семей для тауэ называлось хака. Во главе хака становился хозяин ведущей, главной семьи, *кувагасира* (букв. «глава мотыги»).

Особая трудность тауэ состояла в том, что рассаду надо бы-

ло высаживать в затопленное поле, стоя по колено в холодной жиже. Кроме того, необходимо было, чтобы пучки рассады располагались на определенном расстоянии один от другого. Для этого каждый брал пять или шесть растений и спускал их в воду вдоль натянутого шнура. От успешного проведения в благоприятных погодных условиях и в соответствующие сроки высадки рисовой рассады на основные поля во многом зависела судьба урожая. У японцев есть такая поговорка: «Наэ — хансаку» («Рассада — половина урожая»).

Изнурительный труд при высадке рассады и его исключительная важность для всего дальнейшего хода земледельческих работ и получения высокого урожая вызвали к жизни многочисленные обычаи и обряды, которые до сих пор сопровождают этот процесс в разных местах страны. Лишь в 70-е годы нашего века крайне трудоемкие процессы высадки рассады риса были механизированы. Но должно пройти несколько десятков лет, чтобы ушло поколение, которое еще совсем недавно выращивало рис старым способом. И придет время, когда лишь обрядовые танцы будут напоминать людям о непосильной работе их предков.

Замачивание посевного зерна (*танэцука*) и начало вспашки основных полей приурочивались к 88-му дню (*хатидзю хатия* — букв. 88-й ночи) «от зимнего солнцестояния или к 3-му дню 3-го месяца» [110, с. 340]. Хотя реальное проведение работ варьировалось в зависимости от погоды, по крайней мере символическое начало их обычно как-то привязывали к этим числам. Сакральность тройки — явление практически общемировое, а сакральность восьмерки характерна именно для народов Дальнего Востока. Например, слово «восемь» входит в понятие «хаккё», что означает «восемь основных положений мироздания» в системе «Ицзина» («Книга перемен») — первой книге конфуцианского пятикнижья, которая использовалась и при гаданиях. В японской мифологии слово «восемь» встречается и как конкретное число (например, восьмиручное зеркало — ята-но кагами), и как обобщенное понятие множества. Число 88 особенно сакрально в связи с тем, что скорописно-слитное иероглифическое написание этого числа идентично с написанием иероглифа «рисовое зерно» («комэ») [126, с. 92].

88-й день весны означал, что кончились весенние заморозки и наступило время сева. В старину даже существовали стихи: «Наступил 88-й день, значит, не за горами лето». В этот же день начинали сбор первых листьев чая, в частности в преф. Сидзуока, где расположена основная масса чайных плантаций страны. Считалось, что чай 88-го дня особенно ароматен. На это же время приходились и сроки высадки рисовой рассады на поля, хотя они варьировались в зависимости от района, погодных условий, установившейся традиции и т. д. Высадку рассады начинали и на 44-й день, и на 54-й, и на 48-й, и на 50-й день со дня посева семян в рассаднике. Например, в районе Тавара

(преф. Иватэ) эти работы обязательно нужно было завершить к 15-му дню 6-й луны, когда в местном храме начинали празднование завершения тауэ.

Каждому этапу возделывания риса соответствовали свои обряды. С процессом подготовки полей к высадке рассады связан обряд ублажения Бога поля — Та-но ками. Как уже говорилось, крестьяне верили, что Бог поля в течение зимнего периода обитает в горах, а весной спускается на землю, чтобы помочь земледельцам в их нелегком труде. Поэтому центральным моментом мацури, связанных с культом этого бога, является перенос микоси с духом Бога поля из горного храма в деревенский, расположенный на равнине.

Например, на весеннем празднике, который проводится 3 апреля в г. Мукаса (преф. Фукуи), Бог поля символически представлен огромным шестом, вершина которого причудливо задрапирована освященной белой бумагой. Процессия с этой святыней спускается с покрытых снегом гор к храму Кунису дзиндзя. Во главе процессии шествует человек в маске легендарного принца Сарудахико (особенность маски — длинный красный нос), который, по преданию, привел потомков богини Аматэрасу на землю [113, с. 168; 124, с. 134—135]. Интересно отметить использование на этом празднике персонажа древних японских мифов Сарудахико, хотя сам праздник возник не более трех веков назад. Это можно рассматривать, как постоянное стремление японских правящих кругов поддерживать миф о божественном происхождении японской нации.

Перед затоплением полей проводится обряд ублажения Бога поля и одновременно Бога воды — Мидзу-но ками. В середину ирригационного канала втыкают бамбуковую жердь, к которой прикрепляют священные реликвии из близлежащего храма. Затем проводится обряд «очищения», который заключается в том, что в нескольких местах поле поливают водой. Около входного отверстия, откуда вода попадает на поле, делают земляную насыпь, в нее втыкают ветки дерева, которые изображают (воплощают) Бога поля. Рядом с ветками кладут подношение — поджаренные семена риса (якигомэ). Считают, что, когда вода попадет на поле, Бог воды соединится с Богом поля. Ведь земля и вода — два неотъемлемых компонента для произрастания риса.

Чтобы получить якигомэ, рис слегка поджаривают и затем обсушивают. В старину в таком виде его хранили и употребляли в пищу, приготавливая кашу или подогревая в горячей воде. Якигомэ раньше часто брали с собой в дорогу. Теперь же он используется лишь для совершения ритуальных обрядов и в первую очередь как подношение богам на рисовых полях.

В Восточной Японии при совершении обряда освящения отверстия для пуска воды из оросительной системы в канавки на поле (*минакути*) также используется якигомэ. Сперва его преподносят божеству, а потом раздают детям. Ребята охотно едят

этот рис, а зерна, которые упали на землю, склевывают птицы. Во многих деревнях рис специально разбрасывают около оросительных канавок, чтобы накормить птиц впрок в надежде, что они тогда не тронут ростки риса.

В других местах вокруг рассадника и заслонок ирригационных канавок ставят простейшие обереги — палочки, к которым привязывают лоскутки материи, ленты, клочки бумаги. Эти предметы выполняют не только магическую функцию, т. е. оберегают место для Бога воды, но и вполне практическую, так как отпугивают птиц с полей. Одновременно в местных храмах проводятся моления о том, чтобы весной выпало достаточное количество дождей.

В некоторых районах считалось, что Бог воды или хозяин воды обитает в близлежащем болоте в виде огромной улитки. Для того чтобы вовремя шли дожди и обеспечивали поля водой, нужно взять обычную улитку из болота и поместить ее в сельский пруд, откуда берется вода на поля. Когда это водохранилище заполнится, улитку надо вернуть в болото, чтобы в свою очередь не навлечь наводнение.

Исследователи японской старины предполагают, что в первые столетия нашей эры существовал обряд (археологически, правда, не подтвержденный) «ублажения» Бога поля путем приношений человеческой жертвы. Девушек — участниц обряда, называемых *саотомэ*, якобы бросали на залитое водой рисовое поле и зарывали живыми. Саотомэ, по мнению А. Е. Глускиной, можно перевести как «майские девушки», поскольку в описаниях обрядовых зрелищ при совершении посадки риса слово *саотомэ* часто изображается тремя иероглифами: пять, месяц и девушка [14, с. 101]. Кроме того, в старину 5-й месяц по лунному календарю назывался также «сацуки» — месяц посевов.

Саотомэ обычно были одеты в белые кимоно, а поверх — в красную широкую длинную юбку. Эти цвета, очевидно, связаны с обрядами солярной магии. По поверьям, красный цвет отгоняет злых духов. Саотомэ, считавшиеся женами Бога поля, были главными действующими лицами в церемонии высадки рисовой рассады на поля.

Впоследствии обычай жертвоприношения был заменен обмазыванием саотомэ грязью, о чем рассказывает Янагида Кунно [104, с. 359]. А затем стали пачкать грязью лишь подол платья саотомэ:

Берег Куранаси — берег, где
Амбаров нет, чтобы рис сложить,
Жатву с поля сняв, где милая моя,
Красный (свой) подол пачкая в грязи,
На поле сажала рис.

Пер. А. Е. Глускиной

Возможно, отзвуком древнего обряда пачкать грязью подол платья саотомэ являются современные праздники избавления полей от злых духов, для чего разбрасывают грязь. Это, на-

пример, церемония «очищения» затопляемого поля — доронко мацури — в г. Ецукайдо (преф. Тиба) при святилище Убусуна 25 февраля [149, 23.02.1985] или обряд тауэ в г. Коти при святилище Вакамия Хатиман 15—17 мая. В церемонии принимают участие несколько сот человек, главная роль принадлежит женщинам. Они наполняют деревянные ушаты землей с полей и приносят их к храму. Со смехом и шутками эта земля летит в любого проходящего мимо мужчину, независимо от его возраста и положения. Эту церемонию можно, вероятно, рассматривать как своеобразный реванш женщин при воспоминании о саотомэ.

Образ саотомэ прочно вошел в повседневную жизнь японской крестьянки. Потому, видимо, и в наши дни так называют женщин-поденщиц, которые до недавнего времени нанимались в крестьянские хозяйства на 7—10 дней в страдную пору высадки рисовой рассады на основные поля [146, 1983, № 5, с. 50].

Праздники первых всходов риса

После выполнения обряда «ублажения» Бога поля проводили обряды, связанные с самим тауэ. Это локальные праздники, в каждой местности они приурочены к разному времени и по форме часто разнятся, хотя по сути своей имеют общенациональное значение.

Например, в преф. Иватэ при перенесении ростков риса из рассадника на основное поле произносили заклинание. Первые 15 кустиков рассады связывали соломой. В день высаживалось от 500 до 1000 пучков. Если утром первого дня тауэ кто-либо из работающих находил три ростка, имеющих на листьях прожилки белого цвета — *симанаэ*, он должен был принести их хозяину дома и поздравить его. Считалось, что наличие симанаэ предвещает щедрый урожай. Хозяйка дома в этом случае должна была выставить сакэ и устроить на поле всем работникам угощение. Симанаэ ставили на домашний синтоистский алтарь, а на следующий день пускали вниз по реке [121, с. 39].

По окончании высадки оставшиеся в рассаднике ростки риса собирали и преподносили с соответствующим заклинанием Богу поля, а затем либо бросали в реку, либо складывали на краю поля, там, где их никто не смог бы затоптать. Их ни в коем случае нельзя было скармливать скоту или пускать на добрения. В противном случае на следующий год вся рассада, согласно поверью, могла погибнуть [121, с. 31].

В день начала тауэ проводили трапезу, довольно скромную. Существовали специальные ярмарки, на которых крестьяне закупали одежду, необходимую для тауэ (рукавицы, ноговицы, куртки, шляпы); соломенные накидки от дождя и соломенные сандалии они обычно делали сами. На этих ярмарках покупались и некоторые продукты для упомянутой трапезы. В север-

ных провинциях Японии это были преимущественно морепродукты — соленая рыба, водоросли. Согласно обычаю, эти покупки на ярмарке мог делать только мужчина — глава семьи, женщинам же на ярмарку ходить считалось предосудительным. Остальные продукты имелись в собственном хозяйстве, например рис и бобы, заготовленные еще в период новогодних празднеств.

Основная еда во время такой трапезы состояла из каши, приготовленной из смеси риса и пшеницы или ячменя, супа *мисо* с квашеной редькой, рыбы. К 7 часам утра трапеза заканчивалась и все шли в поле. Около 10 часов делался перерыв на еду, во время которого преподносили пищу и Богу поля. В эту трапезу входили красный рис или рис, сваренный вместе с красными бобами адзуки, соленые бобы, водоросли *вакамэ*, *тофу* (соевый творог), селедка. И людям и богам еда преподносилась на широких листьях определенных пород деревьев.

В начале тауэ крестьяне преф. Иватэ проводили обряд «о-та-но ками о асобасэру» — «ублажения Бога поля». Обряд совершался чаще всего на поле, иногда во дворе дома. Прежде всего ставилась борона. Японская борона — однорядная, гребнеобразная, ее грядиль имеет ту же конструкцию, что и синтоистские храмовые ворота — тории. К бороне прислоняли *сасэдзао* — сажальный кол. Перед ней устанавливали два снопа, каждый состоял из трех пучков связанных ростков риса. Рядом ставили жертвенную пищу в двух чашах или на двух больших листах со священного дерева, на которые клали по три катышка обрядовой пищи — красного риса, риса с мелкими бобами и т. п. Поскольку конструкция бороны напоминала тории, то получался как бы импровизированный алтарь, перед которым и совершалось моление. Борону и приношения обычно ставили так, чтобы молящиеся были обращены лицом к северу. Ростки затем высаживали, а к ритуальной пище сначала причащался глава дома, а затем все другие работники. Это были обычно члены четырех семей [121, с. 46—48].

Обряды тауэ проводятся также непосредственно на полях и на специально сооруженных на залитых водой рисовых полях подмостках. Происходят они и на территориях храмов или на построенных здесь для праздника сценах.

Главные действующие лица этих обрядов, как правило, одеты в специальные костюмы и маски. Другие же участники выступают в обычных рабочих одеждах. Наиболее нарядные и торжественные костюмы у тех, кто изображает богов, духов, животных. Примером может служить одежда исполнителя роли старца Окина, одного из основных персонажей земледельческой обрядности, а также пьес театра Но. Маска изображает лицо очень пожилого человека, изборожденное глубокими морщинами, с узкими прищуренными глазами, широким носом, с мудрым выражением лица и доброй улыбкой, с узкой бороздкой, длина которой почти в три раза превышает длину самой маски.

Каждый персонаж обряда тауэ имеет свои атрибуты. На-

пример, Окина появляется на представлениях с мотыгой, пучком колосьев или веером, на котором изображены сосна, журавль и черепаха — символы долголетия, мудрости и старческой крепости.

Характерным атрибутом саотомэ являются ханагаса (букв. «цветочный зонтик»), т. е. большие шляпы, обильно украшенные искусственными цветами. Согласно поверьям, они служат символом плодородия и урожая. После окончания праздника их часто разрывали на мелкие кусочки и уносили как талисман, который обеспечит хороший урожай [14, с. 233; 3, с. 117].

В наши дни эта обрядность превратилась в красочное театрализованное действо, ему уже никто не придает магического значения, но оно традиционно проводится и как развлечение, и как аттракцион для привлечения туристов.

Обряд тауэ в селении Тиёда (преф. Хиросима) совершается непосредственно на поле в середине или в последние дни июня. Обычно в нем принимает участие от 40 до 70 человек. Причем примерно половину составляют молодые женщины, которые и высаживают рассаду на поле, залитое водой.

Эти молодые женщины одеты в довольно яркие кимоно разнообразного рисунка. На головах — соломенные шляпы, по форме напоминающие шляпку гриба или полотенце (*тэнугуи*), которыми крестьяне обычно повязывали голову во время работы. На полотенцах крупными иероглифами написано название поселков. Они задрапированы наподобие шляп.

Во время выполнения обрядовой церемонии женщины поют под аккомпанемент барабанов, гонгов, флейт. На музыкальных инструментах играют мужчины, которые выстраиваются в ряд за спинами женщин. Они постоянно отбивают такт на больших барабанах, подбрасывают их вверх, искусно ловят, при этом не прекращая ни на минуту своей игры.

Музыкантами руководит специальный распорядитель — *санбайсан*. Как правило, он запекает первую строфу песни, которую как эхо повторяют все участники праздничной церемонии. Существует примета, что если распорядитель — мастер своего дела, то женщины не будут знать устали ни в песнях, ни в труде. Вечером в деревне устраивается застолье с ритуальными песнями и плясками [124, с. 50].

Интересен крестьянский праздник высадки рассады в деревне Исоба (преф. Миэ), проводимый также в июне на полях, принадлежащих святилищу Исэ. Шесть девушек в возрасте от 12 до 16 лет выстраиваются в ряд на рисовом поле. Они одеты в ослепительно белые кимоно, на головах у них соломенные шляпы. Рукава кимоно подвязаны яркими красными бантами, называемыми *тасуки*. Это шнуры или широкие полоски ткани, которыми в Японии до сих пор подвязывают широкие рукава кимоно в повседневной жизни. За девушками стоят восемь юношей, которые держат в руках рассаду риса и передают ее девушкам. На краю поля в лодке сидят шесть других девушек,

которые играют на барабанах и поют. Под этот аккомпанемент совершается высадка рассады. Церемония занимает полдня [124, с. 114].

Во время проводимого 10 июня тауэ мацури в г. Киото при святилище Фусима-инари дайся, посвященном богу Уганомита-ма, ритуальная высадка рассады идет в два этапа. В начале церемонии четверо девушек-танцовщиц исполняют танец тауэ на площадке центрального помещения храма. Затем, поместив рисовую рассаду в *карабицу* — китайский сундучок на ножках, процессия отправляется на северо-восток от храма в горы, где находится священный участок поля. Там на специальной сцене исполняются танцы дэнгаку, на этой же сцене располагаются и музыканты в белых одеждах, из-под которых виднеются красные, голубые и лиловые *хакама*. Хакама — часть японского официального костюма; у мужчин в виде широких шаровар, похожих на плиссированную юбку, у женщин — юбка. Со сцены к священному участку поля ведут пять ступенек. Священное поле состоит из двух частей, на одном из них рис высаживают девушки, на другом — мужчины. Красные хакама девушек, у колен завязанные тесемочками, эффектно смотрятся на фоне темно-синих блуз. На головах у них соломенные шляпы — конусообразные или в форме перевернутых тарелок.

Один из основных элементов земледельческих праздников, как и многих других, — процессия, которая, возможно, является имитацией выхода крестьян на работу в поле. Она носит сейчас красочный, яркий характер; проходит либо на территории храма, либо вне его, с микоси и без них.

Характерным элементом обрядности тауэ, совершаемой при святилище Мацуо в г. Киото в третье воскресенье июля, является красочное шествие девушек, одетых в красные хакама и зеленые накидки, из-под которых виднеются белые блузы; на головах у них шляпы, украшенные цветами на высоких стеблях, в несколько раз превышающих высоту самой шляпы. Каждую девушку сопровождает юноша в белых коротких штанах и черной накидке, несущий в руках большой красный зонтик на длинной черной ручке. Главную роль на этом мацури играют девочки в возрасте от восьми до десяти лет, так называемые *уэмэ* (уэ — «высадка рассады», мэ — «девочка»). От служителей храма они получают пучки рисовой рассады, которые держат на расставленных в стороны руках, напоминая своей позой пугала. Этих девочек несут на плечах мужчины [112, с. 54—55, 151].

Вариантом обряда тауэ является мацури при храме Идзуно-мия на п-ве Сима (преф. Мизэ), который проходит 24 июня. По священному рисовому полю храма в маленьких лодочках проплывает детвора. А на берегу группы людей в праздничных одеждах под дробь барабана представляют пантомимы на сюжеты возделывания риса.

По окончании посадочных работ в ряде сельскохозяйствен-

ных районов страны, например в преф. Иватэ, опустевшее рассадное поле перепаживают и в центре его ставят принесенное из леса деревце. Вокруг него устраивают праздничную трапезу, которая означает, что завершен очень важный этап в выращивании риса. Считалось, что рассадник на поле имеет свойства забирать дурную кровь у лошадей. Поэтому их пригоняли на поле в этот день, и коновал пускал им кровь.

Здесь же существовал обычай посвящать Богу воды соломенных лошадок — *умакко цунаги*. Это говорит о том значении, которое лошадь имела в крестьянском хозяйстве. Лошадок делали из соломы, снятой с данного поля. Их ставили попарно в трех местах головами на юг: у корней священного дерева, у пруда, где замачивали семена риса, и у колодца. Лошадок «кормили»: мазали им рот рисовой мукой. В некоторых местах еще и навьючивали. Одну умакко в паре нагружали игрушечным луком и стрелами, сделанными из молодых побегов ивы, другую — бобами, рисовой рассадой, коноплей и пр. Все это должно было помочь получить хороший урожай [121, с. 63—64].

Еще одной разновидностью обряда почитания лошади является популярный и сейчас праздник Тягу-тягу умакко в той же преф. Иватэ в г. Мориока. Название праздника — ономатопозитическое выражение, передающее звон колокольчика, украшающего лошадь. В старину этот праздник отмечали 5-го дня 5-го месяца, но так как это была страдная пора высадки рассады, то Тягу-тягу перенесли на более поздний срок. В этот день лошадей не использовали ни на сельскохозяйственных работах, ни для простых перевозок. Сейчас праздничная церемония совершается 15 июня. Красиво разукрашенные лошади в красных, лиловых и голубых пополах являются, как и прежде, предметом почитания. На них восседают маленькие мальчики и девочки в праздничных одеждах. На головах у них — разноцветные хати-маки под стать цвету попона. Лошадей за белые веревки торжественно проводят по улицам мужчины в церемониальной одежде, в шляпах из рисовой соломы. Шествие движется от одного храма к другому [111, с. 79; 149, 08.06.1985].

Кроме вышеописанной обрядности, связанной с высадкой рассады в летний сезон, в отдельных районах страны и в разное время соблюдаются также обряды, имеющие отношение к предотвращению болезней и несчастий, а также к силам природы.

Например, в преф. Иватэ в 6-й месяц по лунному календарю совершают обряд «изгнания червя». Для этого червяка сажают в половинку тыквы-горлянки и пускают вниз по реке. В старину эта церемония проводилась не только отдельными семьями, но и органами местного самоуправления. Иногда такого типа обряд сводится к тому, что в реку бросают лист картона с надписью «изгнание порчи».

3 июня в г. Киёси (преф. Кагосима) в храме Яхата проводится церемония изгнания насекомых, во время которой мужчи-

ны в белых одеждах танцуют на грязном рисовом поле, выкрикивая слово-заклинание «сэппэтопэ». Так же называется и праздник [149, 01.06.1985].

Кроме того, во время жарких летних месяцев, когда растениям необходимо много воды, проводятся праздники, устраиваемые в честь Бога воды, во время сезона тайфунов ублажают Бога ветра и т. п. Когда-то эти церемонии носили магический характер, сейчас — чисто развлекательный. Например, в течение первых трех дней сентября проходит мацури для успокоения Бога тайфуна в преф. Тояма. В нем участвуют жители 11 деревень уезда Нэй. Специально сооружается сцена, где устраиваются танцевальные представления. На третий день танцуют уже все участники праздника. Песни и танцы носят меланхолический характер. Праздник проводится под аккомпанемент старинных национальных инструментов.

Обряд благодарения труду

Осень — пора сбора урожая, поэтому праздники, так или иначе связанные с этим событием, занимают центральное место в обрядах осеннего сезона. Правда, отдельные элементы этой обрядности встречаются уже в праздниках конца летнего периода. Это, например, Танабата и Бон. Одним из украшений этих праздников являются *сасатакэ* — бамбуковые ветки. В древности они посвящались Богу урожая. Во время Танабата они используются для прикрепления к ним *тандзаку* — разноцветных бумажных лент, на которых каллиграфическим почерком выводили пословицы или поэмы, написанные специально по случаю этого праздника. Тандзаку преподносятся звездам Веге и Альтаиру. В праздник Бон к сасатакэ подвешивают бумажные фонарики, на которых написаны слова благодарности за хороший урожай, так поступают, например, в г. Екотэ (преф. Акита). Это еще раз подтверждает, что буддийский Бон наложился на синтоистские верования в то, что души умерших могут помочь получить хороший урожай. Но в данном случае имеется в виду урожай не риса, а картофеля и овощей, которые созревают в конце лета. И сейчас во время Бон в дар богам преподносят картофель и овощи. Кроме того, в текстах многих песен Бон встречаются слова благодарности за хороший урожай.

В обрядах сбора урожая так же, как и в обрядах высадки рисовой рассады, есть символические праздники, проводимые до реальной уборки и после нее в благодарность за щедрый урожай.

Праздником первого типа является Окумакабута, проводимый в г. Накадзима (уезд Касима, преф. Исикава). Название праздника происходит от названия древнего храма Кумакабутаоаракасихико, расположенного на п-ве Ното. Другие его названия — Праздник 20-го числа, так как он проходит ежегодно

20-го дня 8-го месяца, и Праздник шествия с микоси местных храмов.

Празднество начинается рано утром, когда из 19 местных храмов, обслуживающих территорию 22 районов и подчиненных центральному храму Кумакабuto, выносят священные микоси каждого храма. Около храма их ждут носильщики *вакубата*. Вакубата — это сравнительно узкое, но длинное (до 15 м) красное полотнище, укрепленное на древке, которое в свою очередь прикреплено к одной из толстых деревянных перекладин прямоугольной формы. Высота всего сооружения достигает 20 м. К острию шеста подвешен колокольчик. Каждую такую раму несут примерно 30 человек. На полотнище написано название храма. Носильщики одеты в короткие куртки разных цветов, в белые и черные штаны, головы их повязаны хатимаки. Процессию возглавляет человек в одежде принца Сарудахико. Под звуки гонгов и дробь барабанов процессии из каждого святилища стекаются в главный храм, где в полдень отправляется благодарственная служба.

Во второй половине дня из храма Кумакабuto выносят микоси этого святилища и несут его во главе процессии, направляющейся на площадку, расположенную в 400 м от храма и окруженную золотым морем спелых рисовых колосьев. На площадке носильщики вакубата опускают шесты до земли и быстро поднимают вверх красные полотнища. Вздвигавшиеся в синеву неба стяги имитируют рост риса. Это является кульминационным моментом праздника [113, с. 144].

Примером послеуборочных обрядов является праздник пугала (*какаси*), проводимый в разных местах страны. Пугала — неотъемлемый элемент летнего пейзажа полей. Их назначение — отпугивать птиц от созревающего риса. Нередко пугалом могут быть просто куски ткани или развешанные на веревках различные предметы, которые создают шумовой эффект в случае, если какая-нибудь птица дотронется до веревки или подует ветер. Сейчас уже появились механические пугала. После уборки риса пугала убирают с полей.

В середине сентября в г. Каминомия (преф. Ямагата) в городском парке Цукиока проводится всеяпонский фестиваль пугал, на который съезят со всей страны несколько сот самых разнообразных экземпляров. Некоторые из них поражают своей оригинальностью. Праздник пользуется большой популярностью и собирает много зрителей [149, 01.09.1985].

Своеобразную обрядность имеет Какаси мацури в преф. Нагано, который называется также Праздником 10-й ночи, поскольку проводится 10-го дня 10-го месяца. Пугало — главная фигура праздника, так как оно тоже считается божеством полей. В день мацури его переносят со священного поля в храм или проносят по улицам. Олицетворением пугала иногда служат установленные во дворе крестьянских домов ручные мельницы с навешенными на них лопатами, мотыгами, серпами и други-

ми сельскохозяйственными орудиями. Таким способом крестьяне выражают свою благодарность Богу полей за богатый урожай [124, с. 141—142].

Особую группу праздников, проводимых в знак благодарности за хороший урожай после сбора картофеля, батата и других культур, составляют так называемые Дзуйки мацури. Их непременным элементом в ряде префектур района Кинки является процессия с микоси, сделанных из стеблей батата (*дзуйки*) и разных овощных культур [112, с. 63].

Благодарность божеству за хороший урожай выражают также и во время разнообразных фестивалей огня. Там же проходят и проводы божества в гору. Наиболее известными в этой группе праздников являются Охитаки мацури (букв. «Праздники разведения огня»). Общий сценарий их проведения в целом одинаков, разнятся лишь атрибуты. Эти мацури устраиваются, как правило, при святилищах Бога риса. Больше всего таких праздников в г. Киото, где в разных храмах они проходят с 8 по 22 ноября. Есть они и в других префектурах, например Сага (8 декабря).

В г. Киото самым известным является мацури при святилище Фусими-инари. Он существует с глубокой древности. На широком дворе храма строятся сооружения, по форме напоминающие сруб колодца. Они сделаны из довольно толстых бревен и обложены дерном. В середину сооружения кладут бамбуковые ветки, которые вечером превратятся в огромные костры. Рядом раскладываются стопками несколько десятков тысяч дощечек, на которых написаны имена и возраст лиц, приславших их в храм со всех концов страны с просьбой к божеству выполнить их пожелания. Позже дощечки тоже сгорят в кострах. Во дворе храма из бревен, положенных на песок, выкладывают дорожку. Ее также подожгут, и служители, а затем и все желающие, в том числе детвора, смогут совершить церемонию ходьбы по деревьям, горящим «священным» огнем.

Всей церемонией распоряжаются синтоистские священники. Самое активное участие принимают в ней дети. Пока горят костры, со всех сторон несутся их радостные крики: «Гори, бамбук, гори!» Участники церемонии зажигают от костров пучки соломы и этими факелами провожают божество. После того как погаснут костры (т. е. проводят божество), служители культа раздают толпе угощение, которое якобы оставило божество. Это мандарины, *окоси* (печенье из подсушенного рисового теста с кунжутом, орехами, морской капустой и разными специями), *мандзю* (булочки и пирожки с фасолевой начинкой) и т. п. После раздачи «божественных даров» начинаются старинные японские танцы.

Церемония закончена. Это означает, что рисовые поля остаются без Бога поля. Он снова вернется лишь в феврале во время храмового праздника Хуцуума (Первой лошади), и тогда люди опять будут просить у него хорошего урожая.

Праздники сбора урожая отмечают не только при храмах. Их проводят и местная администрация, и сельскохозяйственные кооперативы, и учителя и др. Например, в г. Ёси (преф. Фукуока) кооператив устраивает ежегодный сельскохозяйственный фестиваль в первую субботу октября. Его отмечают как традиционный народный праздник изгнания насекомых с полей. Молодежь под руководством опытных мастеров делает из бумаги огромные фигуры лошадей и воинов, которые используются во время представлений. Все жители города веселятся на этом празднике. Проводятся различные соревнования детей и взрослых: на лучшее пугало, лучшее приготовление местного блюда, моти, мужчины выясняют, кто сильнее в борьбе сумо, и т. д. [145, 1984, № 6, с. 30].

В г. Мацунояма (преф. Ниигата) Праздник урожая является самым большим торжеством в году. Он проводится учащимися начальной школы под руководством преподавателей. Во второй половине сентября в один из дней в холодном воздухе раннего утра раздаются веселые ребячьи голоса: «Вассей-Вассей!» Дети обходят близлежащие поселки и возвращаются в школу. В спортивном зале с самого утра родители готовят угощение для праздника. А сами ребята делают моти из риса, собранного этой осенью на школьном поле. Все с нетерпением ждут своей очереди потолочь рис пестиком в ступе. Этими моти угощают потом всех присутствующих на празднике — родителей, учителей, друзей и почетных гостей [144, 1980, № 10, с. 64].

Все эти локальные обряды, связанные со сбором урожая, до войны завершались общенациональной церемонией Ниннамэ-сай — Праздником первых колосьев риса, проводившимся 23 ноября. Этот день был определен для данного праздника в 1872 г. Люди поздравляли друг друга с успешным завершением трудового года и отдыхали. Ниннамэ-сай имеет давнюю историю и назывался по-разному, например Каннамэ (Праздник вкушения первого риса) и Синдзё (Праздник подношения богам первого риса). В период своего возникновения (первое упоминание о нем в «Нихонги» относится к 642 г.) Ниннамэ-сай проводился в день зайца в середине 11-го месяца по лунному календарю. Во время этого обряда строили специальные помещения для вознесения молитв богам за хороший урожай, а самим богам преподносили пять злаков. Место, где совершалась трапеза, называлось Каннамэ, отсюда одно из названий праздника. Императору также вручали первые колосья риса. Ему прислали их со всех провинций страны. Жители восточных провинций (Адзума), например, улаковывали такой священный дар в особые ящики, перевязанные шнуром.

Император в свою очередь от имени народа возносил богам молитву, благодарил их за обильный урожай и преподносил им в дар первый рис, чтобы и на следующий год боги помогли людям собрать богатый урожай. Этот ритуал выполнял император, потому что он считался потомком богини Аматэрасу,

которая одновременно почиталась и как покровительница земледелия. Согласно мифу, Амата́расу имела свой участок земли, где она возделывала рис. Император тоже имел маленькое рисовое поле, которое сам обрабатывал [116, с. 475, 476].

В день этого праздника первыми вкушали рис боги, затем император и, наконец, весь народ. В старину к празднику готовили специальную еду, которую ели всей семьей. Вначале это были только моти. Потом стали делать моти с красными бобами адзуки, такие моти назывались *охаги*, готовили и *ботан-моти* — сладкие рисовые лепешки. Эту еду сначала ставили перед богами, а потом ее ели люди.

В Западной Японии во время праздника урожая богам в знак благодарности преподносят якигомэ. По традиции во многих деревнях этой части страны первый урожай риса собирали еще до того, как зерно полностью созреет. Согласно ритуалу, стебли риса первого урожая срезали серпом, затем зерно поджаривали и полученное якигомэ использовалось для подношения богам и предкам, а также друг другу в качестве ритуального подарка.

До войны в этот день во дворах домов люди возносили богам молитвы, в законодательном порядке во всех храмах страны проводились службы, во время которых священнослужители обращались к богам с просьбой о помощи в следующем сельскохозяйственном году. В настоящее время такие церемонии проходят только в некоторых храмах. Например, в Исэ-дзингу, главном храме богини Амата́расу, в Мэйдзи-дзингу, где такая служба является одной из составных частей сельскохозяйственного праздника Ногёсай, о котором мы расскажем в гл. 7. В местных храмах тоже иногда бывают такие службы, но проведение их не обязательно [126, с. 143—145]. Сейчас в этот день отмечается национальный праздник — День благодарения труду, который принял эстафету от Ниинамэ-сай.

春夏秋冬

Глава 4

КУЛЬТ ПРИРОДЫ В ЯПОНСКИХ ПРАЗДНИКАХ

Природа в мировоззрении японцев

Земледельческая обрядность связана с идеей необходимости помочь природе в ее служении человеку. Такая помощь оказывается с помощью магических средств, т. е. определенных ритуалов. Отсюда прослеживается логическая связь с культом природы, который позже нашел свое отражение в сезонных праздниках. Наиболее распространенные среди них, встречающиеся почти у всех народов, это сезонные праздники цветов. В основе широко бытовавшего в прошлом обычая отмечать период цветения тех или иных растений лежал фенологический календарь: цветение определенных растений означало определенный этап земледельческих работ.

В старину сезонные изменения природы, обусловленные цик-

лом вращения Земли вокруг Солнца, были тесно связаны с сезонными изменениями жизни людей, и прежде всего их трудовой деятельности. Таким образом, ритм природы стал основой ритма человеческой жизни.

Преклонение перед природой, ее сезонными изменениями, стихийными силами и во многом зависимо от них земледельческого труда с незапамятных времен стало основой древних японских религиозных верований. Составными элементами в него вошли обожествление сил природы, культ плодородия и культ поклонения предкам. Синтоизм в отличие от других религий не имеет реального или мифического основателя, а также твердо установленных догм и обрядов. Согласно этой религии, как мы уже говорили, весь мир населен многочисленными божествами — ками. Ими становились как люди и животные, так и объекты неживой природы.

Укоренению у японцев культа природы в известной мере содействовало многообразие природных условий страны. Японские острова вытянулись с севера на юг тонкой цепочкой на протяжении 3,4 тыс. км между 45°33'—24°00' с. ш. и 122°—154° в. д. Отсюда удивительное разнообразие природных и климатических условий, ярко выраженное изменение температуры, ветров и осадков в зависимости от места и времени года. Для Японии характерна резкая смена времен года. В стране каждый сезон и каждый месяц весьма своеобразны:

Весна вся почками сверкает,
А лето — в зелени всегда,
И алым,
Ярко-алым цветом
Покрыта осенью гора.

Пер. А. Е. Глускиной

Зима в Японии очень богата контрастами. Если северная часть страны вплоть до Токио засыпана белым пушистым снегом, то к югу от столицы — горы, залитые солнцем и покрытые мандариновыми рощами. В Японии снег из-за высокой влажности и довольно низких температур легкий, обильный, пушистый, подчас очень глубокий.

Весна в Японии поражает резкими изменениями погоды. Мартовское солнце день ото дня становится все теплее, но вдруг совершенно неожиданно могут налететь метели, нахлынуть волны холодного воздуха, зарядить дожди, а кое-где еще надолго остается снег. «...Стоял март. Уже отцвела сакура, но холод еще держался, дни тянулись пасмурные, с мелким морозящим дождем», — пишет в новелле «Сад с опавшей листвой» Тадзука Хидэака (род. в 1906 г.) [78, с. 446]. Весной в Японии цветет *сакура*, придающая стране праздничный вид, но лишь на короткое время.

Лето — это и часто затянутое тяжелыми тучами небо, из которых идут надоедливые дожди, и изнурительная жара, и духота, когда светит солнце. «Жара стоит нестерпимая... Асфальт

плавится под раскаленными лучами солнца, и дорога к озеру походит на блестящую ленту ртути» — так образно пишет Окумура Тэцуюки (род. в 1947 г.) [78, с. 671]. Лето — это и страшные тайфуны, срывающие крыши с домов, вырывающие с корнем могучие деревья, и бесконечные вереницы людей под зонтиками на улицах городов, и бархатистые зеленые подушки рисовых полей, и, конечно, календарные праздники.

Осень, пожалуй, самое приятное время года в Японии. Минувала пора дождей, тайфунов и жары, небо снова стало чистым и ясным, но все еще тепло. Люди снимают урожай, подытоживают результаты своего труда. Повсюду в сельской местности видны золотые снопы сжатого риса, развешенные на вешалах, и подвешенные к крышам длинные стволы японской редьки. Цветут хризантемы, и постепенно меняют свой цвет кленовые листья — изумрудно-зеленые, они становятся желтыми, затем оранжевыми и, наконец, красно-багряными. Это прекрасный и поэтический наряд сезона, завершающего год.

Смена сезонов обусловила и время проведения праздников. Появляются праздники весенние, летние, осенние и зимние. Продолжает сохраняться неразрывная их связь с природой, уже опосредованная. Из этого и сложился один из основных принципов дальневосточной эстетики — созерцательное восприятие природы. С ним связана характерная черта календарной обрядности японцев — появление праздников любования природой.

Японцы издревле склонны были восхищаться сменой времен года, видя в этом неповторимое очарование. «Мое единственное желание в жизни — видеть красоту меняющихся сезонов», — писал Камо-но Тёмэй (1155?—1216), автор известной «Повести четырех времен года» («Сики-моноготари»), поэт, критик, эссеист. Эту же мысль развивает Кавабата Ясунари, распространяя понятие красоты времен года на природу вообще и человеческие чувства в частности. «„Снег, луна, цветы“, олицетворяющие красоту сменяющих друг друга четырех времен года, по японской традиции олицетворяют красоту вообще: красоту гор, рек, трав, деревьев, бесконечных явлений природы...» [41, с. 387]. Кавабата приводит известное стихотворение японского поэта Догэна (1200—1253):

Цветы — весной,
Кукушка — летом.
Осенью — луна.
Холодный чистый снег —
Зимой.

Он отмечает, что простейшие слова этого стихотворения, «чередясь... передают сокровенную суть Японии» [41, с. 387—388].

Такое отношение японцев к природе подчеркивает и Ф. Ма-раини: «Связь между человеком и природой Японии проявляется в пристальном, ритуальном, часто одержимом интересе к времени года. Каждое из них воспевалось и нередко до сих пор

воспеваются в литературе и искусстве, и у каждого есть свои особые атрибуты цветов, животных, растений, явлений природы и человеческих настроений» [59, с. 54].

Природа «это то, что,— по образным словам великого японского поэта М. Басё (1644—1684)— „роднит все... виды искусств“. Японские поэты, писатели, художники прекрасно умели и умеют „сдружиться с четырьмя временами года“; „...следуйте природе! Вернитесь к ней!“» — призывал М. Басё [43, с. 64]. Один из ведущих эстетических принципов различных областей японской культуры — соотнесенность жизни человека с природным циклом — нашел свое отражение прежде всего в поэзии.

В эпоху средневековья, когда создавались наиболее прославленные антологии японской поэзии типа «Мантёсю», существовала так называемая календарная поэзия. Были специфические «сезонные слова, точно передающие колорит определенного времени года. И даже когда стала отживать традиционная канонизация тематики поэтических сборников, «единственным отзвуком былой стандартизации осталось», по словам академика Н. И. Конрада, «требование, чтобы в „хокку“ (или „хайку“ — трехстишие.— Авт.) был выражен „сезон“, т. е. какой-либо конкретной деталью показано время года» [92, с. 8]. Весной, например, это сакура, а осенью — алые листья клена. Хага Хидэо писал, что имели резко различимые в стране четыре времени года вызвали к жизни этот вид поэзии. Видимо, не случайно бытует мнение, что если из многочисленных японских антологий исключить стихотворения о природе, то от них почти ничего не останется.

Особый интерес японцев к природе отразился и в других видах искусства, например в архитектуре и живописи. Архитектурные сооружения — и дома, и великолепные храмовые ансамбли — строились в гармонии с природой. Здесь тоже просматривается принцип «соотнесенности». Сюжетами многих гравюр, как известно, были восход и заход солнца, горы, покрытые снегом, долины, залитые солнечными лучами, праздники любования луной, цветами вишни, сливы, лотосами в прудах. Художник Хокусай известен, в частности, серией гравюр «36 видов Фудзи», в которой он изобразил японский символ красоты природы в различные времена года. При этом он удивительно органично соединил философски отвлеченный образ мироздания с природой родной страны, с трудовой деятельностью человека.

Особое место в пейзажной живописи Японии занимает изображение цветов. Советский искусствовед О. Н. Глухарева отмечает, что живопись цветов в искусстве Дальнего Востока воспринимается иначе, чем в Европе. «Декоративная по своей художественной форме, она развивалась на глубокой философской основе. За каждым изображением цветка здесь скрывается символическая сущность» [35, с. 90]. Одним из выдающихся мастеров живописи цветов был Огата Корин (1658—1716). Он с особым поэтическим воодушевлением воспевал цветы сливы,

хризантемы, ирисы, камелии, каждые в соответствующем сезоне. Другой мастер этого вида искусства — Утагава Кунисада создал серию «Соревнование цветов», соотнеся сезонный цветок с настроением человека.

Современные художники поддерживают это направление живописи. В частности, Такидайра Дзиро (род. в 1921 г.), известный своими картинами на темы современной жизни, отдавая дань традиции, создал серию «Четыре сезона в Японии». Каждая картина этой серии представляет собой изображение основных примет того или иного сезона. Зима — крестьяне, несущие вязанку хвороста. Весна — насекомые. Лето — праздник Танабата. Осень — сбор урожая. Листья, цветы, плоды, животные, облака, волны появляются не только на картинах, но и в узорах кимоно, на лакированных шкатулках, в керамике или в аккуратном рисунке фамильного герба.

Еще в большем объеме культ природы и соответственно сезонность просматриваются в календарных обычаях и обрядах. Если перелистать календарь японских праздников, то нельзя не заметить, что многие из них так или иначе имеют отношение к природе. Прежде всего это все земледельческие обряды, связанные с культом плодородия. Целый ряд традиционных праздников посвящен окончанию таких стихийных бедствий, как наводнение, засуха, тайфуны. И конечно, с природой связаны праздники любования ею.

С древних времен отношение японцев к природе породило специфические японские обычаи любоваться луной, снегом, красными листьями клена, цветущими деревьями, различными цветами в зависимости от времени года. Любованье у древних японцев — это восприятие мира, природы, всей сущности бытия через созерцание красоты [57, с. 259—260]. Это не просто любованье, а и сопереживание. Под влиянием буддийских догм о бренности и иллюзорности мира это восприятие красоты несло в себе элемент быстротечности. На этой основе возникло такое понятие древней японской эстетики, как *моно-но-аварэ* — грустное очарование вещей, что в наибольшей степени присуще обрядности, связанной с любованием природой. Древние японцы посещали храмы не только для соблюдения религиозных обрядов, но и для ощущения изменяющихся настроений природы, «что было простым народным обычаем» [132, с. 124]. Это вылилось в своеобразные праздники, сопровождающиеся песнями, танцами, представлениями, пирушками, увеселительными прогулками и т. д. В Японии «...большие народные празднества — не что иное, как празднества цветов. Сама природа назначает дни, когда человек должен быть особенно радостным. Это то время, когда она меняет свой наряд, являя вечно новые прелести в вечно одинаковой последовательности», — писал немецкий исследователь и путешественник Карл Гагеман, посетивший Японию в 10-е годы нашего столетия [11, с. 161—162].

Именно в Японии по тем же причинам ритуальный буддий-

ский обряд подношения определенных цветов божествам и предкам развился в особый вид искусства — *икэбана*. С течением времени икэбана стала играть важную роль в культуре и повседневной жизни народа. Можно сказать, что не только в поэзии и искусстве, но и в быту поведение японцев и их настраивание, одежда часто гармонируют с временами года, т. е. с природой. Праздники, связанные с культом природы, по сей день занимают равноправное место среди японских традиционных зрелищ.

Снег и слива

Обряд любования цветущей сливой (умэ) — примета зимнего сезона. Эта церемония называется *камбай* (ранняя слива). Слива была завезена в Японию из Китая. Как явствует из песен «Маньёсю», эти деревья очень полюбились японцам и так широко распространились по стране, что стали неотъемлемым элементом японского пейзажа. Праздник цветущей сливы — это неброский, очень интимный лиричный ритуал. Цветы умэ — хрупкие, изысканные по форме, с тонким ароматом. Они удивительно красиво смотрятся на фоне зимнего пейзажа.

Поэты и художники неоднократно обращались в своем творчестве к этому поэтическому образу. Он стал составной частью японской календарной поэзии, а любимой темой зимних пейзажей японских художников было изображение соловья на ветке цветущей сливы.

Издавна в Японии существовал заимствованный из Китая обычай во время цветения умэ устраивать турниры поэтов на лучшие стихи о сливе. Один такой турнир описан в «Маньёсю»: «...В китайской поэзии уже есть собрание стихов об опадающих сливах. Чем же будет отличаться нынешний от древнего? Тем, что мы должны воспеть прекрасные сливы этого сада, сложив японские короткие песни — *танка*» [58, т. 1, с. 585].

Стихов, посвященных умэ, бесконечное множество, и они столь прекрасны, что хотелось бы привести их все, но ограничимся только двумя:

Соперничая с белизною снега,
Упавшего с небесной высоты,
У дома моего
Везде на сливах зимних
Цветут сегодня белые цветы!

Все, все бело! — Глаза не различат,
Где тут смешался с цветом сливы снег.
Где снег? Где цвет?
И только аромат
Укажет людям: слива или нет?

Пер. А. Е. Глускиной

И действительно, иногда трудно разобрать, где белоснежные цветы сливы, а где пушистый снег. Поэтому цветы сливы и снег — основные образы стихов, посвященных зиме.

Цветет умэ в Японии с конца декабря по конец марта. Согласно народным приметам, цветы сливы очень быстро опадают,

если снег пойдет до того, как они распустятся. Поскольку слива расцветает в суровое время года и раньше других цветов, она символизирует силу и благородство, служит олицетворением радостного пробуждения природы, вечно обновляющейся жизни, является пожеланием благополучия, счастья и долголетия.

Одним из районов, где рано зацветают сливовые деревья, является г. Атами (преф. Сидзуока). Здесь с 15—17 января в течение месяца проводится праздник сливы, во время которого проходят состязания певчих птиц (обычно соловьев) и соревнования фотографов на лучший снимок пейзажа со сливой. В саду г. Атами — 1300 сливовых деревьев ста сортов. В Атами же можно увидеть цветы сливы и на знаменитой ширме художника XVII в. Огата Корина — «Цветение красной и белой сливы». В центральной части композиции на золотом фоне Корин изобразил стремительный темный водный поток. «По обеим сторонам потока находятся как бы осеняющие его старые деревья слив... с дуплистыми, поросшими зеленым мхом корявыми стволами и с динамично изогнутыми ветвями, покрытыми красными и белыми цветами, только что распустившимися в еще холодном воздухе ранней весны. Заполняя всю плоскость, темный тонкий ажурный рисунок ветвей четко выделяется на гладком золотом фоне» [35, с. 90—91].

В Японии специально создаются сливовые сады для поддержания народной традиции и одновременно с целью извлечения прибыли из этой традиции. В садах ежегодно в период цветения сливовых деревьев проводятся разнообразные фестивали, во время которых идут театрализованные представления, устраиваются аттракционы, чайные церемонии и другие мероприятия увеселительного и коммерческого порядка. Нередки случаи, когда посетители за всей этой коммерческой суетой забывают об основной идее праздника — любовании сливой.

Истинные любители красоты и те, кто соблюдает традиции, отправляются, как правило, не в эти людные места, а в районы, которые тесно связаны с древней историей страны, где есть старинные замки, храмы, окруженные цветущими сливовыми деревьями, например в Камакура. Там; около храма Дзусэндзи деревья различных сортов цветут, сменяя друг друга в течение всей зимы. Особую привлекательность этому месту придает сочетание цветов сливы на старых деревьях с ковром нарциссов под ними. Другому сливовому саду при храме Дзюфукудзи своеобразие придает резкий контраст белоснежных сливовых цветов с темными хвойными деревьями. Несмотря на то что здесь всего несколько сливовых деревьев, зрительный эффект огромен. Есть в Камакура и храмовые сады, которые закрыты для посетителей, не имеющих специального разрешения на вход, и случайный прохожий может восхищаться цветами сливы, лишь глядя на них через ограду сада.

Одна из самых больших в Японии сливовых рощ (площадью 2,5 тыс. га) расположена в местечке Минабэ (преф. Вакаяма).

Она занимает холмы и долины трех деревень. Тысячи жителей г. Осака и прилегающих к нему более мелких городов приезжают сюда насладиться цветением этого дерева. А с февраля таких мест становится все больше и больше. Один из живописнейших сливовых парков страны находится в местечке Ёсино (преф. Нара). Прекрасен также парк и в г. Никко (преф. Тотиги) — этой туристской мекке Японии. Сливовая роща в местечке Цукигасэ (преф. Нара), протянувшаяся примерно на 5 км вдоль течения р. Нэбари, считается наиболее красивой. Славятся также сливовыми садами храмы Тэндзин [149, 23.02.1985].

Сакура

Весна в Японии это — великолепие цветущей сакуры. Ей поклоняются, ею любят, радуются как никакому другому цветку в мире. Это — своего рода символ Японии; слово сакура вошло в языки других народов.

Праздник цветущей сакуры — один из древнейших обрядов японцев. Поэты и художники на протяжении столетий выражали ей свою любовь в словах и красках. Вот как писала в XI в. Сэй Сёнагон в «Записках у изголовья»: «До чего же прекрасна длинная ветка цветущей вишни в большой вазе! А возле этой цветущей ветки сидит, беседуя с дамами, знатный гость... в кафтане цвета вишни поверх других многоцветных одежд... Чудесная картина!» [45, с. 563]. Примерно такую сцену можно видеть на парной ширме «Отдых под вишневыми деревьями» художника Кано Нагонобу (1577—1654) [132, с. 58—59].

Цветущая сакура принимает сезонную эстафету от душистой сливы:

Коль отцвели цветы душистой сливы,
Где соловей порхает меж ветвей,
То, значит,
Время подоспело,
Когда цвести должны вишневые цветы!

Пер. А. Е. Глускиной

Сакура в Японии — цветок цветов. Когда японец произносит слово «хана» — «цветок», то он имеет в виду сакуру; «любование цветами» — *ханами* — означает главным образом любование сакурой [18, с. 655—656]. Благодаря своей красоте именно эти цветы олицетворяют совершенство и безупречность. Сакура превозносится так высоко и потому, что ее цветение очень кратковременно — оно длится всего несколько дней, а иногда лишь несколько часов. У японцев это вызывает ассоциации с ушедшей любовью, кратковременностью юности и т. д., что созвучно широко распространенным в Японии буддийским представлениям о мимолетности жизни. Поэтому, возможно, многие стихи, посвященные сакуре, проникнуты лиризмом и печалью.

Как сквозь туман вишневые цветы
На горных склонах раннею весною
Белеют вдалеке,
Так промелькнула ты,
Но сердце все полно тобою!

Пер. А. Е. Глускиной

Белоснежные и бело-розовые облака цветущей сакуры обволакивают страну с конца марта по конец апреля. Ее в Японии можно встретить повсюду: в горных районах, по берегам рек, в городских и храмовых парках. Существует около 16 видов и примерно 400 сортов этого дерева. Хотя японцы проявляют очень большой интерес к празднику любования цветущей сакурой, но, по свидетельству директора Цветоводческой ассоциации Японии Ю. Такэсима, у большинства из них сведения об этом цветке весьма скудные. Обычно «средний» японец знает только два сорта — Сомэёсино и Яэдзакура [149, 23.03.1985]. В то же время есть не только сорта с розовыми и белыми цветами, но и с желтыми, зеленоватыми. Деревья — самой разнообразной формы и размеров. Есть, например, зонтичная вишня, окружность ствола которой составляет 4,6 м, а крона — 15 м; есть мелколепестковая, хризантемовидная вишня, встречается сакура с ветвями, напоминающими водопад. Возраст некоторых деревьев достигает 200 и даже 400 лет.

В настоящее время проводится большая исследовательская работа по улучшению сортов сакуры. Ее необходимость вызвана прежде всего тем, что многие деревья в последние десятилетия стали погибать в результате загрязнения окружающей среды. Кроме того, в 60—70-е годы при строительстве промышленных объектов часть вишневых садов была вырублена. Большую работу по сохранению вишневых деревьев и выведению их новых сортов проводит в стране упомянутая выше Цветоводческая ассоциация, которая была создана в 1962 г. В ее хозяйстве в г. Юки (преф. Ибараки) выращиваются ежегодно сотни тысяч саженцев вишни и других декоративных деревьев, которые рассылаются в национальные парки, школы, на предприятия и в другие учреждения для расширения зеленой зоны страны. Сейчас Ассоциация стремится создать сорта сакуры, цветение которых продолжалось бы более длительный срок.

Наряду с Цветоводческой ассоциацией большую роль в проведении подобной работы играет лесоводческая опытная станция министерства сельского, лесного и рыбного хозяйства в г. Хатиодзи (преф. Токио). Здесь со всей страны собрано около 1800 вишневых деревьев 215 сортов, в том числе такие редкие, как Гёико с бледно-зелеными цветами и Кикудзакура, каждый цветок которой имеет около 300 лепестков.

Раньше всех зацветают белые и розовые немахровые сорта, которые наиболее популярны среди японцев; затем наступает пора махровых. Цветение сакуры — поистине захватывающее зрелище. «Кто хоть раз имел счастье видеть необычайно пыш-

ный цвет вишневых деревьев в Японии,— пишет Э. Гессе-Вартег,— тому станет понятна любовь японцев именно к этим цветам и тот найдет вполне естественным, что японцы культивируют вишневые деревья только ради цветов, так как японские вишни не годятся для еды» [13, с. 265].

По свидетельству того же Гессе-Вартега, в начале века еще до наступления времени полного расцвета вишневых цветов во всех газетах появлялись своеобразные бюллетени, отмечавшие малейшие события в этой области. Помещались сообщения о цветении сакуры в том или ином районе.

В настоящее время эта традиция продолжается. Большое внимание этому событию уделяет метеорологическая служба. Она занимается определением времени цветения вишни, проводя для этого специальные исследования. В частности, в районе Токио с этой целью берут 10 почек с какого-нибудь вишневого дерева из сада храма Ясукуни. Почки взвешивают. Эта процедура проводится дважды в течение месяца. Затем определяется средняя температура воздуха от января до марта. Полученные данные подвергаются математической обработке. Кроме того, метеорологи ежедневно следят за тем, как развиваются почки на деревьях. В качестве образца обследуются деревья сорта Сомэсино, наиболее распространенного в стране. Результаты публикуются в периодической печати и сообщаются по телевидению.

Сакурой любят повсюду, но все же есть самые красивые, наиболее посещаемые места. Больше всего их в древних столицах Японии — городах Нара, Киото, Камакура. Здесь много прекрасных парков с большим количеством деревьев различных сортов сакуры. Вечерами цветущие деревья красиво подсвечены, что производит сильное впечатление, поэтому и поздно вечером в парках всегда многолюдно. Одно из самых достопримечательных мест, где любят сакуру,— гора Ёсино (преф. Нара), которая не раз воспевалась в поэзии.

В середине апреля в г. Нара проводится один из наиболее пышных праздников, посвященных цветущей сакуре. В этот день по центральной улице города проходит красочная процессия молодых девушек и детей, несущих вишневые ветки. Аналогичный праздник ежегодно проводится и в г. Камакура (7—14 апреля). Он ведет свою историю еще со средних веков, когда жизнь воина, служившего своему феодалу, была нередко так же кратковременна, как период цветения сакуры. Ее цветы всегда считались символом храбрости, доблести, рыцарства. В средние века бытовала пословица: «Среди цветов — вишня, среди людей — самурай».

В г. Киото в период цветения сакуры во многих парках при храмах проходят так называемые сакура мацури, или сакура кай (вечера сакуры). Так, 6—7 апреля в храме Дайгодзи известные танцовщицы исполняют «танцы вишен». Сюжетом одного из них служит эпизод любования цветущей сакурой знамени-

тым военным правителем Японии Тоётоми Хидэёси в 1598 г. в саду этого же храма. Аналогичная сцена изображена также на знаменитой ширме неизвестного художника XVI в. «Любование цветами сакуры в храме Дайго». 10 апреля в парке храма Хирано проводится парад костюмов эпохи Хэйан, посвященный празднику цветущей вишни.

Древним столицам не уступает и современный Токио. Жители этого многомиллионного города мчатся на автомашинах, электричках, метро в различные места «Большого Токио» — в парк Уэно с его 1500 деревьями; на берега р. Тама, где более чем на 8 км протянулась цепь белоснежных горных вишен, возраст некоторых деревьев достигает 100—200 лет; в район Хинохару, где растет самое старое в стране дерево, крона которого раскинулась на 31 м, а окружность ствола достигает 11 м.

Кратковременный период цветения сакуры издавна привлекал большое внимание японцев. Еще Р. Киплинг, бывший в конце XIX в. в Японии в период цветения сакуры, с удивлением отмечал: «„Сегодня праздник цветения вишни,— сказал гид.— Все люди будут праздновать, молиться и пойдут в чайные и сады“. Можно окружить англичанина цветущими вишнями со всех сторон, и уже через сутки он начнет жаловаться на запах» [43а, с. 80].

Свидетельством большой популярности данного национального праздника служит то, что в начале нашего века руководители японского рабочего движения старались приурочить демонстрации и митинги рабочих к этому периоду. Например, 3 апреля 1901 г. в токийском парке Мукосима в день «празднования вишневых деревьев» собралось на митинг в защиту прав трудящихся около 50 тыс. человек. В такой же праздничный день 2 апреля 1905 г. в другом парке — Уэно состоялась демонстрация нескольких сот рабочих, посвященная международной солидарности трудящихся [15, с. 88, 145].

В наши дни во время цветения сакуры царит праздничное веселое настроение. Повсюду говорят о том, куда можно поехать, что посмотреть, где находятся наиболее интересные деревья. В выходные дни или после работы японцы семьями, с друзьями, сослуживцами отправляются в парки, на берега рек любоваться цветущей сакурой, а заодно и весело провести время. Одним из излюбленных мест для пикников жителей Токио в это время являются берега р. Эдогава, где наряду с действительными ценителями прекрасной природы можно встретить бесшабашные компании молодежи, отплясывающей под грохот и вой транзисторов и магнитофонов. Часто после такого «любования» под прекрасными вишневыми деревьями можно обнаружить горы банок из-под пива или сока, бутылки из-под саке, обертки от еды, пустые сигаретные коробки и груды другого мусора. Возможно, поэтому многие истинные любители цветущей вишни отправляются посмотреть на сакуру в тихие отдаленные и сравнительно уединенные места в горах. Нахо-

дятся знатоки, умеющие насладиться красотой одного дерева, ветки и даже одного цветка.

Популярность этого праздника, конечно, используется и коммерческими предприятиями. В театрах даются представления, в которых основное место занимают танцы, посвященные цветению сакуры, а универмаги для привлечения покупателей устраивают выставки икэбана с использованием веток цветущей вишни. Лавки и магазины украшаются в этот период искусственными цветами сакуры.

«Пиршество цветов»

Не успевает отцвести сакура, как появляются азалии белого, желтого, лилового, но чаще всего алого цвета, затем разноцветные пионы, глицинии, многоцветные ирисы, в которых переплетаются мягкие и резко контрастные тона, и, наконец, рододендроны, лотосы — все это поистине, по словам Р. Киплинга, «пиршество цветов».

Азалии (*цуцудзи*) и пионы (*ботан*) в Японии бывают необычайной величины, иногда достигая человеческого роста. Время их цветения — конец апреля — начало мая. В Токио своими азалиями славится парк Ханаяма, где собрано примерно 3500 кустов растений, привезенных с гор из района Никко. Некоторым из них более двухсот лет. Наиболее известные места культивирования пионов — храм Хасэдэра в г. Нара, городок Сукагава (преф. Фукусима), поселок Коан (преф. Ниигата). Пион пользуется популярностью у знатоков икэбана, хотя для этого вида искусства он считается сложным.

Один из самых любимых японцами цветов в летнее время года — ирис (*аямэ*, или *сёбу*). Ирисы занимают особое место. На протяжении пяти веков в стране было выведено свыше тысячи сортов. Япония по праву считается патриархом ирисоводства в мире. Японские ирисы, по мнению ботаников, являются самыми красивыми и элегантными из всех сортов этих цветов [33]. Многоцветные ирисы в сочетании с неотъемлемой составной частью японских парков — прудами представляют собой восхитительное зрелище. Неудивительно, что любование ирисами также стало традиционным праздником японцев.

Ирис цветет в течение трех недель, начиная с июня. Поскольку время цветения ирисов и глициний совпадает, то создается впечатление, что вокруг все окрашено в лиловый цвет. «Как тюльпаны в Голландии, так здесь ирисы красуются на широких полях... спустя несколько дней расцветают глицинии... В невероятном изобилии выются они вдоль дачных построек, на дворцах и лачугах, на чайных домиках и искусственных беседках; при этом еще бедняки часто насаживают ирис на вершину своего дома, так что он в июле бывает покрыт лиловыми цветами ириса» [13, с. 268].

Огата Корин создал парные шестистворчатые ширмы «Ирисы», хранящиеся в музее Нэцу в Токио. На золотом фоне этих ширм написаны пышно распустившиеся лиловато-синие цветы и густо-зеленые листья ирисов.

В период цветения ирисов ими украшают жилища, кимоно, прически. Эту сторону жизни японцев очень тонко подметил в повести «Тысячекрылый журавль» Кавабата Ясунари: «В токонома в плоской вазе стояли ирисы. И на поясе девушки были красные ирисы. Случайность, конечно... А впрочем, не такая уж случайность: ведь это очень распространенный символ весеннего сезона» [41, с. 50].

В Японии имеется несколько наиболее известных ирисовых садов и парков. Например, парк Коракуэн, один из старейших в столице, который сохраняет свой вид с периода Эдо, или парки Мэйдзи и Кэйё хякаэн, где собраны разные сорта этих цветов со всех концов страны, в том числе уникальные — с огромными цветами и необычайной расцветкой. Не меньшей популярностью пользуются ботанический сад в г. Савара (преф. Тиба) и парк в г. Итако (преф. Ибараки). В г. Итако с 1 по 25 июня проводится аямэ мацури. В это время здесь по субботам и воскресеньям устраиваются выставки этих цветов, на которых демонстрируется до 10 тыс. растений; танцовщицы исполняют «танцы ирисов»; проводятся соревнования певцов и поэтов, воспевающих эти цветы; демонстрируют свое искусство фотографы. А вечером по берегам реки зажигаются фонари, создавая праздничное настроение.

Цветок ириса тесно связан с историей и древними обычаями страны. Еще в период Нара (646—794) этому растению приписывались магические и тонизирующие свойства. Кроме того, слово «ирис» (сёбу) звучит как слово «успех», хотя и пишется другими иероглифами. Листья ириса, форма которых напоминает самурайский меч, рассыпали у входа в дом, клали на крыши и под карнизы, чтобы отогнать несчастья. Официальные лица в старину надевали парики из листьев этого растения. В начале XVII в. появилась такая игра: мальчики связывали ирисы в пучки и соревновались, кто громче хлестнет по земле этим пучком. Затем появился обычай готовить ванну с добавлением листьев ириса (сёбун). Существует поверье, что такая ванна предотвращает болезни, так как ирисы обладают профилактическими свойствами. По этой же причине листья ириса крошат и в сакэ.

Ирисы так же, как и жемчуг майский (*сацуки-но тама*), использовали как лекарственное растение. Их нанизывали на нить и вкладывали в разукрашенный мешочек для лекарств, называемый *кусуридама*. Свидетельством тому прекрасные стихи на эту тему из «Манъёсю»:

Кукушку ожидаю я напрасно,
Она не прилетает, не поет,
Ужели потому, что день еще далек,

Когда я ирис жемчугом прекрасным
На нить сумею нанизать?

Пер. А. Е. Глускиной

На китайский манер такие кусуридама приурочивали специально к 5-му дню 5-го месяца. По поверьям, этот обычай помогал избежать простуды и олицетворял очищение от грехов.

С сакральными свойствами ириса связан и праздник, который проходит в начале июня на горячих источниках Ямасира (г. Кама, преф. Исикава). Он называется *сёбю*. В эти дни группа молодых людей приносит микоси к общественным ваннам курорта и бросает пучки листьев ириса в воду, что символизирует избавление от злых духов. Японские гостиницы украшают специальными занавесями (*маммаку*) с рисунками ирисов, а карнизы крыш жилых домов, гостиниц и других зданий декорируются листьями ирисов и красными фонариками.

Среди праздников, связанных с цветением глициний (*фудзи*), привлекает внимание мацури в г. Нанао при храме Отинуси (преф. Исикава). Здесь при строительстве праздничных колесниц *даси*, высота которых достигает иногда двухэтажного дома, вместо гвоздей и канатов используются лозы глициний. Они очень прочные и длинные (до нескольких десятков метров).

В сезон дождей — *цую*, или *байу*, что означает «сливовый дождь», поскольку в это время созревают сливы, по всей стране расцветают гортензии (*адзисай*). Их цветовая гамма разнообразна: все оттенки голубого, зеленого, красного и, конечно, белого цвета. Во время Адзисай мацури в г. Симода (преф. Сидзуока) в парке Сирояма можно увидеть самую богатую в Японии коллекцию гортензий. За июнь месяц здесь продается более 150 тыс. букетов.

Японский лотос (*хасу*) цветет белыми и розовыми цветами в августе. Он также является одним из самых любимых японцами цветов. Считается символом чистоты и добродетели. Он ассоциируется с чистотой потому, что его нежные белые лепестки возвышаются над болотной тиной; с добродетелью, так как аромат его очень тонкий, едва уловимый. На протяжении веков цветок лотоса в сознании японцев был связан с буддийским учением, и в частности с его понятием о рае. Кроме того, лотос имеет и чисто практическое значение. Крестьяне культивируют лотос для употребления в пищу его корневища — рэнкон.

В период цветения лотосы можно видеть повсюду, где есть вода: во рвах, окружающих старые дворцы и замки, в прудах и озерах, вдоль каналов и рек. Поскольку цветы лотоса раскрываются с восходом солнца и закрываются, когда оно заходит, посетители приходят любоваться ими обычно утром.

Очень много народу бывает в парке Уэно около пруда Синобацу, который весь покрыт этими цветами. Но некоторым больше нравятся маленькие прудики, которые имеются в любом парке. Один из них описан Э. Гессе-Вартегом: «Окружен-

ный могучими криптомериями, он дремлет в их густой тени, посреди него находится островок с маленьким храмом, и поверхность воды так густо усеяна цветами лотоса, что можно принять их за белый ковер» [13, с. 269].

Хризантемы, луна, алые листья клена

Хризантема (*кику*) является, пожалуй, наиболее любимым цветком в Японии после сакуры. Но если цветок сакуры ассоциируется с расцветом природы, то цветение хризантем завершает обрядность культа цветов. Хризантеме поклоняются не только за ее исключительную красоту, но и как объекту, выполняющему сакральную функцию. С этим цветком связано много обрядов, обычаев и праздников. Одни из них уже исчезли, но некоторые живы и по сей день. Хризантемы преподносят в самых торжественных случаях. Стилизованные лепестки хризантем являются эмблемой императорского дома в Японии и неофициальным гербом страны.

Обрядность, связанная с цветами хризантем, пришла в Японию из Китая. Древние китайцы считали, что хризантема обладает магической силой продлевать жизнь человеку и обеспечивать ему долголетие. Это было основано на легенде об одном монахе, который прожил более 700 лет (с 900 до 200 г. до н. э.) благодаря тому, что пил росу с хризантем. Отсюда родилось поверье, что, соблюдая такой ритуал, можно остаться молодым и даже обрести бессмертие.

Появление этой обрядности в Японии относят к 673 г., а первое упоминание о ней в письменных источниках («Нихонги») появилось в 685 г., но в «Своде законов „Тайхорё“» она еще не была зафиксирована как праздник. Праздник под названием «9-й луны» (*кугацусэцу*) впервые отмечался при дворе в 816 г., а с 831 г. он получил название «Тёёсэцу» и стал отмечаться 9-го числа 9-го месяца. Слово «ё» означает «жизнь», а две девятки подряд (что передается в названии праздника нероглифом «тё» — «накладывается один на другое») — долголетие. Позже этот мацури получил еще одно название — *Кику-но сэкку* (Праздник хризантем), поскольку хризантема — символ долголетия [115, с. 204; 116, с. 418—419].

В обрядность праздника входит несколько ритуалов. В частности, был ритуал преподносить друг другу чашечки сакэ с крошенными в них лепестками хризантем. Он означал желание предотвращения несчастий и долголетия человеку. В Японии этот обряд называли *кикусё*, *кикусакэ*, *кикуханасакэ*. Все это практически переводится одинаково: «ритуальное сакэ с лепестками хризантем». Существовал обычай делать во время *Кику-но сэкку* настой из цветов, стеблей и листьев хризантем, а также риса. Его пили на следующий год 9-го дня 9-го месяца.

В настоящее время в осенний период в ресторанах подают

хризантемы в качестве изысканного блюда. Обычно используют мелкоцветные сорта. Они приготовлены так, что по вкусу напоминают шпинат.

В период Хэйан возникла собственно японская обрядность использовать цветы хризантемы для предотвращения несчастья. В кусок хлопковой материи заворачивали хризантемы, и после того, как их аромат пропитает ткань, ею обтирали тело, чтобы таким образом обеспечить себе здоровье, т. е. долголетие. В период Токугава этот обряд уже не соблюдался, но простой народ продолжал пить 9-го дня 9-го месяца сакэ с хризантемами и есть рис с вареными каштанами. Считалось, что каштаны тоже содействуют долголетию, поэтому праздник этот называли иногда Кури-сэкку (кури — «каштан»).

Другой обрядностью 9-го дня 9-го месяца была так называемая заупокойная служба с хризантемами — *кику-куё*. После введения солнечного календаря ее стали отправлять 18 октября. В этот день в храме Каннон в Асакуса (г. Токио) главный священнослужитель проводит службу с хризантемами. Прихожане идут в храм, неся в руках хризантемы, и кладут их перед изображением Будды. После окончания службы они вновь подходят к статуе Будды и уносят с собой хризантемы, необязательно те, которые каждый принес. Считается, что хризантемы должны отвести болезни и несчастья [118, с. 248, 488; 116, с. 419].

На о-ве Окинава 9-го числа 9-го месяца в сакэ кладут лепестки хризантемы и чашечки с ним ставят перед алтарем в качестве подношения душам умерших. В этот же день совершают паломничество в святые места и возносят молитвы за всех, кто находится в пути. В горных деревнях в храмах бога Хатимана исполняются танцы хаэносима: примерно шестьдесят молодых людей составляют две группы; одна танцует с палками в руках, другая — с тыквами-горлянками; танцы сопровождаются ударами гонга. На головах участников танцев — красные парики. Это очень древний обычай. Кроме того, этот день рассматривается как выходной для мужчин, так как во многих местах уже собран урожай и они могут отдохнуть.

В эпоху Хэйан, когда праздник отмечался только при дворе, по приглашению императора во дворе собиралась придворная знать, поэты, музыканты. Все присутствующие были обязаны по случаю праздника сочинять стихи на китайский манер. Герой повести «Гэндзи моногатари» сетует на то, что в этот день, когда он занят размышлениями («Как-то удастся сегодня сложить китайскую поэму») [45, с. 616], его отвлекают посторонними делами. Это говорит о том, насколько серьезно люди относились к такого рода ритуалам.

Позже военные правители — сёгуны призывали к себе в этот день своих вассалов — даймё, а императоры, как и раньше, устраивали во дворце приемы. Токугавское правительство сделало 9-й день 9-го месяца одним из пяти государственных празд-

ников. В настоящее время официально праздник не соблюдается, но некоторые его обряды и обычаи, имеющие многовековую историю, сохранились.

В период цветения хризантем при храмах, в парках, универмагах, холлах гостиниц и других общественных местах устраиваются выставки хризантем, выращенных в горшках. Особенно грандиозны такие традиционные выставки в саду императорского дворца. «Всему большому парку искусные садовники придуют в ноябре совершенно весенний вид... в одном месте белый ковер, в другом — красный или лиловый; все цветы каждого ковра совершенно одинаковы по форме и находятся в одинаковом периоде расцвета, так что все они одновременно увядают и отцветают», — писал Э. Гессе-Вартег, посетивший в начале века праздник хризантем в императорском дворце [13, с. 269].

И действительно, обилие цветов заставляет забыть, что уже наступила осень. Выставки хризантем переполнены различными по цвету, величине, форме и даже виду растениями. Бывают цветы размером с тарелку, у которых, как правило, на одном стебле — один цветок. Есть цветы со свернутыми внутрь лепестками, они напоминают большие снежные шары. У некоторых хризантем сотни лепестков висят в виде длинных нитей, у других лепестки цветка похожи на подсолнечник. Очень красивы на таких выставках целые кусты хризантем, покрытые разноцветными цветами, напоминающими распушенный павлиний хвост. Особый интерес представляют собой растения, где на одном стебле растет более десятка хризантем разной величины и цвета. «Белые, желтые, фиолетовые хризантемы. Их так много, что красота и совершенство отдельных экземпляров сливаются, и вы уходите с этой выставки почти обессиленными. Излишество вредно, даже если речь идет о прекраснейших хризантемах. Но японцы на таких выставках никогда не устают и не скучают», — свидетельствуют Ян и Власта Винкельхофер, прожившие несколько лет в Японии [8, с. 298].

Неизменной популярностью, как и прежде, пользуются фестивали кукол из хризантем, традиции устройства которых восходят к эпохе Хэйан. На подобных выставках часто представлены не просто отдельные куклы, но целые сюжеты на мифологические, исторические и современные темы. Здесь можно встретить народных героев, знаменитых актеров в их лучших ролях, героев телевизионных передач, сцены из популярных театральных пьес.

Остов кукол делают из бамбука, лица, руки и ноги — из воска, весьма тщательно и натурально. Костюмы же героев и фон, на котором происходит действие (горы, водопады, храмы и пр.), сделаны из цветов и листьев хризантем различных оттенков. Лиловые накидки национального костюма придворных, составленные из лиловых хризантем, красиво сочетаются с зелеными хакама из листьев и шляпами из желтых цветов.

Куклы составляются не из срезанных цветов, а из растущих

в земле растений с корнями. Утром и вечером эти растения поливают водой, и благодаря этому они сохраняются в течение целого месяца. Если отдельные растения увядают раньше срока, их заменяют новыми. Все такие выставки обычно устраивают под навесом или в летних павильонах.

Газеты в этот сезон пестрят сообщениями о такого рода выставках. Они длятся, как правило, с 20-х чисел сентября до конца ноября. Наиболее известны выставки кукол в токийских храмах Сэнсодзи, Ясукуни, Мэйдзи, а также в парке Касумигаэ в г. Нихоммацу (преф. Фукусима), парке Хираката в одноименном городе (преф. Осака), в парке Аямэйка (г. Нара).

Изготовление кукол из хризантем — такой же вид традиционного японского искусства и ремесла, как гончарное производство, резьба по камню, дереву, металлу и пр. Поэтому полными участниками на выставке «Традиционные ремесла», проходившей 1—4 ноября 1984 г. в музее науки и техники в Токио, были мастера по изготовлению фигур из хризантем. Во время этой выставки проводились профессиональные встречи и семинары, на которых обсуждались различные вопросы мастерства и проблемы сохранения и развития народных видов искусства [149, 21.10.1984].

В Японии более 5 тыс. видов хризантем. На протяжении многих веков профессиональные садовники и любители делали все возможное, чтобы усовершенствовать этот последний цветок года; они значительно разнообразили его цвет и форму. И сегодня крупные и мелкие, с остроконечными или закругленными лепестками, на стеблях или на кустах, белые или лиловые, хризантемы, как и много веков назад, радуют глаз.

Видели все на свете
Мои глаза — и вернулись
К вам, белые хризантемы.
Пер. В. Марковой

Обряд любования луной (*цукими*) не менее древний, чем любование цветами. В старину день любования луной приходился на 15-е число 8-го месяца по лунному календарю. Считалось, что в эту ночь полнолуние самое красивое, так как луна в это время года бывает наиболее яркой. Она называлась *мэйгэцу*, что означает «яркая луна». Со временем обряд цукими стал соблюдаться 15-го сентября и называют его «*дзюгоя о цукисама*» — луна пятнадцатой ночи, или просто «*дзюгоя*».

Издревле любование луной было одним из главных событий осеннего сезона, когда заканчивалась уборка урожая и люди по обычаю устраивали трапезу при лунном свете и возносили богу благодарность за хороший урожай. Кроме того, считалось, что луна приносит людям счастье. В ночь полнолуния горожане, особенно торговцы, молились о том, чтобы в доме был достаток.

По древним поверьям, на луне растет лавр, и, когда осенью его листья покрываются багрянцем, свет луны становится осо-

бенно ярким. А живущий там лунный заяц толчет в ступе листья лавра и приготавливает из них лекарство, которое продлевает жизнь. С этим поверьем был связан обряд омыwać тело ночной росой, которая была освещена мэйгэцу, есть пищу, смоченную этой росой, слизывать ее с листьев растений.

Для ночи полнолуния готовили церемониальную еду — данго с приправой из таких растений, как хаги (леспедеца двухцветная), обана (китайский мискант), кудзу (пуэрария), а также из некоторых других, цветущих осенью. Кроме того, популярной едой в ночь полнолуния был жареный сладкий картофель, который поспевал в это время. Поэтому мэйгэцу называли также «луной первого месяца картофельного года» [126, с. 132, 133]. В Японии до сих пор для каждой сельскохозяйственной культуры имеется свой производственный год, который не совпадает с календарным. Например, есть рисовый год, продолжающийся с ноября данного по октябрь следующего календарного года, сахарный — с октября по сентябрь, картофельный — с сентября по август.

Календарный обряд цукими ушел из повседневной жизни народа. Но он живет в его песнях, в литературе, а также культивируется как праздничная церемония с исполнением национальной музыки и танцев. Без знания этого обычая трудно понять некоторые страницы лучших произведений японской классической литературы, например содержание следующего прекрасного стихотворения из «Манъёсю»:

Как прозрачно чиста
Этой ночью луна,
Когда сотни вельмож,
Покидая дворец,
Веселятся...

Пер. А. Е. Глускиной

Это стихотворение становится ясным тому, кто знает, как данный обряд проводился. А было это так.

Обычно с наступлением сумерек на веранде дома собирались гости. Хозяйка подвигала низенький японский столик на то место, куда должны были упасть лучи мэйгэцу. На подносах лежали 15 штук данго, символизирующих возраст луны — пятнадцать ночей, каштаны (символ долголетия) и сезонные фрукты и овощи. Возле стола горели две свечи. В вазу ставили пучки степного ковыля (сусуки). Гости, сидя за столом, закусывали, отдыхали и вели неторопливую беседу. Иногда во время цукими сочиняли стихи, посвященные полнолунию. Детвора в этот вечер пыталась разглядеть в пятнах на луне фигуру зайчика, стоящего на задних лапках с поднятым над головой пестом. Существует много детских песенок, посвященных луне и зайчику.

Герои таких произведений, как «Гэндзи-моногатари», спешили в эту ночь к своим возлюбленным, чтобы полюбоваться лунной вместе с ними. А горожане, как описывает Тикамацу Монд-

заэмон в драме «Самоубийство влюбленных на острове небесных сетей», ухитрялись так веселиться во время этого праздника, что делали большие долги [83, с. 328]:

Сполна вы заплатите
Все, что успел я задолжать
За праздник любования луною,—
150 серебряных монет... [83, с. 328].

Известный японский писатель Танидзаки Дзюнъитиро (1886—1965) в повести «Асикари» дает яркое описание празднования Дзюгоя в конце прошлого века. На открытой веранде дома, нависшей над прудом, на маленьком столике стояли церемониальное вино, светильники, цветы в вазах. На веранде сидела хозяйка и гости; одни из них играли на старинных музыкальных инструментах, другие исполняли национальные танцы. «Луна уже взошла, и в воде множилось ее отражение... они любовались луной, пили вино, музицировали и веселились» [23, с. 149—192].

Эта картина вполне созвучна настроению, переданному поэтом Мабути Камо (1697—1769):

С чем сравнить этот час,
когда, обещанье исполнив,
все друзья собрались
у меня в саду на веранде
любоваться вместе луною!..

Пер. А. Долина

В настоящее время эта праздничная церемония — скорее развлечение для туристов, которое проходит в конце сентября. Например, в г. Йокогама в парке Санкэй-эй ежегодно в течение почти 30 лет подряд проводится «вечер созерцания полнолуния» («мэйгэцу кансёкай»). Здесь присутствующие могут побывать на чайной церемонии и послушать игру на *кото* (японский струнный инструмент). Этот праздник возведен в ранг «духовной национальной ценности». Такого же типа вечера проходят и в других городах, например в Киото при храме Дайкакудзи, в Токио в парке Хяккаэн и при храме Хиэ. Таким образом, японцы не забывают о дне Дзюгоя.

Еще одним предметом любования японцев в осеннее время года являются *момидзи* — алые или багряные листья клена. В старину этот обычай был связан с осенним праздником урожая в конце 11-го месяца. Когда были окончены все полевые работы, крестьяне могли позволить себе немного отдохнуть. Они танцевали, пели песни, плели венки из листьев клена. Затем этот обычай постепенно трансформировался в поездки на природу, на горячие источники или в посещение парков, чтобы отдохнуть, любуясь осенними листьями клена. Хотя багряные листья клена и привлекают к себе внимание уже много веков, специальной обрядности не существует. Но есть места, славящиеся своими кленовыми рощами, куда и съезжаются тысячи

любителей момидзи. Это, например, Никко, горы Хаконэ, остров Миядзима.

Момидзи считались хорошим украшением интерьера дома, и их преподносили в качестве подарка. Тема осеннего багрянца, алых листьев клена стала неотъемлемой частью японского фольклора и по настоящее время используется в японской литературе, как в поэзии, так и в прозе.

Японские художники любили изображать алые листья клена или сцены созерцания их на ширмах и *фусума* (раздвижная перегородка в доме). До сих пор можно любоваться этими произведениями искусства в музеях. Например, очень известна ширма «Любование красными листьями клена в Такао», расписанная художником XVI в. Кано Хидэёри — мастером жанровой живописи. На ней изображены бытовые сценки из жизни горожан, которые любят момидзи [132, с. 57].

После того как отцвели хризантемы, пейзаж украшают только покрасневшие и пожелтевшие листья клена, и, любуясь ими, люди ждут прихода весны, а с ней и цветения сакуры.

童年

Глава 5

ПРАЗДНИКИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Дети в семье и на празднике

Япония поражает обилием обычаев, обрядов и праздников, в той или иной степени имеющих отношение к детям. Именно в детском и юношеском возрасте особенно ярко проявляется коммуникативно-интегративная функция праздника. Он приобщает ребенка к ценностям общества, к восприятию культурного наследия нации. Функция социализации очень важна в настоящее время, когда участие в празднике становится сугубо добровольным действием, когда оно является непосредственным отражением взаимоотношений индивида и группы.

Среди детских праздников имеются как непосредственно связанные с рождением, ростом и возмужанием ребенка, так и те, в которых дети являются активными, а подчас и главными участниками. Это, видимо, отражает ту большую роль, которая

отводилась в старину и до сих пор отводится детям в японских семьях. Здесь взаимоотношения родителей с детьми имели приоритет перед взаимоотношениями супругов. Японская женщина, не имеющая ребенка, считалась неполноценной. Если в семье не было мальчиков, то, как правило, брали приемного, чтобы он мог продолжить род и дело. Дети пользовались безграничной любовью родителей. Такое отношение к детям многие японские ученые расценивают как культ детей. И. А. Латышев в своей книге «Семейная жизнь японцев» излагает мнение японских исследователей на этот счет: «Младенцы и малолетние дети почитались родителями-японцами как некие божества... в ряде сельских районов Японии люди искренне верили в то, что с рождением ребенка в дом вселяется либо само небесное существо, либо его посланник и что „до семи лет ребенок — это не обычный человек, а божественное создание“. Этим поверьем и объяснялось то уважительно-бережное отношение, которое проявляли родители к своим малолетним детям, благосклонно потакая всем их шалостям и капризам. Лишь по достижении ребенком семилетнего возраста отношение к нему родителей менялось, поскольку с этого времени он, как считалось, превращался в обычного человека, и на смену безмятежным годам малолетства приходил период требовательного и сурового воспитания» [56, с. 82].

В настоящее время, несмотря на серьезные изменения, происшедшие в социальных, в том числе и семейных, отношениях японцев, «...как и прежде, культ детей остается важной частью духовной жизни японских семей. И в период, предшествующий появлению ребенка на свет, и в период, следующий за его рождением, большинство японских родителей продолжает в наши дни демонстрировать так или иначе свою приверженность этому культу, отдавая дань его обрядам и ритуалам» [56, с. 88].

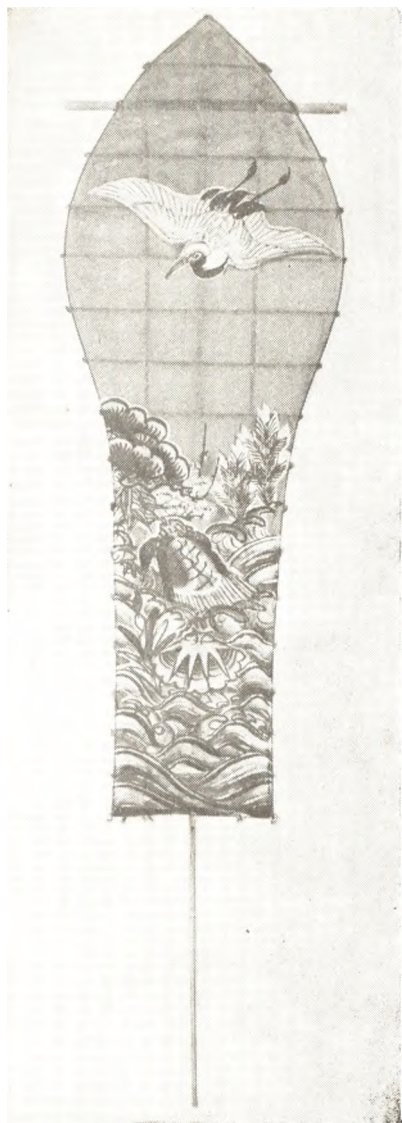
Приобщение детей к празднику начинается со дня рождения, с которым связана масса обрядов, и проходит через всю жизнь ребенка и подростка. Уже в детских садах, например, при буддийских храмах, обязательно отмечают праздник Хана мацури, или Камбуцу-э (День рождения Будды), который фактически потерял свою религиозную окраску и превратился в праздник для детей. В начальных классах школы широко проводится, особенно среди девочек, праздник Танабата.

Дети — неперенные участники подготовки и проведения самых разнообразных праздников, не только детских, но и взрослых, где подчас они играют немаловажную роль. Более того, зачастую создается впечатление, что все праздники устраиваются именно для детей. Эту черту подметил еще сто лет назад Э. Гюмбер: «Куда бы вы ни посмотрели, вы видите, что везде первое место занимают детские игрушки и детские игры... В оживленной толпе, обступающей эти игры и представления, первое место постоянно предоставляется детям. Видно, что на ярмарке, на улице, в семье главной заботой ремесленных,

Дарума —
изображение
божества
буддийского
пантеона
(жрец Дхарма),
преобретшего
широкую
популярность
в Японии.
Непременный
атрибут
новогодних
празднеств.

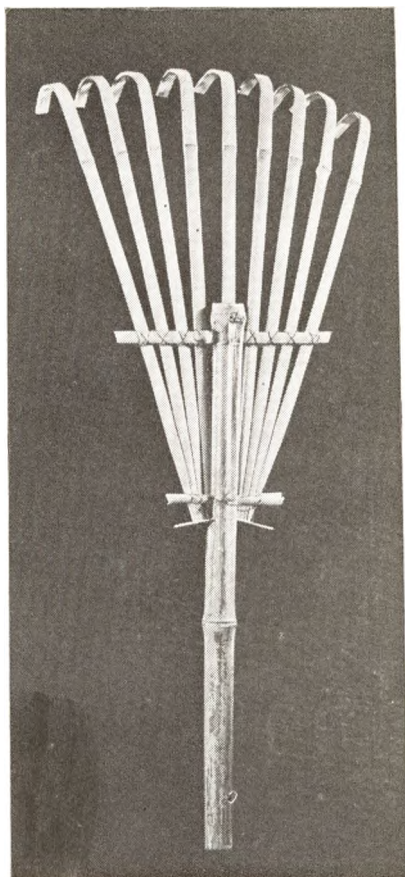
Фрагмент
ручной росписи
бумажного змея
Цугару-дако,
сделанного
в районе Цугару.

Одна из форм
бумажных
змеев.

Хагонта —
ракетки
для игры
в волан.

Бамбуковые
грабли
кумадэ —
амулет
на счастье.

Ежегодный
праздник-
соревнование
юношей
в г. Янаидзу
(преф. Фукусима).
Соревнование
проводится
в храме того же
названия.
Победителем
считается тот,
кто быстрее
других
поднимется
по канату
и тем самым
обеспечит себе
удачу
в предстоящем
году.

Демонстрация
мастерства
во время
ежегодного
праздника-
соревнования
пожарников
в г. Токио.

Церемония
разбрасывания
жареных бобов
во время
праздника
Сэнзубун —
Пробуждения
природы.

Сооружения
изо льда и снега
во время снежных
фестивалей
доставляют много
радостей
и взрослым
и детям.
На снимке
изображен
синтоистский храм
в окружении
традиционных
фонарей,
символизирующих
память
об ушедших
поколениях.

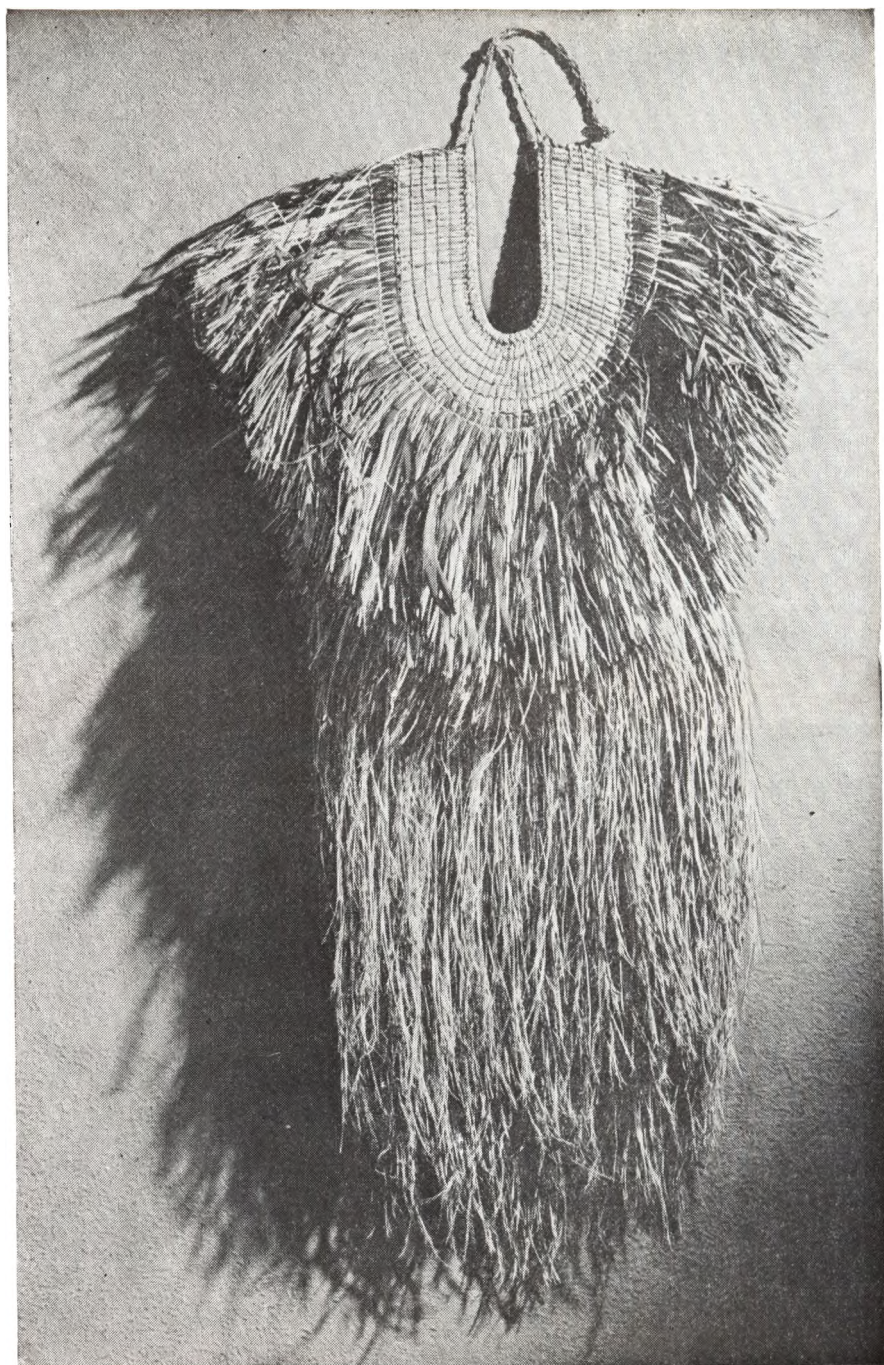
Камакура —
снежные хижины,
которые строят
во время детского
зимнего праздника
в г. Ёкотэ
(преф. Акита).

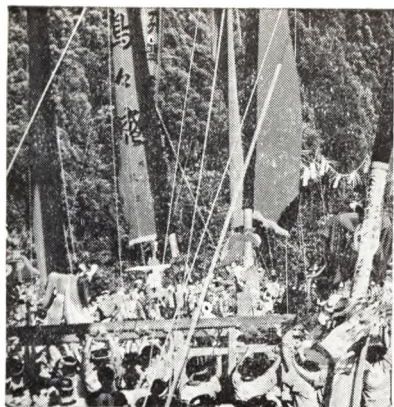

Праздничное шествие с факелами в г. Хагуро (преф. Ямагата), совершаемое с целью обеспечить богатый урожай злаковых в предстоящем году.

Праздник огня при храме Курама в г. Киото, во время которого его участники проходят по улицам города с факелами в руках. Факелы должны «согреть» землю, чтобы она дала хороший урожай.

Соломенная накидка — старинная одежда японского крестьянина в зимнее время. Сейчас ее надевают во время праздничных церемоний.

Храмовой праздник, посвященный уборке урожая в г. Накадзима (преф. Нисикава).

Маска мифологического прища Сарудахико, который, по преданию, привел потомков богини солнца Аматэрасу на землю.

Выставка кукол во время Праздника девочек.

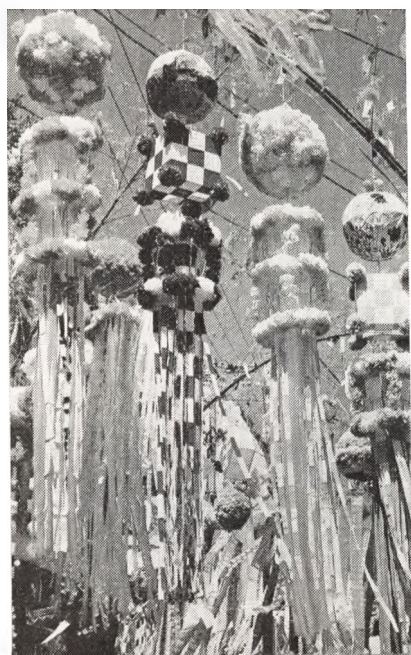

Ритуальная
высадка
рисовой рассады
на священном поле
при храме
Фусими-инари
дайся в г. Киото

Изображения
карпов,
укрепленные
на шестах.

Церемония спуска
на воду
соломенных
корзинок
в г. Кураёси
(преф. Тоттори)
с целью отвести
несчастье от детей.

Шествие лошадей
в Минамикисо
(преф. Нагано)
во время местного
храмового
праздника.

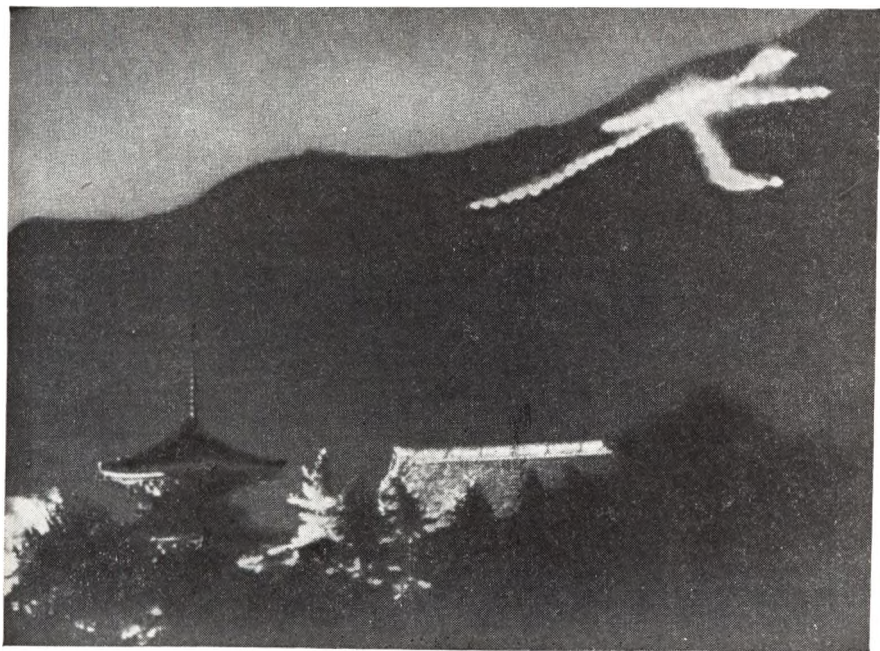
На празднике Аои
в г. Киото.

Традиционные
украшения
г. Сэйдэй во время
праздника
Танабата.

Танцы Инсимона
боп-одори
во время
праздника Бон.

Оркестр
девочек-
барабанщиц
на празднике
Хидака-хибусаэ
в местечке
Мидзусава
(преф. Иватэ).

Прощальные огни
даймондзи
во время
праздника Бон
в г. Киото.

Аллея
каменных фонарей,
ведущая к храму.

Платформа
колесница
со сценической
площадкой
для выступления
детской
художественной
самостоятельности
во время
праздника
Хикияма-мацури
в г. Накахама
(преф. Сага).

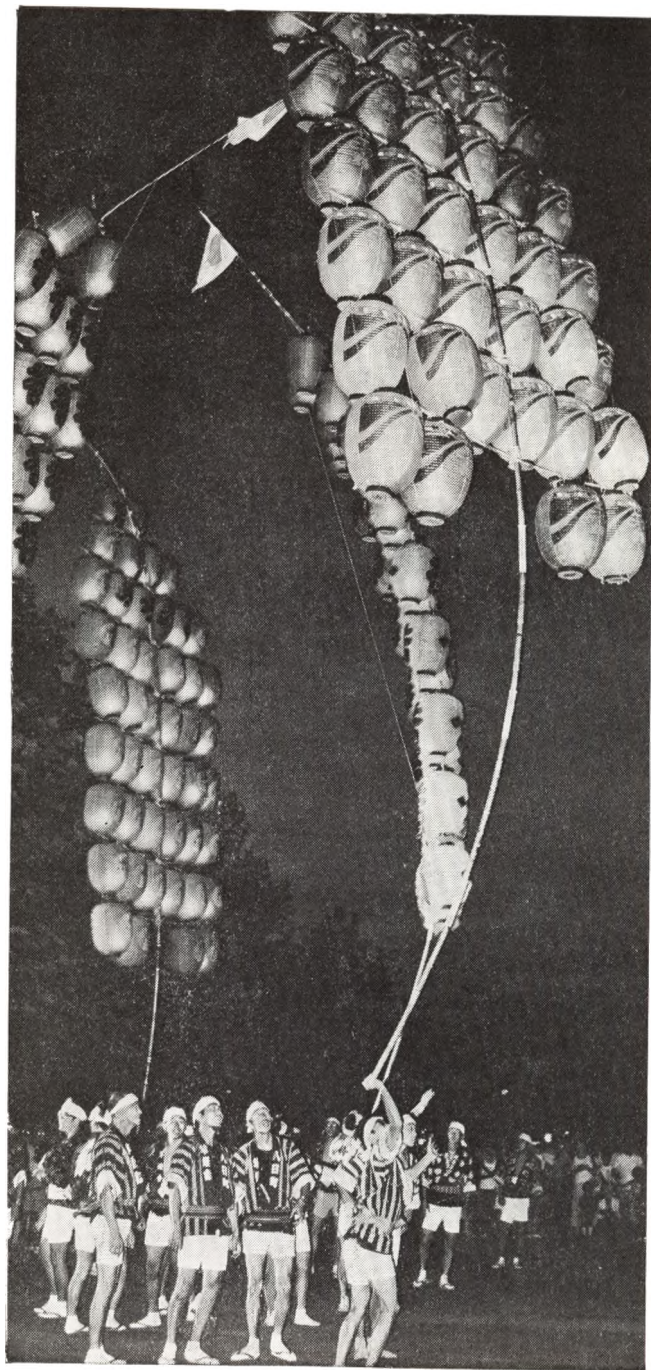
Парад богато
украшенных лодок
с микосе на борту
в заливе Мацусима
в г. Сигама
(преф. Мияги).

колесница
яма
на празднике Гюн
в г. Киото.

Одна из богато
украшенных
платформ
колесниц
на хохо
на празднике Гюн
в г. Киото.

Гирлянды
зажженных
фонарей —
украшение
многих
праздников.

промышленных и торговых классов японского общества было сделать первый день нового года детским праздником...» [22, с. 356, 359]. В этом отношении ничего не изменилось и сейчас.

Дети участвуют в праздниках, происходящих в семьях, по месту жительства, по месту учебы. В семьях — это главным образом праздники, связанные с жизненным циклом человека (Праздник мальчиков, Праздник девочек, День поминовения усопших и пр.). Дети наряду со взрослыми принимают самое деятельное участие в подготовке праздника. В домах они помогают убирать жилище, украшать его, готовить праздничную еду (вспомним новогодние моти), делать подарки. Очень охотно, например, ребята занимаются в первые дни Нового года или во время праздника Танабата каллиграфией, чтобы затем принести образцы своего искусства в школу и посоревноваться друг с другом, а заодно и «получить покровительство» божества соответствующего праздника.

Праздники содействуют сохранению традиций среди детей и юношества в музыке, танцах, прикладном искусстве. Этому молодежь обучают в процессе подготовки к праздникам опытные мастера своего дела. Например, в г. Такаяма (преф. Гифу) учитель начальной школы преподает мальчикам и девочкам местные народные танцы. У мальчиков особой популярностью пользуется «танец льва». В одной из школ преф. Ниигата группа мальчиков в 15—20 человек учится игре на барабане. В одном из прибрежных городков преф. Акита старый мастер резьбы по дереву, игры на барабане, знаток и хранитель местных обычаев является душой проведения всех здешних праздников. Именно он привлекает к участию в них молодежь.

Дети — одни из наиболее активных участников праздников. Они и танцуют, и поют, и играют на барабанах, и несут свои маленькие микоси, и исполняют роли различных исторических персонажей. Велика роль их в земледельческих обрядах, в праздниках, связанных с культом огня, воды, снега, где они вдоволь предаются своим ребячьим забавам.

Праздники и сопутствующие им обряды с детских лет культивируют в японцах определенные моральные ценности. Они воспитывают уважение к предкам, родителям, старшим вообще, ведут к сплочению семьи, коллективов, прививают детям интерес к познанию истории и культуры страны, ее традиционных устоев.

Родильные обряды

Родильные обряды совершаются с целью обеспечить безопасность и здоровье новорожденного и его матери. У японцев много таких обрядов, которые все вместе должны способствовать появлению на свет здорового младенца. Эти обряды представляют собой соединение магических и рациональных компонентов. В первом случае речь идет об обращении к душам

умерших предков и изготовлении оберегов, а во втором — об использовании знаний народной медицины. Японцы считают, что ребенок начинает жить еще за четыре месяца до своего рождения, т. е. тогда, когда, по древнему поверью, в него вселяется душа — *тамасий*. Поэтому и сейчас возраст японцев часто отсчитывается не со дня фактического рождения, а с момента «вселения души».

Первым ритуальным обрядом, посвященным ребенку, является повязывание *ивата-оби* (пояса материнства), которое проводится в зависимости от района страны за два, три, четыре, семь месяцев до его рождения. Чаще всего обряд совершают на пятом месяце беременности. Для этого всегда избирается день собаки по лунному календарю, поскольку японцы верят, что этот знак благоприятствует легким родам и здоровью матери. Ивата-оби представляет собой кусок материи длиной 2,4 м, который заворачивают вокруг бедер беременной женщины. В период появления этого ритуала в эпоху Хэйан для изготовления пояса использовали только ткань из белого шелка-сырца, так как, согласно поверью, шелк охраняет ребенка и обеспечивает ему здоровую и счастливую жизнь. В эпоху Эдо использовали уже белый узорчатый шелк, а затем пояс стали делать из хлопковых тканей белого, красного или желтого цветов. Белый цвет олицетворял чистоту, красный — счастье, а желтый давал силы противостоять злу. В название ивата-оби входит слово «скала». Это также расценивают как примету того, что ребенок в своей будущей жизни выдержит все невзгоды и испытания. В старину магической стороне обряда уделялось основное внимание, сейчас же это пояс, выполняющий функцию бандажа. Поэтому в настоящее время его делают не только из хлопка или шелка, но и из фланели и шерсти.

Обряд ивата-оби совершался по определенным правилам. Отец ребенка подавал пояс жене левой рукой, а она принимала его правой. Будущая бабушка по женской линии торжественно обматывала его вокруг живота дочери. Считалось, что строгое соблюдение ритуала усилит действенность магии. После церемонии надевания ивата-оби вся семья, родственники и друзья поздравляли будущую мать и садились за праздничную трапезу [116, с. 33]. Особенно торжественно этот обряд проходил в том случае, если ожидали первого ребенка, потому что японцы, как уже отмечалось, всегда уделяли внимание продолжению рода.

В старину важным в жизни ребенка считались четыре вечера — день рождения, третий, пятый и седьмой дни. В эти вечера проводились специальные обряды, связанные с появлением ребенка на свет. Обряды первых трех вечеров практически исчезли, остался только наиболее важный обряд седьмого дня — *о-сития*: ребенка впервые показывали родственникам и друзьям и оглашали его имя. Конечно, родственники и друзья, как правило, видели его раньше, но это была церемония официального

представления младенца. Обычно имя ребенка выбиралось до рождения отцом, но для девочки это могла делать и мать. Если же между родителями возникали разногласия, то имя ребенку давали крестные. На обряде представления ребенка мать не присутствовала; его же, красиво одетого, обычно приносила бабушка или няня. О-сития всегда очень большое и радостное событие в жизни семьи. По этому случаю готовят специальное угощение. Основное блюдо — сэкихан, который традиционно подается всегда по поводу радостных событий. Украшением стола служит окунь — тай. Рыба должна быть приготовлена и подана целиком, с головой, так как считается, что безголовая приносит несчастье. Подают также овощи, фрукты и непременно сакэ. Выпив чашечку сакэ, каждый должен пожелать счастья новорожденному. Колобки сэкихан, а в некоторых местах моти, раздаются соседям, чтобы они также пожелали счастливой и долгой жизни новорожденному.

После знакомства с родственниками происходит знакомство с покровителем рода — *удзигами* или покровителем домашнего очага — *убусо-но ками*. Этот обряд проводят для мальчика, как правило, на 32-й день, для девочки на 33-й. Обряд посещения храма называется *мия-маири* (букв. «приход в храм»). Именно в этот день ребенка впервые приносят в святилище. Родители берут с собой символические подношения божеству храма с просьбой о покровительстве новорожденному. Они вложены в специально оформленные пакеты, перевязанные лентой и симэнава. На пакете надпись, посвященная этому посещению. Священнослужитель в алтарной части храма совершает ритуал очищения и благословения ребенка. Он машет над ним железом (*гохэй*), украшенным нарезанными полосками бумаги, чтобы отогнать таким образом злых духов и призвать к ребенку любовь удзигами. После такого очищения ребенок, как считалось, может смело вступать в жизнь. По окончании церемонии младенца уже можно было показывать в домах родных и знакомых. Появление этого обычая связывают с именем четвертого сёгуна дома Токугава — Иэцуна (1639—1680), которого после мия-маири отнесли не домой, а к знакомым.

После мия-маири родственникам и друзьям при посещении их домов преподносили от имени ребенка коробки с *амэ* (сладкая паста наподобие тянучки). Это была первая еда, которую давали младенцу в грудном возрасте. Подношение амэ означало, что младенец делит трапезу со взрослыми.

В ответ ребенку в каждом доме дарили собачку из папье-маше (*инухарики*) с пожеланием расти так же быстро, как щенок, и быть здоровым [131, с. 117—118]. Фигурки собачек выполняли эту магическую функцию и во время других детских празднеств.

Мать новорожденного ни с кем, как правило, не общалась в течение нескольких месяцев после рождения ребенка. Этот обычай имел вполне функциональное значение, оберегая мать и

младенца от всевозможных инфекций. Мать появлялась на людях лишь во время обряда *табэ-дзомэ* (первое кормление). Он проводился на 120-й день после рождения, когда ребенок уже достаточно окреп и мог наряду с молоком матери есть и другую пищу. Поэтому по традиции во время табэ-дзомэ устраивают застолье, а отдельный столик сервируют и для малыша. Мать или бабушка выносят красиво одетого младенца и палочками для еды (*хаси*) берут маленький комочек риса и кладут ему в рот. После этого малыша уносят, а гости продолжают веселиться и произносить здравицы в честь ребенка. Эта церемония символизирует вступление малыша в новый для него этап жизни.

Празднование дня рождения

Японцы отмечают день рождения несколько иначе, чем это принято в других странах. В Европе, например, праздничный вечер устраивается в честь того, кто в этот день родился. А у японцев он посвящается родителям виновника торжества. Отца и мать благодарят за заботу о детях, за то, что в результате их усилий дети растут здоровыми и счастливыми. Поэтому в некоторых районах страны дни рождения детей отмечают, пока живы родители. Во время этих торжеств главное внимание у японцев уделяется угощению гостей, а не одариванию виновника праздника подарками со стороны родственников и знакомых, как это принято в других странах [131, с. 104]. Наиболее празднично проводятся дни рождения детей младшего возраста.

Характерным для Японии является наличие так называемых общих дней рождения, когда в установленные дни проводятся специальные праздничные ритуалы для всех тех, кто достиг к этому дню определенного возраста. В частности, наибольшей популярностью пользуется праздник «Семь — пять — три» (*Сити-го-сан*) — день рождения всех детей, достигших этих лет в данном году. Традиция этого праздника насчитывает более трехсот лет. Вначале он отмечался 15-го числа 11-го месяца. Дата была выбрана не случайно, 11-й месяц считался месяцем возвращения солнца (*итиё райфуку*), а 15-й день был днем полнолуния. Кроме того, 15-й день 11-го месяца был днем праздника урожая, когда молились удзигами.

Основным элементом праздника Сити-го-сан является церемония *мия-маири*. В этот день в храмы приводят мальчиков трех и пяти лет, а девочек — трех и семи лет. Родители благодарят удзигами за то, что дети выросли здоровыми и счастливыми, и просят, чтобы он не оставил их своим вниманием и в дальнейшем.

В настоящее время это праздник для всех детей, достигших трех, пяти и семи лет. Считается, что выбор этих возрастов

связан с китайской магией нечетных чисел. В Японии нечетное число также имеет сакральное значение и рассматривается как благоприятное [116, с. 274—275].

Выбор возраста трех, пяти и семи лет отражал этапы взросления детей. В старину в этом возрасте дети даже организовывали свои общества — группы. В деревнях такие группы имели «самоуправление», свое имущество, трудились и получали таким образом собственные доходы. Они вместе жили, готовили пищу и играли.

Трехлетний возраст считается очень важным для ребенка, с ним связывают новый период в его жизни. В средние века в аристократических семьях мальчикам в два-три года впервые надевали хакама; этот обряд означал определенную стадию повзреления. В самурайских семьях обряд совершался в три года. Позже церемония надевания хакама стала проводиться уже в пять лет, именно в этом возрасте самураи представляли детей своим даймё, вводили их в круг взрослых.

Для детей обоего пола, достигших трехлетнего возраста, очень важным считался обряд *камиоки* — охранения волос. В старину в раннем детстве детей брили наголо, чтобы потом у них росли густые волосы, которые всегда были предметом гордости. К дню *камиоки* волосы мальчика отращивали так, чтобы их можно было завязать на затылке. Детей сажали на шахматную доску и заставляли раскланиваться на четыре стороны, как это делали в старину взрослые после победы в сражении [126, с. 139—141]. Использование шахматной доски объяснялось тем, что в древнем Китае у прорицателей были в ходу шахматно-календарно-гадательные доски, по которым предсказывалась судьба и определялось здоровье человека.

Для совершения церемонии *камиоки* выбирался всеми уважаемый человек, обычно пожилой и имеющий много детей. Он дарил ребенку набор вещей, предусмотренных обрядом и приносящих счастье. Главным среди них был пучок шелка-сырца длиной около одного метра, связанный таким образом, чтобы он был похож на большую ложку. Пучок символизировал седые волосы, до которых ребенку желали дожить. Во время церемонии волосы девочек коротко стригли и завязывали по бокам в пучки.

Наибольшее значение *Сити-го-сан* имеет для девочек семи лет, так как в этот день им впервые надевают жесткий *оби* (пояс от кимоно), завязанный шнурами. Обряд называется *обитоки* (перемена пояса). Это символ повзреления, поскольку в первый раз в жизни девочка одевается как взрослая женщина. Яркие красочные кимоно, туго обхваченные *оби*, делают девочек похожими на парящих в воздухе бабочек. Иногда им даже подкрашивают губы и румянят щеки. Весело звучат колокольчики их парадных *гэта* (национальной деревянной обуви) [29, с. 80—81]. В большинстве случаев родителей не останавливают большие затраты, причем часто из престижных соображений,

хотя праздничная одежда для детей стоит весьма дорого. В 1977 г., например, кимоно для семилетних девочек стоило от 60 до 150 тыс. иен при средней заработной плате в то время 219 тыс. иен.

В настоящее время Сити-го-сан, как и многие другие праздники, фактически потерял свое религиозное значение. И хотя есть еще родители, которые искренне верят, что боги могут принести счастье их детям, большинство все же только отдадут дань традиции. Проживший в течение многих лет в Японии И. А. Латышев свидетельствует: «В этом празднике... участвуют не только ревностные приверженцы синтоизма: молодыми родителями, приходящими в храмы, и детьми, движут обычно отнюдь не религиозные убеждения, а просто сила стародавних обычаев. Так уж принято было всегда: в детстве им воздавали почет в этот день их родители, теперь же, в свою очередь, они делают то же в отношении своих наследников» [56, с. 90].

Родители всегда заботились о том, чтобы сделать этот праздник запоминающимся в жизни ребенка. Дома для детей и их друзей устраивают веселые вечера с песнями, танцами, угощением. Виновника торжества одаривают подарками, чаще всего недорогими, но памятными.

В этот день повсюду на улицах, особенно на территории храмов, царит праздничное настроение. Специально для детворы продают мелкие игрушки, воздушные шары, различные сувениры, но самое главное это, конечно, амэ. Дети очень любят это лакомство, упакованное в длинные белые красиво разукрашенные коробки. Продаются сладкие палочки в белую и красную полоску, их легко разломить на части и угостить друг друга. И родители и дети угощают всех близких, так как считается, что раздача амэ в этот день принесет ребенку счастье.

Свидетельством популярности Сити-го-сан может служить, например, тот факт, что его название дали научному проекту по улучшению сортов риса, принятому в 1981 г. (Гяку сити-го сан). Проект рассчитан на 15 лет и должен быть выполнен в три этапа, первый из которых составляет три года, второй — пять, а третий — семь лет.

Следующим этапом взросления у японцев считался тринадцатилетний возраст. Согласно магии чисел, этот возраст признавался исключительно благоприятным. Поэтому в Японии существовал обряд *дзюсан-маири* — посещение храма всеми детьми, достигшими этого возраста к 13-му дню 3-й луны. Сейчас в тех районах, где еще сохранилась такая традиция, праздник проводится 13 апреля.

Обряд *дзюсан-маири* возник в древней столице Японии — Киото, где он соблюдался младшими членами императорской фамилии. В этот день они шли в буддийский храм Хориндзи, посвященный богу мудрости — Кокудзо или Кокубосацу. Обычно он изображался (будь то скульптура или картина) сидящим на троне из лотоса, увенчанный короной с пятью символами

мудрости. В левой руке он держал цветок лотоса — олицетворение добродетели и благополучия. Поэтому обряд дзюсан-маири имел еще одно название — *тиэ-маири*, т. е. моление о мудрости. Первоначально он проводился в храмах буддийской секты Сингон, но затем приобрел популярность у населения и стал соблюдаться в храмах других сект и даже в синтоистских святилищах. В этот день родители наряжали детей и вели их в храмы, чтобы приобщить к мудрости Кокудзо.

Важным событием этого дня являлась покупка для детей набора сладостей 13 видов. Эти сладости различной формы и цвета готовились специально для данного праздника. Считалось, что они принесут счастье тем, кто их с удовольствием съест. В старину обряд дзюсан-маири был более популярным, чем Сити-го-сан, среди жителей района Кансай, где он сохраняет свое значение и по сей день. В то время как среди жителей восточных районов он уже утратил свое значение [131, с. 130—131].

Еще в начале нынешнего века общим днем рождения японцев был также первый день Нового года. Считалось, что в этот день всем жителям страны прибавлялся один год [69, с. 81]. Таким же коллективным днем рождения является и день совершеннолетия 15 января. Он отмечается всеми, достигшими к этому числу 20 лет. День совершеннолетия является нерабочим (см. главу 7). Такие общие дни рождения в определенной степени можно сравнить с обрядом конфирмации у католиков и протестантов.

Кроме своеобразных дней рождений среди японских календарных обрядов и обычаев выделяются праздники, специально посвященные девочкам и мальчикам.

Праздник девочек

Праздник девочек имеет несколько названий: Дзэси-но сэкку — Праздник первого дня змеи (дзэси — первый день змеи; сэкку — праздник); Хина мацури — Праздник кукол (хина — кукла); Момо-но сэкку — Праздник цветения персика (момо — персик). В настоящее время обычно употребляется название Хина мацури.

Первоначально этот праздник в 3-й день 3-го месяца по лунному календарю отмечался просто как сезонное событие, особенно в крестьянских семьях. В это время они были сравнительно свободны от сельскохозяйственных работ и могли порадоваться первым теплым дням, когда начинали расцветать персиковые деревья (отсюда одно из названий праздника). В далекие времена именно в этот день, первый день змеи 3-й луны (отсюда еще одно название праздника), совершался ритуал избавления от болезней и несчастий. Для этого из бумаги делали небольших кукол (отсюда третье название праздника), симво-

лизировавших мальчика и девочку, и шаманы выполняли обряд перенесения зла и несчастья на фигурки кукол, которых потом бросали в ближайшую реку или ручей, чтобы они унесли прочь все беды и недуги. Этот ритуал назывался *хина-окури* (окуру — отправлять), а куклы — *нагаси-бина* (букв. «куклы, спускаемые по реке»). Там, где не было водоемов, кукол сжигали или зарывали в землю. Это был магический обряд для сохранения здоровья ребенка.

В настоящее время первоначальный смысл праздника утерян. Лишь в очень немногих местах в стране (например, в преф. Тоттори) можно видеть, как прозрачные воды горной реки уносят бумажных кукол, наряженных в яркие кимоно с орнаментом из цветов. Лодочкой для них служит плоская круглой формы корзинка, украшенная веточкой цветущего персика [119, с. 192].

Куклы (*нингё*) в древней Японии были не игрушками, а символическими изображениями богов или людей. Это японское слово пишется двумя иероглифами, дословный перевод которых — «образ человека». Тогда куклы служили, как уже было сказано, защитой от болезней, стихийных бедствий и других несчастий. И видимо, сохранив традицию тех древних времен, в сельских местностях и в наш век кладут соломенных кукол в рисовый стог, прикрепляют под крыши домов или выставляют у въезда в деревню. Сначала куклы были бумажные, затем их начали делать из глины (главным образом в деревнях) и из дерева. Их уже не выбрасывали, а хранили дома, размещая на полках, что и породило современную обрядность Праздника кукол [126, с. 72—78].

По мнению Хигути Киёюки, этот праздник насчитывает по крайней мере тысячелетнюю историю. Он связывает его происхождение с игрой в миниатюрные изображения бытовых предметов (*хихина-но асоби*), о которой упоминалось еще в «Гэндзи моногатари». Среди этих миниатюрных предметов были и куклы [126, с. 71]. Первоначально этот праздник отмечался при дворе и среди воинского сословия, затем очень быстро распространился среди всего народа. Служившие атрибутом Хина макури, куклы в то время были очень простыми как по форме, так и по украшениям.

Национальным Праздник кукол стал со второй четверти XVIII в. Считается, что своей популярностью он во многом обязан восьмому сёгуну из династии Токугава — Есимунэ (1677—1751), который имел много дочерей [29, с. 38]. К древней традиции этого праздника добавился обычай устраивать в домах, где есть девочки, выставки богато одетых кукол, изображавших жизнь и обычаи императорского двора. Это были обрядовые куклы. Выставлялась также и игрушечная разнообразная домашняя утварь: изящно исполненные лакированные комодики с ящичками, зеркала, хиаоти, музыкальные инструменты, паланкины, в которых куклы могли бы совершать прогулки, фонари,

ширмы, лаковые, обсыпанные золотой пылью столики и шкафчики.

Выставку размещают на специальной подставке, состоящей из трех, пяти и семи ступеней и покрытой ярко-красной материей. Выставляют по меньшей мере 15 кукол. Самые дорогие и самые красивые — *дайрисама* (букв. «господин заместитель»), которые изображают императора и императрицу, одетых в сверкающие костюмы из парчи. Вот как описывает классик японской литературы Акутагава Рюноске (1892—1927) в новелле «Куклы-хина» такую пару: «В ее венце красовались кораллы, а у него на кожаном, лакированном оби, разукрашенном яшмой, агатом и агальматолитом, были вперемешку вышиты гербы, постоянный и временный...» [1, с. 401].

Кукол дайрисама помещают на самой верхней полке подставки на фоне позолоченной складной ширмы, по обеим сторонам которой ставятся фонари, а посередине — поднос со священным деревом, украшенным бумажными фестонами. Эти главные куклы выставки обязательно должны быть парными, изображать мужчину и женщину. Этот обычай восходит, очевидно, к древней игре *хина-асоби*, т. е. игре в куклы. Игра была известна еще тысячу лет назад; дети играли двумя красивыми маленькими куколками, символизировавшими мужчину и женщину. Игра была связана с магией брака: куклы изображали жениха и невесту. Это символизировало продолжение человеческого рода и одновременно отражало культ плодородия. И сейчас если кто-нибудь к традиционному набору кукол добавляет что-нибудь современное, вроде изображения актрис или игроков в бейсбол, то всегда пару, т. е. традиция сохраняется. Мужская фигурка устанавливается справа от женской.

На следующих полках в порядке очередности размещают трех фрейлин, подающих сакэ; пятерых музыкантов, каждого со своим инструментом; двух телохранителей и трех слуг. На самой нижней полочке ставят миниатюрные лакированные обеденные сервизы и другую утварь, а также угощение для кукол. Например, голубого и розового цвета рисовые конфеты и два торта из рисовой муки ромбовидной формы. Здесь же устанавливается два маленьких цветущих дерева — вишневое и мандариновое, что придает законченность всей композиции. Разумеется, наборы атрибутов для праздника разнятся в зависимости от достатка семьи.

Существует также обычай украшать выставки цветами персика, розовый цвет которых ассоциируется с представлением о весне. Кроме того, полагают, что цветы персика символизируют наиболее приятные черты характера и облика девочки — нежность, кротость, грацию, женственность, что служит залогом счастья в замужестве. Когда в семье рождалась девочка, куклы для выставки были лучшим подарком. Подчас это настоящие произведения искусства, передающиеся из поколения в поколение. Иногда набор кукол и кукольных принадлежностей

являлся значительной частью приданого невесты. Для любой японской семьи такой набор кукол был национальной традицией и одной из самых дорогих семейных реликвий, с которыми расставались только в трудную минуту жизни.

Отношение к этой реликвии членов одной семьи, разных по возрасту и взглядам, очень тонко передано в вышеупомянутой новелле Акутагава Рюноске, написанной автором в начале XX в. Сюжетом рассказа является вынужденная продажа набора кукол ввиду денежных затруднений. Всем членам семьи жалко их продавать, и даже брат девочки, которой принадлежат эти куклы, абсолютно европеизированный молодой человек, считающий праздник кукол устаревшим обычаем, понимает, что если еще раз посмотреть на кукол (а об этом просит его сестра), то с ними невозможно будет расстаться. Родители отказали девочке в ее желании, и каково же было ее смятение, когда она в ночь накануне продажи, внезапно проснувшись, увидела отца, сидящего перед этими куклами: «Перед отцом были расставлены мои куклы — мои хина, которые я не видела со дня праздника кукол! Был ли это сон? Затаив дыхание, я уставилась на это чудо. При тусклом свете фонаря я смотрела на императора со скипетром из слоновой кости в руке, на императрицу с коралловым венцом, на цитрус-татибана (померанец, вечнозеленое дерево, символ вечного процветания.— *Авт.*) справа и вишню слева, на пажа, держащего раскрытый солнечный зонтик с длинной ручкой, на фрейлину с подносом в руках, на лаковый с золотыми узорами туалетный столик и лаковый комодик, на кукольные ширмы, разукрашенные ракушками, на столики, чашки, на расписной фонарь, на шары из цветных ниток...» [1, с. 409—410].

Свидетельством живучести Хина мацури в народе является неослабный интерес к нему японских писателей. Великий поэт позднего средневековья Бусон писал:

Вот из ящика вышли...
Разве ваши лица могла я забыть!
Пара праздничных кукол.

Пер. В. Н. Марковой

С этими стихами перекликается настроение героя — активного борца за мир середины 70-х годов нашего века из новеллы «Праздничные куклы» Ойкава Кадзуо (род. в 1933 г.). За суетой повседневной жизни и большой общественной работой герой забывает о праздниках. Но когда жена сказала ему о том, что уже расставлены куклы, он воскликнул: «Значит, наступил праздник девочек... мною овладело светлое чувство». На него нахлынули воспоминания. В такой же день 1945 г. в горящем от бомбежек Токио мать устроила выставку кукол для его сестры. «Алела ткань на ступенчатой подставке для кукол. Сестра и мать смотрели на них с радостным оживлением, буд-

то перед ними в утратившем краски мире вдруг расцвели яркие цветы. „В любой момент они могут превратиться в пепел...“— говоря это, мать поставила куклу-императора на верхнюю ступеньку...». В жизни так и случилось, в дом попала бомба, мать и сестра погибли, но друг дома, рискуя жизнью, спас эти куклы. Для героя новеллы деревянный ящик с праздничными куклами стал памятью о родительском доме. «За четверть века куклы утратили былой блеск,— вспоминает герой,— но смотрели на меня своим неподвижным взглядом, напоминая о тех, кто погиб в ту мрачную зиму» [79, с. 412—431].

Выставки кукол подготавливают сейчас к 3 марта, и длятся они примерно месяц, затем все предметы тщательно упаковывают и хранят до следующего года. К 3 же марта украшают и комнату, где располагается такая выставка кукол. К потолку подвешивают шары из искусственных цветов вишни и мандаринового дерева. Каждый шар украшен свисающим шелковым шнуром.

В это время девочки имеют возможность пригласить в гости своих друзей. К приходу гостей готовится специальное угощение. Чаще всего это сладости: пирожные различных форм, печенье в форме фруктов, маленькие колобки из риса, сваренные с красными бобами. По случаю праздника девочек одевают в кимоно из ткани с цветочным рисунком, разрешают выпить даже глоток *сиродзакэ* — сладкого белого сакэ.

Все атрибуты для праздника 3 марта можно предварительно приобрести на специальных выставках-продажах, так называемых *хина-ити* (кукольные базары), которые устраиваются в феврале. Традиция таких базаров восходит к эпохе Эдо, когда они впервые начали проводиться и становились ежегодным большим событием в жизни того или иного города.

Обычно эти выставки-продажи устраивались в тех местах, куда приезжало много отдыхающих, например в нынешние районы Уэно или Гиндза в Токио и т. п. Первая выставка-продажа состоялась в квартале Дзюккэндана в районе Нихомбаси в Токио в эпоху Кёхо (1716—1735). И здесь же потом проводились все наиболее знаменитые сезонные ярмарки к таким праздникам, как Новый год и Праздник мальчиков. Сюда приходили не только, чтобы что-то купить, предварительно поторговавшись (в то время цены на атрибуты праздника не фиксировались и надо было обязательно торговаться, что представляло собой определенный ритуал), но и весело провести время, встретиться с друзьями, обменяться новостями [131, с. 113—114].

В настоящее время эти выставки-продажи также очень красочны, они занимают целые кварталы, где в лавках можно купить бесчисленное количество разнообразных предметов, необходимых для этого праздника. В этом авторы данной работы могли убедиться, неоднократно бывая в это время года в стране.

Праздник мальчиков

Праздник мальчиков отмечался в 5-й день 5-го месяца по лунному календарю. В деревне это было самое напряженное время. В большинстве районов страны крестьяне начинали пересаживать рисовую рассаду из рассадников на основные поля, вносили в почву удобрения, высевали просо, высаживали соевые и красные бобы, устраивали подпорки под овощные культуры, собирали коконы шелкопрядов весенней выкормки и начинали борьбу с насекомыми.

Полагают, что Праздник мальчиков зародился в Китае в период ханьской династии (III в. до н. э.— III в. н. э.). Во время этого праздника собирали целебные травы, а из полыни делали ритуальных кукол для того, чтобы отвести болезни и несчастья и вырастить здорового ребенка. Дата праздника вначале не была фиксированной ни в Китае, ни в Японии. Лишь со времени реформ Тайка (VII в.) он стал отмечаться 5-го дня 5-го месяца. В письменных японских источниках он впервые был упомянут в 839 г. [116, с. 406].

Праздник этот, как и Праздник девочек, имеет несколько названий. Одно из них — Танго-но-сэкку (Праздник первого дня лошади), 5-й день 5-й луны, на который приходился день лошади, был выбран для праздника потому, что это животное символизировало храбрость, смелость, мужество, т. е. все те качества, которыми должен обладать юноша, чтобы стать достойным воином. В этот день проводились конные соревнования; состязания всадников в стрельбе из лука и др.

Другое название — Сёбу-но сэкку (Праздник ириса). Оно появилось в период Нара (VIII в.). Ирисы, которые цвели в это время, символизировали успех и здоровье.

Танго-но сэкку неотделим от обрядов защиты полей от насекомых в период цветения. В начале 5-го месяца крестьяне выставляли на полях яркие флаги и пугала в различных костюмах. Постепенно эти фигуры стали делать более тщательно, более искусно, особенно те, которые изображали воинов. И с течением времени флаги и пугала на полях стали воспринимать как обереги не только будущего урожая, но и детей. Теперь эти обереги уже не ставили на полях, а хранили дома.

Таким образом, древняя символика этого праздника состояла в защите полей от всякого рода стихийных бедствий, а следовательно, и в обеспечении обильного урожая, поддержании жизни людей, и в первую очередь в защите детей.

В период Токугава этот обряд трансформировался в представления, во время которых демонстрировалась воинская удалость. Правители страны использовали древний обычай для воспитания у подрастающего поколения самурайского духа. Эта сторона праздника настолько вошла в плоть и кровь народа, что молодая мать, как пишет Ихара Сайкаку в одной из своих новелл, ожидая рождения сына, уже представляет себе его в

этот день: «Когда же в 5-м месяце наступит праздник мальчиков — танго, я, по обычаю, опояшу сына игрушечным мечом» [37, с. 193].

С течением времени праздник становится пышным и торжественным. Его уже отмечают во всех слоях общества. В домах устраиваются выставки фигур воинов и их вооружения. Непременными на таких выставках являлись две фигуры: одетой в мужское одеяние императрицы Дзингу (201—269), прославившейся своим походом в Корею, и ее первого министра Тамэноути-но Сукунэ, вошедшего в историю как долгожитель. Легенда гласит, что он прожил 300 лет.

В дни праздника в домах можно было встретить изображения и других персонажей мифологии и истории Японии: императора Дзимму; Тоётоми Хидэёси и его верного слугу Като Киёмаса, который, по преданию, убил трезубцем тигра; Ёсицунэ, военачальника из династии Токугава; Момотаро — героя детских сказок, родившегося из персика и успешно сражавшегося со злыми демонами. В настоящее время к ним добавляются изящно сделанные модели судов и лодок, макеты гостиничных зданий и различные игрушки; в более богатых домах — мечи с изукрашенными рукоятками и ножами, шелковые знамена с фамильными гербами. Наличие воинских атрибутов в данной праздничной обрядности объясняется ее появлением в то время, когда значимость человека связывалась главным образом с ратным делом и путь наверх прокладывался силой оружия.

Праздничные атрибуты продаются на ярмарках, специально устраиваемых в эти дни. Многочисленные лавки буквально ломятся от обилия подобных фигурок воинов, вооруженных до зубов, и военной амуниции.

В сельской местности существовал обряд выставлять в этот день перед домами заранее срубленные высокие деревья или шесты с прикрепленными к их верхушкам ветками криптомерий и другими предметами. Это делалось для приглашения на праздник божества, которое, как считалось, во время моления о хорошем урожае в 5-м месяце спускается с неба по высоким деревьям или шестам. Обычай приглашать божество таким способом характерен и для ряда других праздников. Во время Танго-но сэкку к шестам прикрепляли выпел с нарисованным на нем *сёки* (по-китайски — джун шоу) — мифическим духом, изгоняющим дьявола и излечивающим болезни, т. е. выполняющим магическую миссию охраны здоровья ребенка. Над *сёки* подвешивали изображение маленькой рыбки. В ряде отдаленных деревень этот обычай сохраняется и по сей день [110, с. 341].

Катаяма Сэн в своих «Воспоминаниях» писал: «По местным обычаям, во время праздника мальчиков, отмечаемого в мае, мой дядя, бывший тогда подростком, и старший брат получали от родных и знакомых много прекрасных больших *нобори* (вым-

пел, прикрепляемый широкой стороной к бамбуковому шесту; на нем изображены легендарные японские герои.— *Авт.*) и маленькие стрелы. Я же получил только один маленький нобори с изображением Кинтоки (или Кинтаро — герой детской сказки, мальчик-богатырь, побеждающий с помощью друзей-животных злые силы.— *Авт.*) от бабушки, жившей в деревне Коё. Зависть закрадывалась в детское сердце, когда каждый год с наступлением мая перед домом выставляли множество прекрасных нобори, колыхавшихся на ветру, которые принадлежали дяде и старшему брату. Но я никогда не высказывал недовольства... Больше того, я очень радовался своему единственному маленькому нобори с изображением Кинтоки и с нетерпением ожидал каждый год наступления мая, когда его вывешивали» [42а, с. 44].

В настоящее время широко распространен обычай вывешивать в Праздник мальчиков развевающиеся на ветру изображения карпов — *кои-нобори*. В саду, на крыше или балконе дома устанавливают шест, к которому прикрепляют ярко раскрашенных бумажных или матерчатых карпов, по одному на каждого мальчика в семье. Размеры карпов достигают в длину девяти и более метров. Длина их зависит от возраста детей, самого маленького вывешивают в честь младенца, а самый большой символизирует главу дома. Эти рыбы колышутся на ветру, и создается впечатление, что они плывут. Карпы парят над деревьями, поселками, городами в течение нескольких недель.

Впервые обряд, связанный с вывешиванием изображений карпов, появился в 70-е годы XVII в., когда праздник из скромного домашнего ритуала превратился в пышное и красочное зрелище, когда люди перестали довольствоваться мелкими фигурками, выставленными внутри дома, а захотели украсить свои жилища снаружи крупными рыбами и красочными выпелами.

Считают, что этот обычай возник среди горожан. Они не имели права выставлять в день праздника перед домами копья, алебарды, знамена, как это делало воинское сословие. Взамен этого они стали вывешивать карпов, которые хотя и не устрашали никого, но могли быть каких угодно размеров и выглядеть весьма внушительно.

Существует ряд версий, объясняющих, почему вывешивают именно карпов. Карп служит примером стойкости, смелости, упорства в достижении цели. Японцы издавна считали карпа храбрейшей и благороднейшей из рыб, потому что он может стрелой пронестись через водопад. Любимым сюжетом для многих художников было изображение карпа, перепрыгивающего через водопад.

По другой версии карп является именно тем духом, который покровительствовал императрице Дзингу во время ее похода в Корею. Легенда рассказывает, что, когда японский флот пересекал пролив, карп выскочил из волн и указал путь кораблям к берегам этой страны. Возможно, поэтому карпа стали почи-

тать в храме Отокояма в окрестностях г. Киото, посвященном богу Хатиману (Хатиман — посмертное имя императора Одзина, 270—310 гг., сына Дзингу). Считают, что обычай раздавать талисманы в виде карпа восходит в этом храме именно к тем временам [29, с. 49].

С карпом связан и еще один обычай этого праздника. Маленькие мальчики пролезают через матерчатого карпа от головы до хвоста, чтобы им повезло в жизни.

Одним из атрибутов Праздника мальчиков во многих районах страны служат бумажные змеи, запуск которых является характерной чертой и других праздников, в том числе новогодних, о чем говорилось выше.

В дни проведения Праздника мальчиков в домах готовится специальная еда — рисовые колобки, завернутые в листья ириса или бамбука, — *тимаки* (символ здоровья и стойкости); рис, завернутый в дубовые листья, — *касива-моти* (символ долголетия); рис, сваренный с красными бобами, — *сэхихан* (символ здоровья). Набор этой ритуальной пищи, в каждое блюдо которой непременно входит рис, являлся магическим средством обеспечения здоровья детям и продолжения рода.

В этот праздник мальчикам обязательно преподносят подарки. Раньше это были ритуальные куклы, изображающие самураев и различных героев исторических эпох. Теперь в большинстве своем дарят обычные игрушки.

После второй мировой войны 5 мая был объявлен нерабочим днем и празднуется как День детей, но мальчикам в этот день все же отдается предпочтение.

Праздник цветов

Хана мацури (Праздник цветов) или Камбуцу-э (День рождения Будды), как он назывался прежде, отмечается 8 апреля. Это один из немногих праздников, устраиваемых при буддийских храмах по всей стране. Когда-то он был религиозным праздником, но сейчас полностью утратил прежнее значение и стал развлекательным днем для детей, которые являются главными действующими лицами торжества.

Празднование дня рождения Будды японцы стали называть Хана мацури, возможно, потому, что, согласно преданию, будущий Будда родился в тот момент, когда его мать собиралась переломить стебель цветка. А может быть, потому, что в этот день, по народным верованиям, бог полей спускался с гор и люди встречали его цветами? А может, потому, что он приходил на период цветения сакуры? Или потому, что в убранстве этого праздника используется масса цветов, а они символизируют жизненную силу?

Исторические предания свидетельствуют о том, что впервые Камбуцу-э отмечался в 606 г. в храме Гэнкодзи (пров. Ямато)

во время правления императрицы Суйко (592—628). Первое письменное упоминание о празднике встречается в 840 г. при описании церемонии празднования дня рождения Будды в одном из помещений императорского дворца, называемом Рюодэн [116, с. 144].

Во время этой церемонии на территории буддийских храмов на постаменте устанавливают макет четырехугольного храма высотой 50—60 см, без стенок, внутри которого находится плоская чаша. В нее помещают миниатюрную статуэтку Будды-ребенка. Она изображает новорожденного Будду в тот момент, когда он произносит, согласно преданию, следующие слова: «Я — владыка мира, я — лучший в мире, я — первый в мире». Самая древняя из японских статуэток Будды-младенца находится в храме Тодайдзи в г. Нара и считается национальным сокровищем. Крыша макета храма декорируется большим количеством причудливо свисающих с нее цветов, распускающихся в это время. Отсюда и название храма — *ханамидо* (храм цветов) [26, с. 92].

Центральный обряд праздника заключается в том, что дети поливают статуэтку Будды из маленького ковшика сладким чаем (*ама-тя*). Чай готовится из листьев растущего в горных районах кустарника из семейства гортензий. Листья замачивают в горячей воде, а затем высушивают. Чай дают прихожанам для укрепления их веры и здоровья. Существует поверье, что если прикоснуться пальцами, смоченными в таком чае, к статуэтке Будды в том месте, где у тебя болит, то наступит исцеление. По этой же причине родители приводили в этот день в храмы больных детей с надеждой на помощь Будды. Интересно, что до появления сахара в стране из этого так называемого чая делали экстракт и использовали его для подслащивания пищи [115, с. 76].

Обычай поливать фигурку сладким чаем связан с легендой о рождении Будды. Она гласит, что когда маленький Будда появился на свет, то сделал семь шагов и простер руки вверх, а затем опустил их, и морской дракон пролил на него сладкий дождь [126, с. 91].

В этот день почти во всех районах страны существовал обычай украшать растениями жилища. Перед ними ставили ветки дикой азалии и дейции зубчатой, приносимые с гор.

Наиболее популярным праздник стал в период Мэйдзи. Тогда он еще носил религиозную окраску. Вот как описывает его Ивадоо Тамоцу в книге «Детские праздники в Японии»: «Верующие в числе двадцати человек, одетые в белые развевающиеся одежды, несут на плечах небольшой храм с помещенной внутри небольшой статуэткой Будды-младенца. Процессию сопровождает такое же число священников, одетых как ямабуси. Во время шествия священники трубят в большие морские раковины... Процессию встречает другая группа священников в праздничных облачениях числом около шестидесяти и группа

детей числом до тридцати, одетых в красивые шелковые кимоно, с позолоченными коронами на голове... На алтарь храма возлагаются цветы. Там же возжигаются курення... Дети декламируют специальные посвящения и поют песни... Хор из шестидесяти священников начинает петь „сутры“. Под пение этих санскритских религиозных стихов, призывающих к вечному миру, выходят на возвышение и танцуют перед алтарем, пестреющим от множества цветов, дети в возрасте от пяти до восьми лет» [29, с. 44—46].

Сейчас в больших городах в этот день устраиваются процессии детей в праздничных одеждах и с цветами в руках. Они танцуют и поют. В некоторых районах ханамидо проносят по улицам. В районе Канто этот ритуал называется «дети, изображающие богов» (*тэнтоса*), в г. Киото — «пагода цветов» (*хана-но-то*) [116, с. 144].

Танабата

К детским праздникам, по существу, можно отнести праздник Танабата (Седьмой вечер). Его называют также Хоси мацури, что означает Праздник звезд. В стране он известен под обоими названиями, но более популярным является Танабата. По лунному календарю он проводился в 7-ю ночь (отсюда первое название) 7-го месяца. В настоящее время праздник бывает в первой декаде июля и в начале августа, в зависимости от района страны.

Праздник ведет свое происхождение от китайской сказки эпохи династии Тан (618—906). Героями сказки являются две звезды, которые на небосклоне находятся друг против друга и разделены Млечным путем. Это Волопас, или Пастух (звезда Альтаир в созвездии Орла, по-японски Конгю), и Ткачиха (звезда Вега в созвездии Лиры, по-японски Сокудзи, или Танабата-цумэ). Слово «танабата» по звучанию имеет еще одно значение — «ткацкий станок», но пишется, конечно, другими иероглифами.

Согласно сказочному сюжету, принцесса Ткачиха, дочь небесного царя, искусного ткача, трудясь вместе с отцом, пряла небесную парчу — облака. Однажды, оторвавшись от работы, она увидела невдалеке прекрасного юношу — Волопаса, который пас коров. Молодые люди почувствовали взаимную симпатию и решили пожениться. Они были так увлечены друг другом, что забросили свои занятия и навлекли этим гнев отца девушки. Он повелел разлучить влюбленных и приказал им стоять всю жизнь по обе стороны Млечного Пути. Им была разрешена единственная встреча в году в 7-й день 7-й луны, т. е. в тот день, когда звезды максимально сближаются. Но поскольку через Млечный Путь не было моста, молодые люди впали в отчаяние, потеряв надежду когда-нибудь встретиться. Тут на помощь влюбленным пришла сорока, которая вместе со своими

друзьями в определенный для их встречи день построила мост: сороки выстроились в ряд, расправив крылья, и по ним принцесса пришла к своему Волопасу. Существует поверье, что так влюбленные продолжают встречаться каждый год. Легенда говорит также о том, что если в 7-й день 7-й луны погода дождливая и сороки не могут построить мост, то небесные возлюбленные не встречаются и ждут следующего года.

Столь романтический сюжет был одной из причин высокой популярности праздника в старину у девушек и девочек. Молясь о прекрасной звездной любви, они мечтали о своей, земной. Другой причиной популярности праздника было то большое значение в жизни женщины, которое придавалось тогда ткачеству и шитью. Раньше всю необходимую для семьи одежду делали дома, и эта нелегкая обязанность возлагалась на женщин. А звезда Альтаир была покровительницей ткачих и швей. Но все же мотив верности в любви был преобладающим для молодых девушек. Герой повести «Гэндзи моногатари», вспоминая о своей любимой, говорит, что она «ничуть не хуже небесной феи танабата — так хорошо умела она окрашивать ткани и шить»... но «лучше, если бы она уступала фее танабата в искусстве шитья, зато была б похожа на нее в верности любовному союзу» [45, с. 609].

Впервые праздник отмечался в 755 г. в период Нара при дворе императрицы-регентши Кокэн. Постепенно Танабата охватил все слои общества. В этот день перед дверьми домов и воротами садов укреплялись бамбуковые ветки, к которым прикреплялись тандаку, о которых мы уже рассказывали. Считалось, что такой обряд поможет стать хорошим каллиграфом или поэтом, так как звезда Вега считалась покровительницей и разнообразных искусств. Вырезанные из бумаги кимоно также подвешивались на эти ветки, это было специальное подношение принцессе Ткачихе. А пять разноцветных нитей — зеленая, желтая, красная, белая, пурпурная или черная — были подношениями для Пастуха, который считался покровителем мужчины-земледельца, поэтому люди просили у него хорошего урожая в текущем году. Затем бамбуковые ветки с подвешенными к ним украшениями бросали в воды ближайшей реки, чтобы это желание сбылось. Связь с сельскохозяйственным трудом была одной из причин популярности праздника в широких крестьянских массах [125, с. 116; 118, с. 464—466].

Иногда вместо бамбуковых веток бумажными полосками украшали бамбуковые стволы, которые устанавливали в поле или в саду; люди считали, что они обладают магической силой и могут оградить урожай от вредителей.

Празднику Танабата посвящены легенды, поэмы, пьесы театра Но, рассказы, стихотворения, которые дошли до нас через века. Не один десяток стихов, посвященных этим звездам, можно найти в первой антологии японской поэзии «Манъёсю», в «Ямато-моногатари» (X в.), в «Исэ-моногатари» (начало X в.).

В популярном до сих пор в Японии эпосе «Повесть о доме Тайра» (XII в.) есть стихи, которые, пожалуй, наиболее точно передают содержание праздника:

Вот миновала весна,
да и лето уже на исходе.
Ветер прохладный подул,
об осенней напомнив погоде¹.
Время ткачихе-звезде
с Волопасом воссоединиться.
Время желанья писать
на летучем листке шелковицы.
Волны небесной реки
для такого листка не преграда —
Станет веслом рулевым,
и другого ткачихе не надо... [68, с. 45].

Из года в год Танабата становился все популярнее, и в период Токугава правительство ввело его в число пяти официально признанных праздников.

Танабата всегда рассматривался людьми как повод повеселиться. Вот как описывает подготовку к нему в XVII в. Ихара Сайкаку: «Время года — начало осени, седьмое июля по лунному календарю. В доме готовились к празднику: укладывали и перекладывали новые с иголки платья так, чтобы левая пола находила на правую, как крылья у курицы, и приговаривали: „Эти платья — Ткачихе взаймы“; писали в честь Ткачих на листьях дерева кадзи (шелковица бумажная. — *Авт.*) известные всем песенки. Собирались праздновать и слуги: каждый позаботился запастись тыквой и хурмой» [38, с. 30]. В этот день виновникам торжества — звездам Ткачихе и Волопасу преподносят дыни, персики, специальные сладости, пирожки.

Многостороннее функциональное значение праздник стал утрачивать с эпохи Мэйдзи. Однако еще в 80-х годах прошлого столетия в сельской местности можно было наблюдать следующую картину, описанную Катаяма Сэн: «...7 июля — праздновали Танабата. Он считался детским праздником, но его с нетерпением ждали также юноши и девушки... Помню, к празднику у входа в дом устанавливали два молодых бамбуковых деревца с веточками и листьями, между ними подвешивался низенький столик, служивший алтарем. Как подношение божеству Танабата на него клали продукты нового урожая: овощи, фрукты, зерно. На ветки обоих деревцев навешивали специальные узкие листочки бумаги... на которых писали стихи, посвященные празднику Танабата. ...Задолго до праздника детвора усердно упражнялась в красивом писании стихов, посвященных этому дню, что, конечно, помогало учению. На второй день праздника оба бамбуковых деревца с привешенными листочками разноцветной бумаги несли на берег реки и устанавливали их там.

¹ Поскольку праздник отмечался в то время по лунному календарю, то он приходился уже на осень.

Под деревьями оставляли и все подношения божеству Танабата. В крестьянских семьях пекли особые пирожки — танабата данго, которые вся наша семья очень любила» [42а, с. 77].

В настоящее время праздник рассматривается как детский и отмечается в детских садах, школах, где дети готовят к этому дню свои подношения — образцы каллиграфии; девочки танцуют танабата-одори под удары гонга. Сохранение такой обрядности используется для воспитания у детей, особенно девочек, трудолюбия, верности, преданности.

Современный праздник Танабата — веселый, пышный, отмечается с большим энтузиазмом и радостью и молодежью, хотя сейчас уже и не знают его первоначальный смысл. Для них это просто день радости, когда готовится вкусная пища, когда можно просто повеселиться и потанцевать.

Танабата отмечается во многих местах страны. Особой пышностью он отличается в г. Сэндай (преф. Мияги). Этот праздник звезд — одно из самых ярких событий года в жизни города. Он проводится в течение трех дней (6—8 августа) и собирает участников и гостей из разных мест.

Своего расцвета Танабата достиг в Сэндае в период феодальной раздробленности, когда правители клана покровительствовали не только военному делу, но и искусству. В эпоху Токугава он стал более скромным, как и в других местах страны.

Особенностью Танабата в г. Сэндай был обычай до рассвета отправляться в поля, собирать утреннюю росу с листьев картофеля и стеблей риса, разводить ею тушь и писать на тандзаку различные изречения. А поздно ночью зажигали курительные свечи танабата, прикрепленные к *фукинагаси*. Фукинагаси — особый вид флага в виде узких полосок шелка, укрепленных на дуге, в свою очередь прикрепленной к древку. Считают, что возжигание курительных свечей роднит Танабата с праздником Бон (см. ниже). По словам Янагида Кунио, Танабата можно рассматривать в качестве предшественника праздника Бон [104, с. 530—531]. С 1928 г. в г. Сэндай в день Танабата стали проводить пышные ярмарки.

В настоящее время в дни праздника улицы г. Сэндай соперничают друг с другом в праздничном убранстве. Почти все украшения выполнены из бумаги. На бамбуковых шестах, установленных на крышах домов, подвешены огромные разноцветные помпоны, напоминающие пушистые шары. К ним прикреплена масса длинных узких бумажных полос. Цвет одной стороны полос соответствует цвету помпона, обратная сторона — белая. Бумажные ленты перехвачены пятью обручами, имеющими бархатистый вид. Четыре обруча белого цвета, один — под цвет помпона [115, с. 176].

Праздник Танабата в г. Дайто (преф. Симанэ, уезд Охара) известен как детский праздник еще с XVI в. Его богатая и своеобразная обрядность дошла до наших дней почти в неизменном виде. В городе функционирует общество сохранения

этого праздника, которое и поддерживает традиции его проведения. Подготовка к Танабата начинается за месяц. Инициаторами выступают обычно ученики пятых-шестых классов, которые объединяют вокруг себя младших ребят. Прежде всего они занимаются сбором подношений для Пастуха и Ткачихи. Обходя дом за домом, дети получают рис, арбузы, овощи и фрукты. И все это приносят в то место, где находятся микоси, посвященные Танабата, оно условно называется «храмом Танабата». Это название написано каллиграфическим почерком на большом бумажном фонаре — *такахари-тётин*, прикрепленном к бамбуковому шесту рядом с микоси.

Затем все ребята принимают участие в изготовлении сасатакэ. Еще до войны дети сами ходили в горы, чтобы нарезать ветки молодого бамбука. Но сейчас это делают сами родители, так как современные дети не всегда умеют даже отрезать ветку бамбука [125, с. 114]. Сасатакэ украшают площадку вокруг микоси. На бесчисленных пятицветных тандзаку, свисающих с сасатакэ, написаны пожелания ребят: «Хочу стать очень красивой», «Хочу получить щенка», «Хотелось бы иметь много денег» и т. п. Эти просьбы резко расходятся с теми, что писали на тандзаку раньше, когда просили в основном успеха в науках и ткачестве. Эти просьбы — отражение нынешних забот, веяние времени.

В старину во время этого праздника в г. Дайто вечером 6-го дня 7-й луны девушки встречали божество Танабата у себя дома и ткали в его присутствии всю ночь. А утром оно уходило, «унося» все их прегрешения. Таким образом, осуществлялся обряд очищения, который был важным элементом данного мацури. Сейчас этот ритуал не соблюдается.

7 июля детвора г. Дайто собирается в своих школах. В празднике принимает участие около тысячи человек. Хотя это детский праздник, на улицах много взрослых, которые, глядя на детей, с удовольствием вспоминают беззаботные годы своего детства. Можно сказать, что это праздник всего города, объединяющий поколения. В одном из районов — Танака — до начала общегородского шествия дети совершают ряд ритуальных обрядов без участия взрослых. Они идут в японскую баню, совершают трапезу и в 3 часа дня начинают шествие. Впереди несут большой фонарь в форме звезды. Затем идет группа детей с сасатакэ в руках. За ними следует огромный фонарь в форме арбуза. В центре процессии — микоси. Шествие сопровождает оркестр ударных инструментов. Оно идет по межам через поля колосющегося риса. Ветер доносит то громкие, то затухающие вдаль удары барабана. Ребята приходят на берег р. Акагава. Здесь факелами они поджигают сасатакэ, совершая обряд очищения. Затем все бегут в город на большое праздничное шествие, которое начинается после шести часов вечера.

Весь город в праздничном убранстве фонарей. Во главе процессии несут огромный фонарь в форме арбуза. Дети одеты в

национальные костюмы, и каждая школьная группа имеет свои отличительные украшения. Шествие торжественно движется по улицам, неся микоси. Улицы переполнены зрителями. Впечатление такое, что население города удвоилось. Процессия длится примерно час. Под конец все участники праздника вновь собираются на набережной р. Акагава. По традиции сасатакэ надо бросить в воду, что означало бы прощание с божеством. Но сейчас этого здесь уже не делают, оберегая чистоту реки, а устраивают фейерверк, цветные огоньки которого достигают середины реки. Это символизирует ритуал прощания с божеством. После проводов дети исполняют танцы дэнгаку, показывая свое искусство [125, с. 114—116].

Особенностью празднования Танабата в г. Мацумото (преф. Нагано), который ведет свое начало с эпохи Эдо, является обилие вырезанных из бумаги кукол в ярко раскрашенных кимоно, сделанных специально для праздника. Они изображают юношу и девушку и называются «куклы Танабата», символизируя образы Ткачихи и Пастуха. Родители и родственники дарят их ребенку, когда он в первый раз участвует в празднике. Кукол подвешивают на веревочках к крышам домов, где есть дети. Перед ними раскладывают различные яства-подношения: фрукты, печенье, данго, жареные моти. После окончания праздника бумажных Ткачиху и Пастуха согласно старинному обряду бросают в воду [113, с. 141].

Обычай Танабата бросать атрибуты праздника в воду сохраняется и в других местах. Например, в г. Такаока (преф. Тояма) поздно ночью в реку бросают шесты, к которым привязаны многочисленные ленты, и более тысячи шестов одновременно плывут вниз по течению.

В ряде других мест кульминацией праздника Танабата является игра-соревнование. В г. Киото во время Танабата с утра проводится церемония, изображающая игру в ножной мяч (*кэ-мари*), которая была особенно популярна в стране в период с эпохи Хэйан до периода Камакура. После окончания церемонии члены общества сохранения традиции этой древней игры проводят соревнования. Затем девочки, одетые в красочные кимоно, исполняют танцы Танабата [112, с. 154].

В г. Рикудзэнтака (преф. Иватэ) празднуется Кэнка-Танабата, что означает Танабата-борьба или Танабата-соревнование. Главным атрибутом праздника в этом городе являются даси оригинальной конструкции. На платформу устанавливают что-то вроде башни, с верхушки которой свисают десятки тысяч тандзаку. Группы детей и молодежи весело и задорно толкают эти колесницы друг на друга. Каждая группа старается, чтобы их колесница не опрокинулась. Весь праздник идет под аккомпанемент барабанного боя. Этот живой, красочный, динамичный праздник длится в течение двух дней [112, с. 144].

Во время Танабата в г. Ямагути (одноименной префектуры) 5—7 августа город украшается множеством фонарей и са-

сатакэ с вырезанными бумажными украшениями. Фонари располагают таким образом, что гирлянды их огней напоминают сверкающие арки.

Танабата используется также и торговцами для широкой рекламы товаров. В ряде городов этот последний аспект праздника наиболее силен [144, 1974, № 8, с. 64]. Абсолютно на современный лад отмечается Танабата в г. Хирацука (преф. Канагава), а также в г. Фукуса (преф. Токио). Здесь выбирают «мисс Танабата», играют оркестры, проводятся различные соревнования, конкурсы фотографов, богато украшаются магазины и лавки. В газетах в эти дни можно видеть фотографии празднично украшенных улиц.

Локальные детские праздники

Наряду с общенациональными, широко известными и отмечающимися практически в каждой семье детскими праздниками существует еще много локальных. По своему содержанию они подчас одинаковы, но по форме и обрядам отличаются в зависимости от района страны.

Организаторами этих детских празднеств являются, конечно, всегда взрослые — учителя, хранители старинных обрядов и обычаев, родители, священнослужители храмов.

Большую группу местных детских праздников составляют мацури, посвященные защите полей от вредных насекомых и от птиц. Все подобные мацури проходят в июле, так как именно в это время наливаются колос и урожай может больше всего пострадать от вредителей. Это очень веселые, шумные, красочные шествия, представления и игры. По своим целям они напоминают уже описанные детские тории-мацури, проходящие в дни новогодних торжеств.

Одним из таких праздников является мацури в преф. Тояма, который проводится в двадцатых числах июля. По межам, разделяющим крестьянские поля, где уже колышется созревающий рис, с веселым шумом движется процессия ребят — учеников начальной школы. Для этого праздника из бумаги или материала ярких цветов, чаще голубого, делают стилизованные лодки. На лодке, возглавляющей шествие, установлен огромный барабан. Барабанщики — взрослые. Вслед за лодкой десяток ребятшек тянут на веревках красиво разукрашенный кораблик. На нем находятся куклы из соломы и богато декорированные сасатакэ, напоминающие издали мачты. Шествие останавливается на пересечениях межей. Раздаются звуки флейты, удары барабана, веселый детский гомон. После того как завершен обход полей, сасатакэ бросают в ближайший водоем: рис спасен, птицы и насекомые его не тронут.

В г. Мацумото (преф. Нагано) 1 июля в празднике защиты урожая риса участвуют главным образом малыши под предво-

дательством ребят пятых-шестых классов. Маленькие дети, лишь в традиционных набедренных повязках *фундоси*, бегают по межам полей с веселыми выкриками, которые должны отпугивать вредных насекомых. Головы детей, как это обычно бывает у взрослых, повязаны хатимаки, в руках у них небольшие шесты, украшенные яркими полосками бумаги и стебельками риса. На некоторых полосках написано название близлежащего храма, под покровительством которого и проводится данный мацури. Праздник привлекает не один десяток маленьких ребятишек, которые весело, но весьма ответственно относятся к своим обязанностям. Эти голыши с красочными флажками в руках очень живописно смотрятся на фоне зеленеющего риса.

В одной из деревень преф. Нингата 19 июля проводится традиционный праздник изгнания насекомых — Мусиокури («муси» — «насекомое»). Шествие этого праздника более церемонно. Девочки и мальчики одеты в национальные костюмы, на ногах — гэта. Они несут сасатакэ, к которым прикреплены белые полоски бумаги с надписями: «Прогоним насекомых с рисовых полей!», «Обеспечим хороший урожай злаковых!» Обход межей совершается под аккомпанемент барабана.

Разновидностью праздника Мусиокури в г. Каминака (преф. Фукуи) является мацури Бога поля (Та-но ками мацури). Праздник возник еще в конце периода Эдо. Тогда в каждой деревне после окончания высадки рисовой рассады в установленный старостой день на полях делались подношения местным богам — сэкихан, моти и другая ритуальная пища. Затем начинался праздник, который продолжался в течение двух дней. В это время запрещалось даже близко подходить к зеленеющему полю.

Как и в других праздниках, посвященных защите урожая от вредных насекомых, во время этого мацури основным действием было шествие с сасатакэ. Во главе шествия двое старшеклассников несут на плечах бамбуковый шест, к которому привязан большой барабан. За ними еще двое ребят идут с огромными сасатакэ, украшенными белыми, алыми и красными полосками бумаги. Остальные участники процессии — дети младших возрастов — несут маленькие сасатакэ. Все — в национальных одеждах. Отличительной чертой праздника являются микоси, сделанные из соломы пшеницы или ячменя. Сейчас делают не только такие традиционные, соломенные, но и бумажные. Участники процессии ходят по улицам городка, останавливаются перед домами, привлекая внимание к себе веселыми выкриками [113, с. 139, 140].

До сих пор в ряде мест сохранились праздники, во время которых ребятишки совершают символические действия, чтобы отвести от себя несчастья и беду. Так, в одной из деревень преф. Нагано в начале марта школьники младших классов собираются группами на берегу реки и на камнях разводят костры, на которых готовят еду из принесенных из дома адзуки, мо-

ти и пр. Здесь же расставляются старые куклы. Ребята сначала «кормят» кукол, а потом едят сами. Затем сажают кукол на соломенные подставки, напоминающие лапти, и спускают их вниз по реке. Куклы выполняют роль талисманов, которые должны уберечь их владельцев от неприятностей [113, с. 131].

Как мы уже отмечали, во время большинства традиционных праздников дети принимают активное участие в музыкальных и танцевальных номерах. Например, во время Нэмбуцу мацури в местечке Минамисугамо (преф. Фукусима), проводимого 3 апреля, девочки исполняют старинные танцы, которые являются кульминацией праздника. Возраст юных танцовщиц со временем понизился. Если в середине XVII в. им должно было быть не более 15—16 лет, то теперь — не более 10 лет. Юные танцовщицы одеты в короткие юбки и длинные штанишки; все — красного цвета. Поверх надеты короткие кимоно с длинными развевающимися рукавами. Рисунки на кимоно очень красочны. Соломенные шляпы девочек богато украшены цветами. Исполняется девять видов танцев: с веерами, с букетами цветов, без предмета и т. п. [114, с. 137].

На празднике Хидака-хибуса в местечке Мидзусава (преф. Иватэ), проходящем 22 апреля, девочки выступают в роли оркестрантов. Оркестр — главное действующее лицо на празднике. Этот древний мацури, посвященный богам огня и воды, восходит к началу IX в. Во время праздника проводится пышное шествие с участием большого числа колесниц. На одной из них, которая по форме напоминает подставку для кукол на празднике Хина мацури, рядами сидят девочки-барабанщицы. Кимоно и головные украшения девочек бело-желто-красного цвета. Они хорошо контрастируют с черными лаковыми деталями конструкции платформы. Крыша колесницы, выдержанная в тех же тонах, что и наряд девочек, опирается на красные столбы, которые увенчаны изображениями львов. На фронтоне крыши прикреплено изображение цапли в полете [114, с. 137]. Поскольку шествие проходит вечером, то по краям крыши укреплены прожекторы, ярко освещающие колесницу, что издали создает иллюзию плывущего в ночи корабля. А вблизи эта колесница очень похожа на знакомую каждому японцу с детства подставку для выставки кукол во время Праздника девочек.

Есть праздники, которые можно расценить фактически как смотры детской самодеятельности. К ним, например, относится Хикияма мацури, который проходит с 13 по 16 апреля в местечке Мияма в г. Накахама (преф. Сага) на базе храма Хатиман. Для праздника изготовлено 12 платформ-колесниц, представляющих собой сценические площадки. Ежегодно используется по четыре таких платформы. Это весьма сложное двухэтажное архитектурное сооружение. Сцена, открытая для зрителей с трех сторон, огорожена деревянной резной загородкой. Задником сцены служат сёдзи и парчовые занавеси, на которых

изображены традиционные драконы. За ними находится закрытое помещение для переодевания и отдыха участников представления. Крыша колесницы выдержана в традиционном стиле и похожа на крышу пагоды. Она украшена богатой позолоченной резьбой, алыми флагами, белыми бумажными полосами, стилизованными изображениями деревьев. На коньке крыши укреплены громкоговорители. В целом сцена колесницы выдержана в красно-черно-золотистых тонах, что придает ей необыкновенную торжественность и величавость.

На этих сценах разыгрываются представления Кёгэнов — одноактных комических или сатирических пьес, основой которых является диалог. Герои пьес — горожане или жители деревень. Сюжеты взяты из повседневной жизни. Артисты — дети от 5 до 12 лет — выступают в масках. Костюмы красочны и разнообразны. Кёгэн как жанр сложился к XIV в., а костюмы, как правило, представляют собой национальную одежду японцев конца XVI — начала XVII в. Примерно одна треть Кёгэнов включает песни, танцы и музыку. Во время этого праздника в течение пяти дней на сценических площадках дети разыгрывают самые разнообразные Кёгэны. Представления проводятся дважды в день — утром и вечером. Они чередуются с посещением храма и проведением там различных церемоний [112, с. 147].

И конечно, большое количество детских локальных праздников представляют собой игры-соревнования. Например, в преф. Сага в начале мая проводится Такэума мацури (Праздник бамбуковых лошадок). Он восходит к тем временам, когда были очень популярны конные соревнования и состязания в стрельбе из лука. Лошадки на этом празднике представляют собою бамбуковую палку диаметром в 10 см, на верхушку которой надета деревянная голова лошади. Она ярко раскрашена и обвита бантами и шнурами. Одни ребята садятся на «лошадок» верхом. У других мальчиков в руках высокие шесты, к которым прикреплены мишени. Кульминацией праздника являются скачки-соревнования на бамбуковых «лошадках» и стрельба из лука [112, с. 148].

お金

Глава 6

ПРАЗДНИКИ И ИСТОРИЯ СТРАНЫ

Праздники неотделимы от истории страны. Поводом к их возникновению чаще всего и является какое-нибудь историческое событие общенародного характера или местного значения. Например, основание государства, города или храма, победа в войне, события, связанные со сменой правящей династии, такие памятные даты в истории народа, как избавление от стихийных бедствий, а также те или иные моменты в жизни выдающихся людей. Кроме того, на возникновение праздников большое влияние оказывает появление новых религий. Ряд памятных дат в жизни любого народа связан с самим существованием человека, с жизнью предшествующих поколений.

В то же время практически любой праздник является отражением исторического процесса, который влияет на его содержание, обрядность, церемонии, оформление. Само содержание праздника часто являет собой историю, вышедшую на улицу.

Кроме того, выбор праздничных дат или событий отражает характерные черты существующего общественного строя, политическую и социальную структуру общества.

Многие традиционные праздники, характеризующиеся богатой обрядностью, красочностью и пышностью, примечательны также и тем, что сохраняют и доносят до сегодняшнего поколения японцев многие моменты исторического прошлого страны. В то же время нельзя не отметить, что эти праздники сознательно поддерживаются и культивируются правящими кругами страны на протяжении многих веков, так как они помогают преподносить историю каждому новому поколению в нужном для этих кругов аспекте.

Гион мацури

Крупнейшим праздником, связанным с историей страны, является Гион в г. Киото. Гион — название квартала города, где расположен синтоистский храм, породивший главную обрядность праздника. Само же слово Гион пришло в Японию из Индии, где на юге был буддийский монастырь того же названия. В нем, по преданию, Сакьямуни читал свои проповеди.

Истоки многих японских традиционных праздников теряются в глубине веков, и о них можно только догадываться. Причина же возникновения Гион всем известна. В 869 г. в г. Киото вспыхнула эпидемия чумы, которая унесла огромное число человеческих жизней. История гласит, что для прекращения эпидемии император повелел гонцу отправиться в храм Ясака, посвященный богу Сусанео, брату богини солнца Аматаэрасу. Храм назывался также Гионся, так как был расположен в квартале Гион. Гонец принес указ установить перед храмом 66 ножевидных алебард по числу провинций Японии. Алебардам придавалось магическое значение оружия, способного избавить людей от эпидемии. И чума отступила. С этого года и по сей день благодарные жители г. Киото отмечают это событие, вошедшее в историю календарной обрядности как праздник Гион. В старину он имел еще одно название — «Горёэ» (букв. «культ душ усопших»). Это один из немногих праздников, возникших в столице по императорскому рескрипту. С течением времени Гион обрел богатейшую обрядность и стал подлинно народным торжеством, поскольку его основная символика — борьба с болезнями в жаркое время года.

Подготовка и проведение праздника занимают почти весь июль. Но основное действие приходится на 16—24 июля. Главное место в этом торжественном событии занимают процессии даси. В г. Киото используется два типа колесниц — *хоко*, имитирующие алебарды, и *яма*, своим названием, по-видимому, обязанные уже упоминавшимся симэси-но яма. По форме яма похожи на коробки, в которых, по преданию, в древности находи-

лись лекарства, исцеляющие от чумы. Их возникновение связано со следующей легендой. Во время эпидемии чумы, когда храм Ясака был окружен алебардами, в нем скрывался бог Сусаноо, который был сведущ в медицине и изготовил необходимые лекарства.

Каждая колесница, и хоко и яма, имеет свое убранство, отражающее культуру разных эпох. Колесницы — огромные сооружения. Поэтому после праздника их разбирают и в таком виде хранят, а ежегодно перед праздником собирают. Эта процедура начинается 8 июля. Раньше все детали для колесниц изготовляли ручным способом, сейчас же большинство делают на заводах. Когда колесницы приходили в ветхость или страдали от пожаров (что было весьма частым явлением), то их заменяли на новые.

Хоко состоят из деревянных балок, легко подгоняемых друг к другу и соединяемых канатами из рисовой соломы. Они устанавливаются на четырех огромных деревянных колесах, диаметром до двух метров. Высота колесницы, имеющей форму прямоугольника, достигает семи метров, колесница в виде алебарды может быть и 24 м от земли до кончика шпиля. В начале июля в г. Киото в разных местах можно наблюдать отдельные стадии сбора колесниц. Сборщики работают со страховкой, так как из-за высоты колесниц это довольно опасное занятие. Колесницы не раскрашены, за исключением черного лакированного потолка. Площадь потолка — от 4 до 6 татами (татами — очень плотная, толщиной 7—8 см циновка стандартного формата, около 1,8 кв. м, мера площади для помещений в Японии). Во время процессии колесницы покрывают парчой, гобеленами, шелками и другими украшениями. Крыша колесницы имеет форму пагоды, на ней возвышается башня; ее покрывают ярко-красной материей таким образом, что иногда она напоминает фантастическую коническую шляпу. Всего имеется семь видов хоко.

Каждую хоко сопровождает группа мужчин в старинных костюмах. Как правило, это придворные костюмы ранних эпох; отличительной их чертой были широкие штаны и верхние накладки с плечами, напоминающими крылья. Украшения на одежде идентичны с украшениями хоко. На одних это листья клена, на других — стилизованные цветы сакуры.

На передней части колесницы стоят двое мужчин; в одной руке они держат канаты из рисовой соломы, в другой — белые опахала с красным кругом в центре, который символизирует богиню солнца. Под ритмичные удары барабана они поднимают, поворачивают и опускают опахала.

На втором этаже, или открытом балконе, располагаются музыканты: барабанщики, флейтисты, исполнители на национальных инструментах. Их музыка — сигнал к появлению хоко, а также аккомпанемент, под который группа людей тянет колесницу. Барабаны установлены по обеим сторонам хоко. Барабанные палочки украшены длинными парчовыми голубыми

бантами, которые от взмаха рук исполнителей порхают как огромные бабочки. Не только барабанная дробь, но и само ритмичное движение палочек вверх-вниз создает определенный эмоциональный настрой.

На крыше восседает несколько мужчин, которые прилагают большие усилия, чтобы не упасть с огромной высоты при движении и особенно при поворотах колесницы. Они бросают в толпу *тимаки* — пучки соломы, завернутые в бамбуковые листья (раньше вместо соломы использовали сладкий рис). Считается, что тому, кто поймает тимаки, обеспечено здоровье на целый год [112, с. 133—135].

Провести огромную хоко по улицам дело совсем непростое. Несколько десятков человек тянут ее за длинные толстые канаты, прикрепленные к передней части колесницы. Два человека с бамбуковыми шестами в руках идут впереди процессии, направляя ее движение. Когда хоко надо остановить, они перекрещивают шесты перед колесницей. Для того чтобы ее остановить или повернуть, под колеса подкладывают тяжелые большие деревянные клинья. Их несут специальные носильщики. При повороте хоко клин кладется под переднее колесо с внутренней стороны. Это весьма ответственный момент в процессе движения колесниц.

Паланкины яма меньше по своим размерам, чем хоко. Как правило, это четырехугольные коробки весом от 1,2 до 1,6 т; коробки поставлены на деревянные балки, которые кладут себе на плечи носильщики. Число последних — от 14 до 24. Это зависит от веса яма. Из-за их тяжелого веса носильщики вынуждены во время шествия часто останавливаться для отдыха.

В цветовой гамме убранства яма преобладает красный цвет, а также желтый и золотистый. Большинство яма имеют плоскую крышу; на ней расставляют различные предметы для украшения. На одних большие зонтики на высоких ручках; наружная сторона зонтика — белая, внутренняя — красная, ручка — черная. На других небольшие кумирни, а перед ними тории. Обязательным элементом декора яма являются сосна или ветки сакуры. У некоторых яма крыша в форме пагоды, как и у хоко. У одной из двадцати четырех типов яма — Ивата-яма (ивато — грот) — на крыше установлен конусообразный шпиль. На яма, так же как и на хоко, располагается более десяти человек, либо расставляются куклы, изображающие героев японского народного эпоса.

Главным ритуальным действующим лицом на празднике является мальчик-прислужник — *тиго*, который символизирует юность, начало жизни. Раньше каждая хоко имела своего тиги. Теперь же он находится только на первой колеснице, возглавляющей процессию; на остальных вместо него куклы. Ритуал посвящения в звание тиги совершается 11 июля в храме Ясака, куда кандидат является верхом на лошади. Тиги в богатой одежде с раскрашенным лицом представляет собой священную

персону, и во время праздника его можно видеть в разных районах города. Свита, сопровождающая мальчика, обмахивает его великолепными опахалами. В старину тигро представляли императору, и для семьи была большая честь, если кого-нибудь из ее членов посвящали в это звание. Родственники мальчика могли надевать роскошные костюмы.

16 июля, за день до начала процессии, из храма Ясака выносят священные микоси и несут к мосту Сидзё через р. Камо, где совершают ритуальное омовение. Вечером из этого же храма выносят шесты с зажженными на них фонарями, которые закрепляют на хоко. Фонари придают колесницам вид ярко освещенных больших судов. Около колесниц ставят подношения — бочонки сакэ.

Утром 17 июля семь хоко и двенадцать яма готовы к праздничному шествию по улицам города, где их ожидают тысячи зрителей. Они отправляются оттуда, где их собирали, и занимают свои места в процессии согласно жребию; жеребьевка проводится 2 июля. Но первой всегда идет Нагината-хоко (алебардовая), на которой находится мальчик тигро. Перед началом шествия на колесницы водружаются священные реликвии. Процессии движутся по заранее намеченному маршруту, как правило, по тем улицам, где нет линий электропередач, а там, где они есть, их снимают.

Каждая колесница украшена в соответствии с тем или иным сюжетом, который и дает обычно ей название. В процессии 17 июля можно увидеть различные хоко и яма, которые движутся в определенном порядке. Это прежде всего уже упоминавшаяся Нагината-хоко. Затем — Токуса-яма (тростниковая); на ней изображена сцена из пьесы театра Но, где рассказывается, что у одного старика был украден сын, который затем был возвращен отцу буддийским священником; на яма установлена фигура последнего, в одной руке у него пучок тростника, в другой — серп.

Каккё-яма рассказывает о том, как в древнем Китае отец хотел из-за крайней бедности убить своего сына и рыл для него могилу, но неожиданно нашел клад. Хосё-яма повествует о том, как рыцарь Хосё воровал розы в императорском саду для своей возлюбленной придворной дамы. В убранстве Канко-хоко отражена символика старых китайских легенд; на ней изображена гора с длинным шестом на вершине на фоне полумесяца.

Тема колесницы Урадэ-яма — рассказ о том, как, собираясь в поход на Корею, императрица Дзингу гадала на опущенном в воду поплавке, будет ей удача или нет; поэтому в название колесницы входит слово «ура» («гадать»). Тема Мосо-яма (мо-со — вид бамбука) взята из китайской сказки о преданном сыне, который в середине зимы искал и нашел бамбуковые ростки, чтобы выполнить желание своей больной матери. В Ниватори-хоко (ниватори — цыпленок) круг в треугольнике на шесте символизирует яйцо, спрятанное в барабане. Легенда рассказывает,

что мир спрятан в барабане, как цыпленок в яйце, и в любую минуту может быть нарушен так же, как и цыпленок внезапно может появиться из яйца.

Тема Хакуракутэн-яма — беседа китайского поэта Байлэтяна с монахом об учении буддийской секты дзэн. Байлэтян по-японски Хакуракутэн, это псевдоним поэта Бо Цзюйи (772—846), оказавшего большое влияние на японскую литературу эпохи Хэйан. На Асикари-яма изображена сцена из пьесы театра Но под названием «Асикари» («Резчик тростника») драматурга Дзэами Мотокиё (1363—1443); на ней установлена фигура старика — резчика тростника, который, по преданию, жил более 400 лет в уединении на берегу моря в крытой тростником хижине. Хакуга-яма рассказывает о великом китайском арфисте по имени Байя (по-японски Хакуга), который разбил свой инструмент после смерти лучшего друга, так как считал, что он был единственным, кто мог оценить его игру.

Цуки-хоко — одна из наиболее красочных колесниц в процессии, украшена гобеленами эпохи минской династии (1368—1644); в декоре большую роль играет полумесяц («цуки» по-японски «луна»). Ямабуки-яма посвящена монаху-отшельнику, который заметил, что пагода Ясака накренилась, и усердно молился, чтобы ее выпрямить, и чудо свершилось. На Абура-Тэндзин-яма установлена фигура Сугавара Митидзанэ, известного японского ученого и поэта IX в., получившего посмертное имя Тэндзин. Колесница Арарэ-тэндзин-яма рассказывает о божестве Тэндзин, который, явившись в виде града, прекратил пожар в г. Киото более 400 лет назад. Тайси-яма — колесница принца Сётоку, выдающегося политического деятеля и реформатора древности («тайси» по-японски «принц»); на колеснице установлена статуя принца, выполненная Ункэем, известнейшим скульптором периода Камакура. На Хока-хоко изображены небесные светила — луна, солнце, звезды, освещающие своими лучами мир. Фуна-хоко — колесница в форме древнего корабля (фунэ — корабль), на котором императрица Дзингу совершала свой поход в Корею. Кикисуй-хоко посвящена китайской легенде о том, что человек будет жить долго, если напьется воды около куста хризантемы (кику — хризантема; суй — вода); колесница сделана в 1952 г.

24 июля в параде колесниц участвуют только девять яма. Это — Кита-Каннон-яма, колесница богини милосердия Каннон северной; она всегда идет во главе процессии; посвящена Корию-Каннон, древняя статуя которой находится в храме Корию (в г. Киото), принадлежащем буддийской секте сингон; отсюда название яма. Хаси-Бэнкэй-яма изображает сцену из пьесы театра Но, в которой рассказывается о том, что на мосту (хаси) встречаются два героя японского народного эпоса — мальчик Есицунэ (в дальнейшем военный правитель из рода Минамото, 1159—1189) и богатырь Бэнкэй. Согласно легенде, Бэнкэй был человеком могучего телосложения и мечтал встретиться с кем-

нибудь, кто был бы сильнее его, и поэтому сражался со всеми, кто проходил через мост Годзё в г. Киото; после сражения с Ёсицунэ, который научился военному искусству у сказочного персонажа тэнгу (японский леший, изображается с красным лицом, длинным носом и крыльями вместо рук), Бэнкэй становится вассалом Ёсицунэ.

Дзёмё-яма названа по имени священника Дзёмё из «Сказания о Хэйкэ» («Хэйкэ моногатари», XII в.), который сражался на берегу р. Удзи. Хатиман-яма посвящена богу войны Хатиману. Его скульптура установлена на ней (работа скульптора Ункэя). Энногёдза-яма названа по имени монаха, который заставил демонов носить камни для постройки длинного моста. Кои-яма — колесница карпа (кои — карп); на ней установлен миниатюрный храм, посвященный богу Сусаноо; перед храмом находятся тории и изображение карпа, который, согласно легенде, превратился в дракона и сумел подняться по водопаду «ворот дракона»; на гобеленах, которыми покрыта колесница, изображены сцены из жития Сусаноо. Судзука-яма посвящена местному божеству Судзука, спасшего жителей деревни от демонов. Куронуси-яма названа по имени поэта Отомо-но-Куронуси (конец IX — начало X в.); основной сюжет яма взят из пьесы «Сига» театра Но, посвященной этому поэту, второе имя которого было Сига-но-Куронуси. И наконец, Минами-Каннон-яма, колесница Каннон южной, посвящена Ёрю-Каннон, что дословно означает Каннон-ива, так как в правой руке богиня держит ветку ивы; эта колесница всегда замыкает процессию.

Праздник Гион в г. Киото послужил прототипом для многих праздников в стране; в ряде мест он получил то же название. Например, Тобата гион мацури в г. Тобата (преф. Фукуока), где в процессии 13—15 июля участвуют четыре больших яма и более сорока маленьких. Во время Хита гион-э в г. Хита (преф. Оита) 13—15 июля по городу проходят яма, украшенные гобеленами с декоративным орнаментом; на колесницах стоят фигуры воинов периода раннего средневековья. На празднике Суга гион в г. Косиро (преф. Сага) 14—15 июля можно увидеть трехэтажные яма, у которых два верхних этажа богато декорированы. Праздник Гион в г. Ямагути в одноименной префектуре проводится 20—27 июля и во многом напоминает киотоский. Ландшафт этих городов примерно одинаковый, и местный даймё в подражание столице построил здесь несколько храмов, похожих на киотоские. В праздничной процессии участвуют микоси самой различной формы: квадратные, шестиугольные и восьмиугольные. Перед началом процессии здесь исполняется танец лебедь.

В г. Китакусю (преф. Фукуока) в храме Ясака 10—12 июля празднуется Тайко' гион — гион с барабанами. Он существует более 300 лет. В общих чертах напоминает, конечно, киотоский. Те же яма, те же хоко, но его своеобразием являются установленные на колесницах огромные барабаны. После процессии

проводятся соревнования барабанщиков-исполнителей. Назначение праздника — обеспечить мир и процветание жителям города.

Разновидностью Гиона является также праздник Хаката гион ямагаса в г. Фукуока одноименной префектуры, который проводится в храме Кусида в первой половине июля. В празднике участвуют не только жители данного города, но и близлежащих районов. Эти места известны тем, что здесь делают глиняные куклы — куклы Хаката. Колесницы на этом празднике носят название *ямагаса*, так как их основным декором являются большие зонты (*каса* — зонт). Украшением колесниц служат также куклы Хаката, которые предварительно выставляются для обозрения во всех городах — участниках данного праздника. Яма путешествуют из города в город. Кульминация праздника наступает 15 июля, когда процессия колесниц устремляется к храму Кусида. В конце дня на подмостках на территории храма даются представления театра Но.

Непосредственно под влиянием киотоского Гиона в 1819 г. в г. Карацу (преф. Сага) появился праздник Карацуокунти. Он проводится ежегодно в течение трех дней с 28 по 30 октября. Причиной возникновения праздника было желание одного из жителей города повторить хоть в какой-то степени то величие Гиона, которое он наблюдал летом, возвращаясь с моления из храма Исэ. После паломничества он рассказал об увиденном соседям и с их помощью сделал колесницу, украшением которой был гигантский красный лев из папье-маше.

К 1876 г. уже 15 небольших городов, расположенных вблизи г. Карацу, выставляли колесницы для процессии. Сейчас во время шествия в г. Карацу можно видеть 14 громадных колесниц яма, поражающих взор прекрасно выполненными из папье-маше фигурами, покрытыми серебром, золотом, красным и голубым лаком. В 1958 г. они вошли в сокровищницу предметов материальной культуры преф. Сага.

Во время праздника процессию возглавляет колесница с красным львом, самая старшая по возрасту. За ней следует яма с устрашающим синим львом (постройка 1821 г.). Третья колесница посвящена Урасима Таро, герою японской сказки, рыбаку, спасшему жизнь черепахе; за это благодеяние он попал в морское царство, где полюбил дочь морского царя и прожил там лет 300; когда же он вернулся к себе домой, то никого из родных и близких уже не было.

Наиболее интересной и впечатляющей является колесница, над которой возвышается гигантский красный морской окунь. Имеются также колесница в форме судна, украшением которой служит птица-феникс (построена в 1846 г.); яма с изображением летящего дракона — стража небес (1846 г.); позолоченная колесница с головой льва, играющего мячом (1847 г.); четыре яма (1844—1863 гг.), украшенные причудливыми изображениями шлемов, которые принадлежали четырем известным воена-

чальникам; колесницы с драконом земли и дельфином (обе сделаны в 1876 г.) [115, с. 249].

Праздник памяти Сугавара Митидзанэ

Сугавара Митидзанэ (845—903) известен в истории страны как крупный государственный деятель, выдающийся ученый, поэт и каллиграф. Современники почитали его самым большим знатоком отечественной литературы. Благодаря своим блестящим способностям Сугавара Митидзанэ занимал при императорском дворе в столице Киото большие государственные посты. Император Дайго (885—930) назначил ученого-конфуцианца правым министром (удайдзин — третье лицо в таблице о рангах). Однако в результате интриг завистников, в частности представителей могущественного дома Фудзивара, стремившихся полностью подчинить императора своему влиянию, Сугавара Митидзанэ был оклеветан и отправлен в изгнание на остров Кюсю. В то время это была далекая ссылка.

На Кюсю Сугавара Митидзанэ исполнял обязанности вице-губернатора, но делами не интересовался, фактически не покидал своей резиденции и все время отдавал самым разнообразным наукам. Большая научная и творческая деятельность принесла ему широкую известность среди современников, несмотря на изгнание. Признанием его заслуг было посмертное обожествление. Он получил имя Тэндзин, что означает «небесный бог» [115, с. 166]. Он почитался и как Бог литературы и просвещения. Ему было посвящено множество храмов Тэммангу в разных районах страны. Проводящиеся в этих храмах праздники носят название Тэндзин мацури и устраиваются для отведения несчастий. Формы и время их проведения различны, но все они так или иначе связаны с памятью Сугавара Митидзанэ.

Открывает цикл этих праздников Тэндзин мацури в храме Китано-Тэммангу в Киото. Он устраивается 25 февраля, в день смерти ученого, и называется Байкасай — Праздник цветения сливы, потому что одним из главных компонентов подношений храму являются ветки цветущей сливы. Кстати, слива была любимым цветком Сугавара Митидзанэ. В этот день в храме на специальных подставках для даров расставляют подношения в количестве 42 или 33. Эти числа связаны с понятием о несчастливом возрасте. По японским поверьям, у человека бывает несчастливый возраст. У мужчин это — 25, 42 и 60 лет, у женщин — 19, 33 и 37 лет. Самыми несчастливыми считаются соответственно 42 и 33 года. Каждое из подношений состоит из двух подносов — большого и маленького, на которых рассыпан вареный рис, а в центре поставлен бумажный мешочек с неочищенным рисом. Все это украшено ветками цветущей сливы. Кроме того, среди подношений есть черное и белое сакэ. После окончания церемонии в храме эти дары раздают прихо-

жанам. Желających получить их очень много, так как они якобы защищают от болезней. В память о Сугавара Митидзанэ, любившего цветущие сливовые деревья, японцы в этот день стараются не есть свое любимое кушанье умэбоси — маринованную сливу. Во время праздника повсюду устраиваются чайные церемонии [118, с. 254—255].

В этом же храме 1—4 октября проводится еще один праздник, посвященный памяти великого ученого и поэта. Ему как божеству храма приносят благодарность за хороший урожай. В праздничной процессии нарядно одетые горожане везут различные тележки, повозки, наполненные дарами полей [115, с. 219.]

Последний в году праздник Тэндзин в этом храме проводится 25 декабря и называется Симан-Тэндзин, т. е. последний Тэндзин.

Весьма своеобразен праздник Тэндзин в г. Уэно (преф. Мизэ). Он проводится 23—25 октября в храме Сугавара, названном так по имени ученого, и ведет свое начало с середины XVII в. В первый день мацури по центральным улицам города проходит шествие *тандзири*. Так называются микоси, поставленные на колеса. Девять таких микоси представляют довольно внушительное зрелище. На следующий день к шествию микоси присоединяется процессия людей в костюмах демонов и монахов ямабуси, которые выкликают заклинания, призванные отвести несчастья от жителей города. Ночью на микоси зажигают фонари. Праздник завершается церемонией водворения микоси в храм.

Одним из самых популярных праздников храма Тэммангу до настоящего времени является Тэндзин мацури в г. Осака, который насчитывает уже тысячелетнюю историю. Поводом для возникновения данного мацури послужило обращение жителей города к духу Сугавара Митидзанэ с просьбой избавить их от болезней, которые свирепствовали в жаркое лето 994 г. Жители собирались в храме Тэммангу, принося с собой талисманы в виде бумажных фигурок человека. Синтоистские священники читали молитвы, а прихожане совершали ритуал очищения, натирая свое тело бумажными талисманами. Затем их торжественно собирали в лодки, вывозили в устье реки и выбрасывали в море. Праздник оказался очень живучим, возможно, потому, что культ здоровья и чистоты в соответствии с синтоистскими ритуалами омовения широко распространен среди японского населения.

В наши дни Тэндзин мацури состоит из двух частей: *окато-гё* — шествия по улицам города, и *фунато-гё* — процессии лодок на реке, протекающей в центре г. Осака. О начале праздника в храме Тэммангу возвещают синкопированные удары барабана. Один из барабанов диаметром около двух метров покоится на тележке, вокруг которой стоят шесть барабанщиков. Они одеты в довольно нелепые высокие остроконечные шапки ярко-красного цвета. По мановению дирижерской палочки музыканты резко

ударяют по барабану и раздается неистовая барабанная дробь. Через некоторое время несколько человек спускают с тележки платформу, на которой лежит барабан, и держат ее на руках. Но музыка не умолкает. Она продолжает звучать и когда платформу раскачивают из стороны в сторону, а также вверх и вниз. Происходит своего рода соревнование между теми, кто раскачивает платформу, мешая играть, и барабанщиками, которые демонстрируют почти цирковое мастерство.

Из храма Тэммангу человек двенадцать выносят большие микоси, обитель духа Сугавара Митидзанэ, на время праздника. Микоси очень точно воспроизводят массу архитектурных деталей храма. Они украшены шнурами, кистями, а также шелковыми лентами оранжевого или пурпурного цветов, особенно любимых японцами. К храму приближается всадник, изображающий легендарного Сарудахико в красной развевающейся одежде с красной маской на лице. Он возглавляет процессию. За ним следуют два исполнителя танца льва. На них надеты огромные маски львов, которые они удерживают зубами. К маскам прикреплены гривы и драпирующие тела танцоров куски материи. Во время танца они встряхивают гривой, щелкают челюстями и жестикулируют. Все их движения должны означать изгнание злых духов и привлечение удачи.

За исполнителями танца льва на некотором расстоянии следует повозка даси, на которой представлены герои одной из пьес репертуара театра Но. За ней «священный» бык тянет колесницу, доверху нагруженную книгами, что олицетворяет мудрость Сугавара Митидзанэ. Затем следует группа детей в сопровождении родителей. Все ребятки празднично одеты, причесаны и даже слегка подгримированы. Родители держат над ними цветные зонтики.

В процессии внимание привлекают двое мужчин, которые исполняют танцы с зонтиками. Зонтики очень большие, их остов сделан из бамбука и обтянут цветной бумагой. Танцоры кружат и раскачивают эти огромные зонты в такт ударов барабана. Другие участники шествия несут соломенные корзины, наполненные подношениями храму. В одних лежат рис, чай, овощи, фрукты. В других корзинах представлено искусство различных школ икэбана. Но вот появляются рикши. В их колясках, затененных огромными зонтиками, восседают гейши, одетые по старинному: в белых кимоно и высоких шляпах из черной прозрачной материи.

В середине процессии над головами участников праздника плывут микоси. Они огромны и тяжелы, поэтому носильщики часто останавливаются для отдыха. Но несмотря на всю тяжесть этой «работы», носильщики очень довольны и горды, что им выпала честь нести дух выдающегося просветителя Японии. В толпе, сопровождающей микоси, вместе с простыми горожанами идут руководители органов местного самоуправления, блюстители порядка, различные музыкальные группы и оркест-

ры. В этой разноцветной толпе то тут, то там виднеются какие-то тележки, повозки [115, с. 166—167].

С наступлением сумерек праздник перемещается на воду. Город Осака прорезан многочисленными реками, речками, каналами, его иногда называют «японской Венецией». Все, кто участвовал в процессии, пересаживаются на лодки и баржи у моста Хоконабаси в центре города. Вдоль набережных и на самих лодках все иллюминировано, горит бесчисленное множество лампочек, из-за чего лодки и баржи приобретают причудливые очертания. В глаза бросаются привычные призывы рекламы. И вся эта сверкающая плывущая масса движется вниз по течению под аккомпанемент старинных национальных инструментов. Слышатся таинственные непрерывные звуки сё (свири), тонкая мелодия хитирики (флейты с девятью отверстиями вроде флюжолета) и приглушенные удары барабана. Лодки спускаются вниз по реке и возвращаются обратно. Это занимает практически всю ночь. Темное небо расцвечивают красочные огни фейерверка. Шум, гам, смех, грохот барабанов не затихают до утра. С рассветом вся процессия возвращается в храм Тэммангу, чтобы доставить обратно священные реликвии. Так завершается один из древних веселых, озорных праздников.

Аой мацури

Крупнейшим локальным праздником является Аой мацури, который отмечается в г. Киото 15 мая. Аой — по-японски «мальва китайская». В старину его называли также праздником Камо, так как он устраивался на базе двух святилищ Камо — нижнего и верхнего. Они расположены в окрестностях г. Киото и посвящены его богам-покровителям. Нижний — Симогамо — богине Тамаири-химэ, матери легендарного императора Дзимму; верхний — Камигамо — другому ее сыну Вакэ-Икадзути. Являясь одним из древнейших праздников (известен с VI в.), Аой сравнительно мало изменился: он так же красочен, пышен и элегантен, как и много веков назад.

Вот как описывает этот праздник в период Хэйан, на который падает его расцвет, Сэй Сёнагон в «Записках у изголовья» (XI в.): «Прекрасна пора четвертой луны во время празднества Камо. Парадные кафтаны знатнейших сановников, высших придворных различаются между собой лишь по оттенку пурпура, более темному или более светлому. Нижние одежды у всех из белого шелка-сырца... Чаше обычного бросаются в глаза платья причудливой окраски: с яркой каймой вдоль подола, пестрые или полосатые» [45, с. 563].

Однако если в те далекие времена это был праздник лишь для аристократов, то сейчас в нем принимают участие все желающие. Особое очарование празднику придавал резкий контраст между пасмурным серым небом и яркими костюмами

участников процессии. «День был очень холодный, и с наступлением вечера пошел легкий снежок», — писала Мурасаки Сикибу в романе «Гэндзи моногатари» о погоде в день этого праздника [4, с. 608]. Но обычно для этого сезона характерен не столько снег, сколько дождь. Согласно преданию, именно избыток осадков в это время года и послужил причиной его возникновения. Обильные ливни вызывали неоднократные наводнения, которые приводили к неисчислимым бедствиям. В храмах возносили молитвы богам о прекращении дождей, и вот, наконец, боги их «услышали», дожди прекратились. По другой версии, боги святилища Камо наслали на людей разрушительные наводнения и бури за то, что они недостаточно почитали их. Для того чтобы «отблагодарить» богов (по первой версии) или «умилостивить» их (по второй), богам были преподнесены листья аой, которые имеют сердцевидную форму. В период возникновения праздника считалось, что листья мальвы обладают чудодейственной силой предотвращать наводнения и землетрясения. В более поздние времена, когда аой стал исчезать, во время праздника богам начали преподносить листья других растений, например багрянника японского (кацура), которые тоже имеют сердцевидную форму.

12 мая в храмах Камигамо и Симогамо совершаются подготовительные обряды к празднику. Испокон веку императорская семья в праздник Аой отправлялась в эти храмы. Отсюда «блистательная», по словам Сэй Сёнагон, пышность процессии. Участники, их более 300 человек, собираются в императорском дворце Госё, откуда в 10 часов 30 минут начинается торжественное шествие — центральное событие Аой мацури. Процессия движется вдоль р. Камо через город, сначала останавливается в храме Симогамо, затем в Камигамо. В каждом святилище проводится пышная церемония встречи императорского посланника, который является одной из главных фигур шествия. Посланник возглавляет процессию; он восседает на породистой лошади, в богатом убранстве. В наши дни праздничная процессия состоит уже не из членов императорской семьи и придворных, а из актеров-любителей, исполняющих их роли. За посланником следует громадная повозка, в которую запряжен черный бык. В стародавние времена в повозки, на которых ездила высшая знать, запрягали быков, а не лошадей. Официальные поездки, а также в гости или на поклонение в святые места совершались именно на быках. Лошадей использовали только для дальних путешествий или для верховой езды.

Повозка называется *гисся* (пишется двумя иероглифами: «бык» и «телега»). Как выглядела гисся в те времена, т. е. более тысячи лет назад, мы в точности не знаем, но в настоящее время она представляет собой подлинное произведение искусства. Гисся — довольно высокое, почти квадратное деревянное сооружение; несущие конструкции покрыты черным лаком с красивым строгим орнаментом, напоминающим форму листьев

аой; крыша — пагодной формы, с нее потоками спускаются гирлянды искусственных цветов глицинии и аой; фронтальная и боковые части повозки задрапированы золотистого цвета циновками таким образом, что создают иллюзию жилища с дверьми и окнами. Сооружение помещено на платформу, стоящую на двух высоких колесах; их диаметр превышает человеческий рост. Такие громоздкие повозки в старину были обычным средством передвижения императора и его свиты.

Причудливое переплетение оранжевых кистей и шнуров краснivo контрастирует с черной шкурой быка, которого ведут на оранжевых канатах два мальчика с непокрытыми головами в оранжевых одеждах с рисунками зеленых листьев аой. Мальчикам помогает группа людей из свиты посланника императора. Они — в белых одеждах, украшенных букетиками из листьев аой. На ногах *варадзи* — соломенная обувь. На головах — *эбоси*, черные шляпы без полей, с высокой тульей и двумя шнурами под подбородком. Они делались из накрахмаленного шелка или бумаги и покрывались черным лаком. Эбоси отдаленно напоминают шлемы, их передняя часть несколько опускалась на глаза. Это был традиционный головной убор аристократов на протяжении многих веков.

Другие участники церемонии одеты в парчовые костюмы с набивным красивым сложным рисунком, с характерными для того времени полыми рукавами. Они изображают членов императорской семьи и высших придворных; среди них есть женщины, они выглядят особенно нарядными; одна из девушек изображает принцессу, которая должна стать жрицей синто. Затем следуют воины, стражники, музыканты, танцовщики.

Своеобразным атрибутом праздничного шествия служат огромные зонтики красного цвета, богато украшенные цветами. Эти зонтики столь огромны и тяжелы, что мужчины держат их обеими руками. Зонтики не несут никакой функциональной нагрузки, их роль чисто символическая. Они — залог хорошего урожая, расцветающей природы, молодости, новой жизни [112, с. 1, 5, 141].

Во время праздника исполняются *адзума-асоби* — древние танцы, которые, как правило, состоят из шести песенных и песенно-танцевальных частей. Главным их элементом является танец *суруга* [26, с. 79]. Так называется провинция, куда, согласно преданию, опустилась небесная фея и впервые показала людям этот танец. Его участники в красных костюмах. Танец идет под аккомпанемент старинных музыкальных инструментов — бамбуковых флейт, гонгов, барабанов. Это традиционный набор праздничного оркестра. На музыкантах лиловые одежды со шлейфами, на которых просматриваются стилизованные изображения животных.

Праздник давно потерял свое религиозное значение, но это грандиозное зрелище дает возможность увидеть костюмы и сцены из жизни эпохи Хэйан.

Процессия тысячи лиц

Определенный колорит эпохи XVII в. передает праздник, известный под названием Сэннин гёрэцу, что означает «Процессия тысячи лиц». Он имеет еще одно название — Тосёгу мацури, так как совершается в храме Тосёгу в Никко, национальном парке Японии, названном по имени расположенного здесь небольшого городка (преф. Тотиги). Никко — одно из самых популярных мест в стране, где на фоне величественного горного ландшафта сосредоточены сокровища средневековой архитектуры и искусства. Хотя Никко находится не так далеко от Токио (их отделяет не более 140 км), контраст между бурной современной жизнью и как будто застывшей историей огромен.

К храмовому ансамблю, который является местом проведения праздника, ведет аллея, обсаженная с обеих сторон криптомериями. Эта аллея сама по себе уже является одним из памятников истории. Возраст деревьев насчитывает более трехсот лет. Создание аллеи тесно связано с постройкой храма Тосёгу, в которой по велению дома Токугава должны были участвовать все его подданные. Согласно преданию, один вассал из дома Мацудайра внес свою лепту в строительство храмового ансамбля, высаживая в течение многих лет саженцы криптомерии вдоль дороги, ведущей к будущему храму. До наших дней сохранилось около 17 тыс. этих величественных деревьев. Протяженность аллеи криптомерий около 40 км, она соединяет городок Никко с храмовым комплексом.

Храм Тосёгу был построен в первой половине XVII в. как памятник-усыпальница основателю сёгуната Токугава — Иэясу (1542—1616). Он завещал похоронить себя в этом заповедном месте, которое ему однажды очень понравилось. В то время здесь стояла небольшая кумирня Татики Каннон, которая имела еще одно название — Футарасан. Эту кумирню, по свидетельству старинных хроник, более тысячи лет назад построил монах Сёдо Сёнин в благодарность богам за то, что они помогли ему дойти до этого места. Впоследствии она послужила основой храмового строительства в Никко.

Легенда гласит, что, путешествуя в этих краях, Сёдо Сёнин однажды увидел вершину горы Нантай, окутанную облаками разных цветов. Картина была столь завораживающая, что ему захотелось немедленно забраться на эту гору, но путь преградила р. Дайя. Не сумев перебраться через горную реку, монах обратился за помощью к богам. Неожиданно на другом берегу реки появился старик в белых развевающихся одеждах, с двумя змеями в руках. На глазах изумленного монаха эти змеи стали расти, переплелись между собой и образовали своеобразный мост, по которому он перешел к подножию горы [60, с. 142; 143].

На месте, где когда-то боги якобы соорудили этот мост для монаха Сёдо, в XVII в. был построен священный мост — Син-

кё — одно из первых сооружений храмового комплекса Тосёгу. Мост Синкё как бы дугой охватывает р. Дайя. Его ярко-красные лаковые перила хорошо гармонируют с черными лаковыми балками, опирающимися на каменные столбы. Этот мост никогда не имел функционального назначения и использовался лишь для церемониальных процессий. Строительство храмового комплекса велось сыном Иэясу — Хидэтада и внуком Иэмицу. Для последнего здесь был построен отдельный мавзолей — Тайсюин.

Храмовой ансамбль Тосёгу — органичное переплетение архитектурных особенностей, стилей, орнамента и декоративных украшений синтоистских святилищ и буддийских храмов. Это конкретное воплощение и отражение синкретизма верований японцев. Комплекс Тосёгу занимает площадь в 80 тыс. кв. м, на которой находится более 20 строений. Они расположены таким образом, что создается впечатление, будто эти сооружения друг за другом поднимаются в гору. В памяти всех побывавших в Никко прежде всего остается громадная лестница, ведущая к храму, величественные храмовые тории, ворота Ёмэймон (Ворота солнечного света) и Карамон (Ворота в китайском стиле), усыпальница Токугава Иэясу.

На территории храмового комплекса, включая и аллею криптомерий, разворачивается действие праздника Сэннин гё-рэцу. Уже само название мацури говорит о том, что его кульминацией является шествие. Начало празднику положила процессия во время перезахоронения тела сёгуна Токугава Иэясу, состоявшаяся в мае 1617 г. Тогда она прошла по священному мосту Синкё, медленно поднялась по каменным ступеням, ведущим к длинной и узкой аллее криптомерий, и направилась к месту будущей усыпальницы.

В память этого события ежегодно в течение двух дней мая проводится одна из наиболее впечатляющих праздничных процессий в стране. Сейчас это поистине фестиваль народного искусства, на котором можно увидеть старинные обряды, танцы, представления, развлечения, соревнования, игры, а также подлинные предметы материальной культуры XVII в. — одежду, оружие, головные уборы, музыкальные инструменты.

Тосёгу мацури начинается с праздничного шествия 17 мая. Отдавая дань традиции, во главе процессии идут «потомки» дома Токугава, их «придворные», священнослужители. Эта процессия, как и в старину, пройдя священный мост Синкё, торжественно направляется к храму Тосёгу, чтобы поклониться душам обожествленных здесь трех военных правителей Японии — основателя первой сёгунской династии Минамото Ёритомо (1147—1199), объединителям страны Тоётоми Хидэёси и Токугава Иэясу. Дух этих сёгунов воплощен в трех металлических зеркалах, которые находятся в храме. После окончания ритуального обряда в храме эти священные зеркала торжественно переносят в микоси. Процессия с микоси спускается от храма

к воротам Ёмэймон и через них к храму Футарасан. Здесь их оставляют до следующего дня.

Основная часть праздника, которая привлекает большое число зрителей, проходит 18 мая. В этот день в процессии участвует свыше тысячи человек. Сама она растягивается более чем на километр и представляет собой типичную процессию феодальных времен. Обилие подлинных атрибутов средневековой Японии придает ей большую достоверность. Это своеобразный парад той эпохи.

О начале шествия возвещает стук копыт по усыпанной галькой дорожке. Это едет всадник, возглавляющий процессию. За ним в две шеренги маршируют около сотни людей в костюмах самураев с алебардами в руках. От злых духов процессию охраняет группа людей, на которых надеты маски, изображающие львов с длинными гривами (по старинным поверьям, лев прогоняет зло с дороги). Далее шествуют копьеносцы (человек пятьдесят), а также воины со старинным оружием, в касках с оленьими рогами, в разукрашенных доспехах, со сверкающими оранжевыми щитами и яркими боевыми знаменами. Они изображают свиту сёгуна. Затем появляются 12 мальчиков-прислужников, головные уборы которых украшены изображениями голов животных в соответствии со знаками зодиака. За ними идут люди в масках лисицы. По древним поверьям, дух лисы, обитающей в горах вокруг Никко, охраняет храм Тосёгу.

В процессию включается большая группа синтоистских священников, идущих четким размеренным шагом. В руках они несут флаги и выпелы различных размеров, цветов и формы. Некоторые священнослужители восседают на лошадях. Под барабанный бой и удары гонга появляются люди в одеждах охотников с чучелами соколов в руках. Соколиная охота была любимым развлечением феодалов в токугавский период. Следом идут дрессировщики обезьян. Все это передает достоверный колорит представляемой эпохи.

Появление микоси с душами трех военачальников страны предваряет группа девушек в белоснежных одеждах. И вот появляются микоси, богатое убранство которых соперничает даже с красотой Ёмэймон.

Вечером проходят различные представления и игры. Зрители собираются вокруг подмостков храма, чтобы посмотреть адзума-асоби, или же идут на соревнования всадников (*ябусамэ*) по стрельбе из лука. Эти соревнования были очень популярны в период Камакура (1185—1333) [111, с. 70].

Подобные праздники с процессиями, сохранившимися с феодальных времен, но неизмеримо в более скромных масштабах, проходят в других древних городах страны, где были феодальные замки. Например, в г. Нагоя в середине октября устраиваются шествия в память трех известных исторических личностей, выходцев из этого города — Ода Нобунага, положившего начало объединению страны во второй половине XVI в., Тоётоми

Хидэёси, продолжившего его дело в конце XVI в., и Токугава Иэясу.

В эти же дни в г. Осака проходит праздничная процессия, изображающая вступление Тоётоми Хидэёси в Осацкий замок, который он основал. В июне в г. Канадзава (преф. Исикава) в храме Ояма проводится праздник Хякумангоку (дословный перевод «Миллион коку риса»). Праздник ведет свое начало с 1582 г., т. е. живет уже более 400 лет. Во время праздника изображается момент получения даймё рисовых податей от своих вассалов. Для этого проводятся два шествия. В первом представлен въезд даймё в замок. В процессии участвуют гейши, исполняющие различные танцы, воины в старинных костюмах с вооружением тех лет, которые несут микоси храма Ояма. В другой процессии одними из главных действующих лиц являются пожарные в старинных костюмах и дети, одетые как пожарные. За ними идут барабанщики, следом катят колесницы, которые во время праздника широко используются торговцами для рекламы. Вечером на территории храма устраиваются чайные церемонии с участием представителей разных школ этого вида национального искусства. Обязательным компонентом праздника являются представления театра Но [149, 24.06.1985]. Во многих процессиях в праздниках, посвященных истории, роль даймё и его приближенных исполняют дети.

Праздники, посвященные памяти ушедших поколений

Кульτ предков — широко распространенное стадияльное явление культуры. Праздник, посвященный памяти умерших, — обычай универсальный. Он встречается почти у всех народов, на какой бы ступени развития они ни находились, будь то первобытнообщинное общество или высокоразвитое. Истоком такого отношения к памяти ушедших является потребность подтвердить ту ценность, которую представляет для каждой данной группы человеческое бытие, стремление продлить его за пределы действительной жизни. Отсюда появление большого количества соответствующих мифов, верований, понятия бессмертия, вечной жизни, возрождения в новых формах и т. д., а в прошлом и вера большинства людей в существование мира духов. Этот мир создавался в их сознании по образцу реального и воспринимался как находящийся с ним в определенных, подчас весьма сложных взаимоотношениях. Считалось, что души предков могут как помочь своим потомкам, так и навлечь на них беду.

В Японии праздники, посвященные памяти умерших, занимали значительное место в религиозных верованиях и оказывали большое влияние на формирование культурной жизни общества. Это связано с тем, что в основе японской национальной

религии синто лежит обращение к природе и сонму предков, присутствие которых якобы ощущается в реальном мире. Наиболее крупные из такого рода праздников пришли в страну с буддизмом, впитав в себя синтоистский культ почитания предков. Это Дни весеннего и осеннего равноденствий (соответственно Сюмбун-но хи и Сюбун-но хи) и День поминовения усопших (Бон).

Сюмбун-но хи отмечается 21 марта, а в високосные годы 20 марта. Сюмбун — это название одного из 24 сезонов, на которые в старину делился год. По лунному календарю день весеннего равноденствия приходился на середину 2-го месяца, по солнечному он переместился на 30 дней позже. В довоенный период его называли также Сюнсэцу корэйсай — Праздник почитания предков императора в весенний сезон. Еще одно название праздника — Тюнити, что означает «средний день». Это наименование связано с тем, что день весеннего равноденствия приходится на середину недели, называемой «хиган», что означает «другой берег». Согласно буддийским верованиям, земной и загробный мир разделяются рекой. Река наполнена иллюзиями, увлечениями, страданиями, печалью. И только тот, кто победит все искушения, встречающие его на жизненном пути, и попадет на другой берег, обретет просветление. По-видимому, неделя хиган была приурочена к дню равноденствия, потому что именно в это время день равен ночи.

Традиция проводить в неделю равноденствия религиозный обряд восходит к периоду правления принца Сётоку (593—621). А первое упоминание об отправлении мемориальной службы во время этого праздника в 806 г. встречается в литературном памятнике «Нихон коки». Об этом обряде можно прочитать в уже упоминавшемся известном романе «Гэндзи моногатари». В течение семи дней все семьи, начиная с императорской, совершали разнообразные обряды поминания усопших, посещали храмы и семейные кладбища, чтобы выразить уважение предкам. Могилы приводили в порядок, умершим приносили цветы и специальные кушанья, возжигали курения и совершали молебны, а затем здесь же устраивали что-то вроде пикника. Из ритуала приготовления пищи ушедшим вырос обычай угощать специально приготовленной едой друзей и соседей. Во время хиган не едят мяса. Основная еда — *о-хаги*. Это мягкие рисовые колобки, покрытые сладковатой бобовой пастой; *ботан-моти* — «пионовые моти», сладкие рисовые лепешки, завернутые в тесто из красных бобов, своим цветом напоминающие пион; *гомодукдзуки* — вареный рис с овощами и деликатесными приправами [110, с. 338].

В период Мэйдзи Дни весеннего и осеннего равноденствий стали государственными праздниками. Правительство объявило их нерабочими днями, возвеличивая аспект поклонения предкам, присущий обоим японским религиям. В настоящее время они также являются днями отдыха. В эти дни на улицах горо-

дов и селений можно видеть людей с цветами в руках, спешащих на кладбище, чтобы убрать могилы, возжечь курения и поклониться ушедшим.

В Японии в древности существовал обычай молиться о душах предков круглый год. Это было связано с тем, что, согласно поверьям, души умерших становились богами — ками, а богам поклоняются весь год. Исстари существовал ритуал моления на могильных курганах, на которых позже стали возводить синтоистские храмы и кумирни. Например, в г. Киото на месте трех могильных курганов на горе Инари было воздвигнуто святилище Инари-дзиндзя. Бог, которому молились в этом храме, позже стал богом риса. Со временем моление на курганах переместилось в храмы.

После проникновения в Японию в VI в. буддизма обычай почитания душ ушедших соединился с богатой буддийской обрядностью праздника улламбхана (дословный перевод с санскритского «переправа» или «переход»). По-японски улламбхана звучало как урабон, и праздник поминания предков получил название Урабон-э, или сокращенно Бон. Буддизм, как уже говорилось, не был воспринят древними японцами как абсолютно чуждый их религиозным верованиям.

Происхождение данного культа в Индии связывают с легендой о том, что одному человеку захотелось узнать, как живет его мать в стране мертвых, и ему явилось видение в образе матери, страдающей от голода в загробном мире. Тогда сын приготовил для нее огромную чашу еды, но, как только мать приближалась к ней, чаша наполнялась огнем и она ничего не могла взять из нее. Преданный сын обратился за помощью к буддийскому священнику, который объяснил ему, что мать наказана за грехи, совершенные ею в земной жизни, и спасти ее может только милосердие Будды. Сын призвал много буддийских священников и на 15-й день 7-го месяца по лунному календарю отслужил богатую заупокойную службу, чем спас мать. Якобы отсюда и пошла традиция в этот день возносить молитвы душам умерших [126, с. 107—108]. Первоначально это касалось только душ близких родственников, а затем и всех умерших. В Индии существовало поверье, что если усердно возносить молитвы душам усопших, поклоняться им, умиротворять их, то они не придут из мира мертвых за живыми. Такой обряд совершался обычно летом, так как именно в это жаркое время года возникали эпидемии и была высокая смертность. Кроме того, считалось, что в дни, когда лето должно смениться осенью, обращение с молитвой к душам умерших может защитить созревающий урожай от различных стихийных бедствий. Таким образом, получалось, что и зимой и летом люди молились одним и тем же богам, прося у них обильного урожая.

В письменных японских источниках впервые об этой обрядности упоминается в 606 г. Официально считается, что она появилась в третий год правления императрицы-регентши Саймё,

т. е. в 657 г. Ежегодным придворным праздником Бон стал с 15-го года эпохи Тэмпё, т. е. с 733 г. Как мы уже говорили, постепенно, по мере распространения буддизма, Бон перестал быть лишь праздником аристократов, а стал популярен и среди других слоев населения [116, с. 48].

Определенное влияние на укоренение у японцев культа предков оказало и конфуцианство, основным содержанием которого и был этот культ. Японцы, воспитанные в духе синто, органично восприняли положения конфуцианства о том, что главнейшая обязанность человека — это сыновья почтительность и почитание предков, в том числе предков императора, что впоследствии стало основой государственного синто.

Обрядность праздника Бон связана с тем, что японцы в старину имели две могилы — телесную и духовную, хотя могилы в современном понимании этого слова в далеком прошлом даже не было. Существовал обычай уносить умерших в горы и далеко в долины и там оставлять. Это были так называемые горные могилы, или могилы брошенных (*яма-хака*, или *сутэ-хака*, *яма* — гора, *хака* — могила, *сутэ* — от слова бросать). Эти места назывались «долинами ада», даже если они были не в долинах, а в горах. Например, такая долина находится к востоку от г. Нара. В г. Киото — к югу от храма Кийёмидзу, и называется это место Торибано, в горном районе Сага в окрестностях Киото такое место известно под названием Аласино [126, с. 110].

«Долины ада» с ужасающими натуралистическими подробностями описаны в новелле «Сказ о горе Нараяма» японского писателя Фукудзава Ситиро (род. в 1914 г.). Сюжет новеллы основан на древнем японском обычае уносить в горы не только умерших, но и живых стариков, ставших обузой в бедняцких семьях. На горе обитал дух-покровитель деревни, который и встречал души этих людей. «На горе Нараяма живет бог. Ни одна душа в деревне не сомневалась, что те, кто ушел на гору, его видели... Вот и сама вершина... под скалой, съездившись, сидел покойник. Ладони сложены вместе — будто в молитве... Снова увидел скалу — под ней белели кости. Ноги лежали вместе, а голова валялась рядом, повернутая в противоположную сторону. У скалы сидел, скрючившись, скелет. Руки его валялись отдельно от костяка. Казалось: кто-то их нарочно разбросал... Под каждой скалой был покойник. Попадались трупы и под деревьями. Некоторые были недавними и казались еще живыми людьми» [79, с. 161, 164].

В начале VIII в. кодекс «Тайхорё» упорядочил обряд захоронения. Согласно кодексу, все население было разделено на категории и лишь лица определенного ранга имели право на могилу как таковую. Простых людей по-прежнему бросали в горах. Кладбища для высокопоставленных лиц были на территории буддийских храмов. В 40 — начале 60-х годов VII в. специальным указом запрещалось сооружение могильных курганов

и вводилось новое буддийское правило погребения — трупосожжение [32, с. 95].

Что касается так называемых духовных могил — *орогами-хака* (орогаму — молиться), то они вначале представляли собой либо столб из цельного дерева, либо каменный фонарь, которые ставили во дворе каждого дома в память об ушедших предках как символ их поминания, как место для возвращения душ усопших к ныне здравствующим потомкам. Постепенно духовные могилы со двора перекочевали внутрь дома в виде буддийских поминальных табличек — *ихай*, которые по форме напоминали надгробную стелу. Эти таблички считались священной реликвией, поэтому во время пожара или других стихийных бедствий, когда люди спешно покидали жилища, они брали с собой прежде всего *ихай*: было бы ужасно, если бы сгорело то обиталище души умершего, куда она нисходит, чтобы получить знаки внимания от близких. Каменные же фонари богатые семьи начали ставить вблизи храмов. И по сей день дорога к храмам представляет собой аллею этих каменных фонарей.

Вера в возвращение душ умерших предков туда, где они раньше жили, — элемент синтоизма. Считается, что в день Бон семью посещает семь поколений предков. Это свидетельство того, что в этом празднике органично соединились буддийские и синтоистские обычаи.

Поскольку первоначально считалось, что душа умершего обитала в горной долине, где находилось и его тело, то в праздник Бон шли молиться в горы, чтобы пригласить душу умершего. В горах около сутэ-хака возжигали курительные палочки, а огонь от них приносили домой и им у входа зажигали так называемый факел встречи душ предков. Факел представлял собой фитиль из кусочка ткани. Считалось, что вместе с ним, т. е. с огнем, в дом входили души ушедших. Слово «огонь» по звучанию является частью слова «душа» (*хи* — огонь, а *та-масихи* — душа). Поэтому огонь считался символом души.

С течением времени Бон потерял свое сугубо религиозное значение, как и многие другие праздники, но по-прежнему популярен у народа. Это объясняется тем, что отход людей от религиозного мировоззрения и веры в существование загробного мира не означает их отказ от почитания умерших. То есть остается почитание ценности человеческой жизни, пройденной всеми предыдущими поколениями, в виде памяти и скорби о них, поклонения им. Это почитание далеко выходит за пределы узкородственных отношений и распространяется на всю историческую общность. Поэтому и в наше время День поминовения усопших сохраняет многие древние обрядовые элементы. Детали его проведения несходны в разных местах, но общие черты везде одинаковы. С этнографической точки зрения Бон наиболее интересен в отдаленных районах страны, хотя много любопытного можно увидеть и в таких больших городах, как Киото и даже Токио.

Бон отмечается в течение нескольких дней; в одних районах в середине июля (обычно с 13 по 15), в других — в середине августа (13—16).

Хотя День поминовения усопших, казалось бы, праздник грустный, но отмечается он весело, красочно и шумно. По замечанию Катаяма Сэн, «это веселый народный праздник. Царит атмосфера легкой шутки, меткой остроты» [42а, с. 78]. Дело в том, что, согласно поверьям, в эти дни души умерших посещают свои дома и семьи во многих поколениях как бы «воссоединяются».

Как мы уже говорили, этот праздник пользовался и до сих пор пользуется популярностью среди населения и поддержкой правящих кругов страны. Он всегда выполнял функцию социализации населения как на микроуровне семьи, так и на макроуровне нации. В период Токугава для укрепления семейных уз (*иэ*), основной ячейки общества, а в целом для укрепления всей иерархии общества подмастерьям на фабриках, служанкам в домах и магазинах в день Бон разрешали так же, как и в праздник Ябуири (единственный отпускной день для прислуги и подмастерьев, 15-го числа 1-го месяца), возвращаться к родителям. Правительство Мэйдзи отменило выходной день в этот праздник. Однако он продолжал оставаться, по словам Янагида Кунио, «наиболее важным ежегодным праздником после новогодних торжеств» [135, с. 271]. В настоящее время рабочим часто дают в последний день праздника выходной, а многие приурочивают свои отпуска к этим дням, чтобы посетить родные места и пообщаться как с душами своих предков, так и с живыми родственниками. Дети в день Бон обычно не посещают школу. К этим дням так же, как и под Новый год, рабочим и служащим выплачивают премиальные, так называемые бонусы. Друзья и родственники обмениваются подарками.

Накануне Бон повсеместно устраивают специальные ярмарки — *бон-ити*, или *куса-ити* (травяной рынок), где можно купить все, что необходимо для соблюдения ритуала праздника: украшения для дома и кладбищ, специальную пищу.

В первую очередь посещают кладбища и приводят в порядок семейные могилы. Их украшают ветками священных в синтоистской религии деревьев сакаки (клеера японская) и коямаки (зонтичная сосна); эти деревья произрастают только в Японии. На могилы кладут также моти, фрукты и курительные палочки. Большая подготовка к празднику проводится и в домах. Комнаты тщательно убирают. В главной комнате перед домашним буддийским алтарем (*буцудан*) расстилают небольшую циновку — *макомо*, сплетенную из сухого тростника. На нее кладут поминальные таблички с именами умерших. Считается, что каждая ихай как бы оживает на время возвращения души. Вокруг ставятся украшения; все это место огораживается миниатюрной загородкой.

Для душ умерших ставят также специальную пищу. Это

связано с уже упоминавшейся легендой о верном сыне, который спас мать от голодной смерти в загробном мире. Обычно кладут те кушанья, которые любили покойные. Это может быть картофель с кунжутным маслом, моти, баклажаны, арбузы, тыква, сладости, фрукты, т. е. «100 сортов пищи и 5 сортов плодов», как говорили японцы в старину. В последний день Бон готовят так называемые прощальные данго — клецки, которые должны поддержать силы душ умерших перед возвращением в загробный мир. Специальные угощения готовят для гостей и друзей. Вместе с буддизмом в Японию пришел и ряд ограничений в отношении еды. Поэтому в этот синто-буддийский праздник до сих пор многие не едят мяса и рыбы и вообще стараются есть поменьше. Сложная подготовка к празднованию Бон в наши дни соблюдается лишь немногими.

Примером общения с предками на кладбищах непосредственно на семейных могилах может служить Бон в г. Нагасаки. Такие семейные могилы занимали довольно большую территорию, так что сюда можно было прийти с друзьями. Считалось, что встречи с душами в местах их обитания для последних наиболее приятны. Интересное описание празднования Бон в конце XIX в. в г. Нагасаки оставил Э. Гессе-Вартег. Он был, в частности, свидетелем обряда посещения семейных могил. По словам Гессе-Вартега, «в этой жизнерадостной толпе не заметно было ни благоговения, ни страха к этому месту упокоения близких. Смеясь и весело болтая, бродили они там, заменяя кое-где увядшие цветы свежими, привязывали пестрые фонарики к шестам или ставили масляные лампочки на надгробные плиты...» [13, с. 190].

Неотъемлемой частью обрядности Бон является большое количество фонарей. Иногда его называют также праздником фонарей. Они бывают различной формы. Особенно изящны и красивы те, которые сделаны специально для этого праздника. Но всегда они изготавливаются из белой бумаги, такой же бумагой прикрывают и отверстия каменных фонарей, установленных на подступах к храму.

В ночь с 13 на 14 июля все члены семьи с зажженными фонарями идут на кладбище. Эти фонари призваны осветить душам умерших путь домой. Другие фонарики оставляют зажженными на могилах. В сельских местностях, особенно в горных районах, на кладбища идут, как и в старину, с березовыми факелами. Фонари горят и перед входом в дома, как бы приветствуя пришедших. Гирляндами разнообразных фонарей украшены улицы и парки больших городов. Глава дома зажигает огонь перед поминальными табличками и обращается к душам так, как если бы это были живые люди. Гессе-Вартег пишет: «Как только смеркалось, все кладбище, так же как и улицы и дома, осветилось яркими разноцветными огнями, сначала слабо, а потом сильнее и сильнее. Сотни тысяч бумажных фонарей горели вдоль домов... К этому присоединились еще

фонари гуляющей по улицам публики и те, которые были прикреплены по обеим сторонам бесшумнодвигающихся ручных тележек» [13, с. 190].

В последний день Бон опять повсюду зажигают фонари, чтобы осветить душам умерших путь назад. Фонари играют роль маленьких маяков. Иногда вешают зажженный большой фонарь на высокую сосну. Этот обряд носит название *мацуагэ* (мацу — сосна, агэ — подъем). Особенно интересен обряд спуска на воду маленьких квадратных бумажных фонариков на деревянных подставках, похожих на лодку. Внутри каждого фонарика зажжена небольшая свечка, которая освещает напечатанную с одной стороны идеограмму, означающую: «молиться за мириады душ в другом мире». Некоторые пишут на таком плавающем фонарике имена ушедших близких либо просят об этом священника. Затем такие лодочки благоговейно спускают в темную воду.

Подобная церемония совершается везде, где есть вода, — на реках, прудах, озерах и даже в море. Она жива и поныне. Вот как описывает в новелле «Павшие взывают» японский писатель Окумура Тэцуюки (род. в 1947 г.) этот обряд в г. Хиросима: «В Парке мира, куда они (герои новеллы. — Авт.) ходили вечером, мать купила несколько бумажных фонариков и деревянных лодочек, в каждом фонарике зажгла по свече и пустила их плыть по реке, а сама вся как-то сжалась и молитвенно сложила руки. Другие люди делали то же самое, и вся река была в призрачном свете плывущих по ней фонариков» [79, с. 688].

Этот ритуал носит название *торонагаси* (торо — фонарь, нагасу — нести течением). Возможно, он связан с тем, что в ряде мест, как, например, в г. Миядзу на побережье Японского моря (преф. Киото), считают, что души умерших уходят не в горы, а в море и приходят оттуда же. В Токио при храме Каннон в Асакуса торонагаси совершают, чтобы успокоить души тех, кто погиб в воде. Особенно красочно выглядит этот обряд в г. Мацусима, одном из красивейших мест на Тихоокеанском побережье Японии (преф. Мияги). Здесь плывущие цепочки горящих фонарей причудливо извиваются, повторяя замысловатые изгибы бухт. Существует также обычай бросать в воду вслед уходящим душам умерших баклажаны, дыни, арбузы, чтобы они имели возможность «подкрепиться» в пути.

Одним из вариантов прощальной церемонии, пользующимся особой популярностью, является разведение костров на склонах гор. В старину «прощальные огни» (окуриби, окуру — провожать, хи — огонь) зажигали там, где были могилы предков. Обычно все жители близлежащего селения шли вместе в горы и жгли костры. В настоящее время в период Бон костры жгут, как и раньше, во многих местах, но наиболее впечатляет такое зрелище на горах вокруг г. Киото, который расположен в котловине. Этот обычай, по преданию, ведет свое начало еще с

периода Муромати (XIV—XVI вв.), но в письменных источниках (например, в хронике храма Кинкакудзи) он впервые упоминается лишь с 1637 г. Вот как описывает «прощальные огни» Бон в г. Киото в конце XIX в. Гессе-Вартег: «Сначала на горе появился один огонек. Этот далекий огонек колебался как огромный факел... затем появился другой, третий, и наконец целая дюжина их, точно блуждающие огоньки, замелькали то здесь, то там в вышине, словно освещали дорогу на тот свет. Все эти огни, мерцающие и колеблющиеся от дуновения ветра, то потухая, то опять зажигаясь, скоро соединились в правильные ряды и линии, образуя китайское слово Дай, состоящее из огромных огненных линий на высокой горе...

В то время как там составлялось это огненное слово, на других горах появлялись во мраке другие огненные фигуры в виде зигзагов молнии, джонок, пагод, букв, арок и т. д. Дальше к западу... появилась огромных размеров арка, или, как ее называют в Японии, тории с высокими огненными столбами и перекладинами почти такой длины, как мост...

...Спустя полчаса многие огни начали бледнеть и гаснуть, длинные линии опять разделились на отдельные огоньки, яркое сияние превратилось в красный догорающий жар, как струящаяся по склонам вулкана лава, потом и это погасло, оставив только кое-где в виде светящихся точек маленькие огоньки, точно не поспевшие за другими души, затерявшиеся где-нибудь на дороге...» [13, с. 191—192].

В настоящее время Киото во время Бон называют городом пяти сверкающих гор, так как в последний день праздника на склонах пяти гор, которые окружают город, загораются окуриби. Их называют также *даймондзи* («большие иероглифы»), так как костры разложены большей частью в форме иероглифов. Все подготовительные работы для окуриби проводятся под руководством опытных людей. Они, как правило, специалисты своего дела, тщательно изучали старинные рукописи, рисунки, карты города с указанием, где и как в старину зажигали прощальные огни Бон. Каждый костер, из которых составлен иероглиф, по форме напоминает большой шалаш высотой до 1,5 м и состоит из вязанок дров и соломы, укреплённых на специальных подставках. Их приносят в горы заблаговременно и раскладывают в определенном порядке. Таких вязанок требуется много, так как иероглифы действительно очень большие. Например, на склоне Нёнгадакэ горы Хигасияма раскладывают 75 костров, составляющих иероглиф «дай» («большой»). Между кострами оставляют довольно значительное расстояние. Длина горизонтальной линии иероглифа — 70 м, левой пересекающей — 155 м, правой — 124 м. Именно с зажигания костров в форме этого иероглифа началась традиция окуриби в горах.

В период Камакура появился еще один иероглиф — «мё» («чудо»), который начали зажигать на склоне Мацугасаки горы Нисияма. В Эдо дзидай к нему добавили иероглиф «хо»

(«закон»), и вместе они составили понятие «великое учение Будды». С XVIII в. начали раскладывать костры в форме лодки на горе Мёкэн около храма Нисигамо. Для этих костров в храме Кинкакудзи заготавливают специальные дощечки, на которых пишут пожелания душам предков. Кроме того, около этого храма зажигают иероглиф «левый». На горе Атаго в районе Сага костры раскладывают в форме тории.

Перед тем как начинается церемония зажигания костров, гасят городские огни и город окутывает темнота. По сигналу — удару колокола — люди в праздничных одеждах с изображением иероглифа, который они будут зажигать, подносят к вязанкам дров факелы. Костры вспыхивают один за другим. Священнослужители в это время в храмах бьют в гонги и читают сутры. То там, то здесь раздаются удары барабанов. Такое море огня довольно опасно, поэтому за кострами тщательно наблюдают во избежание пожаров.

Раньше все пять сверкающих иероглифов можно было видеть повсюду, сейчас же таких мест осталось только два. В этот праздничный вечер практически весь Киото и его многочисленные гости выходят на улицу и собираются в тех местах, откуда лучше видны горящие иероглифы. Детей поднимают на плечи. Многие забираются на крыши домов и деревья. Атмосфера повсюду приподнятая. Костры горят около часа. Завершается церемония пуском фонариков на воду.

Так проходит Бон в большом городе. А вот как отмечают этот праздник в одной из горных деревень преф. Ниигата. Обычно здесь очень тихо и безлюдно, но в дни праздника население чуть ли не удваивается. Возле домов стоят автомашины с городскими номерами, из окон доносятся голоса и смех: это возвратились домой на короткий срок те, кто работает в городе на отхожих промыслах, а также дети и внуки, уже давно покинувшие деревню и приехавшие теперь в родные места. Могилы в эти дни убраны и украшены цветами, как того требует ритуал. Повсюду поднимаются дымки курений.

Вечерами жители собираются группами во дворе храма или на школьном дворе. Одни танцуют, другие смотрят представление или принимают участие в разнообразных играх и аттракционах. Так, мужчины весело соревнуются, кто правильно определит на вкус шесть сортов сакэ, так как этикетки на бутылках заклеены. Победивший получает приз — бутылку сакэ. Проводятся и другие соревнования; например, кто лучше разрежет арбуз, и пр. Победишь или нет, неважно, главное, что у всех хорошее настроение, все забывают на несколько дней тяготы повседневной жизни [144, 1986, № 8, с. 64].

Важнейшим компонентом праздника являются танцы *бон-одори*, ставшие самостоятельным культурно-историческим явлением. Первоначально эти танцы предназначались для убаживания душ предков. Считалось, что души умерших, приходя домой из загробного мира, хотят поблагодарить Будду за то, что они

благополучно вернулись домой. Но поскольку мертвые не могут благодарить сами, вместо них это делали родственники. Они обращались к великому Будде со словами «Наму Амида Буцу» или «Наму Сяка Муни Буцу» в зависимости от принадлежности к разным сектам, что означало «О, Амида Будда» или «О, Сакья Муни». Одновременно они звонили в колокол, ударяли в барабаны и кружились на месте. Так было в эпоху позднего Хэйан (866—1185).

Вскоре в исполнение этих танцев люди стали вкладывать и еще один смысл — они выражали в танце свое уважение к труду и просили у обожествленных предков ниспослать им хороший урожай. Эти ежегодные танцы олицетворяли собой надежду людей на спокойную, радостную жизнь, мирные отношения в обществе, сплоченность, непрерывность связи веков.

Танцы были проникнуты также присущим японцам чувством некоторого сожаления о быстротечности жизни и уходящем времени года, в данном случае лета.

С течением времени ритуал исполнения танца усложнялся. Танцующие образовывали круг, в центре которого находился человек, который стал задавать темп ударом колокола или барабана. Затем к танцу добавилось и пение. Это действо во время праздника Бон послужило началом для возникновения бон-одори, которые, постепенно усложняясь, к XV в. превратились в народные танцы, исполняемые по-разному в разных районах. С большим энтузиазмом в этих танцах принимали участие женщины, которые в феодальные времена были лишены права участвовать в публичных выступлениях. И только бон-одори давали им возможность выплеснуть свои чувства, выразить себя в этом праздничном действе.

«Особое веселье придавал празднику массовый танец бон-одори,— свидетельствовал Катаяма Сэн.— Молодые мужчины и женщины плясали до потери сознания... Бон-одори служил поводом для молодежи предаваться свободной любви. Это было освящено обычаем и вовсе не означало падение нравов. Организацию праздника брали на себя буддийские и синтоистские храмы, а иногда — частные лица. Во время танца обязательно выступал специальный запевала, который давал танцу ритм. Слова для пения брались из популярных произведений... Крестьяне любили их слушать. Запевала обладал тенором или баритоном, всегда мягкого красивого тембра. Это была истинно народная музыка, очень популярная среди крестьян. Искусный запевала неутомим на выдумку. Танцующая молодежь загадывает загадки в форме песен, а он тут же импровизирует песню-отгадку. Запевала остроумен, смешит всех. Благодаря ему танец так и искрится весельем» [42а, с. 78].

В настоящее время бон-одори не только массовый танец, в котором могут принять участие все желающие. Его исполняют на сцене и участники художественной самодеятельности и профессиональные коллективы.

Бон-одори — ритмичный танец, в котором участвующие то замирают в изящной позе, то раскачиваются в такт, то кружатся во все убыстряющемся темпе, прихлопывая в ладоши. Танцы сопровождаются пением и ударами барабана или игрой на импровизированных инструментах. Песни и танцы сменяют друг друга непрерывно. Певцы и танцоры поистине неутомимы. Во время Бон танцуют все: молодые и старые, мужчины и женщины, родители и дети. Они танцуют на площадках перед буддийскими и синтоистскими храмами, на площадях, улицах, в парках, на берегу моря и т. п. Особенно интересно наблюдать бон-одори в сельской местности [126, 113—117; 134, с. 61, 521].

В частности, большой популярностью пользуются так называемые Нисимонаи бон-одори — танцы во время праздника Бон в г. Нисимонаи (преф. Акита). Они являются подлинной жемчужиной народного творчества. Некоторые антропологи и этнографы относят появление бон-одори в этой местности к концу XIII в., другие считают, что они вышли за пределы храма только в XVII—XVIII вв. В то время танцы исполнялись ежегодно в течение пяти дней с 16 по 20-е число 8-го месяца и представляли собой моление об обильном урожае.

На протяжении своей более чем трехсотлетней истории Нисимонаи бон-одори встречали как поддержку, так и противодействие со стороны власти имущих. В период Тайсё (1912—1925) власти не только не поощряли исполнение этих танцев, но и пытались их запретить под предлогом того, что их исполнение «портит нравы». На самом же деле власти беспокоились прежде всего о том, чтобы горожане поменьше общались друг с другом, усматривая в массовых народных гуляниях нарушение общественного порядка. Такая политика встретила сопротивление жителей города, которые не могли допустить, чтобы была разрушена многовековая традиция исполнения бон-одори. Некоторые из состоятельных горожан делали пожертвования для сохранения и развития этого вида народного творчества. Благодаря усилиям энтузиастов, различных молодежных и женских организаций города традиция исполнения Нисимонаи бон-одори была сохранена и в неизменном виде существует и по сей день.

В настоящее время представления бон-одори в г. Нисимонаи проходят в течение двух дней — 16 и 17 августа. Они привлекают не только жителей города и его окрестностей, но и знатоков и ценителей народного танца со всех концов страны. Многие приезжают сюда за несколько дней до начала праздника для того, чтобы под руководством опытных педагогов приобрести хотя бы минимальные навыки в исполнении Нисимонаи бон-одори. Занятия проводятся в городском культурном центре.

Все принимающие участие в праздничных танцах должны быть в одинаковых одеждах. В основном это *юката* (легкое летнее кимоно) из ткани со специальным рисунком, на котором

изображено растение фуки (подбела японская). Такое юката носит название одори-юката. Оно шьется или покупается специально для исполнения Нисимонаи бон-одори. На некоторых исполнителях надеты *хануи* — старинная нарядная одежда покроя кимоно, выполненная из шелка со сложным рисунком, составленным из нескольких орнаментов. Такие хануи делали во времена Эдо и Мэйдзи. Их шили специально для исполнения бон-одори в г. Эдо. Сегодня сохранилось не так уж много этих кимоно. Заново их не шьют, так как работа над ними очень сложна и трудоемка. Те, кто хочет надеть на праздник хануи, должны приложить немало усилий, чтобы разыскать их у старых владельцев [108, с. 13—14].

Головные уборы танцующих бывают нескольких видов. Самые экзотические — это так называемые *хикоса дзукин*. Этот головной убор делается из черной ткани. В старину — из льняной или хлопчатобумажной, сейчас — из нейлона или шелка. Хикоса накинут на голову таким образом, что свисает на лицо и на затылок. Поэтому на нем сделаны узкие прорезы для глаз. Длина хикоса спереди — 85 см, сзади — 69 см, ширина — 31 см. Для того чтобы хикоса удержался на голове, сверху повязывают хатимаки. Кстати, у детей хатимаки — это праздничный головной убор во время бон-одори. Время возникновения такого своеобразного головного убора точно неизвестно [108, с. 15].

На этот счет имеется несколько версий. Возможно, что хикоса ведут свое происхождение от масок, которые надевали крестьянские девушки во время полевых работ, чтобы уберечь лицо от солнца и защитить его от насекомых. По другой версии, этот головной убор был заимствован из одной пьесы театра Кабуки, которая была очень популярна в Токио в первые годы Мэйдзи. Некоторые этнографы объясняют появление хикоса следующей легендой. В средние века в сражении был убит некий феодал. Его вассалы стали бродячими самураями, которые закрывали свои лица от людских взоров. Это делалось то ли потому, что самураи печалились, вспоминая своего хозяина, то ли потому, что стыдились своего нынешнего положения. Известный в Японии писатель и драматург Ходзэ Хидэси, которому довелось присутствовать на представлении танцев в г. Нисимонаи, рассказывает еще одну версию, которую ему поведали местные старожилы. Считается, что, закрыв лицо черным покрывалом, танцующие как бы перевоплощаются в души умерших предков [142, 22.09.1985]. Возможно, именно поэтому этот танец здесь называют также *модзя-одори* (танец духов умерших). И действительно, фигуры танцующих под черными покрывалами-масками производят впечатление ирреальности.

На головах танцующих можно видеть и соломенные шляпы — *ториоигаса* (букв. «зонтик для изгнания птиц»). Они отдаленно напоминают шалаш, и их надевают на голову так, что лица почти не видно.

Во время праздника на улицах, по которым проходит празд-

ничное танцевальное шествие, перекрывают движение. Дома и столбы на улицах украшены во время бон-одори гирляндами фонарей, которые вечером зажигают. Посредине улиц раскладывают костры, называемые *кагариби* (букв. «сигнальный огонь»). Процессия, разделенная на две шеренги, очень медленно движется по обе стороны от костров. В этом танцевальном шествии принимает участие человек двести. Тротуары запружены зрителями.

Праздник открывают танцы детей. Они длятся с 7 до 9 вечера, затем наступает черед взрослых. Танцующие движутся очень медленно: за час они проходят не более десяти метров. Поэтому у зрителей создается впечатление, что танцующие стоят на месте, лишь мягко переступая с ноги на ногу. В этом танце очень важную роль играют руки, особенно движения ладоней, которые напоминают полет птицы. Большое внимание уделяется также осанке.

Танцы сопровождаются игрой оркестра и пением. Оркестранты располагаются на *даси* — колесницах, которые своей формой напоминают четырехугольник. Как правило, они двухэтажные. Оркестр состоит из больших и малых барабанов, флейт, гонгов, колокольчиков, *сямисэнов* — японских национальных струнных инструментов. Для Нисимонаи бон-одори исстари существует специальный набор музыки и песен. В целом это очень яркое и эмоциональное зрелище.

Разновидностью бон-одори являются *ава-одори*, возникшие в местечке Ава (преф. Токусима, о-в Сикоку). Сейчас эти танцы часто исполняют участники художественной самодеятельности. Существуют фольклорные ансамбли ава-одори, которые показывают свое искусство в различных районах страны. Эти танцы весьма сложны, и, чтобы научиться исполнять их, приходится довольно долго обучаться.

По своему характеру ава-одори танец шуточный. В эпоху Эдо его называли танцем сумасшедших, настолько безудержно танцевали его исполнители. Существовал даже такой афоризм по его поводу: «одору ахо-ни миру ахо», что буквально означает «идиоты смотрят на танцующих идиотов» [149, 11.08.1984].

Исполнители ава-одори разделены на несколько групп. Танцующие шеренгами движутся по улицам, украшенным фонарями, как и в г. Нисимонаи. Головные уборы по форме напоминают торiongаса, но надеты таким образом, что лица не закрывают. Одежда — национальная.

Ежегодный показ ава-одори начинается 12 августа в г. Токусима и продолжается здесь в течение четырех дней. В это время город заполняют тысячи местных жителей и туристов. Затем танцоры выезжают на гастроли в другие города. Например, в 1985 г. они были в Токио 25 августа.

Повсюду, где собираются отметить праздник Бон, потанцевать на улице, спустить фонарик на воду, устанавливаются сотни ларьков, там можно купить цветы, фрукты, овощи, сверчков

в клетках, *бонсай* (карликовое дерево, выращенное в горшке), знаки зодиака и даже «свою судьбу».

Бон со всеми его обычаями и обрядами стал неотъемлемой частью японской национальной культуры. Устойчивость праздника можно объяснить тем, что в нем отразилось не только мифологическое сознание народа, но и традиции общественного уклада, семейно-бытовых отношений, психологии, морали. Такой элемент праздника, как бон-одори, вошел в сокровищницу народного творчества. Религиозная окраска Бон в наши дни в целом не сохранилась, но праздник живет в сознании японца как часть его духовной жизни и мироощущения. Именно такое восприятие Бон приводит в наши дни в движение массы людей, которые торопятся в родные места отдать дань уважения умершим.

Процессия веков

Дзидай мацури — Процессия веков — один из самых представительных праздников в стране, посвященных японской истории. Идея праздника, с одной стороны, — увековечить в памяти народа историю Японии, показав во время шествий наиболее известных исторических личностей и отдельные ее эпизоды. И с другой стороны, продемонстрировать незыблемость императорской власти и привлечь внимание к тем аспектам прошлого, которые были выгодны правящим кругам Японии в конце XIX в. Дзидай мацури отмечается менее ста лет, он возник в 1895 г. в год постройки храма Хэйан-дзингу в ознаменование 1100-летней годовщины основания города. Храм был посвящен Камму и Комэй — первому и последнему императорам, жившим в г. Киото. Само строение храма представляет собой копию административного здания императорского дворца в г. Киото, но в меньшем масштабе.

Город Киото был выбран для проведения подобного праздника не случайно. На протяжении почти тысячелетия с небольшими перерывами он был столицей Японии. Первое поселение городского типа на месте будущего Киото носило название Уда. Император Камму в 794 г. перенес сюда столицу из г. Нара. Она стала называться Хэйан-кё, что означало «столица мира и спокойствия». Позже ее стали называть проще Кёго (по принятой русской транскрипции — Киото), «столичный город».

Перенесение столицы из г. Нара объяснялось желанием императора вырваться из-под влияния аристократических родов и буддийских монастырей этого города, которые активно вмешивались в государственную политику. Новое место для столицы было выбрано в соответствии с китайскими понятиями о том месте, где должна находиться резиденция императора: «с трех сторон окруженное горами, открытое к югу и омываемое двумя потоками». Городок Уда как раз и находился в котловине, с

трех сторон окруженной горами, а его южная сторона была открыта морю, куда устремлялись охватывающие город с востока и с запада реки Камо и Кацура.

Новый город был построен по образу и подобию столицы танского Китая — Чанъани. В центре находился императорский дворцовый комплекс Госё, состоявший из множества павильонов и окруженный стеной с девятью воротами. Город был четко спланирован, его прямые улицы шли с севера на юг и с востока на запад. Природа вокруг города была очень живописна, весной горы утопали в цветущей сакуре, а осенью покрывались багряными листьями клена. Своеобразие городу придавали также многочисленные синтоистские святилища и буддийские храмы.

Праздник Дзидай мацури проводится 22 октября. Начинается он рано утром торжественной службой (*синкосай*) в храме Хэйан-дзингу, где священнослужители возносят молитвы в честь двух императоров. Затем из храма выносят два микосы, в которых, как считается, временно обитают души этих императоров. Позже микосы займут свое место в грандиозной процессии. На протяжении всего пути от Хэйан-дзингу до императорского дворца Госё и обратно процессию ждут тысячи людей — жители города и его гости. Началом процессии считается тот момент, когда ее участники проходят под сводами красных тории, самых больших в стране.

Во время шествия зрители видят представителей различных периодов японской истории. Исторические эпохи представлены в соответствии с периодизацией, принятой в Японии (см. гл. I), которая основана на неформационном принципе.

Возглавляют процессию представители эпохи Мэйдзи и заканчивают деятели периода Энряку (782—805). С исключительной точностью воспроизводятся все детали костюмов и жизни каждой эпохи.

В прежние времена одежда была строго регламентирована для каждого сословия. Например, в эпоху Токугава сёгун на официальные церемонии надевал *хитатарэ* — нечто вроде шаровар из очень плотной ткани, которые закрывали ноги ниже колен. Человек в таком наряде очень похож на вратаря хоккейной команды. Головным убором служила шляпа эбоси. Высшие военачальники носили эбоси, сдвинув ее слегка на правую сторону, низшие — на левую. Простолюдины могли надевать эбоси лишь во время некоторых религиозных церемоний. Парадная форма рядового воина, называемая *камисимо*, представляла собой строгий костюм типа кимоно с резко выступающими плечами. Для простого люда парадным костюмом была хаори — накидка, надеваемая поверх кимоно. Костюмы женщин, принадлежавших к высшей придворной знати, изготавливались из яркой красочной парчовой ткани. Для отделки широко использовалась вышивка золотом или серебром. Во время торжественных церемоний женщины из богатых семей надевали простые черные

шелковые кимоно с фамильным гербом, перехваченным оби. Нижнее кимоно было обязательно белого цвета.

Регламентация касалась и цвета одежды. Он определял не только принадлежность человека к какому-либо сословию, но и служил показателем его места в рамках одного сословия. Так, в хэйанскую эпоху придворная аристократия должна была носить одежду семи цветов. Наиболее представительными из них были зеленый, красный, фиолетовый и белый. Чиновникам разных рангов надлежало облачаться в одежды строго определенного цвета: для придворных чиновников первого ранга это был густо-фиолетовый, для второго-пятого рангов — бледно-розовый, для шестого — голубой. Только чиновники от пятого ранга и выше могли позволить себе носить наряды, расшитые парчой. Одежду «аристократических цветов» всем жителям столицы разрешалось надевать лишь раз в году во время одного из празднеств в синтоистском храме Камо, но при этом горожанам строго запрещалось шить ее из узорчатого шелка [17, с. 20—21].

Таким образом, во время Дзидай мацури по костюму можно узнать аристократа, самурая, ремесленника, крестьянина. В церемониальном шествии представителей разных эпох впереди идут мужчины, за ними — женщины.

Процессия эпохи Мэйдзи представлена главным образом императорской армией и отрядами крестьян. Именно они явились основными силами незавершенной буржуазной революции Мэйдзи, которая положила конец господству военных правителей, восстановила власть и культ императора и открыла путь для капиталистического развития страны.

В процессии токугавского периода изображается эпизод, когда посланник сёгуна направляется с визитом в императорский дворец в Киото, чтобы оказать императору церемониальные почести. Посланника сёгуна сопровождают вооруженные слуги с копьями. В середине процессии группы людей несут на плечах установленные на деревянных балках паланкины. За ними на лошадях везут огромные богато украшенные короба цилиндрической формы с конусообразной крышкой, где находятся дары сёгуна императору.

В процессии женщин идут представители разных слоев общества той эпохи. Возглавляет ее девушка в костюме шестнадцатилетней сестры императора Комэй принцессы Кадзу (1846—1877), которая была предназначена в жены 14-летнему сёгуну Измоти, последнему из династии Токугава. Поэтому в церемонии она идет в свадебном наряде — *утикакэ*. Это одежда типа кимоно со шлейфом белого цвета на красной подкладке. Головной убор невесты (*цунокакуси*) — белая косынка тоже на красной подкладке; она обернута вокруг головы в виде шапочки без донышка. С одеянием невесты и ее свиты резко контрастирует костюм жены богатого киотоского купца Накамура Кураносукэ. Она одета по традиции в кимоно из черного шелка.

Большая группа женщин изображает деятелей литературы и искусства. Особо почетное место среди этих персонажей занимает Отагаки Рэнгэцу (1791—1875), выдающаяся поэтесса, художница и мастер по изготовлению фарфоровых изделий. Она родилась в семье самурая и с 7 до 16 лет находилась в услужении у местного феодала в замке Камзока вблизи г. Киото. После смерти мужа в 1823 г. приняла монашество, получив буддийское имя Рэнгэцу, означающее «лотос луны». В течение многих лет она жила в разных буддийских храмах в г. Киото, в 1865 г. окончательно обосновалась в храме Дзинкоин. Наибольшую популярность принесла ей литературная деятельность. Она была последовательницей поэта Одзава Роан (1723—1801) — признанного мастера *вака* — японской песни. Это короткая исконно японская форма стиха, пятистишие; более известно ее другое название — *танка*. Стихи Рэнгэцу отражали просто и безыскусно события повседневной жизни. Много времени она уделяла также каллиграфии, очень популярному в стране жанру живописи. Ей была свойственна экспрессивная манера творчества.

Широкой известностью пользовались и ее работы по изготовлению фарфоровых изделий — для чайной церемонии (*тя-но ю*) и для повседневной жизни. Ей было присуще монохромное изображение довольно простых рисунков с резким цветовым пятном. Но чашки для чайной церемонии она нередко расписывала вязью иероглифов своих стихов. Рэнгэцу была искусна также в танцах, вышивании, проведении чайной церемонии и в других видах прикладных искусств. Ее разнообразная творческая деятельность продолжалась до самой смерти [130, т. 6, с. 128].

Одно из почетных мест в процессии занимает персонаж, изображающий танцовщицу Идзумо-но Окуни. Она была жрицей синтоистского храма в Идзумо и славилась блестящим исполнением религиозных танцев. В то время был очень популярным чувственный танец *нэмбуцу-одори*, и Окуни стала одной из самых известных его исполнительниц. В истории японского театра именно с ее именем связывают возникновение искусства Кабуки. Слово «кабуки» означало в то время «склонность к оригинальному», к чему-то необычному. Когда Окуни в ярком, удивительно нарядном и красочном костюме стала исполнять перед публикой танец нэмбуцу-одори, полный неожиданных, подчас нескромных движений, его называли «танцем кабуки» [18, с. 78].

Период Адзути—Момояма (1573—1603) представлен процессиями, посвященными двум крупным государственным деятелям Японии — Ода Нобунага и Тоётоми Хидэёси. Период получил свое наименование по названию мест, где были расположенных их резиденции. Замок Ода Нобунага был в районе Адзути (недалеко от Киото), а один из замков Тоётоми Хидэёси — в Фусими (южный район Киото), впоследствии получившем на-

звание Момояма. Любопытно, что при жизни Хидэёси этого названия еще не было [40, с. 133, 135].

Именно с этого времени начался новый период японской культуры, получивший название Адзуты—Момояма. Он славился своей помпезностью и пышностью, что значительно отличало его от предшествующего периода Муромати (1392—1573), характерной чертой которого было аскетическое религиозное искусство.

Процессия, посвященная Тоётоми Хидэёси, воспроизводит эпизод, когда его сын в сопровождении свиты наносит визит императору по случаю дня своего совершеннолетия. Шествие, посвященное Ода Нобунага, изображает въезд этого могущественного феодала в г. Киото, куда он прибыл по требованию императора, чтобы восстановить императорский дворец, сильно пострадавший во время феодальных войн. Этот эпизод выбран не случайно. Ода Нобунага действительно проводил строительство в Киото, чтобы привлечь туда ремесленников и торговцев, покинувших город в смутное время.

В центре шествия периода Камакура находится Кусуноки Масасигэ (ум. в 1336 г.), один из талантливых военачальников, который сыграл большую роль в междоусобной борьбе в этот период. Он выступал на стороне императора Годайго (1288—1339) в борьбе против правителей из дома Ходзё, столицей которых был г. Камакура [53, с. 450]. За это он получил из рук императора звание военного губернатора провинций Ковата и Идзуми. Достоверных сведений о его жизни и карьере почти нет. В основном они почерпнуты из литературного памятника XIV в. «Тайхэйки» («Записки о периоде благоденствия»). В истории Кусуноки Масасигэ остался образцом преданности императорской фамилии. Особенно поднимали его на щит после революции Мэйдзи. Вплоть до второй мировой войны в учебниках по истории для начальных школ он изображался как герой нации, как идеал, к которому должна стремиться молодежь, готовая отдать свою жизнь служению трону. Сюжетом процессии является въезд Кусуноки Масасигэ и его брата Масасуэ в г. Киото. Их сопровождает группа — ябусамэ — стрелки из лука верхом на лошадях. Они одеты в охотничьи костюмы, у пояса — колчаны, в руках — луки.

В процессии этого периода не видно ни поэтов, ни литераторов, ни художников, ни деятелей других видов искусства, хотя именно в это время зарождаются такие литературные жанры, как хайку и средневековый театр Но, искусство планировки садов и парков, тя-но ю и икэбана. Но главной, характерной чертой камакурского периода был культ сильной, волевой личности, воинской доблести, преданности сюзерену, презрения к смерти.

Женщины времен Адзуты—Момояма и Камакура идут вместе. Главное внимание среди них приковывает персонаж, изображающий жену Тоётоми Хидэёси,—Ёдогими, одетую в пыш-

ный наряд эпохи Момояма. Едогими была второй и любимой женой Хидэёси, родившей ему наследника. Она славилась своей красотой и изяществом, была в центре внимания двора. После утверждения власти династии Токугава она вместе с сыном находилась в осажденном замке в г. Осака и вынуждена была покончить жизнь самоубийством [34, с. 154—155].

Среди других женских образов можно отметить фаворитку основателя первого сёгуната в Японии Минамото Ёритомо (1147—1199), которая была известной в то время танцовщицей и певицей. Кроме того, в этой процессии довольно много представителей других сословий. В частности, в костюме той эпохи идет торговка древесным углем и дровами, несущая свою ношу на голове; зеленщица с корзиной, наполненной овощами, и др.

Предпоследняя эпоха в Процессии веков представлена периодом Хэйан, который продолжался около 400 лет, т. е. начиная с переноса столицы из г. Нара в г. Хэйан-кё и до морского сражения при Данноура вблизи г. Симоносэки в 1185 г., когда власть дома Тайра, фактически управлявшего в то время страной, перешла в руки Минамото Ёритомо. Этот период характеризовался крупными изменениями в социально-экономической структуре страны, потерей императорским домом фактической власти. В хэйанскую эпоху достигли своего расцвета литература, искусство, ремесла, сформировался как бы единый культурный комплекс, оказавший огромное влияние на развитие культуры в последующие века.

Мужская половина хэйанской процессии представлена придворными в блестящих, пышных, красочных одеяниях. Это главным образом представители рода Фудзивара, который к X в. подчинил все соперничавшие с ним аристократические дома и фактически стал правителем страны. В то время установился порядок, согласно которому жен императорам поставляла семья Фудзивара. Сами же они занимали посты регентов и премьеров. Так, Фудзивара Митинага (966—1027) занимал пост регента при своих малолетних внуках и в течение тридцати лет управлял страной.

Наиболее многочисленна и представительна женская половина процессии. Это и неудивительно, так как именно в период Хэйан появились произведения знаменитых японских писательниц. Недаром хэйанскую эпоху часто называют литературной. Конечно, в это время развивались и другие направления культуры. «Тем не менее культурный облик эпохи определяет все-таки литература: она больше всего вошла в быт (в первую очередь поэзия), наиболее четко и полно отразила специфику страны и эпохи, оставила самый заметный след в культуре следующих поколений» [16, с. 27].

В процессии идет Оно-но Комати (IX в.), знаменитая красавица и не менее знаменитая поэтесса жанра вака. О ней не сохранилось почти никаких сведений, но ее имя окружает много романтических легенд. Косвенным подтверждением этих легенд

служат сюжеты некоторых ее стихотворений. Считается, например, что отец ее был губернатором северной провинции Дэва (ныне префектуры Акита и Ямагата) и что Оно-но Комати в середине IX в. служила при дворе. Она пользовалась большим успехом у мужчин и имела много возлюбленных. Оно-но Комати сумела завладеть сердцем наследника престола против воли могущественного рода Фудзивара и якобы поэтому была отправлена в изгнание, где и расцвел ее талант; рассказывают, что однажды на поэтическом турнире она очень ловко разоблачила фальшивку одного из поэтов, который, сумев узнать текст приготовленного ею для состязания стихотворения, вписал его в старинный манускрипт в надежде таким образом обвинить Оно-но Комати в плагиате и выиграть турнир. 118 стихотворений под ее именем входят в различные антологии, и 80 из них являются признанными шедеврами жанра вака. Ей в свою очередь посвящено пять пьес жанра Но, написанных известными драматургами Канами Киёцугу (1333—1384) и Дзэами Мотокиё (1363—1443) [130, т. 6, с. 110, 111].

Рядом с Оно-но Комати можно видеть Мурасаки Сикибу — автора самого прославленного в истории японской литературы памятника — романа «Гэндзи моногатари». Этот роман считается вершиной жанра моногатари (повествования), памятником классической национальной литературы. Сама Мурасаки Сикибу принадлежала к одной из ветвей дома Фудзивара и всю жизнь провела при дворе, поэтому она с такой достоверностью сумела показать жизнь аристократических кругов страны того периода.

Среди знаменитой плеяды хэйанских женщин нельзя не заметить Сэй Сёнагон (конец X — начало XI в.). Она происходила из семьи крупных провинциальных чиновников с широкими литературными связями; выросла в атмосфере литературных дискуссий, поэтических турниров, изучения китайской классической литературы и была высокообразованной женщиной. Как и многие другие писательницы того времени, состояла в свите императрицы, что и дало ей блестящий материал для написания всемирно известного произведения «Записки у изголовья».

Заканчивают шестие исторические персонажи периода Энряку и эпохи Нара. Годы Энряку были переходным периодом между эпохами Нара и Хэйан. Впереди процессии периода Энряку идут войны во главе с военачальником Саканоуэ-но Тамурамаро (758—811). Он известен тем, что первый получил титул сёгуна. Будучи выходцем из древнего аристократического рода, он служил при дворе, а затем стал губернатором северных провинций на о-ве Хонсю. В истории он прославился тем, что во время подавления мятежа на севере о-ва Хонсю (ныне преф. Аомори) использовал манекены людей и животных для того, чтобы обмануть противника. Память об этом живет в празднике Нэбута, который ежегодно отмечается в преф. Аомори в начале августа. За войнами следуют придворные в парадных одеж-

дах. Замыкает шествие группа стрелков из лука, которые в период Нара не знали себе равных.

В середине этой процессии находятся два микоси с душами императоров Камму и Комэй. Перед ними идут музыканты, играющие на национальных инструментах. В этой процессии много детей в причудливых нарядах, некоторые из которых напоминают бабочек. В руках у детей фантастическая птица с головой человека — *карёбинга* (от санскритского «калавинка»). Считалось, что эта птица обладает сладчайшим голосом. Несут также подношения богам в изящно оформленных парчовых коробках.

Шествие всех веков замыкает колесница с золотой птицей хо на крыше. Это птица из китайской мифологии (по-китайски «пын»): у нее змеяная шея, рыбий хвост, черепашья спина и куриный клюв; размах крыльев — 11781 км. В образе этой птицы заключена идея защиты всего живого на земле от всяких невзгод; ее появление считалось счастливым предзнаменованием [115, с. 243—244; 112, с. 156].

Так в зримых образах проходит перед глазами сегодняшнего поколения история страны.

Глава 7

ПРАЗДНИКИ И ГОСУДАРСТВО

Правящие круги Японии на различных этапах социально-экономического развития страны, начиная с периода раннегосударственных отношений, особенно со времени создания централизованного государства в период позднего феодализма и по настоящее время, проводили и проводят целенаправленную политику по отношению к праздникам. Они культивируют традиционные праздники и создают новые торжественные зрелища для народа. Это делается не только для сохранения национальных традиций, но и в значительной степени с целью поддержать в народе интерес к идее вечности и незыблемости императорской власти, уникальности японской нации и для восприятия японским народом истории и культуры страны с националистических позиций. Большую роль играет в этой связи также установление памятных дат в ознаменование важных историче-

ских событий и явлений в жизни народа или отдельных групп населения, объединенных общими ценностями.

Эта политика основывается на том, что праздники, являясь элементом традиционной культуры, представляют собой одну из форм отношений между людьми, средством их общения, способствуют закреплению существующих в обществе отношений и формированию социального единства нации, а также воспитанию молодого поколения, развитию определенного чувства коллективизма, отвлечению трудящихся от забот повседневной жизни.

Не только во время самого праздника, но и в период подготовки к нему, который подчас занимает не один месяц, люди вступают в тесное общение друг с другом, чего так не хватает им в современных условиях все возрастающего отчуждения личности. Ведь готовясь к празднику, приходится приводить в порядок или делать заново праздничный инвентарь; разучивать старинные танцы, песни и стихи; упражняться в игре на национальных музыкальных инструментах и т. п. В каждом празднике имеется группа людей — хранителей традиций, которые передают свой опыт молодежи.

Кроме того, национальные праздники не являются простым времяпрепровождением, не носят характер праздности в отличие от таких форм индустрии досуга, как, например, игра в *патинко*¹. Национальные праздники в большинстве случаев наполнены глубоким содержанием, несут определенную нагрузку и при всей своей зрелищности подспудно выполняют социальные функции. Поэтому государственная политика в отношении праздников преследует цель не только поддерживать национальные традиции и интерес у народа к истории своей страны, но и учитывает возможности использования социального аспекта этого популярного вида досуга.

С течением времени, с изменением образа жизни, социальной обстановки и мировоззрения людей меняется и арсенал японских праздников. Одни обряды, срастаясь с народным бытом, передаются из поколения в поколение и становятся традицией. Другие же отмирают. Одновременно возникают праздники и обряды, связанные с появлением новых видов производства, различных потребностей общества или с социальным заказом правящих кругов страны. Идеальная нагрузка праздников, те общественные отношения, которые они выражают, в значительной степени определяют жизнеспособность тех или иных праздников. Поэтому праздники всегда находились в поле зрения правящих кругов страны, которые использовали их в своих интересах.

¹ Патинко — вертикально стоящий застекленный игровой автомат, где по специальной траектории, определенной вбитыми в панель гвоздиками, от нажатия ручки движется металлический шарик. Напоминает игры в бильярд, где успех также зависит от силы и направления удара.

Нерабочие дни японского календаря

Одной из важных сторон протекционистской политики правящих кругов в отношении праздников является практика выделения из всего многообразия привычных празднеств нерабочих дней. Выбор дат государственных праздников отражает черты общественного строя, политическую и социальную структуру общества, а также изменения, происходящие в нем. При этом государственный праздник, как правило, наследует старинные обычаи создания атмосферы согласия и единения. В отличие от религиозного в государственном празднике на первый план выступает идея государственной власти. Но связь с религией во многих государственных праздниках Японии до сих пор прослеживается весьма четко.

Уже первый свод законов японского государства — «Тайхорё» в законодательном порядке вменял в обязанность всем гражданам страны отмечать определенные праздники, например Новый год, День мальчиков, День девочек, Праздник пробы риса нового урожая. Кодекс также регламентировал формы поздравлений и приношения даров государственным чиновникам различных рангов. В частности, согласно ст. 18 «Правила этикета» (закон XVIII), наместнику провинции предписывалось отправляться в провинциальное управление для проведения церемонии поздравления государя в день Нового года. Его сопровождали подчиненные ему чиновники и уездные начальники. А после окончания этой церемонии такой же ритуал был предусмотрен и в отношении наместника.

В период Токугава японское правительство признало официальным пять наиболее популярных среди населения праздников, носивших название *госэкку*. Это были — День человека (Дзиндзицу, 7-й день 1-го месяца по лунному календарю), День девочек (3-й день 3-го месяца), День мальчиков (5-й день 5-го месяца), Праздник звезд, или Танабата (7-й день 7-го месяца) и Праздник хризантем (9-й день 9-го месяца). Государственным праздником считался также Бон, отмечавшийся в середине 7-го месяца [118, с. 308].

Таким образом, просматривается тенденция возведения в ранг государственных тех праздников, которые были не только очень популярны в народе, но и выполняли функции воспитания молодого поколения в духе преданного служения обществу, необходимости исполнения воинского долга, строгого соблюдения существующей иерархии.

Серьезные изменения в государственной политике в области праздников произошли после революции 1868 г. Это было связано с возрождением культа императора и древней японской религии синто (в феодальном государстве предпочтение отдавалось буддизму), обожествлявшей происхождение императора и всей японской нации. Синтоизм был возведен в ранг государст-

венной религии, которая легла в основу последующего развития национализма и милитаризма.

В 1873 г. правительство ввело григорианский календарь, отменило ранее существовавшие праздники и ввело новые.нерабочими днями были объявлены 3 января — День празднования Нового года (Гэнсисай), 5 января — День устройства императором новогоднего банкета (Синнэнкай), День смерти предыдущего императора (Сэнтэйсай, в то время это было 30 января), 11 февраля — День основания империи (Кигэнсэцу), 3 апреля — День смерти легендарного императора Дзимму (Дзимму тэнносай; согласно японской мифологии, годом его смерти считается 585 г. до н. э.), 17 октября — День приношения благодарности богине солнца Аматэрасу (Каннамэсай), 23 ноября — День приношения благодарности за хороший урожай (Ниинамэсай), День рождения здравствующего императора (Тэнтёсэцу, в тот период это было 3 ноября).

В 1878 г. дополнительно были введены еще два праздничных дня — Дни весеннего и осеннего равноденствий (в то время их называли Сюнки и Сюки корэйсай), в основе которых лежит культ почитания предков, в первую очередь императорских. Населению было вменено в обязанность во время праздничных дней посещать синтоистские храмы и совершать определенные ритуалы.

Была введена также практика подъема в дни государственных праздников флага *хи-но мару* (красный круг на белом фоне). Символика этого флага связана с тем, что в древности Японию называли «страной, где восходит солнце» или «страной корней солнца». Изображение солнечного круга на флаге *хи-но мару* впервые появилось в период правления императора Го-дайго. Отдельные феодалы использовали штандарты с изображением солнечного круга во время феодальных войн. Как национальный флаг впервые он был поднят в 1854 г. на кораблях, принадлежавших клану Сацума (о-в Кюсю) по аналогии с традицией европейских флотов, где флаг на корабле указывает на государственную принадлежность. По указу правительства с 1863 г. все корабли японского флота обязаны были идти под *хи-но мару*.

27 января 1870 г., согласно правительственному указу, *хи-но мару* официально стал государственным флагом Японии. Однако в первое время он вывешивался только на государственных учреждениях и получил полное признание жителей страны только к концу века. В годы захватнических войн, которые вели японские правящие круги, *хи-но мару* был символом японского милитаризма.

Названия большинства перечисленных праздников говорят сами за себя. Все связано с императором, его предками, его божественным происхождением. И отсюда тянется нить к идее исключительности, уникальности, божественности японской нации, т. е. к идеологической базе японского национализма. Бла-

годаря своей популярности праздники были одной из наиболее доходчивых и доступных форм внедрения националистической идеологии во все слои народа.

Одним из самых главных государственных праздников периода Мэйдзи и затем вплоть до окончания второй мировой войны считался День основания империи. Основной целью его введения было стремление правящих кругов страны обосновать сложившуюся государственную систему, возглавляемую императором. Одновременно были внесены изменения в принятую ранее систему летосчисления по годам правления императора. За всем периодом правления каждого императора устанавливалось одно название, в то время как раньше, при жизни одного императора, летосчисление могло начинаться несколько раз. Введением Кигэнсэцу был узаконен отсчет японского летосчисления с 660 г. до н. э., т. е. с года воцарения мифологического Дзимму, который, как гласят японские хроники, уже тогда, провозгласив лозунг «Хакко итиу» («восемь углов под одной крышей»), нацеливался на мировое господство. Вплоть до капитуляции Японии во второй мировой войне идея божественности японской нации, ее исключительности, ее особой миссии широко использовалась и пропагандировалась японскими милитаристами.

Внедрению в сознание масс идей национализма способствовала активизация деятельности синтоистских храмов, в том числе придание особой значимости храмовым праздничным церемониям. Примером религиозного учреждения, открыто проповедующего националистический дух и преданность императору, может служить святилище Ясукуни (букв. «Мирная страна» или «Мирно управляемая страна»). Оно было построено в 1869 г. в Токио и носило название Сёконся (букв. «В честь воинов, павших за императора»). Такие святилища строились в разных городах страны, но токийское стало общенациональным. В 1879 г. оно стало называться Ясукуни и получило ранг «особого императорского святилища».

Ясукуни-дзиндзя (дзиндзя — синтоистский храм) находился в ведении министерств армии и военно-морского флота, а его священнослужители назначались этими ведомствами. Роль главных распорядителей на различных праздниках этого храма выполняли высшие чины японской императорской армии и флота. Охрану храма несли подразделения военной жандармерии. Все это значительно отличало храм Ясукуни от других синтоистских святилищ, находившихся в ведении министерства внутренних дел. В храме Ясукуни находятся списки погибших за императора и обожествленных в связи с этим японских воинов. Они как раз и составляли *синтай* (божественную субстанцию, объект, воплощающий в себе божество, являющийся предметом поклонения в храме) и вместе с атрибутами императорской власти — зеркалом и мечом — постоянно хранятся в центральном здании храма [74, с. 156, 157].

Храм Ясукуни выступал на протяжении многих лет духовной цитаделью японского милитаризма и шовинизма. Праздничные торжественные церемонии, проводимые в этом храме, отличались от обычных ритуалов, принятых в синтоистских святилищах. Как правило, они проводились в виде вызова душ погибших воинов глубокой ночью и представляли собой мистическое зрелище.

После поражения Японии во второй мировой войне в стране был проведен ряд демократических преобразований, затронувших и духовную жизнь народа. Согласно ст. 20 главы III конституции 1947 г., религия была отделена от государства, все религии заняли равноправное положение. Храмы государственного синто потеряли свое привилегированное положение и государственную поддержку. Статья гласила далее, что никого нельзя принуждать участвовать в религиозных действиях, празднествах, церемониях или обрядах и, что особенно важно для подрастающего поколения, «государство и его органы должны воздерживаться от проведения религиозного обучения...» [78, с. 759—760].

В условиях значительного изменения в общественной жизни японского общества и ломки старых традиций в первые послевоенные годы были внесены существенные коррективы и в календарь государственных праздников. На основе Закона о национальных праздниках от 20 июля 1948 г. (Кокумин-но сюкудзицу-ни кансуру хорицу) были установлены следующие праздники, объявленные нерабочими днями: День Нового года (1 января, Гандзицу), День совершеннолетия (15 января, Сэйдзин-но хи), День весеннего равноденствия (март, Сюмбун-но хи), День рождения здравствующего императора (тогда это было 29 апреля, Тэнно тандзёби), День конституции (3 мая, Кэмпо кинэнхи), День детей (5 мая, Кодомо-но хи), День осеннего равноденствия (сентябрь, Сюбун-но хи), День культуры (3 ноября, Бунка-но хи), День труда (23 ноября, Кинро канся-но хи).

Впоследствии на основании поправок к Закону о национальных праздниках в качестве нерабочих дней были также введены: в 1965 г. День почитания престарелых (15 сентября, Кэйро-но хи) и в 1966 г. День основания государства (11 февраля, Кэнкоку кинэн-но хи) и День физкультурника (10 октября, Тайку-но хи), в 1988 г. — День отдыха (4 мая, Кюдзицу).

В первые послевоенные годы правящие круги страны были вынуждены ликвидировать праздники, непосредственно связанные с императорской династией и государственным синто. Из этой группы праздников был оставлен лишь День рождения здравствующего императора, поскольку, согласно конституции 1947 г., император оставался символом государства и единства народа [78, с. 756]. На протяжении всех послевоенных лет этот праздник был орудием в руках правительства для сохранения среди определенной части населения представления о божест-

венном происхождении императора, вопреки сделанному после окончания войны заявлению самого императора о ложности этой концепции. Кстати сказать, в 1977 г. он уже и сам отрицал, что делал подобное заявление.

Тэдзука Хидэтака (род. в 1906 г.), один из старейших пролетарских писателей, член Союза демократической литературы Японии, в новелле «Сад с опавшей листвой», которая вышла в свет в 1972 г., писал: «Фигура императора, в первые послевоенные годы отступившая было куда-то в тень... постепенно стала снова то и дело маячить на первом плане» [79, с. 456]. В этой новелле автор описывает практику уборки территории императорского дворца отрядами людей, приезжающих из провинции, главным образом пожилых крестьян. До войны эту работу выполняли более 2 тыс. постоянных рабочих, а теперь используется даровый труд людей, в свое время воспитанных в духе благоговейного отношения к императору.

В день рождения императора все желающие второй раз в году (первый — в день Нового года) могут пройти на территорию императорского дворца и приветствовать императора, который время от времени появляется на балконе в окружении членов семьи. Поэтому наряду с действительными приверженцами императора собирается много любопытных. В связи со смертью в январе 1989 г. императора Хирохито праздник будет отмечаться 23 декабря — в день рождения императора Акихито.

И вряд ли простым совпадением, как это пытаются изобразить авторы энциклопедии японских праздников, изданной в 1980 г., является учреждение Дня культуры в день рождения императора Мэйдзи (3 ноября), который первым открывает цикл праздников дней рождения правящих императоров [115, с. 255]. Кстати, некоторые японские ученые считают, что выбор даты 3 ноября был сделан «в память дня рождения императора Мэйдзи» [107, с. 216].

В законе 1948 г. говорится, что День культуры учреждается с целью поощрения развития японской культуры в духе «свободы и мира». Однако и по сей день высшей наградой, которой отмечают в этот день деятели культуры, является «орден культуры», существующий с 1937 г. и вручавшийся в тот период накануне Дня рождения императора или Дня основания империи. Выбор кандидатов на получение этого ордена является прерогативой правительства, и оно часто поощряет тех деятелей культуры, которые в той или иной степени помогают пропаганде идеи японизма. Так, этим орденом были награждены писатели Кавабата Ясунари и Иноуэ Ясуси.

Правительство оставило также в качестве нерабочего дня самый популярный в Японии праздник — Новый год, о котором уже подробно рассказывалось.

Несмотря на то что в довоенный период дни весеннего и осеннего равноденствия связывали прежде всего с почитанием предков императора, они были оставлены как официальные

праздники, так как в основе своей это были праздники буддийские и относились они к почитанию предков всех людей.

Одновременно прослеживается определенная тенденция со стороны правящих кругов страны использовать некоторые праздники для возрождения духовных ценностей недавнего националистического прошлого, которые были отброшены миролюбивыми статьями новой конституции.

Красноречивым свидетельством этого является возрождение в качестве официального праздника Дня основания империи, сменившего свое название на День основания государства. Движение за его восстановление еще с конца 40-х годов возглавили служители синтоистского культа и различные правые группировки. Впервые проект об изменении Закона о национальных праздниках был внесен в 1957 г. депутатами от правящей Либерально-демократической партии. Впоследствии это предложение повторялось неоднократно. Одновременно предлагалось также узаконить вывешивание государственного флага в дни национальных праздников. Против этого законопроекта выступили все демократические силы страны — Коммунистическая и Социалистическая партии, профсоюзы, главным образом входящие в Генеральный совет профсоюзов Японии, женские организации, прогрессивная интеллигенция и т. п. Борьба против восстановления этого реакционного праздника велась на заседаниях парламента, во время митингов и демонстраций протеста.

Противодействие прогрессивных сил страны вынуждало правительство маневрировать: предлагалось, например, наряду с Кигэнсэцу ввести и другие нерабочие дни. В частности, таким доведением в законопроекте о частичном изменении Закона о национальных праздниках в 1963 г. были предложения ввести в качестве официальных День физкультурника и Бон, а также объявлять нерабочим днем понедельник в случае, если праздник приходится на воскресенье. Как указывалось в заявлении Комитета национальной культуры против возрождения праздника Кигэнсэцу от 5 февраля 1963 г., «...ни у кого не вызывает сомнения, что основная цель этого законопроекта... возрождение прежнего Кигэнсэцу... Совершенно очевидно, что возрождение Кигэнсэцу используется как эффективное средство внесения исправления в Конституцию и усиления милитаризации» [120, с. 607—608]. Однако, несмотря на все противодействия общественности, День основания государства был утвержден нерабочим днем. Но поправка о поднятии государственного флага во время национальных праздников не прошла. В 1985 г. Либерально-демократическая партия вновь подготовила такого рода законопроект; он был внесен на рассмотрение сессии парламента в 1986 г., но вновь безрезультатно.

Празднование Дня основания государства, как и в довоенный период Кигэнсэцу, используется для насаждения среди населения националистической идеологии, пропаганды мифа о божественном происхождении императорской династии, об исключи-

тельности всех японцев. Праздник отмечается по всей стране. Правительство стремится вменить в обязанность органов местного самоуправления и школьной администрации торжественно отмечать эту дату. Особенно горячую поддержку праздник находит среди служащих войск самообороны и представителей правых организаций.

Подогревая интерес к этому празднику, правительство проводит официальную праздничную церемонию в присутствии премьер-министра, что постоянно вызывает протесты демократической общественности. Так, в 1985 г. руководство Компартии Японии выразило протест против решения бывшего в то время премьер-министром Я. Накасонэ участвовать в данной церемонии, расценив это как «один из наиболее серьезных шагов, принятых с целью возрождения довоенного Кигэнсэцу... и открытия пути к превращению этой церемонии в государственную» [147, 09.03.1985, с. 10]. КПЯ, защищая демократические принципы конституции 1947 г., решительно протестует против проведения такой антидемократической церемонии и присутствия на ней премьер-министра, рассматривая ее как нарушение принципа «суверенитет принадлежит народу», гарантированного этой конституцией [148, 09.03.1985, с. 10].

Демократические силы страны, и в первую очередь коммунисты, женские и молодежные прогрессивные организации, ряд религиозных группировок, накануне и в день праздника проводят митинги протеста, рассылают письма муниципальным властям с просьбой не проводить официальных церемоний в этот день и выступать против присутствия премьер-министра на центральной церемонии.

Мероприятия правительства, касающиеся Дня основания государства, идут в неразрывной связи с политикой консерваторов по укреплению традиционных ценностей и морального воспитания, направленных на возрождение милитаризма, отмену мирной конституции, проповедь оголтелого шовинизма. В настоящее время все средства массовой информации нацелены на то, чтобы заставить японский народ забыть ужасы второй мировой войны, трагедию Хиросимы и Нагасаки, а главное — открыть путь для культивирования националистических настроений.

Впервые в истории страны был учрежден праздник Дня конституции. Он отмечается 3 мая в день вступления в силу послевоенного основного закона. Американские оккупационные власти и японские правящие круги были вынуждены в условиях небывалого подъема демократического движения в стране и под давлением мировой прогрессивной общественности, и в первую очередь под влиянием Советского Союза, принять в 1947 г. новую конституцию, ставшую юридической опорой народа в борьбе за мир, демократию и социальный прогресс.

Конституция 1947 г. провозглашает отказ от войны как суверенного права нации при разрешении международных споров,

что в корне отличает ее от конституций других буржуазных государств. Статья 9 конституции запрещает создание любых вооруженных сил — сухопутных, военно-морских или военно-воздушных, равно как и другие средства войны.

Однако миролюбивые статьи новой конституции пришлось не по душе консервативным силам, и они развернули ожесточенную борьбу за ее пересмотр. Ревизия конституции идет по следующим основным направлениям: повышение роли императора путем наделения его прерогативами государственной власти, коренное изменение ст. 9, расширение полномочий кабинета министров, особенно в случае «чрезвычайных обстоятельств», ограничение всех гражданских прав и свобод.

Против пересмотра конституции постоянно выступает демократическая общественность Японии. В стране созданы две влиятельные общественные организации в защиту конституции — одна из них — Народная лига защиты конституции (Кэмпо ёго кокумин рэнго), образованная в 1954 г., включает в основном социалистов и находящихся под их влиянием членов профсоюзов и демократических организаций, другая — Совет связи различных кругов, выступающих за предотвращение изменения конституции (Кэмпо кайаку соси каккай рэнраку кайги), созданный в 1965 г. общественными организациями, работает под руководством Компартии Японии.

В День конституции демократические и консервативные силы особенно отчетливо противостоят друг другу. В частности, Коммунистическая партия Японии повсеместно проводит митинги в защиту не только самой конституции, но и всех демократических прав. Например, выступая в День конституции 3 мая 1985 г., нынешний заместитель председателя ЦК КПЯ Фува Тэцудзо связал борьбу в защиту конституции с необходимостью не допустить принятия законов о политических партиях, об охране государственных тайн и т. п. [139, 04.05.1985]. В этот же день представители Социалистической партии и Генерального совета профсоюзов Японии провели встречи, собрания и митинги, посвященные борьбе против пересмотра конституции. Они, в частности, увязывали проблему пересмотра конституции с попытками правительства Накасонэ снять ограничения на размеры расходов на военные нужды, которые были установлены в пределах 1% ВВП страны [140, 04.05.1985].

Важную функцию социализации населения выполняет ряд вновь введенных праздников (нерабочих дней), связанных с интересами различных возрастных групп населения: детьми, юношами, стариками. Это, например, День детей. Дата его проведения — 5 мая — в день традиционного Праздника мальчиков, видимо, была выбрана не случайно. Ведь этот праздник пустил глубокие корни в сознании японского народа, воспитывая у детей храбрость, упорство и мужество. Атрибуты этого древнего праздника можно видеть 5 мая повсеместно и сейчас.

Целью праздника Дня детей, как сказано в «Положении о

детях», принятом 5 мая 1950 г., является выражение благодарности матерям за воспитание детей и формирование достойных членов современного общества. Начиная с 5 мая в течение недели в культурных центрах, школах, детских садах по всей стране устраиваются всевозможные праздничные мероприятия для детей — различные соревнования, спортивные игры, выступления самодельных коллективов, конкурсы.

Демократические силы страны используют этот праздник для развертывания движения за мир, за превращение Японии в безъядерную державу с тем, чтобы будущие поколения жили под мирным небом. Например, в г. Накадокава (преф. Гифу) в организации этого праздника активно участвуют деятели общенационального антиядерного движения «Корни травы». Они сами сделали детям традиционных огромных красочных карпов [139, 05.05.1985]. Ежегодно с 1959 г. в Токио в парке Ёёги проводится детский праздник, устраиваемый Обществом защиты детей и Всеяпонской федерации женских организаций, работающих под руководством КПЯ. Сюда съезжаются дети вместе с родителями из разных районов города. Каждый ребенок может найти занятие и развлечение по душе [139, 06.05.1985].

15 января по всей стране при участии местных органов самоуправления празднуется День совершеннолетия. Во время церемонии юношей и девушек, достигших двадцатилетнего возраста, поздравляют с совершеннолетием. С этого возраста они имеют право принимать участие в выборах, несут полную ответственность перед законом и на них распространяется трудовое законодательство. Однако для совершения брака возраст совершеннолетия снижается: у девушек до 16 лет, у юношей — до 18. Молодежь до 18 лет еще подпадает под действие Закона о благосостоянии детей. Молодежи в возрасте до 20 лет официально не разрешается курить и распивать саке [115, с. 17].

В День совершеннолетия виновникам торжества преподносят памятные подарки. После официальной церемонии в муниципальных культурных центрах молодые люди в праздничных одеждах, девушки непременно в кимоно, посещают близлежащие храмы. В этот день молодежь также активно участвует в различных соревнованиях и конкурсах. Праздник совершеннолетия в некоторых местах отмечают не в январе, а в августе, в дни Бон, так как в это время в малых городах собирается много народу, люди приезжают в родные места и семьи на некоторое время воссоединяются. Кроме того, как считают некоторые, в августе погода гораздо приятнее для гуляний и одежду в это время года носят легкую и красивую.

Так, в 1985 г. День совершеннолетия в городке Рокунохэ (уезд Камикита, преф. Аомори) праздновали 15 августа. В этот день в одном из общественных зданий города при участии представителей органов местного самоуправления была проведена церемония, посвященная этому празднику. На этот раз совершеннолетие отмечали 113 человек. 20 из них уже не жили

здесь, а приехали на праздник, чтобы отметить этот знаменательный день со своими родными и однокашниками. Мэр города обратился к молодым людям с приветственными словами, пожелал, чтобы их минули все беды и несчастья, чтобы они счастливо дожили до старости и не забыли бы родных мест. Выступил также представитель местного отдела народного образования, рассказавший о жизни молодежи этого городка и проблемах, которые стоят перед ней. Согласно традиции, всем совершеннолетним были вручены памятные подарки [144, 1985, № 4, с. 64].

Для людей старшего возраста существует свой праздник — День почитания престарелых. Как уже говорилось, нерабочим днем он стал только в 1965 г. Устанавливая этот праздник как государственный, правящие круги стремились укоренить в сознании современных японцев, что якобы только им присуще особое преклонение перед родителями и предками. В этот день довольно эффективно эксплуатируется характерная черта японской этики — почитания и уважения старших, что уходит своими корнями в конфуцианство.

В этот день и на правительственном уровне, и на уровне местной администрации проводятся различные мероприятия. Например, представители правительства вручают старикам, достигшим столетнего возраста, именные серебряные чаши, а тем, кому уже свыше 100 лет, — направляют приветственные послания. На местах общества стариков (родзин кёкай) при содействии органов местного самоуправления нанимают помещение (обычно это спортивные залы начальных школ), где и проводятся торжественные церемонии. В этот день билеты в кинотеатры лицам старше 65 лет продают со скидкой. Старикам, перешагнувшим столетний возраст, дарят их портреты, тем, кому исполнилось 88 лет, — большую красивую красную подушку для сидения (*дзабутон*), 77-летним — 5 тыс. иен на покупку подарка и 70-летним — 3,5 тыс. иен.

Достижение 77 и 88 лет отмечается потому, что японской мифологии была присуща магия двойных цифр. Это касалось и дней рождения: 44 года, 77 лет и т. д. Особенно почитаем юбилей 88 лет (*бэйдзю*), о сакральном значении цифры 88 уже говорилось (см. гл. 3).

Осталось нерабочим днем и 23 ноября, объявленное Днем труда. Как уже упоминалось, в этот день издавна отмечался праздник, венчавший сельскохозяйственный труд. Он корнями уходит в далекое прошлое. Такая живучесть праздника легко объясняется тем, что в основе его лежит непреходящая для человека ценность — труд. В то же время на протяжении веков праздник претерпел различные изменения как по форме, так и по содержанию. В настоящее время в этот день почитаются все виды труда. Это делается с целью поощрить трудящихся прилагать больше усилий к совершенствованию своего труда.

В День труда проводится и Праздник работников сельского

хозяйства — Ногёсай, учрежденный в 1962 г. Во время этого праздника устраиваются выставки сельскохозяйственной продукции, машин, орудий, удобрений, химических средств защиты растений и других предметов, необходимых для сельскохозяйственного производства, а также выставки новой литературы по вопросам научных и технических достижений в этой области. Победителям таких выставок присуждаются премии — императорская и министра сельского, лесного и рыбного хозяйства. Императорская премия считается исключительно высокой наградой, которая, по высшему заявлению представителя Ассоциации развития сельского, лесного и рыбного хозяйства, «...настолько почетна, что является бесценной. А каждый, кто ее получает, становится гордостью для грядущих поколений» [146, 1979, № 1, с. 45]. Венчая плоды упорного нелегкого труда сельских тружеников, эта премия в то же время подчеркивает националистические настроения, восходящие к тем давним временам, когда император, «потомок богини Аматэрасу», считавшейся покровительницей земледелия, возносил богам молитвы с просьбой о хорошем урожае.

День физкультурника — абсолютно новый для японцев праздник. Дата его проведения была выбрана в честь дня открытия в Токио XVIII летних Олимпийских игр, проводившихся впервые в азиатском регионе в 1964 г. В этот день местные органы власти, администрации компаний и предприятий, министерство просвещения, различные женские, молодежные и студенческие организации стараются вызвать интерес населения к спорту. Во время праздника можно бесплатно пользоваться всевозможными спортивными сооружениями. 10 октября проводятся различные спортивные игры и соревнования, популяризируется движение за охрану здоровья людей, например проводятся профилактические осмотры жителей и различные медицинские тесты: определение объема легких, силы рук и ног и т. п.

Нерабочие дни японского календаря являются существенным подспорьем для увеличения отпусков, которые предоставляются японским трудящимся в соответствии с трудовым законодательством. У японских рабочих самые короткие оплачиваемые отпуска среди рабочих развитых стран — всего 10,6 дня в году против 22,5 дня в Англии, 19,5 — в США, 30,2 — в ФРГ и 25 дней во Франции [145, 09.05.1985]. Поскольку в Японии существует практика объявлять понедельник нерабочим днем в случае, если праздник приходится на воскресенье, то японцы обычно дробят свой маленький отпуск, добавляя 2—3 дня от него к праздничным дням. Особенно часто это делают на Новый год и во время так называемой золотой недели, приходящейся на конец апреля — начало мая. На этой неделе — четыре нерабочих дня — 29 апреля, 3—5 мая. С учетом переноса выходного на понедельник и с добавлением нескольких дней от отпуска во время золотой недели японские трудящиеся могут отдыхать до 10 дней.

Поддержка традиционных праздников правлящими кругами

Другим аспектом государственной политики в отношении национальных праздников является поддержка и пропаганда наиболее популярных в народе традиционных праздников, отражающих историю и культуру страны. В этом направлении государство и главным образом местная администрация делают очень много.

Яркой иллюстрацией такой политики правящих кругов является отношение к празднику Бон. Этот праздник, как и Новый год, в той или иной мере отмечает все население страны. В эти дни Япония приходит в движение. Транспорт работает с перегрузкой. Например, 10 августа 1985 г., по сообщению японской печати, скоростной поезд Токио Хаката, так называемый «Хикари» («Молния»), отходящий из столицы в 6 часов утра, взял вдвое больше пассажиров. На новых линиях скоростных поездов северо-восточного направления, открытых в 1985 г., число перевезенных людей превышало количество посадочных мест на 70%. По данным корпорации государственных железных дорог, между 10 и 14 августа 1985 г. (предпраздничные и праздничные дни) должно было быть перевезено на дальние расстояния железнодорожным транспортом около 3,6 млн. человек, половину из которых составляли жители Токио [145, 11.08.1985]. В связи с этим в дни Бон пустуют не только деловые кварталы столицы, такие, как Маруноути и Отэмати, но и жилые районы, и на работу можно доехать за 20—30 минут вместо обычных 50. В то же время, например, на одном из островов архипелага Окинава, где постоянно проживает четыре человека, во время Бон, по данным документального телефильма, находилось около 300 человек.

Миграция населения во время Бон столь велика, что политические партии, например КПЯ, специально ориентируют свои местные партийные организации на то, чтобы учитывать эту миграцию в случае, если подготовка к избирательной кампании попадает на дни праздника.

Правительство, местная администрация, фирмы содействуют живучести этого праздника. В дни Бон, а также на Новый год рабочим и служащим, как мы уже говорили, дают возможность по очереди посетить родные места, чтобы отдать дань традиции. К этим же дням приурочивается выплата уже упоминавшихся бонусов. Подобные мероприятия, в свою очередь, содействуют воспитанию чувства признательности людей той фирме или учреждению, где они работают.

Внимание к Бон поддерживают средства массовой информации, а также реклама. Например, в дни праздника в передаче новостей по радио или телевидению диктор обязательно упомянет, что сейчас жители того или иного района страны отмечают Бон. Газеты и телевидение уделяют много внимания собы-

тиям, связанным с этим праздником. Так, 17 августа 1985 г. государственная радиотелекомпания Эн Эйч Кэй сделала часовую передачу, посвященную древнему ритуалу зажигания костров на горах вокруг г. Киото в последний день Бон. Об этом в газетах и по телевидению неоднократно давали анонс. Непосредственно в подготовке и проведении только этого ритуала, по данным телевидения, участвовало 200 тыс. человек. На следующий день во многих газетах можно было видеть фотографии этой праздничной церемонии и подробное ее описание.

Правящие круги выпячивают и поддерживают те стороны этого праздника, которые попадают в русло их социальной политики, а именно: коммуникативная специфика Бон помогает сохранять и воспитывать чувство принадлежности к «исключительной» японской нации, национализм. Это достигается тем, что посещение родных мест вызывает чувство слияния с фурусато (родиной), чувство общности с давно умершими и живыми родственниками, единения со всей нацией. Побочная тема Бон — единение народа во главе с императором в церемонии почитания предков — роднит его с такими государственными праздниками, как Дни весеннего и осеннего равноденствия, в известной мере выполняющих ту же социальную функцию.

Идея почитания распространяется не только на предков и стариков, но и на культурное наследие. Этому содействуют центральные и главным образом местные органы власти. Одновременно, конечно, не упускается возможность пропагандировать дух национализма, «исключительность», «уникальность» японской нации, ее культуры.

В соответствии с такой политикой ряд традиционных праздников возводится в ранг «духовных национальных культурных ценностей» («дэюё мукэй миндзоку бунка дзай») на основании Закона об охране культурных ценностей (Бункадзай хогохо). Он был принят 30 мая 1950 г. на основе трех ранее действовавших законов, касавшихся охраны материальной и духовной культуры нации. В сферу действия этого закона включены прежде всего предметы материальной культуры, затем «духовные ценности» нации, к которым относятся, например, постановки театров Кабуки и Но, танцы, памятники археологии и архитектуры, природные заповедники. Проведение в жизнь этого закона возложено на министерство просвещения Японии.

«Духовные национальные культурные ценности» делятся на три категории — общенациональные, префектуральные и городские, и соответственно их присваивают центральные и местные органы власти. Примером «духовных национальных ценностей», имеющих ранг «государственных», являются Нисимонаи бон-одори, о которых мы уже рассказывали. Эти танцы издавна означали, с одной стороны, ублажение духов предков, а с другой — возвеличивание труда и мольбу о хорошем урожае. Они вышли из недр жизни японского народа и, передаваясь из поколения в поколение, совершенствовались, шлифовались и су-

существуют по сей день. Решением местной администрации преф. Акита в 1971 г. Нисимонаи бон-одори получили статус «префектуральных духовных ценностей». В 1973 г. специальный комитет, состоящий из знатоков этого вида искусства и ученых-искусствоведов, составил подробную запись порядка исполнения танцев, музыки, описание костюмов, тексты песен и т. д. В 1981 г. они были возведены в ранг «государственных духовных национальных ценностей».

В сохранении и пропаганде этого местного праздника большую роль сыграли городские власти, при поддержке которых еще в 1947 г. были созданы два общества — по охране танца и содействия развитию этого вида искусства. В задачи первого входит сохранение древней традиции танцев, подготовка исполнителей и привлечение новых участников, в том числе школьников. Члены общества платят вступительные взносы. Во всех районах города существуют его филиалы. В функции второго общества входит проведение ежегодных празднеств, фестивалей фольклорного искусства, организация показа их по телевидению и т. п.

Общества ставят перед собой задачу сохранить это явление культурной жизни населения данного района и пропагандировать его как достояние народного творчества в масштабах всей страны и за рубежом. Например, Нисимонаи бон-одори показывали во время Олимпийских игр в 1964 г., а в 70-е и 80-е годы — на фестивалях народного танца в префектурах Северо-Восточной Японии и на Хоккайдо, в Сан-Франциско и других местах. Неоднократно демонстрация этих танцев включалась в учебно-познавательные программы японского телевидения. Большое внимание уделяется сейчас созданию центра по их разучиванию. Местные энтузиасты ратуют даже за включение разучивания Нисимонаи бон-одори как факультативной дисциплины в школьные программы в связи с тем, что этот синтетический вид искусства, включающий музыку, танцы и пение, требует большого мастерства и длительной подготовки. Членами общества содействия развитию Нисимонаи бон-одори являются торгово-промышленное общество г. Уго, сельскохозяйственная кооперация, различные финансовые, деловые и культурные организации. Они и финансируют всю эту деятельность [108, с. 2, 26, 29].

Порядок организации и финансирования праздников подробно можно проследить на примере осеннего праздника ракет на базе храма Кусанаги в г. Симидзу (преф. Сидзуока) — Кусанаги-дзиндзя Рюсэйсай. Он был признан «префектуральной духовной национальной ценностью» в 1984 г. Раньше, около 300 лет назад, этот храмовой праздник посвящался одному из синтоистских божеств. Сейчас же это просто веселое народное гулянье, во время которого можно видеть парад детских микоси, выступление фольклорных коллективов, а также запуск ракет с бамбуковыми шестью, что является центральным событием празд-

ника. Примерно 130 лет праздники с использованием ракет проводятся лишь в четырех местах страны.

Для проведения Рюсэйсай ежегодно создается специальный исполнительный комитет. Председатель комитета и два его заместителя являются руководящими работниками районных администраций. Каждый год за организацию праздника отвечает несколько районов. Непосредственную работу по оформлению ведет общество по охране традиций праздника. Большинство участников этого общества — люди среднего и пожилого возраста, которые прилагают усилия для привлечения к своей работе молодежи.

Проведение подобного праздника требует значительных финансовых затрат, прежде всего на изготовление самих ракет и установок для их запуска, покупку праздничной одежды для всех участников, угощение почетных гостей, оплату дежурных пожарников, а также выплату компенсаций жителям за причиненные неудобства в связи с перекрытием движения по улицам или снятием линий электропередач во время праздника и т. д. Эти денежные средства складываются из взносов различных организаций и частных лиц: например, храма Кусанаги, администрации районов-устроителей, гостиницы Нихондайра, гольф-клуба Нихондайра, различных акционерных компаний, местных отделений банков, больниц, депутатов муниципалитета и пр. Сумма взносов в 1985 г. достигла примерно 5 млн. иен [102, с. 4, 10—29].

Все перечисленные организации по-своему заинтересованы в устройстве праздника: храм — для привлечения новых адептов; различные компании и гостиницы — для рекламы, поскольку сумма их взносов на проведение праздника указана в проспектах, буклетах, листовках и на транспарантах; местная администрация — потому, что это часть ее работы. А взносы частных лиц, например депутатов муниципалитетов, помогают последним завоевывать популярность. В сентябре 1985 г. праздник был заснят телевидением, и местная программа Эн Эйч Кэй сделала о нем часовую передачу. В ней был показан не только сам праздник, но и многодневная подготовка к нему.

Примерно так же обстоит дело и на других праздниках. В частности, для украшения г. Сэндай во время Танабата деньги на оформление города предоставляют различные фирмы; в городе устанавливаются специальные щиты, на которых указано, кто и какую сумму внес.

Больше всего денег на проведение традиционных храмовых праздников-ярмарок (*эннити*) в торговых рядах, которые тянутся на несколько километров, дают сами торговцы. Эти средства используются на поддержание прежде всего местного храма, чаще всего маленькой кумирни, на украшение торговых рядов и близлежащих улиц гирляндами цветов, флажками и фонарями, на приобретение праздничной одежды. Такие праздники устраивают очень часто. Они служат средством социализации

жителей района, становятся частью повседневной жизни людей, приучая их с детского возраста к данной традиции, исподволь навязывая им привычку соблюдения определенного религиозного ритуала.

Основными участниками различных традиционных праздников, во время которых надо нести микоси, толкать колесницы, зажигать костры или организовывать танцы, становятся большей частью торговцы, владельцы лавок, мелкие чиновники, служащие мелких и средних предприятий, т. е. в основном представители средних слоев и их дети.

Особого внимания заслуживает политика правительства, направленная на активную поддержку религиозных праздников, связанных в довоенный период с государственным синто — идеологической основой японского милитаризма и агрессии. Проявлением этой политики является попытка правительства восстановить довоенный статус храма Ясукуни и узаконить участие главы правительства в праздничных церемониях (*косики сампай*) в храме, касающихся поминания воинов, погибших за императора. В момент основания храма было обожествлено 3585 погибших, после второй мировой войны уже 2,2 млн. В 1979 г. здесь были канонизированы даже главные военные преступники во главе с генералом Тодзё, которым международный Токийский трибунал вынес смертный приговор.

Консервативные круги страны при поддержке правящей Либерально-демократической партии развернули массовую кампанию за передачу этого храма под опеку государства, ловко играя на чувствах родных и близких тех, кто погиб во время второй мировой войны. К этой кампании была привлечена, в частности, Японская ассоциация осиротевших семей (Нихон идзюку кай), членами которой, по некоторым данным, являются свыше двух миллионов семей. В 1969 г. депутаты ЛДП внесли соответствующий законопроект в парламент. Но благодаря борьбе демократических сил страны принять его до сих пор не удалось. Вместе с тем к этой кампании непосредственно пришло и правительство консерваторов.

Первым из премьер-министров, который посетил храм Ясукуни, был Т. Мики. Он осуществил это в годовщину капитуляции Японии — 15 августа 1975 г. Правда, при этом Т. Мики заявил, что это был визит частного лица. С тех пор все премьеры совершали такие «частные паломничества» [147, 20.08.1986, с. 6]. И хотя о них сообщалось по радио, телевидению и в широкой печати, все же до начала 80-х годов правительство воздерживалось поднимать вопрос об участии членов кабинета в официальных церемониях храма Ясукуни, опасаясь обвинений со стороны оппозиции в нарушении конституции.

Однако реакция продолжала наступать. В 1982 г. либерал-демократы попытались даже ввести новый праздник националистического толка — День погибших воинов и отмечать его именно 15 августа. На всеобщих выборах в 1983 г. правящая

партия выдвинула лозунг: «За осуществление официальных визитов в храм Ясукуни и за возвращение ему статуса государственного учреждения». Одновременно тогдашний премьер-министр Я. Накасонэ потребовал пересмотреть существующее мнение о неконституционности подобных визитов. Сам он был первым из послевоенных глав правительств, который, посетив этот храм в новогодний праздник 1984 г., оставил такую запись в книге почетных посетителей: «Я — Ясухиро Накасонэ, премьер-министр» [148, 14.01.1984, с. 15].

Следующим шагом на пути к официальному признанию прежней роли Ясукуни было обнародование результатов годичной работы комиссии при генеральном секретаре кабинета, изучавшей эту проблему. Комиссия пришла к выводу, что посещения членами правительства храма Ясукуни не противоречат конституции, если при этом не соблюдаются синтоистские ритуалы, а выражаются лишь «общечеловеческие чувства» [145, 10.08.1985, 16.08.1985].

15 августа 1985 г. в день 40-летия капитуляции Японии Я. Накасонэ в сопровождении членов кабинета совершил первый после войны официальный визит в храм Ясукуни. При этом он лицемерно заявил: «Посещение состоялось в соответствии с пожеланиями японского народа почтить память погибших в войне. Этот акт предпринят с целью подтвердить стремление к миру и не допустить повторения войны» [143, 28.10.1985].

Однако это не ввело в заблуждение демократическую общественность страны, которая резко протестует против нового широкого сближения государства и синтоистской религии. В частности, все оппозиционные партии и даже Новый либеральный клуб, который входил в то время в коалицию с либерал-демократами, выступили с критикой действий правительства. Коммунистическая партия Японии указала, что подобный «визит рассчитан на подталкивание народа к новой агрессивной войне в соответствии с ядерной стратегией США» [145, 16.08.1985]. СПЯ связала этот визит с попытками правительства Накасонэ увеличить ассигнования на военные расходы. Комэйто (досл. «партия чистой политики, оппозиционная партия центристской ориентации») заявила, что официальный визит в Ясукуни мостит дорогу для государственной поддержки этого храма и направлен на милитаризацию Японии [145, 16.08.1985]. Но, несмотря на протесты оппозиции, консерваторы не меняют своего курса.

Для широкой популяризации праздников в стране используются печать, радио, телевидение. Практически все жители страны благодаря средствам массовой информации становятся соучастниками разного рода торжественных зрелищ — религиозных, национальных, политических. Особенно большую роль в их пропаганде играет телевидение. Японцы привыкли, что его дикторы постоянно поздравляют их то с одним, то с другим праздником. Регулярно Эн Эйч Кэй ведет передачи, посвященные национальным праздникам. Это, в частности, специально

подготовленные программы, в которых принимают участие ученые-искусствоведы. Такие передачи хорошо фундированы, сопровождаются показом древних японских хроник, картин художников, документов, чертежей и других материалов. Примером может служить рассказ о культуре эпохи Муромати, сыгравшей важную роль в истории культуры Японии. Большая часть передачи была отведена подробностям возникновения праздника Гион и его атрибутике.

Значительное место занимает показ научно-популярных телефильмов, выполняющих как просветительскую, так и рекламную функции. Передача рассчитана на привлечение все большего числа участвующих в этих праздниках. Примером может служить фильм о годичном цикле праздников при храме Ицукусима на о-ве Миядзима. Время передачи — 1,5—2 часа. Определенную воспитательную нагрузку в приобщении молодого поколения к традиционным праздникам несут фильмы, посвященные не столько показу самого праздника, сколько его многоплановой подготовке. Например, в фильме об одном из праздников в преф. Акита в августе 1985 г. центральное место занял рассказ о старом резчике по дереву, который одновременно является хранителем традиций этого праздника. Подробно было показано, как он обучает детей игре на барабанах, надеванию праздничных костюмов, правильному завязыванию поясов, пользованию различными праздничными атрибутами, например веерами. Занятия проводятся либо в храме, либо на берегу моря, что особенно привлекает ребят. Ему в этом активно помогают родители. Дикторский комментарий к фильму был рассчитан на повышение интереса к праздникам прежде всего среди молодежи.

Довольно много внимания уделяется показу праздников в день их проведения: о них сообщается не только в «Новостях», но и в специальных передачах, рассчитанных на 1,5—2 часа, непосредственно из городов, где они проходят. Это касается не только таких известных праздников, как Гион, Танабата или Бон, но и локальных, типа Эннити. Например, 18 августа 1985 г. по программе TBS был продемонстрирован Эннити в торговых рядах токийского района Асакуса. Подробно было показано оформление праздника, праздничное шествие по улицам, закрытым для движения транспорта. Торжественную церемонию возглавлял священнослужитель.

В День осеннего равноденствия 22 сентября 1985 г. по местному телевидению преф. Сидзуока была показана процессия, устроенная в память моряка, уроженца г. Сидзуока, ставшего жертвой испытания ядерного оружия США на атолле Бикини. Эта церемония была организована Японским советом борьбы за запрещение атомной и водородной бомбы (Гэнсуйкё). В ней приняло участие около трехсот жителей города. Они прошли по улицам по направлению к кладбищу, неся портрет погибшего, украшенный цветами. В этот день неоднократно в сводках но-

востей показывали кладбища в различных городах, где люди возлагали цветы на могилы и возжигали курения.

Очень широко освещает телевидение церемонии, совершаемые в храме Ясукуни. Так, 15 августа 1985 г. был подробно показан весь ритуал посещения тогдашним премьер-министром Накасонэ и членами его кабинета упомянутого храма и совершение им косики сампай. В то же время можно было увидеть, и как полиция разгоняла тех, кто пытался помешать оказанию почестей участникам агрессивных войн. Телевидение показывало также митинги протеста, проводимые различными оппозиционными партиями. Но этим акциям было уделено несравненно меньше внимания и времени.

Широко рекламируют праздники и японские газеты. Они не только помещают статьи с описанием праздников, но и практически ежедневно оповещают о том, где, когда, и какой состоится праздник. Например, газета «Mainichi Daily news» 14 мая 1985 г. поместила сообщение о 20 крупных праздниках, которые должны состояться в мае. Это, в частности, такие известные по всей стране, как Аой мацури в г. Киото или Сэннин гёрэцу в г. Никко; или Саката мацури, праздник города Саката в преф. Ямагата, во время которого по улицам пройдет парад колесниц и состоятся представления танцев львов; или праздники с кагура в районах Канда и Уэно в г. Токио. Сообщалось также, что во время праздников в мае на базе разных храмов можно увидеть соревнования по кэндо (японское фехтование), борцов сумо, чайную церемонию, послушать музыку, исполняемую на национальных инструментах. Особое место в этой газетной полосе занимало описание большого традиционного праздника в г. Мацуэ (преф. Симанэ), который проводится раз в 12 лет с 18 по 26 мая. Оформление его требует значительных материальных затрат и много времени на подготовку. Возник он около 350 лет назад, когда жители этого района пострадали от жесточайшего неурожая и местный даймё Мацудайра Наомаса распорядился проводить этот мацури для того, чтобы умиливать богов и впредь получать хорошие урожаи и богатые уловы. Наиболее внушительной и дорогостоящей частью праздника является процессия лодок, растягивающаяся более чем на километр. На одних лодках состоятся представления кагура, на других займут свое место микоси, а замыкать шествие будут многочисленные небольшие лодки с основной массой участников праздника. Все лодки украшены флагами, вымпелами, цветами, лентами. Толпы зрителей на берегу смогут слышать пение, удары барабанов и гонгов, веселые детские голоса.

Праздники в Японии широко используются для привлечения туристов, в том числе иностранцев. Во время больших, наиболее интересных праздников экскурсионные фирмы продают специальные туры для их посещения. Так, в 1985 г. во время Бон в г. Киото для того, чтобы посмотреть Даймондзи 16 августа, можно было купить тур за 24 тыс. иен на одного человека, куда

входил ужин, плата за ночь в гостинице и завтрак [150, 10.07. 1985]. При этом достигаются две цели — извлечение доходов и пропаганда японской национальной культуры. Удачным примером этого может служить фестиваль японских традиционных праздников различных префектур страны, проведенный в рамках культурной программы всемирной выставки Экспо-85 в г. Цукуба. На нем, в частности, были представлены мацури, имеющие ранг «духовных национальных ценностей» различных категорий.

Значительное место среди них занимали праздники с танцами, например Акю-но тауэ-одори, т. е. танцы, посвященные высадке рисовой рассады в местечке Акю (преф. Мияги). В них принимают участие юноши и девушки. Характерной деталью костюма последних являются уже упоминавшиеся ханагаса. Здесь был показан еще один вид танцев с ханагаса из городка Кумагэ (преф. Ямагути), который на родине исполняется лишь раз в семь лет. Характерной особенностью ханагаса этого танца являются многочисленные гирлянды цветов, свисающие со шляп и доходящие почти до колен (число таких гирлянд на одной шляпе доходит до 30). Посетители выставки могли посмотреть очаровательный танец маленьких обезьян, исполняемый мальчиками, одетыми в красные хакама и белые хаппи. Зрелищными были также представления кагура из г. Ивами (преф. Симанэ), главным действующим лицом которых был восьмиголовый дракон, сделанный из японской бумаги васи. Этим громадным драконом манипулировал всего лишь один танцор.

Таким образом, правительство, учитывая естественные потребности народа в праздниках, поддерживает их проведение и одновременно осуществляет свою социальную политику. С этой целью оно использует и официальные праздники, и бесконечное множество традиционных общенациональных и местных мацури. Большинство из них широко пропагандируется средствами массовой информации и проводится при непосредственном участии городских властей и представителей правительственных кругов, чтобы создать иллюзию единства власти и народа.

Государственная политика в отношении праздников идет в одном русле с политикой правительства, направленной на усиление внимания к традициям и культурному наследию прошлого и превращению Японии в образец для всего мира.

Демократические праздники японских трудящихся

Демократические праздники японских трудящихся еще очень молоды. Однако они уже имеют свои традиции, подчас весьма драматические. Наиболее широкое распространение получил Первомай — Праздник международной солидарности трудящихся, возникший на базе пролетарского интернационализма. Про-

исхождение его связано с памятью о жесточайшем насилии, которому подверглись американские рабочие во время демонстрации в Чикаго 1 мая 1886 г. Для увековечения этого события в истории международного рабочего движения и отражая потребность рабочих в классовой солидарности, Учредительный конгресс II Интернационала в Париже в 1889 г. решил провести первомайские демонстрации 1890 г. одновременно во всех странах. В постановлении об этом говорится: «Назначается великая международная манифестация в раз навсегда установленное число, чтобы таким образом во всех странах... трудящиеся предъявили общественным властям требования ограничения законом рабочего дня до 8 часов, а также выполнения всех других постановлений Международного конгресса в Париже...

Так как подобная манифестация уже назначена на 1 мая 1890 г. Американской федерацией труда на ее съезде, состоявшемся в сентябре 1888 г. в Сан-Лунсе, то это же число принято и для международной манифестации» (цит. по [27, с. 147]).

Первомайская манифестация 1890 г., когда по всему миру прошла волна массовых демонстраций и выступлений трудящихся, показала, что ее установление было исторически закономерным явлением. С момента своего учреждения Первомай стал классовым международным праздником. В канун столетнего юбилея праздника газета «Правда» писала: «Рождение интернационалистской традиции — Первомай — свидетельствовало, что международное рабочее движение превратилось в могучий фактор общественного прогресса, который нуждался в систематическом смотре своих сил, в боевой переключке рабочих организаций разных стран. Первое мая стало днем, когда лозунг „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“ выливается на деле в политическую демонстрацию единства классовых интересов трудящихся, которая вселяет в них веру в справедливость своей борьбы, в неотвратимость будущей победы» [138, 29.04.1986].

День 1 Мая стал отмечаться повсюду, где пробуждалось классовое самосознание рабочих. Он становится важным звеном в революционном движении трудящихся разных стран. Ежегодные первомайские демонстрации вовлекали с каждым годом все большее число трудящихся, учили их боевому единству в борьбе с буржуазией. Последняя стремилась всеми возможными средствами не только предотвратить этот праздник, не допустить его проведения, но и применяла насилие во время самого праздника. Однако эти акции не могли сдержать повсеместное распространение Первомая. Более того, они создавали новые боевые традиции, укрепляя революционный дух трудящихся.

В годы, когда рождалась традиция этого пролетарского международного праздника, в Японии еще только шел процесс объединения рабочих, сплочения их на профессиональной основе. Японский пролетариат постепенно набирал силу, включаясь в борьбу против эксплуататоров за улучшение условий своего существования, выдвигал способных руководителей.

Со второй половины 90-х годов XIX в. во главе рабочего и социалистического движения в стране встал выдающийся революционер Катаяма Сэн. Под его руководством в 1897 г. начал издаваться журнал «Родо сэкай» («Рабочий мир»). В этом журнале впервые были опубликованы материалы, из которых японские рабочие узнали о том, что в других странах трудящиеся отмечают 1 Мая как «день демонстрации сил международного пролетариата». Катаяма Сэн писал: «Рабочее движение в Японии еще очень молодо. Оно не может организовать демонстраций, подобных описанным выше, и таким путем дать толчок дальнейшему развитию идеалов рабочего класса Японии, выразить его надежды. Однако рабочее движение крепнет день ото дня. Уже недалеко то время, когда ряды наших демонстрантов протянутся от Симбаси (район г. Токио.— Авт.) до парка Уэно и японские рабочие вместе со своими братьями, рабочими всех стран, примут участие в грандиозной демонстрации... Мы еще молоды и слабы, но мы знаем, что будем двигаться вперед вместе со всем человечеством» [42а, с. 351—352].

В 1901 г. в журнале «Родо сэкай» был опубликован манифест Учредительного конгресса II Интернационала, который установил День 1 Мая. Таким образом, японские рабочие узнали о нем лишь спустя десятилетие после его принятия II Интернационалом.

В первые годы нашего века в рабочем движении Японии накопился «горючий материал», отражавший рост классового самосознания рабочих. Однако еще не были созданы условия для крупных демонстраций международной солидарности. Появлялись лишь ее первые ростки. 1 мая 1905 г. «Общество простого народа» («Хэйминся»), созданное зачинателями социалистического движения в Японии Котоку Дэндзиро и Сакан Тосихико, провело «собрание за чашкой чая» («тявакай»), впервые посвященное Первомайскому празднику [15, с. 145].

Прошли десятилетия, прежде чем празднование 1 Мая стало прочной традицией японских трудящихся. До окончания второй мировой войны японским рабочим лишь 16 раз удалось отметить этот праздник. Открытое массовое празднование международного дня пролетарской солидарности впервые состоялось в японской истории в 1920 г. Это было 2 мая, так как оно попадало на воскресенье. В последующие годы независимо от дня недели праздник отмечали всегда 1 мая.

Общее число демонстрантов в Токио в 1920 г. было невелико, не более 1500 человек. Они представляли 15 различных организаций рабочих. В других городах демонстраций вообще не было. Рабочие требовали немедленного отзыва японских оккупационных войск из России, защиты от безработицы во время кризиса, установления закона, гарантирующего минимальную заработную плату. В 1921 г. 1 Мая отмечали уже не только в Токио, но и в Осаке, Кобэ, Иокогаме и Асио. Впервые легально было выдвинуто требование 8-часового рабочего дня. Общее чи-

сло участников демонстрации только в столице достигло 5 тыс. человек. В 1922 г. одним из призывов первомайской демонстрации было «признание рабоче-крестьянской России». Несмотря на полицейские репрессии в марте 1928 г., первомайские митинги и демонстрации прошли в этом году с большим подъемом в 72 городах страны [65, с. 25, 26, 107]. Однако после военно-фашистского путча 26 февраля 1936 г. празднование 1 Мая было запрещено законом.

После поражения Японии во второй мировой войне японские трудящиеся впервые вышли на этот праздник 1 мая 1946 г. Он проходил в условиях экономической разрухи: продовольственного кризиса, острой инфляции, безработицы. В этот день в Токио, на Народной площади (так стали после войны называть площадь перед императорским дворцом) состоялась демонстрация, в которой приняло участие около 500 тыс. человек, а по всей стране — около 2 млн. Это были крупнейшие первомайские демонстрации из прошедших в первый послевоенный год в капиталистических странах. Их участники требовали улучшения условий жизни и создания народно-демократического правительства.

Трагической страницей в истории японского Первомая стали события 1 мая 1952 г., названные «кровавым Первомаем» (ти но мэдэ). Дело в том, что с 1950 г. американские оккупационные власти запретили демонстрации трудящихся на площадях. В 1952 г. День 1 Мая уже праздновали в условиях ликвидации оккупационного режима. Первомайский митинг и демонстрация сначала прошли в парке храма Мэйдзи. Заключительную же часть праздника было решено провести на Народной площади. Однако здесь демонстрантов ждали полицейские, которые окружили их и, пустив в ход пистолеты, дубинки и слезоточивый газ, устроили разгон участников первомайского праздника. Более тысячи человек было ранено, 1300 арестовано, и один человек убит. Лишь в 1972 г., т. е. 20 лет спустя, верховным судом г. Токио было вынесено оправдательное заключение всем привлеченным по этому делу.

В последующие годы в ходе классовых выступлений в защиту своих прав японские трудящиеся завоевали право широко отмечать этот день международной солидарности.

Для проведения праздника обычно создается подготовительный комитет, в который, как правило, входят представители крупнейших профсоюзных объединений страны и основных оппозиционных партий.

С середины 80-х годов намечаются новые тенденции в проведении этого праздника как по форме, так и по существу. В 1984 г. на заседании подготовительного комитета было внесено предложение провести торжественный митинг не 1 мая, а 27 апреля, сократить время демонстраций и митингов, снять политические и антивоенные лозунги и под предлогом упрощения церемонии праздника отказаться от выступлений на них

представителей политических партий. Однако представитель Компартии Японии резко выступил против изменения основных лозунгов первомайских демонстраций. Представитель Социалистической партии Японии протестовал против запрещения агитационным машинам оппозиционных партий сопровождать первомайские демонстрации трудящихся. Коммунисты и социалисты решительно потребовали, чтобы, как и прежде, представители оппозиционных партий выступали бы с приветствиями на празднике. Но договориться по этим вопросам в подготовительном комитете не удалось. Как отмечали средства массовой информации, Первомай в 1984 г. носил характер обычного праздника, его политическое звучание было приглушено [139, 22.03.1984].

При подготовке празднования 1 Мая в 1985 г. лидеры правореформистских профсоюзов под демагогическим лозунгом «демонстрации единства» между профцентрами попытались полностью лишить политической окраски этот праздник японских трудящихся. Вместо традиционных многочасовых демонстраций по улицам Токио они предложили, чтобы после короткого митинга в парке Ёёги сразу перейти в расположенный недалеко олимпийский комплекс. Здесь планировалось провести первые в рамках Первомая спортивные соревнования, включая традиционное цунахики.

Всеяпонская конфедерация труда (Домэй) потребовала отменить даже небольшую демонстрацию по маршруту в два километра между местом проведения митинга и спортивным комплексом. Она вновь потребовала запретить выступления представителей политических партий. «Первого мая люди хотят весело отдохнуть, а не выслушивать лозунги и политические речи», — цинично заявил председатель Домэй Т. Усами [141, 30.01.1985].

Используя большую популярность этого праздника среди японских трудящихся, правительство начинает принимать в нем участие, чтобы направить это движение в нужном ему направлении. С этой целью в первомайских празднествах 1985 г., которые были самыми представительными за всю историю японского Первомая, на центральном митинге с приветствием к участникам обратился министр труда Ямагути Тосио. Первомайские митинги и демонстрации прошли в 1985 г. в 1173 местах по всей стране, в них приняло участие около 4,2 млн. человек; только на центральном митинге в Токио в парке Ёёги присутствовало 320 тыс. человек.

Основной лозунг первомайского праздника этого года гласил: «Сплотимся в защиту жизни и прав трудящихся, построим мирную свободную Японию, в которой будет безопасно жить!» Кроме того, трудящиеся требовали 40-часовую рабочую неделю, «установление недели солнца и зелени». Последний лозунг был выдвинут с целью привлечь внимание к экологической проблеме в стране. Эту неделю предлагают проводить с 29 апреля по

5 мая. На Первомае 1985 г. было много требований в защиту прав женщин и улучшения их положения. Ведь это был завершающий год «10-летия женщин», проводившегося по решению ООН. В результате борьбы прогрессивных сил лидеры всех оппозиционных партий снова смогли на митинге в 1985 г. обратиться с приветствием к участникам праздника. Здесь же впервые в истории японского Первомая была принята резолюция к правительству считать 1 Мая нерабочим днем.

Как и планировалось, во время первомайских торжеств 1985 г. был проведен большой спортивный праздник. Безусловно, проведение спортивных соревнований дополнительно привлекает большое число участников праздника. Однако в ходе дискуссии о формах его проведения со стороны представителей прогрессивной общественности высказывались критические замечания о том, что спортивная часть может отодвинуть на задний план политическое звучание Первомая и что надо решительно бороться за сохранение боевых традиций этого праздника [140, 01.05.1985, веч. вып.].

Международный женский день 8 Марта, решение о ежегодном проведении которого было принято на II Международной конференции социалисток в Копенгагене в 1910 г., пока еще отмечается в Японии не очень широко. Впервые он был проведен в 1922 г. Тогда в Токио в районе Канда в одном из культурных центров состоялся митинг в защиту прав женщин. Однако дискриминационные законы в отношении женщин были отменены лишь во второй половине 40-х годов с введением в жизнь конституции 1947 г. Соответствующие поправки были внесены и в гражданский кодекс.

Хотя правительство Японии и поддерживает международные мероприятия, проводимые в рамках ООН в защиту прав женщин (в частности, «Год женщин» и «10-летие женщин»), во многом эта поддержка носит декларативный характер.

Одной из причин того, почему празднование 8 Марта не получило широкого распространения в стране, является разобщенность женского движения. Левые демократические женские организации отмечают свой праздник 8 марта, а другие женские организации только 10 апреля, в день, когда японские женщины впервые приняли участие в голосовании. В 1949 г. правительство, поддержав инициативу отдела по делам женщин и молодежи министерства труда, объявило день 10 апреля «Днем женщин», а неделю с 10 по 16 апреля «Неделей женщин». Очевидно, это было сделано с целью отвлечь внимание японских женщин от международного праздника солидарности.

Стремясь добиться единства в движении, демократические женские организации страны принимают активное участие и в празднике 10 апреля. По их инициативе не раз выдвигалось предложение сделать эту дату нерабочим днем. Такую же цель — объединение женского движения — преследует и проводимый с 1954 г. по инициативе Генерального совета профсоюзов

Японии «месячник женщин», включающий оба этих женских праздника; он проходит с 8 марта по 16 апреля.

В последние годы женщины, входящие в разные организации, ставят перед собой одни и те же задачи — борьба за мир и социальную справедливость, за ликвидацию ядерного оружия, в защиту жизни детей. Именно под такими лозунгами был проведен праздник 8 Марта в 1986 г. женскими организациями, работающими под руководством Коммунистической партии Японии.

Его проведению предшествовала большая подготовительная работа в разных префектурах страны. В преф. Фукуока в подготовке праздника участвовало более 70 женских организаций. В преф. Киото на базе начальных школ более чем в 160 местах были организованы митинги, на которых женщины выступили против насаждения в школах националистического духа, воспевания милитаристского прошлого страны, в частности против исполнения в школах гимна «кими-га ё», против поднятия флага «хи-но мару» во время школьных праздников. Кими-га ё (букв. «правитель — ты мир») — японский государственный гимн. Как и праздник Кигэнсэцу, он призван оправдывать сочиненную представителями господствующих классов Японии версию о неизбежности японской императорской власти. В гимне говорится о том, что правитель страны существовал и будет существовать вечно, «до тех пор, пока галька не станет скалой и не обрастет мхом».

8 марта 1986 г. в Токио состоялся митинг. Лозунгами на нем были: «Солидарность женщин в борьбе за предотвращение ядерной войны и уничтожение ядерного оружия», «За равенство, мир, процветание!» На митинге поднимались также вопросы более активного участия женщин в решении общенациональных проблем, касающихся трудового законодательства, проведения административной реформы и т. п. [139, 08.03.1986].

В послевоенное время в ряде высокоразвитых капиталистических стран, в которых коммунистические партии представляют собой значительную общественную силу, появился новый тип политического классового праздника. Это праздник коммунистических газет. Во Франции — «Юманите», в Италии — «Уни-ты», в Японии — «Акахаты». Являясь по своему содержанию политическим праздником, он в то же время и глубоко народный. Во время этого праздника проводятся политические митинги, дискуссии, ведется широкая пропаганда политики коммунистической партии. Он сопровождается также различными спортивными соревнованиями, играми, аттракционами. Проводятся такие праздники, как правило, в субботу и воскресенье. Их смысл — не просто доставить людям развлечение, а пропагандировать идеи нового общества, за которое борются коммунистические партии.

Газета японских коммунистов «Акахата» является одной из старейших партийных газет Японии. Она была создана как не-

легальный печатный орган партии 1 февраля 1928 г. и называлась «Сэки» («Красное знамя»). «Выпуск газеты дал партии возможность излагать свои взгляды перед массами, распространять передовые коммунистические идеи среди широких слоев рабочих, крестьян и интеллигенции» [46, с. 119].

Издание газеты было прекращено в 1935 г. в связи с тем, что Компартия Японии организационно перестала существовать после проведенных в отношении ее членов репрессий. Сразу же после капитуляции Японии вновь начинает выходить боевой орган японских коммунистов. В 1947 г. ее стали называть «Акахата», т. е. по-другому читать те же иероглифы, означающие «Красное знамя»².

В 1950 г. штаб американских оккупационных войск осуществил репрессивные меры в отношении руководящих деятелей коммунистической партии и ее печатного органа. Сначала 17 членов редакционной коллегии газеты были уволены со своих постов и выпуск газеты прекращен на 30 дней, затем последовала директива о запрещении выпуска газеты и всех других печатных изданий компартии на неопределенный срок. «Целью этих репрессий против Центрального комитета,— отмечалось в документе „50 лет КПЯ“,— было стремление поставить Компартию Японии вне закона и обеспечить себе „тыл“ накануне войны в Корее».

В 1952 г., после вступления в силу Сан-Францисского договора, ликвидировавшего оккупационный режим, газета вновь стала издаваться. В 1959 г. добавился специальный воскресный выпуск и изменился ее формат, он стал стандартным для японских газет. В настоящее время число читателей «Акахаты» и ее воскресного выпуска составляет примерно 3,5 млн. человек. Газета японских коммунистов — значительная сила, оказывающая влияние на формирование общественного мнения в стране.

В 1986 г. проводился 27-й праздник газеты «Акахата». Он продолжался три дня — 3, 4 и 5 мая в пригороде Токио — Тёфу, на площади Свободы. В празднике участвовали в первый день 70 тыс. человек, во второй — более 90 тыс., несмотря на то, что шел дождь. В последний день число участников превысило 200 тыс. человек. Оргкомитет заблаговременно опубликовал на страницах газеты расписание движения поездов от центральной станции Синдзюку к месту проведения праздника, поместил схему проезда другими видами транспорта и подробную программу мероприятий каждого дня. Устроителям пришлось приложить много усилий, чтобы наладить четкую работу по доставке желающих принять участие в празднике. Сюда ведь ехали с разных концов страны. Например, только 4 мая надо было обеспечить стоянками не менее 552 больших автобусов, около 50 микроавтобусов, более 2 тыс. автомашин. Кроме того, многие добирались сюда другими видами транспорта.

² В японском языке каждый иероглиф имеет два чтения.

В этом году политический аспект праздника носил ярко выраженный характер, так как шла подготовка к проведению кампании по выборам в парламент. И это вполне естественно, ведь газета «Акахата» является главным пропагандистским органом японских коммунистов во время избирательных кампаний. Поэтому на этот раз на празднике «Акахаты» кандидаты в депутаты от коммунистической партии выступали на митингах, вели индивидуальные беседы.

Главными лозунгами праздника были: «Борьба за полную ликвидацию ядерного оружия», «За мирную, демократическую Японию», «За сокращение военных расходов и использование высвободившихся денежных средств на социальные нужды», «Против превращения Японии в ракетно-ядерную базу Пентагона». На месте проведения праздника была организована большая выставка, посвященная истории Коммунистической партии Японии. На ней было представлено значительное количество самых разнообразных материалов: документов, фотографий, плакатов, рассказывавших о героической борьбе японских коммунистов со дня основания партии (1922 г.) и по настоящее время.

Отдельно была устроена выставка, посвященная работе печатных органов партии: газеты «Акахата», журналов «Дзэнъ-эй», «Бунка хёрон», «Гикай то дзититай», «Фудзин-но хироба» и др. Проходили встречи сотрудников издательств и редакций, обменивавшихся опытом работы, обсуждались проблемы дальнейшего развития и совершенствования деятельности партийной печати. На стендах можно было ознакомиться с самой разнообразной печатной продукцией — брошюрами, памфлетами, предвыборными плакатами, листовками, трудами руководящих деятелей компартии, книгами, написанными писателями-коммунистами, и т. д. Во время праздника широко распространялись печатные материалы партии.

Была также развернута экспозиция, рассказывавшая о борьбе жителей о-ва Миякэ против строительства на нем взлетно-посадочной полосы для самолетов ВВС США, а также представлены материалы о движении солидарности с населением острова. На празднике присутствовала делегация жителей о-ва Миякэ, которые рассказывали о своей борьбе.

Во время праздника «Акахаты» работали консультационные пункты. Это характерная для коммунистов форма работы в массах. Здесь все желающие могли получить квалифицированные советы специалистов-юристов по вопросам трудового законодательства, пенсионного обеспечения, здравоохранения и другим жизненно важным проблемам. На площади была также устроена выставка, посвященная истории пролетарской культуры в стране: живописи, графики, скульптуры. Здесь же были представлены работы современных мастеров. Все желающие могли приобрести понравившиеся им произведения искусства.

На протяжении всех дней праздника проводились различные митинги-встречи. Например, в первый день состоялся митинг,

посвященный положению дел на Филиппинах, в котором приняли участие представители этой страны. Депутаты-коммунисты в парламенте не раз обращались к правительству Накасонэ с запросами, касающимися получения взяток депутатами парламента—либерал-демократами от представителей режима Маркоса. Делегация Компартии Японии выезжала специально на Филиппины для самостоятельного расследования этого скандального дела. Другой митинг был посвящен политике партии в отношении развернутой правительством Накасонэ широкой кампании по подготовке празднования 60-летнего правления императора Хирохито.

3 мая был проведен большой вечер молодежи с дискуссиями, встречами по интересам, жаркими обсуждениями актуальных проблем внутреннего и внешнего положения страны. Закончился он концертом самодеятельных артистов.

Кульминацией праздника стал митинг 4 мая. Площадь перед трибуной, закрытой от дождя виниловым тентом, была буквально расцвечена морем ярких зонтиков. Многие пришли сюда с семьями, и никто не обращал внимания на дождь. Шутили, что этот дождь только сильнее сплотит их ряды, вспоминали известную японскую пословицу «амэ футтэ, дзи катамару» («после дождя земля твердеет»). С приветственным словом к участникам праздника обратился председатель ЦК КПЯ Миямото Кэндзи. С речью о деятельности партии, о подготовке ее к предстоящим выборам выступил член президиума ЦК КПЯ Уэда Коитиро. Повсюду были развешены лозунги: «Читайте „Акахату“, которая объясняет существующее положение и раскрывает перспективу!», «Вперед, на выборы!», «За успех на выборах!» и т. д. На митинге выступили представители коммунистических и рабочих партий и деятели партийной печати из Болгарии, Великобритании, Италии, Кубы, СССР, Франции, Чехословакии.

В организации и проведении праздника активное участие приняли различные общественные организации, работающие под руководством коммунистов: Лига демократической молодежи Японии, Японский совет борьбы за запрещение атомной и водородной бомбы, Женщины новой Японии и др. Они организовали продажу сувениров с эмблемами своих организаций.

Как и на любом празднике, площадь и павильоны были украшены гирляндами цветов, воздушными шарами, отовсюду слышались удары барабанов, песни, призывы посетить то или иное мероприятие праздника.

Большой участок площади был отведен под детский уголок. Ему предоставили территорию в три раза больше, чем, например, в прошлом году, потому что в последний день праздника газеты «Акахата» проходил День детей. Здесь было много книжных лавок под общим девизом «Мать и ребенок», была организована распродажа книг с автографами известных детских писателей, проходили встречи с любимыми детворой авторами. В уголке детского творчества были представлены поделки из

бамбука, дерева, мозаика, куклы, *оригами* (фигурки из бумаги). Все это было сделано специально для этого праздника под руководством учителей.

Внимание детей привлекал и базар детской игрушки, цены на котором были раза в два ниже, чем обычные. На эстраде шло представление кукольного театра. Выступали детские хоры и танцевальные ансамбли. На детской же площадке установили садки, в которых можно было ловить рыбу, иногда размером до 40—45 см. Это любимое занятие детворы — *цурибори*. И конечно, повсюду были изображения популярного героя детской страницы воскресного выпуска «Акахаты» — Рокусукэ. Родители охотно покупали детям специально сделанные для этого праздника маечки с его изображением. Для детского праздника подготовили много различных аттракционов. Например, можно было прокатиться на деревянных игрушечных паровозе или лодке.

На празднике была предусмотрена широкая программа развлечения и отдыха для взрослых. Прежде всего были хорошо организованы спортивные игры и соревнования. Так, желающие могли совершить прогулку верхом или получить первые уроки верховой езды. Для этой цели было арендовано 12 лошадей. Проводились стрелковые соревнования. Можно было также проверить свои силовые возможности. Данные о них закладывались в компьютер, который определял, соответствуют ли эти параметры вашему возрасту. Было также много аттракционов типа лабиринта, «дороги загадок», куда устремлялись целыми семьями.

Характерная черта японских традиционных праздников — торговые ряды и передвижные кухни. Присутствовали они на празднике «Акахаты» уже седьмой раз. Здесь можно было приобрести сувениры, привезенные из разных префектур страны по сравнительно невысоким ценам. Кроме того, можно было отвежать блюда разных местных кухонь, которые многим участникам праздника, давно переселившимся в Токио, напомнили родные места. Над всеми этими лавками были вывешены транспаранты и лозунги, призывающие к солидарности с борющимися народами Латинской Америки и Африки, напоминающие о предстоящих выборах и т. д. Праздник широко освещался на страницах газеты «Акахата».

Демократические праздники, так же как и японские традиционные, выполняют функцию социализации членов общества, но в известной мере на другой основе. Смысл этих праздников состоит в том, чтобы пропагандировать высшие духовные ценности человека, борьбу за мир, охрану жизни людей и природы. Смысл этих праздников — привлечь народ к коллективной поддержке этих общечеловеческих лозунгов.

年中行事

КРАТКИЙ КАЛЕНДАРЬ ЯПОНСКИХ ПРАЗДНИКОВ

Как мы уже рассказывали, в Японии практически на каждый день календаря приходится какой-нибудь праздник, а на большинство дней — по несколько. Например, 15 октября. В этот день в разных местах страны отмечается 14 самых разнообразных праздников:

— в преф. Айти в г. Итиномия проводится праздник Комахики синдзи, связанный с культом лошади. Суть праздника — отбор нескольких десятков лошадей, которые затем должны принять участие в весеннем празднике цветения персиковых деревьев (Могасай), одном из многочисленных мацури, посвященных земледельческому труду;

— в преф. Вакаяма в г. Сингу проводится праздник на воде, во время которого на разукрашенных лодках устанавливаются микоси и праздничная процессия движется по р. Кумано;

— в преф. Симанэ в деревне Якумо проходит Кириби мацури, посвященный очищающей силе огня;

— в г. Осака — Хацухо мацури (Праздник сбора первых колосьев риса), во время которого проходят благодарственные молебны в храме Икутама, процессии с микоси, сопровождаемые нарядно одетыми девушками;

— в преф. Окаяма в г. Курасики — храмовой праздник Кати мацури, посвященный избавлению жителей города от болезней, отмечается с начала XIX в.;

— в преф. Гифу в г. Итиномия — ежегодный праздник в храме Ива. В праздничной церемонии активное участие принимают дети;

— в преф. Мие в г. Цу — Праздник города, который славится процессиями яма, хоко, микоси;

— в преф. Ямагути в г. Симоносэки с XII в. существует Санагари синдзи, посвященный богу Хатиману. Это праздник рыбаков с традиционными обращениями к богу с просьбой о богатом улове;

— в г. Киото в районе Тояма проводится праздник почитания 25 бодхисатв, главными действующими лицами которого являются 25 тиго;

— в преф. Нара в г. Тэнри, при храме Исоноками — праздник-шествие с микоси, представлениями театра Кабуки, выступлениями музыкантов, фейерверками. Традиция праздника восходит к XI в.;

— в преф. Эхимэ в г. Сайдзэ проходит красочный и пышный праздник, в котором принимает участие до 50 микоси, яма, хоко и других колесниц. Шествие сопровождают оркестры;

— в преф. Кумамото в г. Тэнсуй проводится праздник, посвященный культуре огня. Ночью улицы города заливают море огней, так как по ним движется процессия факельщиков;

— в преф. Ямагути в г. Бофу — ежегодный праздник в храме Тэммангу, который проводился еще в эпоху Хэйан. Поэтому ему присущи все древние атрибуты мацури: шествие с микоси, процессия монахов и священнослужителей в белых одеждах и т. д.;

— в преф. Сига в г. Нагахана — ежегодный праздник при храме бога Хатимана, который привлекает большое число участников и зрителей красочной процессией колесниц и микоси.

Но 14 праздников в один день — это не предел. Поэтому, сколько бы мы ни описывали праздников, в этой книге очень трудно поставить точку. Для более полного представления о японских праздниках мы предлагаем небольшой календарь с кратким описанием праздничных мероприятий, которые не нашли отражения в книге. К ним относятся, например, праздники, посвященные основанию городов, открытию портов и курортов на горячих источниках, местным божествам. Большую группу составили праздники на воде с многочисленными красочными парадами лодок. Много в этом календаре и праздников-споров или праздников-представлений, основным содержанием которых являются выступления непрофессиональных артистов.

Однако и этот календарь вместе с уже описанными в книге мацури далеко не исчерпывает всего многообразия праздников, зафиксированных в специализированных японских справочных изданиях. В связи с этим читателю может показаться, что японцы только и делают, что празднуют. Но это далеко не так. Хотя японцы очень любят праздники, но отдыхают они только после того, как много и хорошо потрудились, оправдывая японскую пословицу «ёку манаби, ёку асобэ» (букв. «хорошо позанимался, хорошо отдыхай»), что идентично по смыслу русской пословице «кончил дело, гуляй смело».

15 января. *Вакакусаяма но ямаяки* (г. Нара) — Праздник сжигания травы на горе Вакакуса. Праздник имеет тысячелетнюю историю. Его возникновение связывают с двумя легендами, согласно которым траву сжигали для того, чтобы изгнать обитавших здесь ночью гоблинов и призраков влюбленных, встречавшихся на этой горе. Однако считают, что истинной причиной его появления было мирное решение спора о границах между двумя крупнейшими храмами г. Нара — Тодайдзи и Кокфукудзи — путем поджога с двух сторон травы на горе Вакакуса. С тех пор ежегодно на склоне этой горы, на площади примерно в 33 тыс. кв. м, проводится церемония сжигания старой травы. Ночью устраиваются грандиозные фейерверки.

15 января. *Тяккирако* (преф. Канагава, г. Миура) — Праздник тяккирако. Это слово — онomatopoeическое выражение ударов бамбуковых палок. Во время праздника дети в возрасте до 15 лет, объединившись в группы по 10—12 человек, танцуют без музыкального сопровождения, а ритм танцам задают удары бамбуковых палок.

1—8 февраля. *Овасэ яя мацури* (преф. Миэ, г. Овасэ, храм Овасэ) — Праздник в г. Овасэ. Это веселое, шумное шествие, во время которого молодые люди в набедренных повязках проходят по улицам города с огромными масками львов на голове, громко выкрикивая «яя». Праздник завершается представлением кагура, действующими лицами которых являются львы.

3 февраля. *Мандоро* (г. Нара, храм Касуга) — Праздник зажигания мириад фонарей. Посвящен приходу весны. В ознаменование этого события горят более 4 тыс. разнообразных фонарей и факелов.

10—11 февраля. *Они мацури* (преф. Айти, г. Тоёхаси, храм Симмэйся) — Праздник демонов. Такие праздники проводятся для обеспечения благополучия и получения хорошего урожая в наступающем году. Содержание этого праздника — борьба между добрым демоном и злым красным демоном. Победенный красный демон разбрасывает в толпу сладости. Это действие символизирует его поражение. А сладости, которые достаются счастливым, «гарантируют» им здоровье.

17 февраля. *Бонтэн* (преф. Акита, г. Екотэ) — Праздник-шествие с бонтэн. *Бонтэн* — специально сделанные для этого празд-

ника украшения-обереги. Бамбуковый шест примерно двухметровой высоты драпируется красочными тканями таким образом, что напоминает надутый воздухом баллон. Верхняя часть бонтэн украшена перевитой жгутом симэнава. Над ней возвышается деревянный круг, на котором написаны пожелания благополучия или изображены фигурки животных данного года. Шествие сопровождается песнями и танцами под аккомпанемент флейт. Каждый участник шествия стремится прийти в храм первым, чтобы принести в дар храму свой бонтэн и обеспечить удачный год.

25 февраля. *Хадака мацури* (преф. Айти, г. Кономия) — Праздник обнаженных. Молодые люди в набедренных повязках шумно и весело возятся на территории местного храма. Каждый старается первым дотронуться рукой до человека, одетого в священные одежды, чтобы обеспечить себе удачу в наступившем году.

25 февраля. *Доронко мацури* (преф. Тиба, г. Ёцукайдо, храм Убусуна) — Праздник разбрасывания грязи. Связан с синтоистской традицией изгнания злых духов с рисовых полей путем разбрасывания грязи.

12 марта. *О-мидзутори мацури* (г. Нара, храм Тодайдзи) — Праздник доставания воды из колодца. Один из самых популярных праздников этого древнейшего в Японии храма. Проводится уже 12 веков в одном из помещений храма — Кэнсакуин, называемом в народе «зал второй луны», потому что по лунному календарю праздник отмечали всегда в этом зале во 2-й месяц. Сейчас он проходит в первой половине марта, кульминация приходится на 12 марта. Вечером этого дня тысячи людей собираются около храма, чтобы присутствовать на церемонии доставания воды из колодца Вакаса. Кругом полыхают огромные, до 8 м высотой, сосновые факелы. Их так много, что создается впечатление будто бы все помещения храма охвачены огнем. Люди стоят сосредоточенные и молчаливые. Слышны лишь удары гонгов. Священнослужители в белых одеждах торжественно достают воду из колодца. Ее разливают в герметически закрывающиеся сосуды и преподносят в дар богине Каннон, или уносят домой. Угольки от догорающих факелов считаются амулетами от болезней, и люди берут их с собой.

13 марта. *Касуга мацури* (г. Нара) — Праздник в храме Касуга. Ежегодный праздник в одном из крупнейших храмов Нара с церемониями, воспроизводящими сцены из жизни храма в IX в., когда он находился в зените славы. Одним из интересных эпизодов праздника является процессия буддийских и синтоистских монахов, а также показ старинных танцев в исполнении синтоистских жриц.

26—28 марта. *Цубаки мацури* (преф. Канагава, г. Югава-ра) — Праздник любования цветущими камелиями. Вдоль дороги от г. Окуягавара до Хаконэ высажено около 6 тыс. деревьев. Сюда съезжаются туристы со всей страны.

5—7 апреля. *Кагура мацури* (преф. Миэ, г. Исэ, храм Исэ) — Праздник кагура. В это время здесь выступают лучшие исполнители пьес театра Но и пантомим кагура. Праздник привлекает большое число любителей этих видов искусств со всех концов страны.

10 апреля. *Ясураи мацури* (г. Киото, храм Имамия) — Праздник отдыха. Возник в VIII в., когда горожане обратились к божеству храма с просьбой оградить их от эпидемии. В этот день устраиваются костюмированные шествия в древних одеждах. В процессии можно видеть и демонов и монахов. Она проходит под аккомпанемент старинной музыки и песен.

13—16 апреля. *Нагахама яма кёгэн* (преф. Сига, г. Нагахама, храм Хатиман) — Представления кёгэн на колесницах яма в г. Нагахама. Сюжетом для кёгэн послужил рассказ о том, как сын Тоётоми Хидэёси преподнес в дар жителям этого города, славившегося производством шелковых тканей, деньги для постройки 12 праздничных колесниц. С тех пор вечерами в дни праздника проходит шествие таких колесниц. Периодически они останавливаются для того, чтобы зрители могли увидеть представление кёгэн. Повсюду горят праздничные фонари.

13—17 апреля. *Яёй мацури* (преф. Тотиги, г. Никко, храм Футарасан) — Праздник третьей луны. Назван так, потому что в старину проводился в 3-м месяце. Один из самых больших местных праздников и главный в этом храме. Процессия с микоси из 15 районов города идет от храма к храму. Микоси сопровождают танцоры, музыканты, священнослужители и многочисленные жители.

14 апреля. *Андзин мацури* (преф. Яманаси, г. Ёкосука) — Праздник Андзин. Андзин — японское имя английского моряка Вильяма Адамса, попавшего в начале XVII в. на голландском корабле в Японию и оставшегося там до конца своих дней. Он сыграл значительную роль в обучении японцев европейским методам кораблестроения и навигации.

14—15 апреля. *Такаяма мацури* (преф. Гифу, г. Такаяма, храм Хиэ) — Праздник в г. Такаяма. Это небольшой городок, расположенный в горах, где ежегодно устраивается парад богато украшенных колесниц, на которых устанавливаются микоси храма Хиэ. Во главе шествия идет оркестр. На колесницах также расставлены большие куклы-марионетки, которые «разыгрывают» различные сценки из старинных пьес. Праздник посвящен богу-хранителю очага.

21 апреля. *Сюдзэндзи онсэн мацури* (преф. Сидзуока, г. Сюдзэндзи) — Праздник на горячем источнике в Сюдзэндзи. Один из типичных праздников, посвященных открытию горячих источников, издревле любимому месту отдыха японцев. Во время праздника проходит костюмированное шествие, в котором участвуют тигро.

27—29 апреля. *Нагасаки минато мацури* (г. Нагасаки) — Праздник порта Нагасаки. Устраивается в ознаменование от-

крытия порта для торговли с иностранцами в XVI в. Во время праздника в бухте проводятся гонки разукрашенных лодок, исполняются народные песни, проходит костюмированное шествие, в храмах идут богослужения с мольбой о богатом улове. Вечерами устраиваются фейерверки.

2 мая. *Сёму мацури* (г. Нара, храм Тодайдзи) — Праздник Сёму. Возник в память о дне смерти императора Сёму (701—756), основателя храма. В этот день проводятся самые разнообразные соревнования, представления, выставки произведений искусств. Проходят также шествия участников праздника в костюмах периодов Нара и Хэйан.

5 мая. *Футю кураями мацури* (преф. Токио, г. Футю, храм Окунитама) — Праздник «в темноте». Храмовой праздник. Основание храма относят к 113 г., но современная постройка датируется XVII в. На территории храма сохранились вековые деревья. Во время мацури гасят свет в храме и на улицах, и в домах и в полной темноте проводится шествие микоси из восьми близлежащих храмов.

5 мая. *Кёто камо кэйба* (г. Киото) — Конные соревнования в Киото. Праздник проводится при храме Камовакэикадзумо по древнему ритуалу.

7—8 мая. *Мисаса ханаю мацури* (преф. Тоттори, г. Мисаса) — Праздник цветочных ванн. Возник в связи с открытием курорта на горячих источниках. Во время праздника почитают богов-покровителей медицины, устраивают многокрасочные шествия, фейерверки, соревнования лодок, организуют игры, например перетягивание шестиметрового каната.

8 мая. *Набэкамури мацури* (преф. Ямагата, г. Саката) — Праздник с коронами из сковород. В основу мацури положен древний обычай, согласно которому замужняя женщина, прежде чем войти в город, должна была покрывать голову сковородой. Теперь в праздничной процессии участвуют дети. Сковороды делают из папье-маше. Их завязывают лентами под подбородком. В шествии участвуют также исполнители «танца льва», персонажи из пьес театра Но, барабанщики, флейтисты и другие музыканты.

11 мая. *Укаи мацури* (преф. Гифу, р. Нагара; преф. Киото, р. Удзи) — Праздник начала сезона укаи (ловли форели с помощью бакланов). Это древний обычай, поэтому участники праздника одеты в традиционные костюмы. На лодках прикреплены факелы, на их свет идет рыба.

13—15 мая. *Нанао аокасива мацури* (преф. Исикава, г. Нанао) — Праздник дуба в г. Нанао. Название праздника происходит от обычая преподносить дары храму на листьях дуба. Праздник славится участием в нем большого числа огромных яма, иногда высотой с двухэтажный дом. На них устанавливаются куклы, которые представляют какую-нибудь сцену из пьес театра Кабуки (сцены каждый год, как правило, разные).

13—16 мая. *Комацу отаби мацури* (преф. Исикава, г. Кома-

цу) — Праздник шествия микоси в г. Комацу. Главные лица на празднике — дети, которые принимают участие в различных шествиях, представлениях, соревнованиях. Праздник известен показом пьес театра Кабуки.

14—15 мая. *Огаки мацури* (преф. Гифу, г. Огаки) — Праздник в г. Огаки. В течение двух дней по улицам города проходит шествие колесниц, на которых расставлены куклы и микоси.

14—16 мая. *Канда мёдзин мацури* (Токио, храм Канда мёдзин) — Праздник храма Канда мёдзин. Большой храмовой праздник, ведущий свое начало со времен Токугава. Его главные компоненты — шествие с микоси, представление танцев дэнгаку.

17—19 мая. *Сандзя-сама мацури* (Токио, храм Асакуса Каннон) — Праздник трех рыбаков. Согласно легенде, он проводится в память о трех братьях-рыбаках, которые считаются основателями этого храма, возникшего более 13 веков назад. Праздник воссоздает атмосферу конца XIX в., когда район Асакуса был одним из самых популярных увеселительных мест города. В течение трех дней по близлежащим улицам проносят около 50 микоси различных размеров. Участники праздника устраивают шуточные потасовки, используя при этом и микоси.

18—19 мая. *Тоттори хидзири мацури* (преф. Тоттори, г. Тоттори, храм Хидзири) — Праздник в храме Хидзири. Особой популярностью пользуется здесь исполнение «танца льва».

19—21 мая. *Микуни минато мацури* (преф. Фукуи, г. Микуни) — Праздник порта Микуни. В дни праздника по городу проносят микоси и устраивают шествие колесниц, которые сопровождают участники мацури в костюмах средневековых воинов.

3-я суббота мая. *Фунэ мацури* (г. Киото, район Арасияма) — Праздник лодок. Проводится на реке в районе Арасияма. Атмосфера праздника возвращает нас к тем дням, когда император со своими придворными совершал прогулки на лодках по реке, чтобы полюбоваться окрестностями. Лодки богато украшены. На носках укреплены изображения дракона или птицы феникс. Во время праздника проводится также парад тигро, устраиваются чайные церемонии, выставки икэбана и других видов прикладного искусства.

26 мая. *Пэйрон мацури* (преф. Хёго, г. Аиои) — Праздник на воде. Устраиваются парад красочно оформленных в китайском стиле лодок и их гонки. Размеры лодок достигают 12 м.

30 мая. *Огавва рэндай ватаси* (преф. Сидзуока, г. Симада) — Праздник переправы через р. Ои. Он воссоздает атмосферу периода Токугава, когда на почтовом тракте между Эдо и Киото, на р. Ои в местечке Симада не было моста и путников переносили на другой берег в специальных креслах, называемых *рэндай*. Во время мацури разыгрывается сценка, в которой показывается, как в старину переправляли через эту реку феодала со свитой. Любый присутствующий за определенную

плату может также переправиться на другой берег этим древним способом.

5 июня. *Ёбуко оцунахики* (преф. Сага, г. Ёбуко) — Праздник перетягивания каната в г. Ёбуко. Это один из многочисленных праздников — предсказаний успеха в делах. Жители города делятся на две команды. Одна символизирует успех в делах на земле, другая — на море. Если побеждает команда земли, то будет хороший урожай, если моря, то богатый улов.

5 июня. *Агата мацури* (преф. Киото, г. Удзи, храм Агата) — Праздник в храме Агата. Проводится в ночное время, но без фонарей. Главный атрибут праздника — бонтэн.

5—7 июня. *Сиранэ тако гассэн* (преф. Ниигата, г. Сиранэ) — Праздник-соревнование воздушных змеев в г. Сиранэ. Проводится в один из безветренных дней в ознаменование постройки набережной на р. Наканогутэ около 300 лет назад. Устраиваются настоящие сражения бумажных змеев различных форм и размеров. Самые большие из них — до 20 кв. м.

6—9 июня. *Каппа мацури* (Токио, район Синагава, храм Эбара) — Праздник каппа. *Каппа* — фантастическое существо, ростом с ребенка, с лицом тигренка, обитает на суше и в воде, любит заманивать людей в воду. Праздник популярен среди рыбаков, которые стараются задобрить каппа, чтобы они не помешали им взять хороший улов. На берегу проводится шествие микоси, а в заливе — парад лодок. Звучит синтоистская музыка.

Середина июня. *Пэйрон мацури* (г. Нагасаки) — Праздник на воде. Один из наиболее интересных праздников такого рода в городе. Полагают, что традиция его проведения пришла из Китая. Лодки раскрашены в три цвета — черный, красный и белый, на каждой по 35 гребцов. Ритм гонкам задают удары гонгов и барабанов.

20 июня. *Сякуяку мацури* (преф. Акита, г. Акита, храм Коматидо) — Праздник пиона. Посвящен памяти выдающейся поэтессы IX в. Оно-но Комати. Поэтому во время праздника устраиваются чтение стихов, парад девушек в костюмах IX в., чайные церемонии, выставки икэбана.

21 июня. *Ацута мацури* (преф. Анти, г. Нагоя, храм Ацута) — Праздник при храме Ацута. Проводятся соревнования по различным видам японского воинского искусства. Вечером устраивают фейерверки.

22—24 июня. *Юката мацури* (преф. Хёго, г. Химэдзи) — Праздник юката. Примерно 250 лет назад здесь существовал обряд надевания летнего кимоно. Таким образом отмечался приход нового сезона. В старину этот обряд совершал даймё со своей свитой в местном храме. Теперь же юката мацури — день отдыха для горожан с выбором мисс Юката и другими обычными праздничными атрибутами.

8 июля. *Мидзу мацури* (г. Киото, храм Кибунэ) — Праздник воды. Во время мацури проходят представления кагура,

бугаку, синтоистских танцев, все сюжеты которых в той или иной степени связаны с культом воды. Проводятся чайные церемонии.

10 июля. *Симанрокусэн нити* (Токио, храм Асакуса Канпон) — Праздник 46 тыс. дней. Считается, что приход в храм в этот день равнозначен 46 тыс. посещений храма. Поэтому 10 июля здесь всегда очень многолюдно. Для посетителей разыгрываются сцены из жизни старого города.

10 июля. *Сиогама минато мацури* (преф. Мияги, г. Сиогама) — Праздник порта Сиогама. Посвящен Богу моря, к которому обращаются за поддержкой рыбаки и путешественники. Проводится парад лодок, на борту которых находятся микоси. Лодки украшены изображениями птицы феникс.

11 июля. *Кувана иситори мацури* (преф. Миэ, г. Кувана) — Праздник сбора камней для храма Кувана. Во время мацури изображается процесс сбора и подвозки камней для строительства храма. Но сегодня для этого используются не обычные телеги, как было раньше, а богато украшенные гобеленами и фонарями колесницы. Каждую колесницу сопровождает группа детей в праздничных нарядах. В полночь все колесницы собираются около храма, на них зажигают фонари и начинается веселое музыкальное представление.

14 июля. *Нати-но хи мацури* (преф. Вакаяма, г. Натикацура, храм Куманонати) — Праздник огня у водопада Нати. Праздник посвящен культу огня, который выполняет функцию очищения. Проводится шествие с 12 микоси, украшенных веерами и зеркалами. Оно направляется к водопаду Нати. Около водопада микоси встречают 12 человек с огромными факелами, которые и совершают ритуальный обряд очищения микоси. По возвращении микоси в храм устраиваются представления древних дэнгаку.

15 июля. *Такэ-но нобори* (преф. Нагано, г. Огата) — Праздник шествия в горы. Шествие посвящается окончанию засухи, которая поразила эти места более 400 лет назад. В то время Богу воды были преподнесены в дар красивые ткани ярких цветов. Праздник проводится ежегодно жителями одной из трех близлежащих деревень по очереди. До рассвета они отправляются в горы и, когда восходит солнце, оставляют Богу воды подношения в виде саке и кусков ткани. Участники процессии несут в руках бамбуковые шесты, увенчанные лентами и кусочками материи разных цветов. Затем процессия возвращается в город, где праздник продолжается. С наступлением темноты устраиваются фейерверки.

20—22 июля. *Кумагая утива мацури* (преф. Сайтама, г. Кумагая) — Праздник вееров в г. Кумагая. Отмечается с начала XIX в. В старину постояльцам гостиниц в этом городе преподносили в дар чашечку риса или горстку красных бобов, со временем стали дарить веера. В память об этом начали устраивать праздник, во время которого проводятся шествия с

микоси и даси, украшенными веерами; в лавках торговцы преподносят покупателям бумажные веера.

23—24 июля. *Варэй нацу мацури* (преф. Эхимэ, г. Ивадзима, храм Варэй) — Летний праздник при храме Варэй. Люди обращаются к местным богам с просьбой ниспослать богатый урожай и хороший улов. В этот день в порт Ивадзима для участия в мацури устремляется большое число лодок. Парад микоси проводится на суше и на воде. Устраивают также бои быков. Ночью фейерверк заливают город морем огней.

25—26 июля. *Яхико торосиндзи* (преф. Ниигата, деревня Яхико) — Праздник фонарей. Для этого праздника готовят специальные сооружения, напоминающие большие корзины. Их размеры: длина 2,5 м, ширина — 1,3 и высота 0,8 м. Их украшают большим количеством искусственных цветов: сакуры, сливы, хризантем, пионов и пр. На них укрепляют и фонари. Каждое такое сооружение (их более 20 штук) несут во время праздника 5—6 человек. Вечерами после окончания шествия на специальной сценической площадке около храма начинается исполнение песен и танцев.

27—28 июля. *Кифунэ мацури* (преф. Сидзуока, деревня Манадзуру) — Праздник на воде. Он проводится в маленькой рыбацкой деревушке, жители которой обращаются к местному богу с просьбой послать им богатый улов. Семь богато разукрашенных лодок, каждая из которых вмещает более 200 человек, выходят из порта и направляются к другой стороне залива, где расположен храм Кифунэ. Там они «забирают» бога и возвращаются в город. На следующий день они «отвозят» его обратно. Праздник сопровождается красивым фейерверком и богатой иллюминацией.

31 июля. *Уса мацури* (преф. Ойта, г. Уса) — Праздник в г. Уса. Его часто называют *кэнка* (букв. «спор», «ссора») мацури, настолько яростно носильщики микоси стараются оттолкнуть своих соперников из другой группы, чтобы быстрее донести микоси в храм. Всего соперничают три группы — представители трех районов города. Считается, что у той группы, которая победит, будет больше удачи во всех делах. Затем устраиваются различные представления.

31 июля. *Хаконэ дзиндзя мацури* (преф. Канагава, г. Хаконэ) — Праздник при храме Хаконэ. Проводится на оз. Аси в известном горном курорте Хаконэ. Праздник связан с укрощением «обитающего» в озере девятиглавого дракона. На озере собирается большое количество богато декорированных лодок, на одной из которых в деревянном ящике находится подношение дракону — красный рис. Суть праздника — ритуал «угощения» дракона. Вечером в небо запускают фейерверки, рисунок которых напоминает дракона.

31 июля — 1 августа. *Сумиёси мацури* (г. Осака, храм Сумиёси) — Праздник храма Сумиёси. Последний в летний сезон в г. Осака. Представляет собой костюмированное шествие с

музыкантами и микоси. Особенностью праздника является то, что он отмечается вполне на современный лад: тяжелые микоси (весом в 1875 кг) устанавливают на колесницу, которую тянет автомобиль, а не традиционные носильщики.

1—7 августа. *Бивако мацури* (преф. Сига, в городах на берегах оз. Бива) — Праздник озера Бива. Отмечается как дань преклонения перед оз. Бива, с которым связана жизнь большинства жителей прибрежных городов. Это крупнейшее в стране озеро имеет очень живописные берега и является заповедной зоной. В течение недели на его берегах звучат музыка и песни, проводятся соревнования танцоров, разного рода спортивные мероприятия. Вечерами устраиваются фейерверки.

1—7 августа. *Нэбута мацури* (преф. Аомори, города Аомори и Хиросаки) — Праздник Нэбута. *Нэбута* — это большой фонарь, каркас которого сделан из дерева или бамбука и обтянут бумагой. Фонарь расписан сюжетами из исторического прошлого, изображениями животных и птиц. Праздник проводится в память о легендарной битве, во время которой была одержана победа над врагом благодаря использованию манекенов людей и животных (нэбута) для выманивания врага из крепости. В шествии во время мацури принимают участие танцоры, музыканты, певцы.

2 августа. *Кусацу онсэн мацури* (преф. Гумма, г. Кусацу) — Праздник на горячих источниках Кусацу. Отмечается в благодарность за открытие здесь курорта. После войны праздник превратился в популярный туристический аттракцион.

5—7 августа. *Канто мацури* (преф. Акита, г. Акита) — Праздник с канто. *Канто* — это большая бамбуковая мачта с перекладинами высотой около восьми метров, весом 45—46 кг. На перекладыны навешивают гирлянды бумажных фонариков. Есть канто и меньших размеров. Молодые люди, которые сделали такие канто, состязаются в умении удерживать их на голове, лбу или подбородке. Соревнования идут под аккомпанемент флейт, сямисэнов и барабанов.

6 августа. *Хиросима гэмбаку кинэнби* (г. Хиросима) — День памяти жертв атомной бомбардировки г. Хиросима. В этот день в 8 часов 15 минут (время, когда на город была сброшена первая в истории человечества атомная бомба) удары колокола напоминают жителям о происшедшей трагедии. Около памятника жертвам атомной бомбардировки в Парке мира устраиваются митинги, на которых выступают борцы за мир и те, кто перенес эту бомбардировку. Затем звучит хоровое пение. Многие из присутствующих опускают в р. Ота поминальные фонарики.

6—8 августа. *Ханагаса мацури* (преф. Ямагата, г. Ямагата) — Праздник с зонтиками. Его участники несут зонтики, украшенные цветами. Все — в традиционных одеждах, у женщин обязательно кимоно повязаны красными оби, мужчины — в хаппи или юката. Шествие сопровождается песнями и танцами, звучит национальная музыка.

8—9 августа. *Карнавал в Камакура* (преф. Канагава, г. Камакура). Ежегодное мероприятие для привлечения туристов. Ему присущи все элементы такого рода зрелищ: выбор «мисс карнавала», игра в бейсбол, показ мод, соревнование фотографов, выставки собак и цветов, состязание детей в рыбной ловле и т. д.

9—12 августа. *Коти ёсакои мацури* (преф. Коти, г. Коти) — Праздник танцев ёсакои в г. Коти. Эти танцы серьезные конкуренты знаменитым танцам ава-одори в г. Токусима.

13 августа. *Яйдзу-но ара мацури* (преф. Сидзуока, г. Яйдзу) — «Грубый» праздник в г. Яйдзу. Один из видов праздников-споров, во время которого дерутся-соревнуются носильщики 24 микоси. Они делают это с таким ожесточением, что праздник назвали «грубым».

15—17 августа. *Ямага торо мацури* (преф. Кумамото, г. Ямага) — Праздник фонарей в г. Ямага. Возникновение мацури связывают с событием, когда один монах, заблудившись в горах, нашел дорогу к храму с помощью факела. Жители разных районов города соревнуются в изготовлении фонарей. Проводятся их выставки. Во время праздника исполняются танцы бон, танцы с фонарями, устраивают фейерверки, спортивные состязания, представления кагура.

18 августа. *Одзика кудзира мацури* (преф. Мияги, г. Одзика) — Праздник кита. Это праздник рыбаков, для которого из папье-маше делается макет огромного кита. Он и является главным участником большого шествия. Сопровождается праздничными песнями и танцами.

19—21 августа. *Онсэн мацури* (преф. Яманаси, г. Хигаси-цуиро) — праздник на горячих источниках. Во время мацури устраиваются соревнования по ловле форели, исполняются народные танцы, а вечером совершается церемония торо-нагаси.

21—23 августа. *Ниигата мацури* (преф. Ниигата, г. Ниигата) — Праздник г. Ниигата. Типичный праздник в честь основания города, во время которого можно узнать и историю города, и познакомиться с его сегодняшним днем.

26 августа. *Фудзиёсида хи мацури* (преф. Яманаси, г. Фудзиёсида) — Праздник огня в Фудзиёсида. Это праздник зажигания костров в связи с закрытием сезона восхождения на гору Фудзи. Их зажигают как в городе, так и вдоль дороги, идущей на гору. В городе проходит шествие с микоси в форме горы Фудзи.

26—27 августа. *Исики о-тётин мацури* (преф. Айти, г. Исики) — Праздник фонарей в г. Исики. Возникновение праздника связано с легендой о сожжении на большом костре дракона, который причинял много беспокойств жителям этих мест. В память об избавлении от этого чудища сначала разводили множество костров, затем начали зажигать фонари. Сейчас группы жителей из разных районов города устанавливают три высоких столба во дворе храма Сува, на которые подвешивают огромные

фонари — самые большие бумажные фонари в Японии. Их высота 10 м, диаметр — 6 м. При свете фонарей проходят представления кагура.

1—3 сентября. *Яцуо кадзэ-но бон* (преф. Тояма, г. Яцуо) — Праздник ублажения Бога тайфуна. В старину это было религиозное действо, в настоящее время в эти дни на сценических площадках и улицах города исполняются песни и танцы.

6—7 сентября. *Ояма баяси* (преф. Акита, г. Какунодате) — Праздник оркестра на больших колесницах. Это огромные яма высотой 13 м, весом 750 кг. На них располагаются музыканты оркестра национальных инструментов, который исполняет старинные музыкальные пьесы.

7—9 сентября. *Кокэси мацури* (преф. Мияги, г. Нагуро) — Праздник кокэси. *Кокэси* — национальная декоративная деревянная кукла цилиндрической или прямоугольной формы, без рук и без ног, как правило, разрисованная. В эти дни проводятся выставки кокэси, изготавливаемых в данном районе.

10—21 сентября. *Сёга мацури* (г. Токио, район Минато, храм Дайдзингу) — Праздник имбиря. Называется так потому, что в эти дни повсюду продается имбирь. Традиция устройства ярмарки имбиря восходит к средним векам. Раньше делали для имбиря специальные ящички — тиги бако. Их крышки украшали цветочным орнаментом. Обычно продавался набор из трех ящичков разных размеров.

14—15 сентября. *Кисивада дандзири* (преф. Осака, г. Кисивада) — Праздник микоси в г. Кисивада. Отличительной особенностью микоси в этом городе является то, что они укреплены не на палках, которые носильщики кладут себе на плечи, а на платформах, поставленных на колеса. Такие микоси носят название *дандзири*. Праздник отмечается с начала XVIII в., когда местный даймё пытался путем проведения пышного синтоистского праздника, привлекавшего множество народу, увеличить свои доходы. В шествии участвуют 41 микоси. Принадлежат они не только храмам, но и ассоциации владельцев микоси. Кульминацией праздника в настоящее время является тот момент, когда микоси проезжают с интервалом в пять минут мимо городского вокзала.

14—17 сентября. *Хатиман мацури* (проходит одновременно во многих городах, например в Токио, Камакура, преф. Канагава, Такаяма, преф. Гифу, г. Тоно, преф. Иватэ) — Праздник храма Хатиман. Проводится примерно по одному сценарию. Главными элементами праздника являются процессия «золотых» колесниц на высоких колесах, парад микоси и соревнования всадников в стрельбе из лука. Стрельба производится на скаку по трем целям, которые расположены недалеко от храмов. Вечерами — танцы бон, «танцы львов», синтоистская музыка.

22 сентября. *Екогама мацури* (г. Икогама) — Праздник г. Икогама. Во время праздника даются представления нэбута, проводятся парад микоси и соревнования духовых оркестров.

22 сентября. *Хадака мацури* (преф. Сидзуока, г. Ивата, храм Мицукэ Тэндзин) — Праздник обнаженных. Участники праздника — примерно 400 человек в набедренных повязках исполняют на площадке перед храмом танцы демонов, а затем наперегонки устремляются в храм. Важно первым ударить в колокол, чтобы исполнилось твое желание. Затем проводится шествие с микоси.

22—24 сентября. *Аидзу мацури* (преф. Фукусима, г. Аидзу-вакамацу) — Праздник в Аидзу. Аидзу — название крепости на северо-востоке Японии, где происходили ожесточенные бои во время революции Мэйдзи. Крепость была разрушена, но память о сражавшемся здесь отряде под названием «бьяккотай» (белые тигры) осталась в истории. Поэтому праздник часто называют *Бякко мацури*. Во время праздника перед зрителями проходят более 700 участников парада в костюмах воинов того времени, а также свыше 200 детей в старинных одеждах. Пронесут микоси. Проводятся лодочные соревнования. Исполняется национальная музыка. Праздник завершается бон-одори и фейерверком.

23 сентября. *Хиросаки ринго мацури* (преф. Аомори, г. Хиросаки) — Яблочный праздник в г. Хиросаки. Отдых для тех, кто к этому дню снял урожай. Преф. Аомори издавна славится яблоневыми садами, которые дают почти половину сбора яблок в стране. Во время праздника можно наблюдать народные танцы, «танцы львов» и процессию колесниц.

23—25 сентября. *Кагура мацури* (преф. Миэ, г. Исэ, храм Исэ) — Праздник кагура в храме Исэ. В течение трех дней на специальных площадках даются разнообразные представления кагура.

23—25 сентября. *Яманака онсэн мацури* (преф. Исигава, г. Яманака) — Праздник на горячих источниках в Яманака. Ежегодный мацури в честь открытия курорта. Сопровождается народными танцами, процессиями даси и костюмированными шествиями.

25—27 сентября. *Еккаити мацури* (преф. Миэ, г. Еккаити) — Праздник в г. Еккаити. В празднике принимают участие 20 колесниц, некоторые из которых представляют собой подлинное произведение искусства. Наиболее интересна колесница, рассказывающая о добыче китов. На одних даси установлены куклы-марионетки, на других — различные чудовища и демоны. Как и во время других праздников, устраиваются бои-соревнования колесниц. Кроме того, проводятся шествия участников праздника в костюмах феодальных времен.

28—30 сентября. *Цукими мацури* — Праздник-обряд любования луной. Проводится в разных местах под разными названиями в один из указанных дней. В г. Иокогама в парке Санкэй-эй он носит название *Мэйгацу кансёкай* (Вечер в честь полнолуния); в эти вечера можно послушать музыку, исполняемую на кото, которая является «национальной духовной ценностью»,

участвовать в чайной церемонии. В Киото такой же праздник при храме Дайкакудзи называется *Кангэцу-но юбэ* (Вечер любования луной). Здесь участники праздника, совершая лодочные прогулки, наблюдают полнолуние под аккомпанемент кото. В Токио *Цукими-но кай* проходит в парке Хяккаэн, а также в храме Хиэ, где исполняется музыка гагаку.

29 сентября. *Ясса мацури* (преф. Гумма, г. Цукнё, храм Вакамия Хатиман) — Праздник Ясса. Во время мацури молодые люди в набедренных повязках змейкой выются вокруг храма с выкриками «ясса», которые передают атмосферу суматохи. Вбежав в храм, каждый стремится как можно быстрее дотянуться и дернуть за веревку колокола.

30 сентября—1 октября. *Наруго кокэси мацури* (преф. Мияги, г. Наруго) — Праздник кокэси. Это район традиционного производства кокэси. В местном храме проводится торжественная служба в честь кукол кокэси. В эти дни на выставках кукол мастера рассказывают о своей работе, проводятся дискуссии, чувствуют лучших специалистов этого вида прикладного искусства. Проходят соревнования танцоров, различные представления, процессии микоси, костюмированные шествия; вечерами устраиваются многокрасочные фейерверки.

4—6 октября. *Нихонмацу тётин мацури* (преф. Фукусима, г. Нихонмацу) — Праздник фонарей в г. Нихонмацу. В мацури участвуют семь колесниц в форме барабанов. На каждой колеснице прикреплено примерно 400 фонарей. На них же располагается оркестр национальных инструментов в составе 8—9 человек. Сначала процессия движется по улицам города, а затем направляется в близлежащие поселки.

7—9 октября. *Окунти мацури* (г. Нагасаки, храм Сува) — Праздник девятого дня. Это день отправления богов в путешествие (в пров. Идзумо). Отмечается с 1634 г. Некоторые считают, что праздник был введен для отвлечения жителей от христианской религии, начавшей распространяться в стране с XVI в. Это был единственный праздник, который показывали иностранцам. Окунти в Нагасаки — наиболее красочный из подобных праздников, проводимых на о-ве Кюсю, и один из самых пышных в стране наряду с Гион в Киото и Канда мёдзин мацури в Токио. Улицы города украшают многоцветными полотнищами, гирляндами красочных бумажных цветов и, конечно, фонарями. Повсюду строят множество сценических площадок для жонглеров, танцоров, музыкантов. Праздник славится исполнением «танца дракона».

10—11 октября. *Синомия мацури* (преф. Сига, г. Синомия) — Праздник г. Синомия. Город расположен у оз. Бива, и праздник проходит как аттракцион для туристов. Основным элементом праздника — процессия 13 пышно украшенных даси. Выделяются черный, красный, серебряный и золотой цвета. Вслед за даси проносят микоси. Процессии проходят под традиционный музыкальный аккомпанемент.

11—12 октября. *Вадацуми мацури* (преф. Хёго, г. Кобе) — Праздник на воде. Посвящен трем синтоистским богам-покровителям путешественников и рыбаков — Сокоцуватацуми-но микото, Накацу-ватацуми-но микото и Камицуватацуми-но микото. Этим богам посвящен храм Вадацуми, отсюда и название праздника. В первый день проходит поминальная служба, во второй — парад лодок в заливе.

12 октября. *Уси мацури* (Киото, храм Корюдзи) — Праздник быка. Ночью большая толпа собирается около храма. Здесь и музыканты, и танцоры, и факельщики, и священнослужители. Один из священнослужителей в белой одежде, изображающий бога Мадара из индийского пантеона, восседает на быке. Он трижды в сопровождении присутствующих объезжает территорию храма, совершая церемониальную молитву.

14—15 октября. *Мэга кэнка мацури* (преф. Хёго, г. Химэдзи, храм Мацубара Хатиман) — Праздник спора-соревнования. Название Мэга он получил по имени феодала, чей замок находился ранее в этом районе. Участники праздника, несущие микоси, делятся на три возрастные группы. Каждая отличается цветом хатимаки — в белых идет группа сорокалетних мужчин, в желтых — тридцатилетних, в красных — двадцатилетних. Смысл спора состоит в том, чтобы поставить микоси одной группы на микоси другой. Для этого десятки людей с бамбуковыми шестью, которые украшены бумажными лентами цветов трех команд, энергично толкают свои микоси. После окончания соревнования микоси под удары барабана приносят в храм.

17 октября. *Цу аки мацури* (преф. Миэ, г. Цу) — Осенний праздник в г. Цу. Возник в начале XVII в. Проводится костюмированный парад участников мацури в одеждах того времени. Шествие сопровождается песнями, танцами, национальной музыкой.

19 октября. *Татэисао фунаока мацури* (преф. Киото, г. Фунаока, храм Татэисао) — Праздник при храме Татэисао. Посвящен известному военачальнику XVI в., начавшему объединение страны, Ода Нобунага. Во время праздника изображается сцена прибытия Ода Нобунага в г. Киото. Перед многочисленными зрителями проходит шествие участников праздника в костюмах и с амуницией воинов того времени.

21—22 октября. *Минато мацури* (преф. Хёго, г. Кобе) — Праздник порта. Отмечается с 1867 г. в память о начале торговли с иностранцами. Празднуется на современный лад с избранием «мисс Кобэ», парадами музыкантов, духовых оркестров, фейерверками.

28—29 октября. *Кикусуй мацури* (преф. Тотиги, г. Уцуномия, храм Футаараяма) — Праздник кикусуй. Кикусуй (букв. «хризантема в воде») — название древнего обряда, при отправлении которого используются хризантемы. Праздник имеет второе название — праздник древнего обряда при храме Футаараяма (*Футаараяма дзиндзя косики мацури*). В первый день прово-

дятся соревнования всадников в стрельбе из лука. Во второй — церемониальный обряд перед храмом, а затем парад микоси.

10 ноября. *Кэмари мацури* (преф. Нара, г. Сакура, храм Дандзан) — Праздник кэмари. Посвящен старинной японской игре в мяч — *кэмари*, которая напоминает футбол. Во время мацури проводятся соревнования команд разных районов.

22—23 ноября. *Синно мацури* (г. Осака) — Праздник Синно. Посвящен китайскому богу медицины. Отмечается с 1822 г., когда в городе возникла эпидемия холеры. По преданию, лекарство против этой болезни было сделано из костей тигра и преподнесено местному храму в коробке в форме тигра, сделанной из папье-маше. В память этого события участники шествия с микоси бросают в толпу маленьких игрушечных тигров, сделанных из папье-маше. Улицы украшены как в праздник Танабата.

2—3 декабря. *Титибу ё мацури* (преф. Сайтама, г. Титибу) — Ночной праздник в г. Титибу. Отмечается со второй половины XVII в. Один из трех популярных в стране фестивалей с колесницами наряду с Гион в Киото и Такайама мацури в Гифу. На огромных колесницах разыгрываются сцены из пьес театра Кабуки. Проходят также процессии с микоси. Дети, участвующие в мацури, одеты в старинные костюмы. Во время шествий исполняются национальные музыка и танцы. Город украшен множеством фонарей. Многометровые стены некоторых колесниц сплошь увешаны фонарями. Ночное небо города озарено многоцветными фейерверками.

3 декабря. *Ноки тётин мацури* (преф. Ибараки, г. Кога, храм Ноки) — Праздник фонарей в храме Ноки. Участники праздника проносят по улицам города трехметровые шесты, сплошь увешанные фонарями различной формы. У детей — маленькие шесты. На многих фонарях — рекламные надписи. Фонарей так много, что сверху город кажется морем огней.

13—18 декабря. *Касуга вакамия он мацури* (г. Нара, храм Касуга) — Праздник благодарения в храме Касуга вакамия. Отмечается с XII в. в благодарность за избавление жителей города от голода и эпидемий. Проходят процессии участников праздника в костюмах воинов прошлых веков и со старинным оружием. Идут представления кагура под аккомпанемент оркестра японских национальных инструментов. Один из крупнейших храмовых праздников в г. Нара.

22 декабря. *Тодзи* (проходит по всей стране) — День зимнего солнцестояния. Отмечается с 725 г. как радостное событие, поскольку означает, что скоро день станет длиннее, а ночи — короче и наступит теплое время года. Наибольшей популярностью пользуется в сельской местности. В некоторых местах соблюдают старинные обряды: принимают ванну, настоящую на листьях мандариновых деревьев, что должно обеспечить здоровье на целый год, едят тыкву на счастье, кладут подношения на домашние алтари. Повсеместно устраиваются фейерверки, приветствующие приход весны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

На русском языке

1. Акутагава Рюноске. Новеллы. М., 1974.
2. Алов В. Япония и японцы. М., 1904.
3. Анарина Н. Г. Японский театр Но. М., 1984.
4. Арутюнов С. А. Современный быт японцев. М., 1968.
5. Арутюнов С. А., Светлов Г. Е. Старые и новые боги Японии. М., 1968.
6. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.
7. Булгакова Е. И. Япония и японцы. М., 1898.
8. Викельхофер Ян и Власта. Сто взглядов на Японию. М., 1968.
9. Воробьев М. В. Япония в III—VII вв. М., 1980.
10. Восток. Сборник первый. М.—Л., 1935.
11. Гагеман К. Игры народов. Япония. Л., 1924.
12. Гальперин А. Л. Очерки социально-политической истории Японии в период позднего феодализма. М., 1963.
13. Гессе-Вартег Э. Япония и японцы. Жизнь и нравы современной Японии. СПб., 1904.
14. Глушкова А. Е. Заметки о японской литературе и театре. М., 1979.
15. Гольдберг Д. И. История рабочего и социалистического движения в Японии в 1868—1908 гг. М., 1976.
16. Горегляд В. Н. Дневники и эссе в японской литературе X—XIII вв. М., 1975.
17. Горегляд В. Н. Ки-но цураюки. М., 1983.
18. Гришелева Л. Д. Театр современной Японии. М., 1977.
19. Гришелева Л. Д. Формирование японской национальной культуры. М., 1986.
20. Громковская Л. Л., Кычанов Е. М. Николай Александрович Невский, М., 1978.
21. Грэд А. Земля и крестьянин в Японии. М., 1954.
22. Гюмбер Э. Живописная Япония. СПб., 1870.
23. Дзюнгитиро Танидзаки. Мать Сигэмoto. М., 1984.
24. Дудоров П. В стране марионеток. СПб., 1904.
25. Древние Фудоки. М., 1969.
26. Екёку — классическая японская драма. М., 1979.
27. Жигульский К. Праздник и культура. М., 1985.
28. И была любовь, и была ненависть. М., 1975.
29. Ивадоо Тамоцу. Детские праздники в Японии. Токио, 1940.
30. Иванов И. Е. На практике в Японии в 1908 г. СПб., 1909.
31. Идзумо Фудоки. М., 1966.
32. Иофан Н. А. Культура древней Японии. М., 1974.
33. Ирисы. М., 1981.
34. Искендеров А. А. Тоётоми Хидэёси. М., 1984.

35. Искусство Японии. М., 1965.
36. Исэ-моногатари. М., 1979.
37. *Ихара Сайкаку*. Новеллы. М., 1959.
38. *Ихара Сайкаку*. Избранное. М., 1974.
39. *Ихара Сайкаку*. Новеллы. М., 1981.
40. *Иэнага Сабуро*. История японской культуры. М., 1972.
41. *Кавабата Ясунари*. Избранное. М., 1971.
42. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год. М., 1985.
- 42а. *Катаяма Сэн*. Воспоминания. М., 1964.
43. *Кин Д.* Японская литература XVII—XIX столетий. М., 1978.
- 43а. *Киплинг Р.* От моря до моря. М., 1983.
44. Классическая драма Востока. М., 1976.
45. Классическая проза Дальнего Востока. М., 1975.
46. *Коваленко И. И.* Очерки истории коммунистического движения в Японии. М., 1979.
47. *Колломице А. С.* Манга. М., 1967.
48. *Колломице А. С.* Современная гравюра Японии и ее мастера. М., 1974.
49. *Конрад Н. И.* Японская литература в образцах и очерках. Л., 1927.
50. *Конрад Н. И.* Запад и Восток. М., 1956.
51. *Конрад Н. И.* Очерки японской литературы. М., 1973.
52. *Конрад Н. И.* Избранные труды. История. М., 1974.
53. *Конрад Н. И.* Японская литература. От «Кодзики» до Токутomi. М., 1974.
54. *Конрад Н. И.* Избранные труды. Литература и театр. М., 1978.
55. *Конрад Н. И.* Очерки истории культуры средневековой Японии. М., 1980.
56. *Латышев И. А.* Семейная жизнь японцев. М., 1985.
57. Малая история искусств. Искусство стран Дальнего Востока. М., 1979.
58. Манъёсю. Т. I—III. М., 1971.
59. *Мариини Ф.* Япония. Образы и традиции. М., 1980.
60. *Навлицкая Г.* По Японии. М., 1965.
61. *Навлицкая Г. Б.* Осака. М., 1983.
62. *Невский Н. А.* Фольклор островов Мияко. М., 1978.
63. Новые открытия советских реставраторов. Японская гравюра. М., 1979.
64. Осенние циклады. М., 1981.
65. Очерки новейшей истории Японии. М., 1957.
66. *Пильняк Б.* Корни японского солнца. Л., 1927.
67. *Пильняк Б.* Камни и корни. М., 1935.
68. Повесть о доме Тайра. М., 1982.
69. *Позднеев Д.* Япония. Страна, население, история, политика. М., 1925.
70. *Позднеев Д.* Японо-русский иероглифический словарь. М., 1908.
71. *Пронников В. А., Ладанов И. Д.* Японцы. Этнографические очерки. М., 1983.
72. *Пронников В. А.* Икэбана, или Вселенная, запечатленная в цветке. М., 1985.
73. *Радуль-Затуловский Я. Б.* Конфуцианство и его распространение в Японии. М.—Л., 1947.
74. *Светлов Г. Е.* Путь богов. М., 1985.
75. Свод законов «Тайхоре». 702—718 гг. I—XV законы. М., 1985.
76. Свод законов «Тайхоре». 702—718 гг. XVI—XXX законы. М., 1985.
77. *Селезников С. И.* История календаря и хронология. М., 1977.
78. Современная Япония. М., 1973.
79. Современная японская новелла. 1945—1978. М., 1980.
80. *Спеваковский А. Г.* Самураи — военное сословие Японии. М., 1981.
81. *Сэй Сёнагон.* Записки у изголовья. М., 1975.
82. *Столповская А.* Современное значение и национальный характер японцев. М., 1906.
83. *Тикамацу Мондзаэмон.* Драматические поэмы. М., 1968.
84. *Тульцева Л. А.* Современные праздники и обряды народов СССР. М., 1985.
85. *Федоренко Н. Т.* Японские записи. М., 1966.
86. *Хани Горо.* История японского народа. М., 1957.
87. *Хондзё Эйджиро.* Социальная история Японии. М., 1935.

88. *Цыбульский В. В.* Календари и хронология стран мира. М., 1982.
89. *Шуцкий Ю.* Китайская классическая «Книга перемен». М., 1960.
90. Ямато-моногатари. М., 1982.
91. Японская гравюра. XVIII—XIX вв. М., 1956.
92. Японская поэзия. М., 1954.
93. Японские народные сказки. 10 вечеров. М., 1972.
94. Японские народные пословицы и поговорки. М., 1959.
95. Японские трехстишия. М., 1960.
96. Японское искусство. М., 1959.
97. Япония. Ежегодник 1983. М., 1984.
98. Япония. Ежегодник 1985. М., 1986.

На японском языке

99. *Идзумодзи Есикадзу.* Киото (Город Киото). Осака, 1978.
100. *Като Хидэтоки.* Сюдзоку-но саякайгаку (Социология обрядов). Токио, 1979.
101. Кёсанто-но годзюнэн (60 лет КПЯ). Токио, 1972.
102. Котовадза кодзитэн (Справочник японских пословиц и поговорок). Токио, 1968.
103. Кусанаги дзиндзя сюсэцу дайсай (Большой осенний праздник при храме Кусанаги). Симидзу, 1985.
104. Миндзокугаку дзитэн (Этнографический справочник). Токио, 1964.
105. *Мияо Сигэо.* Сёкоку-но мацури то гэйно (Локальные праздники и искусство). Токио, 1980.
106. *Наоэ Хиродзи.* Мацури то нэндзю гёдзи (Праздники, календарные обряды и обычаи). Токио, 1980.
107. Ниппон (Япония). Токио, 1978.
108. Нисимонаи бон-одори (Танцы праздника Бон в г. Нисимонаи). Уго, 1984.
109. Нисимонаи бон-одори-но кироку (Описание танцев праздника Бон в г. Нисимонаи). Уго, 1983.
110. Нихон миндзоку бункадзай дзитэн (Справочник народных обычаев и материальной культуры Японии). Токио, 1979.
111. Нихон-но мацури (Японские праздники). Токио, 1976.
112. Нихон-но мацури (Праздники Японии). Т. 5. Кинки, ч. 1. Токио, 1982.
113. Нихон-но мацури (Праздники Японии). Т. 3. Косинэцу—Хокурику. Токио, 1982.
114. Нихон-но мацури (Праздники Японии). Т. 1. Тохоку—Хоккайдо. Токио, 1982.
115. Нихон-но нэндзю гёдзи (Японские календарные обычаи и обряды). Токио, 1980.
116. Нихон фудзокуси дзитэн (История нравов и обычаев Японии. Справочник). Токио, 1979.
117. Ногё кодзитэн (Справочник сельскохозяйственных терминов). Токио, 1936.
118. Нэндзю гёдзи дзитэн (Справочник календарных праздников, обрядов и обычаев). Токио, 1959.
119. Сики санка (Гимн четырем сезонам). Токио, 1976.
120. Сэнгоси сирёсю (Сборник документов по послевоенной истории). Токио, 1984.
121. Тауэ-но сюдзоку Иватэ-кэн (Обряды и обычаи, связанные с высадкой рисовой рассады в префектуре Ивата). Вып. 2. Мориока, 1963.
122. Тауэ-но сюдзоку Ибараки-кэн, Тояма-кэн (Обычаи и обряды, связанные с высадкой рисовой рассады в префектурах Ибараки и Тояма). [Б/м.], 1963.
123. Токё ити то эннити гайдо (Базары и храмовые дни в Токио. Путеводитель). Токио, 1982.
124. *Хага Хидэо.* Нихон-но мацури (Японские праздники). Осака, 1965.
125. *Хаями Ясутака.* Идзумо сайдзики (Праздники провинции Идзумо). Токио, 1980.
126. *Хигути Киёюки.* Мацури то нихондзин (Праздники и японцы). Токио, 1978.
127. *Янагида Кунио.* Бунруй сайси сюдзоку гон (Японские праздники и об-

- ряды. Лексико-этнографический словарь). Токио, 1963.
128. *Янагида Куньо*. Нихон-но мацури (Японские праздники). Токио, 1982.

На западноевропейских языках

129. *Hideo Haga*. Japanese Festivals. Osaka, 1981.
130. Kodansha Encyclopedia of Japan. Tokyo, 1983.
131. *Mock Joya*. Things Japanese. Tokyo, 1961.
132. *Noma Seiroku*. The Arts of Japan. Tokyo, 1964.
133. *Sakura*. Japanese Cherry. Tokyo, 1934.
134. *We Japanese*. Yokohama, 1950.
135. *Yanagida Kunio*. Japanese Manners and Customs in the Meiji Era. Tokyo, 1957.

Периодические издания

136. Азия и Африка сегодня	144. Нурин токэй тэса
137. Города Азии и Африки	145. The Daily Yomiuri
138. Правда	146. Farming Japan
139. Акахата	147. Japan Economic Journal
140. Асахи симбун	148. Japan Press Weekly
141. Емиури симбун	149. Japan Times Weekly
142. Майнити симбун	150. Mainichi Daily News
143. Нихон кэйдзай симбун	

SUMMARY

S. B. Markaryan, E. V. Molodyakova. *Festivals in Japan*. Festivals constitute an integral part of national life. They reflect, to a certain extent, the historical socio-economic and cultural traditions of the society. There is hardly any other country in the world which has so many festivals as Japan. Leafing through the Japanese calendar one can see that every day is marked with a festival or two.

Festivals are usually conducted in conformity with a fixed tradition. There are all kinds of shows, marches, music, singing, dancing, competitions and games. Festival trappings are rich and diverse.

The analysis of the most popular festivals vis-a-vis their origin and meaning suggests several major groups.

Primarily, these are the New Year festivities which just as in other countries of Southeast Asia are universally acknowledged to be festival number one. They are lasting for the whole of winter season. Many other festivals observed at the beginning of the year are linked with the New Year festival symbolizing a new life and work cycle.

A prominent place among Japanese festivals belongs to agricultural calendar festivities known for their ancient and rich rituals. They are primarily related to rice cultivation cycle. They may be celebrated by doing real work on fields or just by imitating it.

The unique feature of Oriental aesthetics—association between human life and natural cycle—gave rise to a number of festivals connected with contemplation of nature.

Many Japanese festivals are devoted to the children. Relevant festive occasions are designated for each age and sex, which is explained by specific attitude of adults to kids as their successors. In addition, children participate in the majority of festivals celebrated by adults.

Festivals and national history constitute a single whole. Most of the festivals are related to specific historic events, national or local. Many festivals often reflect a historical event which is acted by people on the streets. Sometimes there is a reverse relationship.

Festivals are transmitted to the next generation, acquire new features and adapt to new conditions.

The Japanese authorities support and develop national festivals because of their social importance.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Праздник — элемент традиционной культуры японцев	5
Социокультурное значение праздников	5
Происхождение японских праздников	11
Понятие и содержание мацури	15
Элементы и атрибуты праздников	20
Праздники и японские календари	29
Источники и литература о японских праздниках	36
Глава 2. Новогодний праздничный комплекс	42
Понятие Нового года	42
Предновогодние базары	46
Заботы на исходе года	51
108 ударов колокола	59
Обряды сёгацу	67
Снежные праздники	71
Пробуждение природы — Сэцубун	76
Глава 3. Земледельческие обряды японцев	80
Истоки земледельческих обрядов	80
Магия рисоводческой обрядности	83
Божество полей и девушки саотомэ	90
Праздники первых всходов риса	101
Обряд благодарения труду	101
Глава 4. Культ природы в японских праздниках	106
Природа в мировоззрении японцев	106
Снег и слива	111
Сакура	113
«Пиршество цветов»	117
Хризантемы, луна, алые листья клена	120
Глава 5. Праздники для детей	127
Дети в семье и на празднике	127
Родильные обряды	129
Празднование дня рождения	132
Праздник девочек	135
Праздник мальчиков	140
Праздник цветов	143
Танабата	145
Локальные детские праздники	151
Глава 6. Праздники и история страны	155
Гион мацури	156
Праздник памяти Сугавара Митидзанэ	163
Аой мацури	166
Процессия тысячи лиц	169
Праздники, посвященные памяти ушедших поколений	172
Процессия веков	186
Глава 7. Праздники и государство	194
Нерабочие дни японского календаря	196
Поддержка традиционных праздников правящими кругами	207
Демократические праздники японских трудящихся	215
Краткий календарь японских праздников	226
Список использованной литературы	243
Summary	247

1 р. 40 к.
